

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **2** *2023*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Учредитель: Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешикина – д-р полит. наук, *главный редактор*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **С.Т. Золян** – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии Армении (Армения), профессор Балтийского федерального университета им. Им. Канта; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ю.Г. Коргунок** – д-р полит. наук, и.о. заведомо политический науки ИНИОН РАН; **А.В. Кузнецов** – д-р эконом. наук, член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (Int. Pol.), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешикина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научные редакторы: д-р полит. наук *Д.В. Ефременко*,

д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*, д-р ист. наук *А.И. Миллер*

Литературный редактор: *Д.О. Растегаев*

Технические редакторы: канд. филос. наук *В.Л. Силаева*, *П.С. Копылова*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), chief researcher, INION (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief** – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Suren ZOLYAN**, Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, National Academy of Armenia (Armenia), Professor of the Baltic Federal Immanuel Kant University; **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Yuriy KORGUNYUK**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting head of Political Science, INION (Moscow, Russia); **Alexey KUZNETSOV**, Dr. Sci. (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, INION (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD (Pol. Sci.), Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD (Int. Pol.), Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD (Pol. Sci.), Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЦЕННОСТИ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И.</i> Представляем номер	9
---	---

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Ефременко Д.В.</i> Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке	15
<i>Миллер А.И.</i> Выступления Президента В.В. Путина по историческим вопросам в 2019–2022 гг.: анализ мотивов и адресатов	46
<i>Пахалюк К.А.</i> Трансформация политического использования памяти о нацистских преступлениях в современной России	65
<i>Бешикинская В.С.</i> «Бессмертный полк России»: символические и практические сдвиги в воспроизведении и интерпретации практики в 2019–2022 гг.	94
<i>Ефремова В.Н.</i> Общероссийские праздники как символические маркеры политических изменений: их роль и значение в пропаганде традиционных ценностей в современной России	114

РАКУРСЫ

<i>Попова О.В., Гришин Н.В.</i> Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов	140
<i>Белов С.И., Вантеевский М.М., Ярошева Д.В.</i> Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений	163

<i>Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В.</i> Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях	179
--	-----

КОНТЕКСТ

<i>Вилисов М.В.</i> «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики.....	203
<i>Болдин В.А., Палитай И.С., Яковлева А.Ф.</i> Славяне или европейцы? Молодежь Болгарии и Сербии в условиях идейно-ценностных трансформаций идентичности.....	234
<i>Усманова З.Р., Смутькина Н.В.</i> Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России	254

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Бислер М.А.</i> Традиционные ценности как составляющая российской безопасности: исследование президентского дискурса 2012–2022 гг.	273
<i>Хазыр У.Н.</i> Современное антизападничество в России и Турции: сравнительный анализ неоевразийства Дугина и неоосманизма Давутоглу	295
<i>Растегаев Д.О.</i> Место антипамяти: нарратив о Сребренице в структуре онтологической безопасности Республики Сербской	315

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

<i>Госнелл Г.Ф.</i> Символы национальной солидарности (Перевод)	338
---	-----

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Понамарева А.М.</i> Роберт Джервис. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. Размышления о прочитанном (Рецензия).....	349
---	-----

THEME OF THE ISSUE: IDENTITY, VALUES AND THEIR IMPACT ON POLITICAL PROCESSES

CONTENTS

<i>Efremenko D.V., Malinova O.V., Miller A.I.</i> Introducing the issue.....	9
--	---

IDEAS AND PRACTICE

<i>Efremenko D.V.</i> Gaining certainty in our own past. Russian identity and politics of memory at a new historical fork.....	15
<i>Miller A.I.</i> <i>President V.V. Putin's</i> speeches on historical issues in 2019–2022: analysis of motives and addressees.....	46
<i>Pakhaliuk K.A.</i> The transformation of the political use of the memory of Nazi crimes in contemporary Russia.....	65
<i>Beshkinskaya V.S.</i> «The Immortal Regiment of Russia»: symbolic and practical changes in reproduction and interpretation of the practice in 2019–2022.....	94
<i>Efremova V.N.</i> Russian national holidays as symbolic markers of political changes: the role and significance in the promotion of traditional values in modern Russia.....	114

PROSPECTS

<i>Popova O.V., Grishin N.V.</i> Political identity of Russian youth in self-assessments and experts' assessments	140
<i>Belov S.I., Vanteevsky M.M., Yarosheva D.V.</i> Value preferences of modern Russian youth: results of the generalization of expert opinions.....	163

<i>Kuznetsov I.I., Kulikova E.V., Petrova I.V.</i> The space of heroes in the minds of Russian youth: variety of offers and unclear preferences.....	179
--	-----

CONTEXT

<i>Vilisov M.V.</i> «Think tanks» or «forges of ideas»? The value agenda of the EAEU countries' think tanks in the public policy framework.....	203
<i>Boldin V.A., Palitay I.S., Yakovleva A.F.</i> Slavs or Europeans? The youth of Bulgaria and Serbia in the context of ideological and value transformations of identity.....	234
<i>Usmanova Z.R., Smulkina N.V.</i> Actualization of images of the past in citizens' ideas about the future of Russia.....	254

FIRST DEGREE

<i>Bisler M.A.</i> Traditional values as a component of Russian security: a study of presidential discourse in 2012–2022	273
<i>Hazır Ü.N.</i> Contemporary anti-westernism in Russia and Turkey: the comparative analysis of Dugin's Neo-Eurasianism and Davutoğlu's Neo-Ottomanism	295
<i>Rastegaev D.O.</i> «Anti-memory space»: Srebrenica narrative in the structure of ontological security of the Republika Srpska	315

REREADING THE CLASSICS

<i>Gosnell H.F.</i> Symbols of national solidarity (Translation).....	338
---	-----

FROM THE BOOKSHELF

<i>Ponamareva A.M.</i> Robert Jervis. Perception and misperception in international politics. Reading reflections (Review).....	349
---	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Тема одного из недавних номеров журнала «Политическая наука» звучала так: «Политика в трудные времена: вызовы и ответы». Его составители имели в виду, прежде всего, пандемию COVID-19, которая рассматривалась в качестве своеобразного «краш-теста» для различных социально-политических систем. Сейчас, представляя номер, посвященный теме «Идентичность, ценности и их влияние на политические процессы», у нас велик соблазн воспользоваться находкой коллег и тоже упомянуть про «трудные времена». Для этого есть достаточно оснований, поскольку хронологически большинство включенных в этот номер статей охватывают и период пандемии, и эскалацию напряженности в отношениях между Россией и Западом, и начало специальной военной операции. Так или иначе, речь идет о периоде экстраординарной социально-политической динамики. Несомненно, что в такие времена изменения макрополитической идентичности, взаимное влияние ценностей и политического поведения элит и крупных социальных групп весьма существенно отличаются от динамики *business as usual*.

Особенностью этого номера является то, что большинство представленных в нем статей подготовлены по итогам реализации нескольких проектов, поддержанных в рамках конкурсного отбора, проводившегося Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований летом 2022 г. В рамках общей темы особое внимание авторами номера уделялось проблемам культуры памяти и политики памяти, трансформациям коммеморационных практик, изменениям политической идентичности и специфическим особенностям структуры

ценностей молодежи, ценностной повестке экспертных сообществ стран ЕАЭС.

В первые два десятилетия XXI в. в российском обществе постоянно возрастало внимание к политике идентичности и к политическому использованию прошлого. Понимание механизмов функционирования политики памяти углублялось как в среде исследователей, так и в среде практиков. Оговоримся, что такое разделение в значительной степени условно, экспертиза и практика в этой сфере довольно тесно связаны. В указанный период мы можем наблюдать резкий рост активности центральной и региональной власти в политике памяти, интенсивные процессы структурирования и насыщения этой сферы новыми акторами и ресурсами, а также все более интенсивное ее правовое регулирование. Закон об НКО – иностранных агентах 2012 г., Закон о нежелательных организациях 2015 г. и создание в 2017 г. Фонда президентских грантов резко изменили условия и источники финансирования общественных инициатив в сфере культурной памяти и символической политики. В 2012–2013 гг. были созданы два мощных, тесно связанных с властью института политики памяти – Российское военно-историческое общество и Российское историческое общество с разветвленными сетями региональных отделений. В 2014 г. резко обострились и без того напряженные отношения с западными странами, что проявилось и в сфере политики памяти. Механизмы и ближайшие последствия перечисленных событий сегодня достаточно понятны. 2019–2022 гг. оказались наполненными очень важными и разнообразными событиями, в том числе и в сфере политики памяти. По интенсивности процессов и событий в области политики памяти это время и период 2012–2015 гг. вполне сопоставимы. Пандемия и ковидные карантинные меры, юбилей окончания Второй мировой войны и связанные с ним мероприятия, радикальная ревизия нарративов этой войны как на Западе, так и в России, неоднократные выступления президента Путина по вопросам политики памяти, принятие поправок к конституции, принятие закона о СМИ-иноагентах, 24 февраля 2022 г., почти тотальное пресечение культурного диалога с Европой – вот неполный перечень событий последних лет. Как эти события взаимосвязаны и взаимобусловлены, каковы будут их последствия – этими вопросами исследователи будут заниматься еще длительное время.

Первый блок статей этого номера в рубрике «Идеи и практика» – одна из первых попыток многостороннего анализа тенденций последних лет в сфере политики памяти. Открывается номер статьей *Д.В. Ефременко*, в которой дана общая панорама изменений в соотношении сил различных акторов в сфере политики памяти и влияние власти на эту сферу с использованием института иноагента. Показана тенденция нарастания секьюритизации политики памяти, что нашло отражение и в принятии законов, регулирующих эту сферу, и в поправках к конституции. Во второй части статьи рассматривается проблематика политического использования прошлого в условиях специальной военной операции.

В статье *А.И. Миллера* рассматриваются выступления и статьи президента Путина по проблемам истории в 2019–2021 гг. Формы и интенсивность вовлеченности главы государства в политику памяти в этот период не имели прецедентов. Статья анализирует содержание и круг адресатов каждого выступления и показывает, что выступления президента должны рассматриваться прежде всего как коммуникативные политические акты. Настойчивые попытки Путина инициировать диалог ведущих мировых держав по вопросам ревизии исторических нарративов как элемента ценностной основы мирового порядка не получили отклика и сменились практически тотальным разрушением пространства диалога в этой сфере, а также переходом обеих сторон в логику «войн памяти».

К.А. Пахалюк исследует трансформацию нарратива Второй мировой войны в России, с фокусом на выдвижение на первый план в 2020 г. виктимного нарратива, что нашло отражение и в музейных экспозициях, и в массовой культуре, и в судебной практике. Пахалюк показывает, как в дискурсе и в судебных решениях появляется понятие «геноцид советского народа» и обсуждает проблемы, возникающие при использовании этого понятия.

В.С. Бешкинская рассматривает дальнейшую апроприацию властью акции «Бессмертный полк», показывая, что процессы расширения понятий родства, подвига и хронологических границ памятования, а также смыслового подчинения практики нуждам российской исторической политики привели к семантическому размыванию понятия «Бессмертный полк» как в риторике властей, так и в общей практике его употребления. *В.Н. Ефремова* в своей статье показывает, что идеологическая составляющая «изобретенных» в последние десять лет и существующих общенациональных

праздников складывалась на фоне культурной и ценностной полемики внутри страны, а также «консервативного поворота». Она анализирует символическое использование и институционализацию Дня семьи, любви и верности, Дня матери и Дня отца как праздников, подчеркивающих традиционные ценности, прежде всего роль семьи в ее традиционном понимании. Этот курс нашел свое отражение в поправках к Конституции и в скорректированной «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В этой сфере власть имеет влиятельных союзников в лице РПЦ и других традиционных конфессий.

В рубрике «Ракурсы» собраны статьи, посвященные ценностным установкам и особенностям идентичностей российской молодежи. *О.В. Попова* и *Н.В. Гришин* представляют результаты недавнего исследования политической идентичности, основанного на данных массового опроса молодых пользователей Интернета и нестандартизированных интервью экспертов. Исследование показывает, что в современных условиях объектами идентификации, формирующими систему политических координат для молодых граждан, оказываются не партии, но блогеры – лидеры общественного мнения. Авторы делают вывод о наличии высокого спроса на ценность справедливости в молодежной среде, а также отмечают дефицит институтов политической социализации.

С.И. Белов, *М.М. Вантеевский* и *Д.В. Ярошева*, рассуждая о ценностных предпочтениях российской молодежи, также опираются на экспертные оценки. Обобщив наблюдения, полученные в экспертных интервью, они отмечают, что некоторые экспертные оценки, в частности относительно приписываемой молодежи ориентации на престижное потребление и быстрый успех, могут быть поставлены под сомнение на основании данных массовых опросов.

И.И. Кузнецов, *Е.В. Куликова* и *Ю.В. Петрова* подходят к теме политической идентификации молодежи через картирование пространства героев, занимающих воображение респондентов, участвовавших в массовом опросе. Они констатируют, что рассматриваемые образы в значительной степени сформированы массовой культурой – кино, книгами, музыкой, компьютерными играми и др. Впрочем, оперируя категорией «герой времени», респонденты оценивали и современный политический процесс, выделяя фигуры российских политиков как властного, так и оппозиционного спектра. Интересно, что в этом исследовании также отмечается

ключевая роль лидеров мнений, работающих в социальных сетях (блогеры, известные медийные персоны), в формировании политического воображения молодежи.

В рубрике «Контекст» представлена статья *М.В. Вилисова*, посвященная изучению деятельности аналитических центров (мозговых центров, фабрик мысли, *think tanks*) ЕАЭС. Автор представляет оригинальный инструментарий оценки публичной деятельности аналитических центров стран ЕАЭС с точки зрения влияния на общественное согласие и формирование доверия к общественным и государственным институтам, который апробирует на примере деятельности аналитических центров ЕАЭС в 2022 г.

Продолжающая ту же рубрику статья *В.А. Болдина, И.С. Палитай и А.Ф. Яковлевой* представляет результаты пилотного исследования ключевых образов, ценностей и символов, формирующих славянскую идентичность молодежи России и стран Восточной Европы, которое основано на формализованных интервью с молодыми людьми в Сербии и Болгарии. На основании своих наблюдений авторы делают вывод, что, не будучи подкреплена «прагматически», славянская идея для молодежи не вполне понятна и не слишком актуальна, оставаясь культурным феноменом, хотя и не лишенным политического потенциала в будущем.

Статья *З.Р. Усмановой и Н.В. Смутькиной* посвящена анализу результатов политико-психологического исследования восприятия гражданами России своей страны, проведенного осенью 2022 г. Эмпирическая база исследования получена с применением качественных методов: глубинных формализованных интервью, неоконченных предложений, рисуночных проективных техник. Авторы полагают, что имеет место «некоторый консенсус во взглядах и мнениях граждан относительно своей страны, так как актуальный контекст стимулирует менее противоречивые оценки исторических событий». В то же время приводимые в статье данные могут быть истолкованы и иначе, как проявление тенденции к поляризации взглядов и мнений. Очевидно, что только дальнейшие исследования с учетом развития событий могут дать более определенную оценку векторов изменения взглядов граждан России на будущее своей страны.

В рубрике «Первая степень» публикуются статьи молодых исследователей. *М.А. Бислер* на основе анализа риторики президента РФ попытался объяснить связь идеологемы «традиционные

ценности» с безопасностью при помощи дискурс-анализа в теоретических рамках Копенгагенской школы секьюритизации. У.Н. Хазыр на примере творчества Александра Дугина и Ахмета Давутоглу проводит сравнительный анализ антизападнических теорий неоевразийства и неоосманизма. Д.О. Растегаев продолжает тему дискурсивных исследований безопасности, выявляя роль нарратива о Сребренице в структуре онтологической безопасности Республики Сербской. Он анализирует политику памяти, направленную на отрицание «западного» взгляда на трагедию в Сребренице как на «геноцид», которую проводят Республика Сербская (и Сербия).

В рубрике «Перечитывая классику» публикуется перевод статьи Г. Госнелла «Символы национальной солидарности», написанной в 1942 г. Известный представитель чикагской школы политических исследований рассуждает об американских практиках использования символов, которые создают чувство лояльности национальному государству.

В рубрике «С книжной полки» представлена рецензия А.М. Понамаревой на книгу Роберта Джервиса «Восприятие и неверное восприятие в международной политике», впервые увидевшей свет в 1976 г. и вошедшей в «золотой фонд» трудов по истории и теории международных отношений. Написанная в разгар холодной войны, она появилась в русском переводе в тот период, когда разговоры о «холодной войне 2.0» стали общим местом экспертных дискуссий.

*Д.В. Ефременко, О.Ю. Малинова, А.И. Миллер**

* **Ефременко Дмитрий Валерьевич**, доктор политических наук, заместитель директора, главный научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: efdv2015@mail.ru ; **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, e-mail: omalinova@hse.ru ; **Миллер Алексей Ильич**, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: millera2006@yandex.ru

Efremenko Dmitry, INION (Moscow, Russia), e-mail: efdv2015@mail.ru ; **Malinova Olga**, HSE University; INION (Moscow, Russia), e-mail: omalinova@hse.ru ; **Miller Alexei**, European University at Saint-Petersburg (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: millera2006@yandex.ru

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Д.В. ЕФРЕМЕНКО*

**ОБРЕТАЯ УВЕРЕННОСТЬ
В СОБСТВЕННОМ ПРОШЛОМ.
РОССИЙСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ НА НОВОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ РАЗВИЛКЕ¹**

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в российской политике памяти на рубеже 2010–2020-х годов, соотношении сил мнемонических акторов, внешних условиях и внутренних модальностях борьбы за политическое использование исторического прошлого. Нараставшие на протяжении почти всего второго десятилетия XXI в. напряженность и конфликтный потенциал в отношениях России с коллективным Западом к настоящему моменту вылились в многофакторную конфронтацию, в которой коллективная идентичность россиян, ключевые элементы исторического нарратива и коллективной памяти, отвечающие на базовые вопросы политики идентичности – кто мы, откуда и куда мы идем, – подвер-

* **Ефременко Дмитрий Валерьевич**, доктор политических наук, заместитель директора, главный научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: efdv2015@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Основные тенденции трансформации мемориальной культуры и коммеморативных практик в России (конец 2010-х – начало 2020-х годов): комплексный междисциплинарный анализ» (государственный номер 122101100024–8), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.01

гаются решительной проверке на прочность. Показано, что доминирующей тенденцией политики памяти становится секьюритизация, но при этом поддерживаемый государством исторический нарратив проработан далеко не полностью. Информационно-психологическая и мнемоническая борьба на международной арене и внутри страны побуждает федеральную власть основное внимание уделять в первую очередь причинам и результатам Второй мировой войны, обстоятельствам вступления в нее СССР, его решающей роли в победе над фашизмом, а также истории российско-украинских отношений. При этом секьюритизация официального исторического нарратива включает в себя законодательскую работу, в том числе поправки в Конституцию РФ, принятие «мемориальных» законов, ужесточение и расширение сферы деятельности законодательства об «иностранных агентах», а также правоприменительную практику, итогом которой становится изменение конфигурации и соотношения сил мнемонических акторов. Во второй части статьи рассматривается проблематика политического использования прошлого в условиях Специальной военной операции, включая политику памяти в регионах, включенных в состав РФ на основании поправок в Конституцию, принятых 4 октября 2022 г.

Ключевые слова: макрополитическая идентичность; политика памяти; мнемоническая борьба; мнемонические акторы; Конституция РФ; законодательство об «иностранных агентах»; мемориальные законы.

Для цитирования: Ефременко Д.В. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 15–45. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.01>

Рубеж 2010–2020-х годов в настоящее время представляется чем-то вроде краткой интермедии, предваряющей начало великих потрясений. Такой взгляд, однако, не совсем точен, поскольку очевидно, что и принятие принципиального решения о подготовке специальной военной операции (СВО), и проработка конституционных изменений, рассчитанных на обеспечение устойчивости российской власти в экстремальных условиях, и значимые сдвиги в российской политике памяти восходят к 2019–2020 гг., если не ранее. Еще один «внеплановый» шок – пандемия COVID-19 – оказала на российское общество и государство разнонаправленные воздействия, но общим знаменателем стало «упреждающее» втягивание в чрезвычайную ситуацию и переживание связанного с ней стресса практически всеми социальными группами. В этой оптике можно говорить о континууме многих событий и процессов до и после 24 февраля 2022 г. В то же время этот день является историческим и социально-психологическим водоразделом хотя

бы потому, что российское общество в основной своей массе не было готово к резкому переходу в новое состояние, связанное с началом военных действий на Украине и прокси-войной России и коллективного Запада.

В настоящей статье, носящей обзорный характер, в фокусе внимания будут значимые изменения в российской политике идентичности и политике памяти с 2019 г. до начала 2023 г. Одни из этих изменений можно рассматривать как промежуточный итог довольно длительных процессов, связанных с постсоветскими трансформациями, другие – как эмерджентные явления, предвещающие будущие далеко идущие события. Новый поворот... Не просто новый, а рубеж, преодоление которого открывает небывало широкий за последние три десятилетия диапазон сценариев дальнейшего развития с точки зрения социальной стабильности, функциональности системы государственного управления, устойчивости политического режима, суверенитета и территориальной целостности России. Говоря словами популярной песни автора, внесенного в 2022 г. в реестр физических лиц – «иностранных агентов»¹, «и не разберешь, пока не повернешь».

Тем не менее применительно к вопросам идентичности и исторической памяти уже сейчас можно идти дальше общих предположений, что их эволюция неизбежно отразит новый травматический опыт, связанный со специальной военной операцией и ее последствиями. Мы видим существенные сдвиги в исторической политике, соотношении сил мнемонических акторов, внешних условиях и внутренних модальностях борьбы за политическое использование исторического прошлого. Нараставшие на протяжении почти всего второго десятилетия XXI в. напряженность и конфликтный потенциал в отношениях России с коллективным Западом к настоящему моменту вылились в многофакторную конфронтацию, в которой коллективная идентичность россиян, ключевые элементы исторического нарратива и коллективной памяти, отвечающие на базовые вопросы политики идентичности – кто мы, откуда и куда мы идем, подвергаются решительной проверке на прочность. Одновременно разворачивается и более радикальная

¹ Минюст внес Макаревича, Шаца, Галямину и Гордееву в список иноагентов // РБК. – 2022. – 2 сентября. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/02/09/2022/631247ab9a7947e45b8150d3> (дата посещения: 21.01.2023).

трансформация мемориальной культуры. Нарративы борьбы с фашизмом и Великой победы 1945 г. все более интенсивно переплетаются с нарративами Специальной военной операции на Украине. Ряд сражений СВО происходят в тех же местах, что и во время Великой Отечественной войны. Можно говорить о быстром осовременивании нарративов памяти о военных событиях, по мере того как фактическое состояние войны и его множественные последствия все больше становятся доминантой социальной жизни.

Последствия обрыва международного диалога по сложным вопросам истории

19 сентября 2019 г. Европейский парламент с подачи депутатов из Польши и стран Балтии одобрил резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». Принятие резолюции стало триггером резкой антагонизации диалога России и Запада по историческим вопросам, который накануне СВО оказался практически оборван. Резолюция, «уравнявшая» степень ответственности нацистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны, успешно завершила начатую десятилетием ранее кампанию ряда стран Центральной и Восточной Европы, направленную на закрепление за ними образа жертвы двух тоталитаризмов, релятивизацию местного коллаборационизма и соучастия в Холокосте. Однако резолюция 2019 г. пошла значительно дальше, *a priori* отказав в валидности официальной российской политике памяти, поскольку она нацелена на «искажение исторических фактов и обеление преступлений, совершенных советским тоталитарным режимом», является «опасной составляющей информационной войны, ведущейся против демократической Европы, направленной на раскол Европы»¹. Тем самым диалог на официальном уровне по вопросам исторического прошлого становился бессмысленным, а стремление России обсуждать вопросы европейской безопасности, делая отсылки к итогам Второй миро-

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. – 2019. – September 19. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 12.01.2023).

вой войны, блокировалось. Фактически путинская Россия как эпигон «советского тоталитаризма» становилась актором, отторгнутым из модернизированной европейской модели исторической памяти. Вполне реалистичную оценку геополитических последствий этой операции дает М. Ларюэль:

«Если Советский Союз не победил нацизм, а являлся равноценным ему злом, то Россия не имеет права голоса в европейских делах и не может претендовать на участие в европейских институтах. На самом деле мир в Европе и Европейский союз были построены на послевоенной идее – “это не должно повториться”, и Москва являлась одним из ее фундаментальных элементов. Подчеркивая победу, одержанную над нацизмом, Россия позиционирует себя как защитник определенной концепции Европы, победа 1945 г. подтверждает право России быть легитимным участником европейской политики» [«Олимпиада жертв исторической несправедливости», 2020, с. 134].

В резолюции Европарламента 2019 г. в духе культуры отмены выражалась обеспокоенность продолжающимся использованием в публичной и коммерческой сферах символики тоталитарных режимов, а также сохранением памятников и мемориалов, прославляющих эти режимы, «что создает почву для искажения исторических фактов о последствиях Второй мировой войны и пропаганды тоталитарного политического строя»¹. Фактически резолюция способствовала масштабированию действий властей стран Центральной и Восточной Европы по ликвидации мемориального наследия, прославляющего ратный подвиг советских воинов на территории этих стран. Каждая такая акция, даже будучи локальной, получала в России большой резонанс, что в конечном счете усиливало восприятие попыток наладить диалог Россия – Запад в сфере политики памяти как бесперспективного упражнения.

Активное сопротивление российской стороны² прокламированному Европарламентом нарративу о двух тоталитаризмах как главных виновниках Второй мировой войны давало определенные результаты на протяжении 2020 г., но по мере нарастания напря-

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. – 2019. – September 19. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 12.01.2023).

² См. статью А.И. Миллера в этом выпуске журнала.

женности вокруг Украины и фактического отказа коллективного Запада учитывать коренные интересы России в сфере безопасности происходила фактическая блокировка международного диалога по сложным историческим проблемам. Это привело к серьезным последствиям для мнемонической борьбы внутри самой России.

Достаточно длительное время российская политика памяти была адресована сразу нескольким аудиториям¹. И во многих случаях основными адресатами месседжей на темы исторического прошлого, исходивших главным образом от президента России В.В. Путина, были аудитории за пределами России. В этом смысле российская политика памяти вплоть до середины 2021 г. оставалась ориентированной на многосторонний диалог. Предполагалось, что в сфере исторической памяти с ключевыми западными партнерами по диалогу все еще сохраняется общая платформа, обращение к которой благоприятствует конструктивному обсуждению современных проблем и межгосударственных противоречий.

Наличие нескольких аудиторий способствовало определенной балансировке официального исторического нарратива, а также обеспечивало большую степень устойчивости тем внутрироссийским акторам мнемонической борьбы, которые могли рассчитывать на существенную международную поддержку. Обрыв международного диалога по сложным вопросам исторического прошлого не просто привел к «монологизации» официального исторического нарратива, но и снял важные преграды к решительному изменению государством расстановки сил на внутренней арене мнемонической борьбы.

«Прорыв памяти», «историческая уверенность» или «преступления против истории»?

Н.В. Эппле в книге «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах», опубликованной в 2020 г., высказал убеждение, что страна находится на пороге «прорыва памяти», когда будет достигнут кумулятивный эффект «солидаризации усилий всех общественных сил, заинтересованных в полноценной проработке советского прошлого»

¹ См. статью А.И. Миллера в этом выпуске журнала.

[Эппле, 2020, с. 14]. По мысли Эппле, итогом такого рода качественного скачка могло бы стать возникновение социального института по проработке «неудобного» прошлого, вполне автономного по отношению к государственной политике памяти или даже ей оппонирующего. Ретроспективно подобная оценка может показаться преувеличенной, объяснимой специфической аберрацией зрения автора, глубоко погруженного в свой предмет. Однако некоторые события начала 2020-х годов подтверждали, что в сфере мнемонической борьбы действительно возможны примечательные сдвиги. Так, документальный фильм Ю.А. Дудя¹ «Колыма – родина нашего страха» (2019) набрал более 20 млн просмотров на авторском YouTube-канале, основную часть аудитории которого составляет молодежь². Критические высказывания рэпера А.Т. Моргенштерна (Валеева)³ о неоправданности расходов на торжественное отмечание Дня победы и его сомнения относительно значимости этого праздника в современных условиях оказались достаточно авторитетными⁴ для части поколения Z, условное обозначение которого демографами⁵ в контексте потрясений 2022 г. наполнилось новыми смыслами. Инициатива «Последний адрес», конкурирующая с политикой государственных структур относительно памяти о жертвах сталинских репрессий, к началу 2020-х годов еще могла

¹ 15 апреля 2022 г. внесен Министерством юстиции РФ в реестр «СМИ – иностранных агентов».

² Следует отметить, что аудитория этого фильма все же не является единой. Как показал анализ комментариев зрителей фильма в социальных сетях, проведенный Д.О. Хлевнюк и А.С. Максимовой, есть основания говорить о наличии двух нарративов – нарратива травмы, вызванной нарушением гражданских прав в сталинскую эпоху, и нарратива травмы, вызванной нарушением социально-экономических прав в позднесоветскую и постсоветскую эпохи [Хлевнюк, Максимова, 2021]. Различие в этих нарративах существенным образом влияет на оценки зрителями фильма и его интерпретации.

³ 6 мая 2022 г. внесен Министерством юстиции РФ в реестр «физических лиц – иностранных агентов».

⁴ Моргенштерн разоблаченный, или Еще раз о Великой Победе // ВЦИОМ. – 2021. – 21 ноября. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/morgenshtern-razoblachennyi-ili-eshche-raz-o-velikoi-pobede> (дата посещения: 21.01.2023).

⁵ Dimmock M. Defining generations: Where Millennials end and post-Millennials begin // Pew Research Center. – 2019. – January 17. – Mode of access: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (accessed: 12.01.2023).

рассматриваться как пример достаточно успешной наступательной стратегии на поле мнемонической борьбы [Веселов, 2020].

Тем не менее доминирующий тренд состоял в том, что власть последовательно расширяла доступный инструментарий в сферах воздействия на общественное мнение, включая и ограничительные механизмы. Наиболее значимым среди последних стало законодательство об иностранных агентах, в своих истоках восходящее к американскому опыту конца 1930-х годов (Foreign Agents Registration Act / FARA), но, разумеется, адаптированное к современным реалиям и задачам российской власти. Принятые в 2012 г. на волне борьбы с «белоленточным» движением поправки к Закону «О некоммерческих организациях» заложили юридическую основу маркировки НКО, занимающихся политической деятельностью и привлекающих финансирование из зарубежных источников, в качестве «иностранных агентов». Фактически на начальном этапе функционирования российского законодательства об «иностранных агентах» значительная часть такого рода НКО была поставлена перед выбором: будучи стигматизированными, продолжать функционировать, опираясь на зарубежные источники финансирования, либо воспользоваться вновь открывшимися возможностями финансирования за счет внутренних источников (в том числе в рамках конкурса президентских грантов) и, избавившись от угрозы присвоения ярлыка иноагента, взаимодействовать с государственными структурами в режиме контролируемой лояльности [Daucé, 2015].

В отношении влиятельных мнемонических акторов законодательство об иностранных агентах было в первую очередь применено к правозащитному центру «Мемориал» (2013), действовавшему в составе «Международного Мемориала» – зонтичной структуры, состоявшей из нескольких компонентов с неодинаковыми юридическим статусом, задачами и территориальной локализацией. В октябре 2016 г. в реестр иностранных агентов был включен весь «Международный Мемориал»; аналогичная участь постигла и семь его региональных отделений. В этом статусе он продолжил свою деятельность до начала 2020-х годов, не переходя на позиции контролируемой лояльности в отношениях с российским государством и не меняя общего подхода, когда научно-историческая и просветительская работа сочетается с правозащитной активностью и критикой власти по принципиальным пробле-

мам внутренней и внешней политики. В целом «Мемориал» продемонстрировал высокую степень сопротивляемости и способности оппонировать государственным структурам как в правовом поле (помимо энергичного оспаривания статуса иноагента, это активная позиция в судебных процессах Ю.А. Дмитриева и О.С. Титиева), так и в пространстве публичной коммуникации.

В мнемонической сфере «Мемориал» представлял собой очень серьезного конкурента для созданных и действующих при поддержке государства Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества. Большое количество региональных отделений, архивы, электронные базы данных и библиотека, представляющие немалую ценность для исследователей проблематики политических репрессий [Харитонов, 2016], музеев, обширная издательская деятельность [Путилова, 2015], устоявшийся формат работы с молодежью, многообразные сетевые ресурсы, глубокая интегрированность в транснациональные сети гражданского общества [Florini, 1999] – вот далеко не полный перечень ресурсных возможностей «Мемориала». Не следует забывать и о таком факторе, как число активистов, участвовавших в тех или иных проектах «Мемориала»: например, в Пермском крае (до 1 декабря 2005 г. – Пермской области) количество активистов в лучшие годы, согласно оценке местного эксперта, могло превышать 20 тыс. человек [Малинова, 2023, с. 250]. Разумеется, картина по регионам была неоднородной, во многих из них количество активистов «Мемориала» многократно уступало пермским показателям. И все же по некоторым параметрам РИО и РВИО даже сейчас не дотягивают до уровня «Мемориала».

Тем не менее присвоение «Мемориалу» статуса иностранного агента продемонстрировало, что этот механизм стигматизации работает достаточно эффективно, позволяя изменить соотношение сил в рамках мнемонической борьбы внутри России. Помимо реальных ограничений в плане функционирования и серьезных санкций за несоблюдение соответствующего законодательства, он создает проблемы в рамках сетевого взаимодействия, заставляя потенциальных партнеров или спонсоров стигматизированного актора оценивать явные и неявные риски сотрудничества (вплоть до опасности самому получить статус иноагента).

Присвоение актору статуса иностранного агента влияет и на восприятие связанных с ним нарративов. В случае «Мемориала»

это особенно значимо, поскольку с конца 1980-х годов в силу своих заслуг и влияния он до известной степени мог рассматриваться как референтная инстанция для мастер-нарратива [Halverson, Corman, Goodall, 2011] о политических репрессиях в СССР. Стигматизация через присвоение статуса иностранного агента может способствовать частичной компрометации нарратива. Однако в большей степени она «работает» на отрыв нарратива от актора, которому присвоен статус иноагента.

Наглядным тому примером может служить и кейс музея «Пермь-36». Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36» был создан в 1995 г. на месте Исправительно-трудовой колонии в деревне Кучино (Чусовской городской округ Пермского края), функционировавшей в 1946–1988 гг. Первоначально музей имел юридический статус Общества с ограниченной ответственностью (ООО «Мемориальный центр истории политических репрессий “Пермь-36”»); учредители – пермское отделение «Мемориала» и областная администрация), с 2001 г. – автономная некоммерческая организация (АНО). После смены региональной администрации в 2012 г. начался процесс изменения юридического статуса музея «Пермь-36», блокирования фактического влияния АНО и перехода музея под контроль государства. В апреле 2015 г. Министерство юстиции РФ потребовало от АНО «Пермь-36» зарегистрироваться в реестре иностранных агентов в связи с установленными в ходе проверки фактами получения зарубежного финансирования и участия в деятельности, имеющей политическую направленность. Не сумев достичь компромисса в переговорах с краевой администрацией и представителями федеральных структур, АНО приняло решение о самороспуске; его намерения масштабировать опыт организации музейной экспозиции и сопутствующих мероприятий, создав аналоги в других регионах, не были реализованы¹; музей продолжил функционировать в качестве институции, находящейся под полным государственным контролем. Однако предположения о том, что «огосударствление» музея – успешная контратака неосталинистов против либеральной и прозападной

¹ Павленко О. Преступления против истории. Как в России устанавливается монополия на «правильное» прошлое // Новая газета. – 2021. – 14 июля. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20211205123956/https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/11/prestupleniia-protiv-istorii> (дата посещения: 22.01.2023).

части гражданского общества [Sherlock, 2016, p. 47] или еще один шаг в реализации некой общей установки правящего режима на возрождение тоталитаризма [Kuzio, 2016] не находят однозначного подтверждения в контенте музейной экспозиции. Музей отчасти изменился, были сделаны усилия представить и «оборотную сторону медали» (например, дополнение экспозиции комнатой надзирателя), но при этом сохранил общее соответствие антисталинистскому и антитоталитарному нарративу [Малинова, 2023, с. 251]. Как ни парадоксально, «дополненный» при новом руководстве музея вариант экспозиции и публичная дискуссия вокруг этих событий более рельефно высвечивают факт глубокого раскола памяти о «неудобном» прошлом [Гизен, 2015]. Условно говоря, наличие «памяти узника» предполагает и наличие «памяти охранника», хотя признание обществом этого обстоятельства не означает отказ от социального выбора в пользу одного из нарративов.

Очевидно, что власти в данном случае стремились не к смене нарратива, а к установлению полного институционального контроля, который, впрочем, не исключает дальнейшей коррекции нарратива. В конечном счете власти заблокировали использование музея «Пермь-36» (и связанного с ним гражданского форума «Пилорама») в качестве площадки оппозиционной активности [Goode, 2020] и основы формирования региональной сети акторов [Хлевнюк, 2023, с. 372–373], критически настроенных в отношении не только советского прошлого, но и постсоветского настоящего.

В российском правовом поле принятие ряда мемориальных законов (подробнее см.: [Куликова, Кирносков, 2022]) и расширение сферы действия законодательства об иностранных агентах (закон № 327-ФЗ от 25.11.2017, вводящий понятие «СМИ – иностранный агент»; поправки 2018 г. к данному закону, распространяющие его действие на физических лиц; развитие этого законодательства в 2021–2022 гг.) сформировали юридическую основу для дальнейшего изменения расстановки сил мнемонических акторов, эксклюзивной защищенности одних исторических нарративов и ограничений – других. Однако решающее значение имели поправки в Конституцию, вступившие в силу 4 июля 2020 г., в числе которых появились и статьи Основного закона, затрагивающие проблематику ценностей и исторической памяти.

Как показывает О.Ю. Малинова, данные поправки стали итогом достаточно длительной символической борьбы [Малинова, 2021].

Вполне очевидно, что центральную роль в общем массиве конституционных изменений 2020 г. играли поправки о распределении полномочий и порядке формирования органов государственной власти. Но поправки, определяющие статус русского языка, подчеркивающие значение веры в Бога, постулирующие преемственность российской государственной традиции и защиту исторической правды, вводящие определение брака как союза между мужчиной и женщиной и т.д., не были ни простым довеском к изменениям на уровне вертикали власти, ни – тем более – способом отвлечения внимания от этих изменений. В общей совокупности всех конституционных новелл они выступили идейно-символическими маркерами политического поворота, масштаб которого в полной мере стал ясен в 2022 г. Однако и эта констатация не является исчерпывающей.

Конституционные поправки, касающиеся ценностей и мемнической сферы, следует рассматривать как промежуточный итог процесса секьюритизации значимых аспектов макрополитической идентичности и исторической памяти, запущенный еще во второй половине 2000-х годов. При этом на рубеже 2010–2020-х годов скорость секьюритизации стала опережать темпы содержательного наполнения нарративного конструкта «национальной биографии» [Berenskoetter, 2014]. Так, принципиально важный тезис о единстве тысячелетней истории и преемственности в развитии Российского государства (ст. 67.2 Конституции РФ) оставляет нераскрытыми многие вопросы о механизмах сохранения целостности государственной традиции в условиях социокультурного раскола и краха государственности (в начале XVII в., в 1917 г. и 1991 г.) (см., напр.: [Ахиезер, 1998]). Даже на уровне содержательной интерпретации отдельных этапов и событий российской истории секьюритизированный нарратив о преемственности в развитии Российского государства сохраняет большое количество «белых пятен». В этом смысле специфика современной ситуации состоит не в том, что российская власть при Путине вслед за политическими элитами многих стран Центральной и Восточной Европы стала на практике реализовывать установку *Memory must be defended*, а в том, что происходит это в условиях незавершенности российской версии «национальной биографии», и, следовательно, невозможности принудительной деполитизации [Mälksoo, 2015] всех ее содержательных компонентов.

Усилия власти, направленные на секьюритизацию в сфере исторической памяти, объяснялись прежде всего стремлением обрести «историческую уверенность»¹ и обеспечить через контролируемую интерпретацию прошлого дополнительную легитимность существующего социально-политического порядка. Однако, как уже было отмечено ранее, резкая активизация мнемонической борьбы на международном уровне, тесно связанная с обострением геополитической конкуренции на постсоветском пространстве, делала государственную политику памяти во многом реактивной, побуждая к приоритетному обращению к нескольким ключевым темам, из которых наибольшее значение придавалось причинам и обстоятельствам начала Второй мировой войны, роли в ней Советского Союза и ее итогам.

Сужение круга адресатов официальной политики памяти до, главным образом, внутренней аудитории вкупе с нарастанием международной напряженности подталкивало власти к более решительным шагам в реализации курса на секьюритизацию мнемонической сферы. Полутона в формулировке официальных позиций постепенно исчезали. В марте 2021 г. на круглом столе в Совете Федерации В.Р. Мединский призвал к разработке документа, утверждающего российскую государственную историческую политику², т.е., строго говоря, к документальному оформлению совокупности решений и мероприятий, реализуемых на протяжении более чем одного десятилетия.

В свою очередь, как российские независимые акторы, чаще всего оппонирующие государству в мнемонической сфере, так и акторы, находящиеся вне российской юрисдикции, ужесточали

¹ Тезис об «исторической уверенности и уверенности в собственной культуре» был сформулирован китайским лидером Си Цзиньпином в отчетном докладе на XX съезде КПК (Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года // Министерство иностранных дел Китайской народной республики. – 2022. – 25 октября. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата посещения: 24.01.2023)).

² Мединский предложил создать документ по государственной исторической политике России // ТАСС. – 2021. – 30 марта. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/11028607> (дата посещения: 24.01.2023).

свои полемические подходы. В рамках транснациональных сетей гражданского общества формировался все более негативный образ официальной российской политики памяти. Показательным примером может служить доклад «Россия: “Преступления против истории”», выпущенный Международной федерацией за права человека (FIDH) [FIDH, 2021]. Основным автором доклада был российский юрист Г.В. Вайпан, позднее представлявший интересы «Мемориала» в ходе судебных разбирательств, итогом которых стала его ликвидация; соавтором, подготовившим 16 интервью с российскими историками, журналистами и правозащитниками, – директор направления Восточной Европы и Центральной Азии в FIDH И. Нузов. В докладе представлена обширная, но не всегда точная фактология, композиция которой призвана показать, что свобода исторического исследования в России все более ограничивается ради конструирования удобной властям модели исторического прошлого. Термин «преступления против истории» первоначально сформулировал бельгийский историк А. де Бэтс [De Baets, 2019]. Он имел в виду такие действия, как убийства или похищения людей, занимающихся историческими исследованиями, публичные оскорбления, клевета в отношении историков и их тенденциозные судебные преследования, преднамеренное уничтожение культурного наследия, дезинформация о прошлом, включающая отрицание фактов геноцида и цензуру исторических трудов. Авторы доклада, провозглашая приверженность этому подходу, значительно расширяют состав «преступлений против истории», трактуя их не столько в моральном, сколько в юридическом смысле. Перечень «преступлений против истории» они дополняют принятием мемориальных законов, а также иного законодательства, ограничивающего свободу действий независимых мнемонических акторов или отдельных высказываний на темы истории; учреждением при государственной поддержке псевдо-НПО, чья деятельность сфокусирована на проблемах исторической памяти; курсом на создание единого учебника истории, в котором, в частности, вступление СССР во Вторую мировую войну датируется 22 июня 1941 г.; ограничением доступа к архивным материалам; ужесточением ограничений на проведение памятных мероприятий; отсутствием или недостатком правовой защиты, материальной и / или символической компенсации жертвам репрессий советского периода и членам их семей [FIDH, 2021, р. 4]. При этом доклад

сохраняет фундаментальную неопределенность относительно оснований криминализации, а именно: являются ли преступными эти действия как таковые (и тогда их осуждение должно носить универсальный характер) или же их криминальная сущность обусловлена тем, что они исходят от российского государства?

Казус доклада FIDH служит характерной иллюстрацией усиления мнемонической борьбы с участием различных акторов внутри России и за ее пределами, и резонанса этой борьбы с нарастающим международным кризисом. С учетом этих обстоятельств имеет смысл рассматривать и решение судебных органов РФ о ликвидации «Международного Мемориала» и правозащитного центра «Мемориал» в качестве юридических лиц (29.12.2021). Это решение, несомненно, стало рубежом в политике памяти; оно предсказуемо столкнулось с международным осуждением на официальном уровне и своеобразной цепной реакцией в транснациональных сетях гражданского общества, в которые «Мемориал» глубоко интегрирован. Данное решение, очевидно, означало, что ранее осуществленное присвоение «Мемориалу» статуса иностранного агента ослабило его позиции, ограничило его возможности внутри страны (в особенности на региональном уровне), но не привело к удалению с поля мнемонической борьбы и даже не вынудило отказаться от роли актора, участвующего в дискуссиях по значимым общеполитическим вопросам. В то же время фактор мощной поддержки «Мемориала» за пределами России перестал играть прежнюю роль в условиях блокировки международного диалога по историческим проблемам.

Последнее стало совершенно очевидным после начала специальной военной операции. Присвоение «Мемориалу» Нобелевской премии мира 2022 г. уже не может содействовать смягчению жесткой линии в отношении этого актора; скорее, будучи интерпретировано российской «вертикалью власти» как дополнительный элемент мощнейшей информационно-психологической кампании Запада после начала СВО¹, оно станет лишним подтверждением

¹ То обстоятельство, что Нобелевская премия мира 2022 г. наряду с «Мемориалом» была присвоена украинской НПО «Центр гражданских свобод», созданной для правовой защиты участников Евромайдана, а после начала СВО занимающейся документированием российских «военных преступлений», и белорусскому правозащитнику А.В. Беяцкому, являющемуся активным оппо-

политической целесообразности устранения «Мемориала» с арены мнемонической и внутривластной борьбы.

Наконец, после начала СВО почти калейдоскопически изменилась конфигурация мнемонических акторов, немалая часть которых, представляющая условно либеральный идеологический спектр, была маркирована в качестве иностранных агентов и экстремистских организаций; ряд СМИ и НПО фактически прекратили функционирование на территории России, а многие физические лица, в числе которых и так называемые «лидеры общественного мнения», выехали за рубеж. Осуществив релокацию (современный эвфемизм эмиграции), многие из этих акторов стремятся использовать все возможности сетевых медиа, чтобы доносить до российской аудитории свою точку зрения как о событиях прошлого, так и настоящего. Однако помимо эффекта отсутствия столь тесное переплетение нарративов о прошлом и настоящем приводит к тому, что основой их восприятия целевой аудиторией становится согласие или несогласие с позицией пораженчества.

Политика памяти на новых территориях

Интенсивность политики памяти на федеральном уровне ничуть не снизилась после начала специальной военной операции на Украине. Но к ней добавились некоторые дополнительные модальности.

Прежде всего, локальная политика памяти ДНР и ЛНР (еще до их включения в состав РФ) породила определенные коллизии с федеральной политикой памяти. Это было связано с гетерогенностью и многослойностью политико-идеологических и исторических обоснований сецессии от Украины и формирования государственности этих республик, их ориентации на присоединение к РФ. Помимо исходных установок Антимайдана можно выделить, по крайней мере, два основных нарратива, сформировавших своеобразную идейную полифонию «Русской весны» 2014 г. (и позднее, вплоть до 2022 г.):

– нарратив особой идентичности Донбасса, отражающей мультиэтнический состав населения при доминирующем русскоязычии, освоение региона в составе Российской империи вне политико-административной связи с малороссийскими губерниями, опыт государственности после революций 1917 г. (Донецко-Криворожская республика), альтернативный тем формам государственности, вокруг которых сформирован миф основания независимой Украины, представления о трудовом и ратном подвиге жителей Донбасса в период индустриализации 1930-х годов, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления;

– риторика о Новороссии, обосновывавшая ирредентистские устремления части политических сил и населения Юго-Востока Украины через гибридную идеологию противостояния Западу и радикальному украинскому национализму, социальной справедливости советского типа, различные вариации русского национализма, ценностный консерватизм, память о до- и послереволюционной истории региона как неотъемлемой части большого целого (Российской империи / СССР) [Бабкина, 2020].

За несколько лет существования ДНР и ЛНР в качестве непризнанных государственных образований, полностью зависимых от поддержки России, отдельные компоненты этого идеологического конгломерата выдвигались на первый план и затем на время уходили в достаточно глубокую тень, что объяснялось прежде всего (но не исключительно) изменениями в оценках Москвой возможностей имплементации Минска-2 и воздействия на украинскую политическую динамику. В результате большую степень устойчивости и пригодности для конструирования идентичности непризнанных республик продемонстрировали составляющие, отражающие советский опыт и в то же время сближающие ДНР и ЛНР с практиками политики памяти и идентичности в современной России. Обобщенно эта версия конструирования идентичности (сформировавшейся помимо ЛДНР и в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике) характеризуется в литературе как «сепаратистский интернационализм» [Voronovici, 2020]. Прямая отсылка к государственности Донецко-Криворожской республики, подчеркнутое почитание памяти ее видных деятелей, деятелей эпохи СССР и героев Великой Отечественной войны, максимально акцентированное противопоставление интернационалистских установок этнонационалистической политике памяти и идентич-

ности на Украине, упор на полиэтничность с одновременным признанием ключевой роли русского языка для сплочения макрополитического сообщества и его позиционирования как части «Русского мира» – вот основные составляющие политики идентичности в ДНР и ЛНР. При всей важности обращения к историческим и культурным связям с большой Россией, подлинной политической доминантой для местных властей становилось отталкивание от идеологии, нарративов и практик постмайданной Украины. В этой оптике Украина при П.А. Порошенко и В.А. Зеленском воспринималась не просто как «значимый другой», а как конституирующий враг, в каждодневном режиме создающий угрозы жизни и безопасности жителям непризнанных республик, отрицающий их право на выбор собственного будущего или даже право на расширенную автономию в версии Минска-2. Активно формировалась и новая политика памяти, ставящая в свой центр образы невинных жертв («Аллея ангелов» в Донецке) и ветеранов военных действий 2014–2015 гг., рассматриваемых как прямые продолжатели антифашистской борьбы 1941–1945 гг. Можно сказать, что квинтэссенция государственной политики ДНР и ЛНР до начала спецоперации – это лишь в меньшей степени *Ново-Россия*, но в определяющей – *анти-Украина*. Последнее, впрочем, не относится к украинцам как к этносу (с учетом немалой доли украинцев в составе населения и руководства ЛДНР), а к Украине как этнонационалистическому, прозападному и антироссийскому проекту нациестроительства.

Следует еще раз подчеркнуть, что политика идентичности и памяти в ЛДНР в 2014–2022 гг. была не внутренне гомогенным целым, а конгломератом, в котором присутствовали различные напластования и следы изменений политической конъюнктуры в Москве (наиболее яркий пример – быстрый переход от прославления И.И. Стрелкова (Гиркина) как лидера вооруженного сопротивления киевскому режиму и руководителя обороны Славянска к его маргинализации в российском информационном пространстве; сюда же можно отнести и недолговечную инициативу бывшего главы ДНР А.В. Захарченко о создании «Малороссии»), а также проявления идейной борьбы (скажем, более радикального антиукраинства такого деятеля «Русской весны», как П.Ю. Губарев). При этом общее направление усилий властей ДНР и ЛНР в части введения новых праздников, памятных дат, прославления героев борьбы с силами постмайданного режима в Киеве и почитания

жертв военных действий, подготовки учебников истории было направлено на формирование нарратива и укрепления идентичности, практически несовместимых с нарративами и идентичностью, возобладавшими на Украине после 2014 г. [Abibok, 2018]. Но в плане социально-психологического состояния социума Донбасса ситуация оставалась зыбкой, поскольку одновременно усиливалось разочарование в политике Москвы и властей республик, нарастала апатия и готовность принять любой устойчивый порядок, по крайней мере гарантирующий мирную жизнь [Токарев, 2021, с. 217–282]. Характеризуя настроения значительной части жителей ЛДНР на рубеже 2010–2020-х годов, исследователи Южного научного центра РАН, рассматривавшие данные социологических опросов и – в этнолингвистическом аспекте – нарративы сетевой коммуникации, так подытоживают свой анализ: «Россия предстает жестокой матерью, оставившей своих детей, ее любят, мучительно ждут и отчаянно ненавидят за это. Поэтому обращения к Москве варьируются в широком эмоциональном диапазоне – от выражения любви и благодарности до разного рода претензий, тяжких подозрений и призывов несчастий на головы тех, кто не понимает, до какого края терпения доходят жители Донбасса» [Внукова, Влашкина, 2021, с. 84].

В свете событий 2022 г. значение Донбасса в российской политике памяти и идентичности существенно возросло. Данный процесс не был связан исключительно с нарастающей геополитической напряженностью вокруг Украины, а также реакцией в России на действия украинских мнемонических акторов, которую уместно рассматривать как пример дилеммы мнемонической безопасности [Ефременко, 2022]. Позиция лидеров ДНР и ЛНР и их представителей находила широкое отражение в российских СМИ (в особенности – в политических ток-шоу на федеральных каналах, где украинская или околонуукраинская проблематика обсуждалась едва ли не в каждодневном режиме). Менялось и восприятие ситуации в республиках Донбасса: от понимания преимущественно инструментального характера государственных проектов ДНР и ЛНР к осознанию гуманитарного измерения, включающего и моральную ответственность за то, что сотни тысяч людей после заключения Минска-2 остаются в фактическом положении населения прифронтовой зоны либо становятся беженцами. Начало массовой кампании по принятию в российское гражданство жите-

лей непризнанных на тот момент республик еще более ускорило переопределение ситуации в Донбассе как трагедии, в которую российское общество вовлечено напрямую (либо – по крайней мере – обязано занять позицию солидарности с новыми согражданами). Как ни парадоксально, но в восприятии Донбасса как зияющей раны на теле «своего» государства между значительной частью общества в России и на Украине началось явное сближение (при диаметральной противоположности в оценках). И если для Украины «российская агрессия» и «донбасский сепаратизм» послужили мощнейшим акселератором нациестроительства в условиях неурегулированного конфликта и подготовки к новой войне, то и для России судьба Донбасса – пусть с намного меньшей скоростью – стала ускорителем значимых сдвигов в идеационной сфере и внутренней политике. Круг идей, озвучивавшихся до 2014 г., главным образом представителями Изборского клуба, ближе к началу 2020-х годов становился едва ли не информационным мейнстримом. Разумеется, эти изменения нельзя объяснить только фактором Донбасса, но он, несомненно, внес вклад в соответствующие процессы, дополняя влияние внутренних драйверов режимной трансформации.

После начала СВО почти все акты символической политики, монументальной пропаганды и политики памяти на территориях, включенных в состав РФ по итогам референдумов 23–27 сентября 2022 г., получали общероссийский резонанс. В частности, особое внимание привлекли усилия новых местных властей, направленные на то, чтобы обратить вспять постмайдаанный «ленинопад» [Соловьев, 2022]. В считанные недели после прихода российских войск памятники В.И. Ленину были восстановлены в Геническе, Мелитополе, Новой Каховке, Володарском, а решения об отмене переименований населенных пунктов, улиц и площадей, произведенных после 2014 г., подняли волну топонимической ресоветизации. Насколько можно судить, оперативность восстановления памятников была связана с тем, что скульптуры не были уничтожены, нанесенный им ущерб не был критическим и они складировались в известных новым властям местах. Есть примеры и весьма находчивой маскировки советского монументального наследия, как в случае памятника В.И. Чапаеву в селе Чкалово Запорожской области. Согласно информации телеграм-канала «Газета Правда», «когда на Украине развернулась так называемая декоммунизация,

жители села Чкалова пошли на хитрость, чтобы спасти от злобных рук бандеровцев памятник Чапаеву, чьим именем раньше назывался местный колхоз. Колхозники приняли решение спасти монумент, они и создали табличку, что статуя якобы установлена первому основателю сельхозпредприятия. И действительно, Павел Иванович Гаврилов тоже имел усы, похожие на чапаевские. Так, когда приезжала комиссия декоммунизаторов, скульптура не вызвала никакой реакции – Чапаев остался в сохранности»¹. В итоге после перехода региона под контроль России активистам Запорожского обкома КИРФ оставалось лишь инициировать установку нужной таблички.

Более стратегически значимыми можно считать решения о демонтаже памятников, отражающих украинскую националистическую мифологию. Отметим несколько акций по искоренению такого рода мемориального наследия:

- демонтаж памятника жертвам Голодомора и политических репрессий в Мариуполе (был установлен еще в 2004 г.);

- снос памятника «воинам-освободителям» ВСУ в форме герба Украины (сооружен в 2020 г.) в Мариуполе и установка на его месте памятника Александру Невскому (13 октября 2022 г.);

- демонтаж памятника «Небесной сотне» в Херсоне (флашток, установленный на постаменте памятника В.И. Ленину, уничтоженного в 2014 г.);

- снос памятника украинским пограничникам в Херсоне.

Наконец, явно проактивный характер в сфере политики памяти имели инициированная РВМО установка памятников П.А. Судоплатову в Донецке и Мелитополе, чьим уроженцем был этот незаурядный деятель советских спецслужб, присвоение имени Судоплатова добровольческому батальону, формируемому в Запорожской области, и улице в Мелитополе, которая в 2016–2022 гг. носила имя теоретика украинского интегрального национализма Д.И. Донцова. Глорификация Судоплатова, очевидно, связана с тем, что в символическом плане организатор физического устранения Е.М. Коновальца и Р.И. Шухевича представляет радикальную антитезу деятелям украинского националистического пантеона.

¹ Памятник Чапаеву сохранили // Телеграм-канал «Газета Правда», 14.02.2023 – Режим доступа: https://t.me/pravda_gazeta/2808 (дата посещения: 14.02.2023).

А в качестве уроженца Мелитополя Судоплатов видится фигурой, олицетворяющей непримиримую борьбу жителей региона с фашизмом и его украинскими пособниками. Согласно оценке члена научного совета РВИО Ю.А. Никифорова, в условиях СВО особенно востребовано то, «что разведывательные и контрразведывательные подразделения, которыми руководил Судоплатов, ставили целью не только физическое устранение противников, но и нейтрализацию враждебной – в том числе бандеровской – идеологии»¹. При этом, однако, глорификация Судоплатова во всероссийском масштабе усиливает тенденцию, характеризующуюся изменением оценок методов и действий других видных представителей сталинского репрессивного аппарата (в их числе и Л.П. Берия), когда основным критерием оценки становится эффективный вклад в укрепление мощи и геополитического влияния советского государства.

В целом действия в сферах символической политики и политики памяти после начала СВО явно далеки от системной стройности, но тем не менее они выявляют определенные тенденции. Прежде всего это решительное отрицание украинской политики памяти и символической политики постмайданного периода, фактический возврат к позиции непризнания их легитимности (даже вопреки признанию Москвой выборов президента Украины в мае 2014 г. и результатов всех последующих электоральных процедур в этой стране). Восстановление советских топонимов и нескольких объектов монументальной ленинианы – это, в первую очередь, реакция на «ленинопад» как символический разрыв с Россией и советским прошлым. Лишь в меньшей степени такая внешняя ресоветизация была обращением к тем группам местного населения, которые ностальгируют по стабильности и относительному благополучию позднесоветской эпохи. В то же время восстановление памятников Ленину не стало и не могло стать действием, направленным на сплочение всех сторонников СВО, в числе которых немало тех, кто критически относится к вождю большевистской революции и не связывает образ желаемого будущего России с советским опытом. И в любом случае крайне маловероятно, что эти акции были скрытой полемикой с президентом России

¹ Фахрутдинов Р. Военный историк: На Украине востребованы методы разведчика Судоплатова // Взгляд. – 2022. – 8 июля. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2022/7/8/1166817.html> (дата посещения: 26.01.2023).

В.В. Путиным, неоднократно осуждавшим политику национально-государственного строительства большевиков и их вклад в формирование территориального состава будущей «незалежной» Украины.

Снос мариупольского памятника жертвам Голодомора и политических репрессий, установленного в рамках политики памяти президента В.А. Ющенко, сфокусированной на интерпретации голода 1930-х годов как акта геноцида, направленного преимущественно против этнических украинцев [Касьянов, 2021], означает решительную борьбу и с этим базисным мифом украинского этнонационализма. Тот факт, что в 2022 г. Европейский парламент, парламенты Чехии, Бразилии, Румынии, Ирландии, Молдовы и Германии в качестве жеста поддержки режима в Киеве приняли резолюции о признании Голодомора геноцидом украинского народа, показывает необходимость четкой артикуляции альтернативной трактовки голода 1930-х годов и на уровне символической политики. В ином случае обвинения в попытке отрицания трагедий 1930-х годов будут воспроизводиться в регулярном режиме¹.

Как известно, репертуар российской символической политики и политики памяти последних лет достаточно активно использовался в ходе подготовки референдумов 23–27 сентября 2022 г. о присоединении к России Запорожской и Херсонской областей (для ДНР и ЛНР, находящихся в состоянии фактической войны с Киевом с 2014 г., в столь активном задействовании этих инструментов необходимости не было). В частности, в областном центре на правом берегу Днепра была размещена целая серия биллбордов «Херсон – город с русской историей», которые после отхода российской армии с территорий на правом берегу Днепра 11 ноября 2022 г. неизбежно подверглись глумлению и уничтожению. Соответственно, в процессе эвакуации, предшествовавшей отходу войск, были демонтированы и вывезены в безопасное место несколько памятников, напоминающих о связях Херсона с имперским и советским прошлым (памятники А.В. Суворову, Ф.Ф. Ушакову, Г.А. Потемкину, В.Ф. Маргелову), а также останки князя Потемкина, покоившиеся в Свято-

¹ См., напр., материал издания, выполняющего в РФ функции иностранного агента: В аннексированном Мариуполе демонтировали мемориал «Жертвам Голодомора» // Meduza. – 2022. – 28 ноября 2022. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20221202232809/https://meduza.io/news/2022/10/19/v-anneksirovannom-mariupole-demontirovali-memorial-zhertvam-golodomora> (дата посещения: 26.01.2023).

Екатерининском храме. Разумеется, в условиях ожесточения и морально-ценностной деградации, связанных с военными действиями, данное решение было абсолютно обоснованным, поскольку власти в Киеве одной из важнейших составляющих своей миссии видят радикальное избавление от российского (а также советского) историко-культурного и символического наследия. Стоит вспомнить, что прах Потемкина подвергался осквернению и в советское время в 1920-е годы (в период коренизации национальной политики), и во время нацистской оккупации, причем надругательство осуществляли украинские националисты¹.

Можно предположить, что при наличии политического решения и информационной поддержки прах и памятник светлейшему князю Потемкину-Таврическому, размещенные во временной локации, могут стать важными объектами политики памяти, ориентированной на акцентирование исторического значения Новороссии и, в частности, территорий, являющихся российскими в соответствии с Конституцией РФ, но контролируемые Украиной. В то же время эти объекты, если к ним будет открыт доступ, могут выступать и красноречивым напоминанием о военных неудачах в ходе СВО.

Уже осенью 2022 г. были предприняты шаги, направленные на интеграцию новых территорий и их крупных городов в единую ткань общефедеральной политики памяти. Показательным стало присвоение президентом РФ 15 ноября 2022 г. Мариуполу и Мелитополу почетных званий «Город воинской славы» со стандартной формулировкой «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества»². Хотя большинство городов воинской славы

¹ Скороход А. Князь Потемкин выстрадал покой // Мой город – Херсон. Режим доступа: <http://mycity.kherson.ua/avtory-ag/skorohod/knyaz-potemkin-vystradal-pokoj.html> (дата посещения: 26.01.2023).

² Указ Президента Российской Федерации от 15.11.2022 № 827 «О присвоении г. Мариуполу почетного звания Российской Федерации “Город воинской славы”» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2022. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211150002> (дата посещения: 26.01.2023); Указ Президента Российской Федерации от 15.11.2022 № 828 «О присвоении г. Мелитополу почетного звания Российской Федерации “Город воинской славы”» // Официальный интернет-портал право-

сыграли значимую роль в ходе сражений Великой Отечественной войны, такая формулировка дает возможность почтить ратный подвиг защитников Отечества всех времен, а в случае с Мариуполем и Мелитополем – подчеркнуть преемственность среди советских борцов с нацизмом и участников СВО. В то же время есть основания говорить и о наличии здесь полемики с символической и мемориальной политикой режима В.А. Зеленского, который еще 6 марта 2022 г. учредил почетное звание «місто-герой України», стремясь заявить о преемственности между советской практикой присвоения звания «город-герой» в память о подвиге городов в Великой Отечественной войне и новой практикой глорификации «отпора российской агрессии». Стоит отметить, что 6 марта Зеленский в числе прочих населенных пунктов присвоил это звание Мариуполю, на тот момент окруженному союзными войсками, Херсону, уже находившемуся под российским контролем, и Волновахе, спустя пять дней после опубликования указа занятой силами ДНР. Добавим, что в 2017 г. Донецку было присвоено звание «город-герой ДНР», а Луганску – «город-герой ЛНР».

Президент В.В. Путин указом от 15 ноября 2022 г. присвоил звание «город трудовой доблести» Луганску и Горловке, наряду с присвоением этого звания семи другим российским городам¹. Присвоение звания «город трудовой доблести» имеет четкую привязку к событиям Великой Отечественной войны. Стремление городских и региональных администраций добиться присвоения данного звания «своему» городу до последнего времени было особенно сильным в тех регионах, которые оставались в тылу сражений Великой Отечественной войны. Однако Луганск и Горловка находились в зоне активных боевых действий в 1941–1943 гг., и, соответственно, имеют основания претендовать на статус «города воинской славы». По всей видимости, в решениях относительно Луганска и Горловки доминировало стремление быстрее вписать

вой информации. – 2022. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211150003> (дата посещения: 26.01.2023).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15.11.2022 № 829 «О присвоении почетного звания Российской Федерации “Город трудовой доблести”» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2022. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211150004> (дата посещения: 26.01.2023).

важные городские центры новых субъектов Федерации в единую стратегию политики памяти.

Несмотря на внутреннюю противоречивость процессов расширения федеральной символической политики и политики памяти на новые территории, есть достаточно серьезные основания прислушаться к тем голосам, которые предсказывают Донбассу особую роль в дальнейшей трансформации российской макрополитической идентичности¹. Жители ЛДНР обладают коллективным опытом, которого на данный момент не имеют большинство граждан России. Если же к ним добавить сотни тысяч россиян, проходящих сейчас через горнило СВО, то, очевидно, мы становимся свидетелями формирования общественной когорты, активные представители которой будут претендовать на свою, выстраданную трактовку прошлого и будущего России и на возможность транслировать эти представления в социальную и политическую практику.

Заключение

Если попытаться обобщить рассмотренные процессы и тенденции, то появляется достаточно оснований говорить об изменениях макрополитической идентичности, связанных в том числе и с политикой памяти, «прорисовыванием» обновленного нарратива биографии российского государства и его усиливающейся секьюритизацией. Однако официальный исторический нарратив в финальной версии не сформирован полностью, тогда как нарастание внутренних рисков и геополитических вызовов побудили федеральные власти форсировать процессы секьюритизации исторической памяти, включая и принудительную «расчистку» арены мнемонической борьбы. В результате уже в период проведения СВО руководству страны пришлось обращаться к задачам содержательного наполнения секьюритизированного нарратива российской истории. Так, встречаясь 4 ноября – в День народного единства – с историками и представителями традиционных религий, президент РФ В.В. Путин заявил, что «дело чести государства, общества и,

¹ См., напр.: Полонский А. Российская политическая нация показала свои качества // Взгляд. – 2022. – 2 ноября. – Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2022/11/2/1184800.html> (дата посещения: 27.01.2023).

конечно же, историков – защищать и нашу подлинную историю, и наших героев, повышать качество исторического образования»¹. Ряд поручений президента РФ, подготовка дальнейших изменений в законодательной и нормативной базе, разработка образовательных стандартов и учебных курсов, активизация работы в сфере исторического просвещения и т.д. должны, очевидно, ускорить содержательное наполнение официального исторического нарратива. Вместе с тем федеральной властью запущены процессы, которые приведут к непосредственному обретению основными социальными группами российского общества нового исторического опыта. Именно этот опыт и станет основным индикатором валидности секьюритизированного исторического нарратива.

D.V. Efremenko*

Gaining certainty in our own past.

Russian identity and memory politics at a new historical fork

Abstract. The article examines changes in the Russian memory politics at the turn of the 2010 s-2020 s, the balance of influence of mnemonic actors, external conditions and internal modalities of the struggle for the political use of the historical past. Growing tensions and conflict potential in Russia's relations with the collective West have now escalated into a multifactorial confrontation in which the collective identity of Russians, the key elements of the historical narrative and collective memory answering the basic questions of identity politics – who we are, where we come from and where we are going to – are being decisively challenged. The author shows that securitization is becoming the dominant trend in the politics of memory, but at the same time, the historical narrative supported by the state is far from being fully completed. The information-psychological and mnemonic struggle both in the international arena and within the country encourages the federal government to focus primarily on the causes and results of the Second World War, the circumstances of the USSR's entry into it, its decisive role in the victory over fascism, as well as the history of Russian-Ukrainian relations. Meanwhile, the securitization of the official historical narrative includes legislative work, e.g. amendments to the Constitution of the Russian Federation, the adoption of «memorial» laws, the tightening and expansion of the scope of legislation on «foreign agents», as well as law enforcement practice, the result of which is a change in the mnemonic actors' configuration and balance of power. The second part of the

¹ Встреча с историками и представителями традиционных религий России. 4 ноября 2022 г. // Президент России. – 2022. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата посещения: 28.01.2023).

* Efremenko Dmitry, INION (Moscow, Russia), e-mail: efd2015@mail.ru

article deals with the problems of the political use of the past in the context of the Special military operation, including the memory politics in the regions incorporated into Russian Federation based on amendments to the Constitution adopted on October 4, 2022.

Keywords: macropolitical identity; memory politics; mnemonic struggle; mnemonic actors; Constitution of Russian Federation; legislation on «foreign agents»; memorial laws.

For citation: Efremenko D.V. Gaining certainty in our own past. Russian identity and politics of memory at a new historical fork. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 15–45. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.01>

References

- Abibok Yu. On the way to creating the 'Donbas people'. Identity policy in the self-proclaimed republics in East Ukraine. *Centre for Eastern studies, Warsaw*. 2018, N 270, P. 1–8.
- Akhiezer A.S. *Russia: criticism of historical experience (social and cultural dynamics of Russia)*. Novosibirsk: Sibirskij Hronograph, 1998, Vol. 1, 804 p.; Vol. 2, 600 p. (In Russ.)
- Babkina E.A. The ideology of "Novorossiya" in the context of the historical policy of the self-proclaimed republics of Donbass. In: Miller A., Efremenko D. (eds). *Politics of memory in modern Russia and countries of Eastern Europe*. Saint Petersburg: Izdatelstvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, P. 591–609. (In Russ.)
- De Baets A. *Crimes against history*. London – New York: Routledge, 2019, 198 p.
- Berenskoetter F. Parameters of a national biography. *European journal of international relations*. 2014, Vol. 20, N 1, P. 262–288. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066112445290>
- Daucé F. The duality of coercion in Russia: cracking down on «foreign agents». *Demokratizatsiya: the journal of post-soviet democratization*. 2015, Vol. 23, N 1, P. 57–75.
- Epple N. *An inconvenient past: the memory of state crimes in Russia and other countries*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 576 p. (In Russ.)
- FIDH. *Russia: «Crimes against history»*. Paris: FIDH, 2021, June, N 770 a, 64 p.
- Florini A. (ed.). *The third force: The rise of transnational civil society*. Tokyo–Washington: Japan center for international change and Carnegie endowment for international peace, 1999, 295 p.
- Giesen A. Memory divided: representation of the conflict around «Memorial center "Perm-36"» in the Russian media. *Journal issledovanij socialnoj politiki*. 2015, Vol. 13, N 3, P. 363–376. (In Russ.)
- Goode J.P. Patriotism without patriots? Perm'-36 and patriotic legitimization in Russia. *Slavic Review*. 2020, Vol. 79, N 2, P. 390–411. DOI: <https://doi.org/10.1017/slr.2020.89>
- Halverson J., Corman S., Goodall H.L. *Master narratives of Islamist extremism*. New York: Palgrave Macmillan, 2011, 253 p.
- Kasyanov G.V. «Holodomor» as a subject of symbolic politics. In: Lapin V., Miller A. (eds). *Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe*.

- St. Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021, P. 268–288. (In Russ.)
- Kharitonova E.G. Information resources of public organizations: history, composition of funds, activities of the archive and library of the International Society “Memorial” (late 1980 s – 2000 s). *Obshestvo. Sreda. Razvitie. (Terra Humana)*. 2016, Vol. 40, N 3, P. 21–26. (In Russ.)
- Khlevnyuk D.O., Maximova A.S. Birthplaces of our fear: Reception of Yuri Dud’s documentary «Kolyma» in social media. *Interakzija. Intervju. Interpretazija*. 2021, Vol. 13, N 4, P. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>
- Khlevnyuk D.O. Memory of repressions in Russian regions: four trends In: Miller A., Malinova O., Efremenko D. (eds). *The politics of memory in Russia – a regional dimension*. Moscow: Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2023, P. 366–400. (In Russ.)
- Kulikova S.A., Kirnosov I.D. Protection of historical memory as an institution of constitutional law: Russian and foreign experience. *Bulletin Saratovskogo universita. Novaya seria. Serii Economica. Upravlenie. Pravo*. 2022, Vol. 22, Iss. 1, P. 65–72. (In Russ.)
- Kuzio T. Between authoritarianism, fascism, and imperialism: exploring the new Putin regime: introduction to the special issue. *Communist and post-communist studies*. 2016, Vol. 49, N 1, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2015.12.002>
- Malinova O. Yu. Amending the Russian constitution as symbolic politics: 1993–2020. *Polis. Political studies*. 2021, N 3, P. 17–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03> (In Russ.)
- Malinova O. Yu. The politics of memory in the Urals and Western Siberia (the cases of the Perm, Sverdlovsk, Tomsk, Novosibirsk and Altai regions). In: Miller A., Malinova O., Efremenko D. (eds). *The politics of memory in Russia – a regional dimension*. Moscow: Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2023, p. 231–266. (In Russ.)
- Mälksoo M. 'Memory must be defended': Beyond the politics of mnemonical security. *Security Dialogue*. 2015, Vol. 46, N 3, P. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Putilova E.G. From the history of the formation and development of the publishing activities of the International Society "Memorial" (late 1980 s – 2000 s). *Obshestvo. Sreda. Razvitie. (Terra Humana)*. 2015, Vol. 35, N 2, P. 42–47. (In Russ.)
- Sherlock T. Russian politics and the Soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin. *Communist and post-communist studies*. 2016, Vol. 49, N 1, P. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.01.001>
- Solovyov S. Symbolic re-Sovietization and grassroots patriotism. *Russia in global affairs*. 2022, Vol. 20, N 4, P. 165–180. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-165-180>.
- Tokarev A.A. Form and Dynamics of Secessions in the Post-Soviet Space: An Experience of Predictive Modeling. *Dissertation for the degree of doctor of political sciences*. Moscow, 2021, 486 p. Mode of access: <https://mgimo.ru/upload/2020/11/tokarev-diss.pdf> (accessed: 24.01.2023) (In Russ.)
- Veselov F.D. The last address: a non-state memorial project and the politics of memory in Russia. In: Miller A., Efremenko D. (eds). *Politics of memory in modern Russia*

- and countries of Eastern Europe*. St. Petersburg: Izdatelstvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, P. 202–231. (In Russ.)
- Victimhood Olympics. *Russia in global affairs*. 2020, N 4, P. 62–99. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-62-99>
- Vnukova L.B., Vlaskina T. Yu. Self-Identification of Donbass Residents in the context of socio-political views: social and linguistic aspect. *Bulletin Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021, N 463, P. 73–86. (In Russ.)
- Voronovici A. Internationalist separatism and the political use of «historical statehood» in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass. *Problems of post-communism*. 2020, Vol. 67, N 3, P. 288–302. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918>
- Yefremenko D. Memory as Casus Belli. *Rossiya v globalnoi politike*. 2022, Vol. 20, N 6, P. 119–141. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – Т. 1. – 804 с.; Т. 2. – 600 с.
- Бабкина Е.А. Идеология «Новороссии» в контексте исторической политики самопровозглашенных республик Донбасса // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2020. – С. 591–609.
- Веселов Ф.Д. Последний адрес: негосударственный мемориальный проект и политика памяти в России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы / под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 202–231.
- Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 463. – С. 73–86.
- Гизен А. Расколотая память: отражение конфликта вокруг «Мемориального центра Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13, № 3. – С. 363–376.
- Ефременко Д.В. Память как casus belli // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 6. – С. 119–141. – DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141>
- Касьянов Г.В. «Голодомор» как субъект символической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 268–288.
- Куликова С.А., Киринов И.Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, Вып. 1. – С. 65–72.

- Малинова О.Ю. Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993–2020 // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 3. – С. 17–37. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03>
- Малинова О.Ю. Политика памяти на Урале и в Западной Сибири (на примере Пермского края, Свердловской, Томской, Новосибирской областей и Алтайского края) // Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 231–266.
- «Олимпиада жертв исторической несправедливости» // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 2. – С. 110–146.
- Путилова Е.Г. Из истории становления и развития издательской деятельности Международного общества «Мемориал» (конец 1980-х – 2000-е гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2015. – Т. 35, № 2. – С. 42–47.
- Соловьев С.М. Символическая ресоветизация и низовой патриотизм // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 5. – С. 121–135. – DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-165-180>
- Токарев А.А. Форма и динамика сецессий на постсоветском пространстве: опыт прогнозного моделирования: дис. ... д-ра полит. наук. – Москва, 2021. – 486 с. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/2020/11/tokarev-diss.pdf> (дата посещения: 24.01.2023).
- Харитонова Е.Г. Информационные ресурсы общественных организаций: история, состав фондов, направления деятельности Архива и библиотеки Международного общества «Мемориал» (конец 1980-х – 2000-е гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2016. – Т. 40, № 3. – С. 21–26.
- Хлевнюк Д.О., Максимова А.С. Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 28–46. – DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>
- Хлевнюк Д.О. Памяти о репрессиях в российских регионах: четыре тенденции // Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 366–400.
- Эппле Н.В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 576 с.

А.И. МИЛЛЕР*

**ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА В.В. ПУТИНА
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ В 2019–2022 гг.:
АНАЛИЗ МОТИВОВ И АДРЕСАТОВ¹**

Аннотация. В статье рассматриваются выступления президента РФ В.В. Путина по вопросам исторического прошлого как политические коммуникативные акты. Анализ начинается с выступлений премьер-министра Путина во время визита в Польшу в 2009 г., в ходе которого был создан прецедент публикации специальной статьи по историческим вопросам. Тональность этих выступлений можно охарактеризовать как агонистскую, т.е. ориентированную на взаимоуважительный диалог. Каждое из выступлений 2019–2021 гг. имело целый ряд адресатов и содержало важные политические послания. В 2019–2020 гг. Путин пытался воспрепятствовать ревизии «нюрнбергского нарратива» Второй мировой войны и выступал с предложениями диалога по этому вопросу в адрес ведущих стран Запада. Он также предлагал встречу лидеров государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН для обсуждения этой темы. На этом этапе мы видим сохранение стремления к «агонистскому» подходу в отношениях со «старыми» странами Запада и остро конфронтационную тональность в отношении Польши и прибалтийских государств. В статье 2021 г., посвященной украинской тематике, дано наиболее полное на сегодняшний день обоснование ирредентист-

* **Миллер Алексей Ильич**, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербурга, Россия), e-mail: millera2006@yandex.ru

¹Статья подготовлена в рамках проекта «Основные тенденции трансформации мемориальной культуры и коммеморативных практик в России (конец 2010-х – начало 2020-х годов): комплексный междисциплинарный анализ» (государственный номер 122101100024–8), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.02

ского подхода в российской внешней политике. В ней уже однозначно доминирует конфронтационная тональность в отношении Запада. Президент обращается уже исключительно к США, что потом проявится вполне открыто через полгода, когда он потребует именно от Вашингтона письменных гарантий по Украине. Таким образом, агонистский подход в его текстах исчезает, а антагонистический вполне утверждается.

Ключевые слова: политика памяти; Владимир Путин; агонистский подход; память о Второй мировой войне; Россия; Польша; Украина.

Для цитирования: Миллер А.И. Выступления Президента В.В. Путина по историческим вопросам в 2019–2022 гг.: анализ мотивов и адресатов // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 46–64. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.02>

В.В. Путин довольно часто обращался к истории в своих выступлениях в качестве президента и председателя правительства РФ. Тщательный анализ этих обращений к прошлому в его выступлениях до 2018 г. был проделан О.Ю. Малиновой [Малинова, 2015; Малинова, 2019; Malinova 2022]. В выступлениях по актуальным вопросам краткие отсылки к прошлому имели вспомогательный характер, дополняя и «украшая» речь. Довольно часто Путин выступал в связи с различными памятными датами и юбилеями, где апелляция к истории предполагается самим жанром речи. Встречаются также выступления «директивного» характера на встречах с «исторической общественностью», с рекомендациями о том, как организовать работу историков, преподавание истории в школе и т.д.

Лишь однажды за этот длительный период Путин выступил со статьей по вопросам истории. Это была его публикация в «Газете Выборчей» под названием «Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства», которая предвляла выступление премьера Путина в 2009 г. на Вестерплатте в ходе визита в Польшу¹.

С конца 2019 г. обращения Путина к исторической проблематике приобрели новое качество и форму. Это были развернутые речи и, что не имело прецедента после статьи 2009 г., две специальные статьи первого лица государства по историческим вопросам. Эти выступления принимались как не подлежащие критике в среде

¹ Выступление Владимира Путина на официальной церемонии в Гданьске // Независимая газета. – 2009. – 1 сентября. – Режим доступа: https://www.ng.ru/newsng/2009-09-01/100_putin.html (дата посещения 12.12.2022).

союзных власти организаций, таких как РВИО и РИО. Они же были мишенью разнообразного охаивания со стороны политических противников Путина. Лишь изредка эти тексты становились предметом серьезного критического анализа именно в своей исторической составляющей¹.

При всем внимании, позитивном и негативном, которое получили недавние выступления президента, посвященные истории, поражает то, что они практически не анализировались как политические высказывания, каковыми, без сомнения, они прежде всего и являются. Иначе говоря, нам еще только предстоит разобраться, кто был адресатом каждого из этих выступлений, каковы были их политические задачи. Данная статья предлагает ответы на эти вопросы, которые, как представляется, существенно дополняют наше понимание о динамике политических процессов в этот полный драматизма период.

Но сначала обратимся к 2009 г., когда Путин создал прецедент развернутого письменного выступления на острую историческую тему. Визит Путина в Польшу по приглашению его коллеги по должности, польского премьера Д. Туска, происходил в день начала Второй мировой войны. Ему предшествовал длительный период весьма напряженных отношений между Москвой и Варшавой, как и между коллективным Западом и Россией. Потепление в отношениях Варшавы и Москвы происходило параллельно разворачиванию «перезагрузки» отношений Вашингтона с Москвой, начатой новой администрацией Барака Обамы. Именно в этом контексте следует анализировать речь Путина на Вестерплатте и его статью в «Газете Выборчей»².

¹ Так, например, историк Стивен Коткин справедливо отметил, что исторические статьи, публикуемые действующим президентом крупного государства, – явление редкое и потому заслуживающее внимательного анализа, и подробно разобрал статью Путина о Второй мировой войне, не обнаружив в ней существенных ошибок фактического характера, но не согласился с некоторыми интерпретациями, предложенными автором (*The World According to Putin: Debating Why World War II Happened*. – 2020. – July 15. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=fgiO0jAFsVU>). В том же ключе оппонировал Путину уже в печати другой американец, Филипп Дэвид Зеликов в статье «Ответ президенту Путину» [Зеликов, 2020].

² Владимир Путин: 'Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?' Статья председателя правительства Российской Федерации В.В. Путина в 'Газета Выборча' // ИноСМИ. – 2009. –

В обстоятельствах визита темой исторических рассуждений Путина ожидаемо стали договор о ненападении России и Германии 23 августа 1939 г. и Катынь. Оба эти события Путин поставил в более широкий контекст, с самого начала заявив, что «предвоенная ситуация в Европе рассматривается фрагментарно и вне причинно-следственной взаимосвязи». Принципиально важному заявлению, что «без всяких сомнений, можно с полным основанием осудить пакт Молотова – Риббентропа, заключенный в августе 1939 года», и оценке пакта как «аморального» Путин предпослал перечисление более ранних событий, а именно Мюнхенского соглашения 1938 г. Франции и Британии с Гитлером, раздела Чехословакии (с участием в нем Польши) и аншлюса Австрии. Говоря о расстреле польских военнопленных в 1940 г., Путин заявил, что «мемориалы “Катынь” и “Медное”, как и трагическая судьба русских солдат, взятых в польский плен в ходе войны 1920 г., – должны стать символами общей скорби и взаимного прощения»¹.

Речь Путина и его статья были выдержаны в подчеркнуто уважительном и примирительном тоне, что само по себе было посланием к нескольким адресатам. Весной и летом 2009 г. Европарламент и ОБСЕ приняли резолюции, предлагавшие сделать день 23 августа днем памяти жертв нацизма и сталинизма [Миллер, 2016]. Наиболее активную роль в принятии этого решения играли политики Прибалтики. В России эти события не прошли незамеченными, вызвали критику и протесты. Раздражение в отношениях с прибалтийскими республиками и Польшей нарастало с 2005 г., когда в этих странах широко обсуждалась и частично была реализована идея бойкота юбилейных торжеств 9 мая в Москве, и полу-

21 августа. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20090831/252071.html> (дата посещения: 12.12.2022).

¹ «Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?» – в речи в Гданьске Путин повторил эту формулу, осудив действия руководства СССР и призвав другие страны осудить свои преступления этого периода. «Все попытки умиротворить нацистов, заключая с ними различные соглашения и пакты, были с моральной точки зрения неприемлемыми, а с политической – опасными и бессмысленными. Эти ошибки нужно признать. Наша страна сделала это. Госдума осудила пакт Молотова – Риббентропа. Мы ожидаем, что и в других странах это будет сделано». (Выступление Владимира Путина на официальной церемонии в Гданьске // Независимая газета. – 2009. – 1 сентября. – Режим доступа: https://www.ng.ru/newsng/2009-09-01/100_putin.html (дата посещения 12.12.2022)).

чило дополнительные стимулы в 2007 г. в виде истории с переносом «Бронзового солдата» в Эстонии и других подобных событий. Мюнхенская речь Путина 2007 г. явилась наиболее известным, но далеко не единственным проявлением неудовлетворенности Москвы ее отношениями с Западом. В российской прессе накануне визита Путина в Польшу было немало высказываний о несвоевременности и бессмысленности этой поездки. Таким образом, взвешенный и примирительный тон высказываний российского премьера был сигналом для российской общественности о том, что власти страны готовы отказаться от конфронтационной политики, если получат адекватного партнера с другой стороны¹. От Туска такой сигнал поступил, и Путин его принял, а Прибалтику в этой речи называть тщательно избегал, в ожидании, не сменят ли курс и там, и говорил о безымянных «тех, кто занимается передергиванием истории».

И, конечно, адресатом Путина была «старая Европа». Именно к ней Москва традиционно обращалась, когда критиковала историческую политику новых членов ЕС, прибалтов и поляков, которая так разительно отличалась от консенсуса в политике памяти, сформировавшегося в прежнем ЕС к концу XX в. Москва предлагала Берлину и Парижу призвать новых членов ЕС к порядку и с огорчением наблюдала за тем, как, напротив, новички из Восточной Европы начинали менять культуру памяти в ЕС. Именно к лидерам ЕС и США были обращены заключительные слова статьи Путина, его апелляция к консенсусу Нюрнбергского процесса: «Создание антигитлеровской коалиции – это, без преувеличения, поворотный пункт в истории XX века, одно из крупнейших, определяющих событий прошедшего столетия. Мир увидел, что страны и народы, при всех их различиях, многообразии национальных устремлений, тактических противоречиях – способны объединяться во имя будущего, для противодействия глобальному злу. И сегодня, когда нас скрепляют единые ценности – мы просто обязаны использовать этот опыт партнерства, чтобы эффективно противостоять общим вызовам и угрозам, расширять глобальное про-

¹ Это обстоятельство нередко ускользает от внимания исследователей, маркирующих 2009 г. как время эскалации российской конфронтационной политики памяти со ссылкой на создание известной президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. См., напр.: [Kasianov, 2022].

странство сотрудничества, стирать такие анахронизмы, как разделительные линии – какой бы характер они ни носили»¹.

Теперь мы можем перепрыгнуть через десятилетие, в предковидный 2019 г. Во время встречи президента Путина 3 октября 2019 г. с экспертами Валдайского клуба немецкий политолог А. Рар задал Путину вопрос о резолюции Европейского парламента, принятой за две недели до этого². В резолюцию ЕП «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» от 19 сентября 2019 г. на СССР и Германию возлагалась равная и исключительная вина за начало Второй мировой войны³. Путин тогда не признался, что не знаком с резолюцией, но его ответ, состоявший из общих рассуждений, ясно об этом свидетельствовал. Вопрос он, однако, запомнил, и с резолюцией, равно как и с обстоятельствами ее принятия, вскоре ознакомился.

20 декабря 2019 г. стало ясно, что эта резолюция показалась ему крайне важной. Именно с нее Путин начал весьма необычное продолжительное выступление на неформальном саммите СНГ в Санкт-Петербурге: «Меня несколько удивила, даже немножко задела одна из последних резолюций Европейского парламента от 19 сентября 2019 года “о важности сохранения исторической памяти для будущего Европы”, так написано. Мы тоже всегда с вами вместе стремились обеспечить это качество истории, ее правдивость, открытость и объективность. Хочу еще раз подчеркнуть, это касается всех нас, потому что мы в известной степени наследники бывшего Советского Союза. Когда говорят о Советском Союзе, говорят о нас». Сразу был обозначен первый, очевидный адресат речи – сидящие с Путиным за общим столом лидеры стран СНГ. Об их государствах как наследниках, наряду с Россией, памяти о

¹ Владимир Путин: 'Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?' Статья председателя правительства Российской Федерации В.В. Путина в 'Газета Выборча' // ИноСМИ. – 2009. – 21 августа. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20090831/252071.html> (дата посещения: 12.12.2022).

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай». – 2019. – 3 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата посещения: 12.12.2022).

³ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата посещения: 12.12.2022). О реакции на резолюцию российских СМИ см.: [Булдакова, 2021].

победе в войне, он скажет в этой речи еще не раз, подчеркивая, что уничтожение памятников солдатам-освободителям в странах Восточной Европы оскорбляет и выходцев из их республик¹. В лице лидеров СНГ Путин обращался к тому кругу стран, где, как теперь вполне ясно, он только и мог рассчитывать на более или менее последовательную солидарность с российским нарративом Второй мировой войны [Память о Второй мировой войне, 2022].

Однако лидеры стран СНГ не были, конечно, единственным и даже главным адресатом. Цитаты из Черчилля и американских политиков середины XX в., призванные показать, что на Западе были люди, верно понимавшие и ущербность Мюнхенских соглашений, и роль советской армии в разгроме Германии, сопровождались замечанием: «Очень бы хотелось, чтобы и наши коллеги на Западе вообще и в Европе в частности имели это в виду. Если не хотят слушать нас, пусть послушают авторитетных руководителей своих стран, которые понимали, что они говорят, и знали эти события не понаслышке». На тот момент, когда Путин выступал с этой речью, ни один видный немецкий или французский политик не прокомментировал резолюцию Европарламента, и Путину было важно такую реакцию получить.

Далеко не сразу, но видный германский политик, министр иностранных дел Х. Масс выступил с осуждением тезиса о равной ответственности СССР и Германии, и заявил, что только Германия несет ответственность за развязывание войны и Холокост². Правда, его выступление на тот момент уже скорее диссонировало с общим тоном высказываний западных политиков на эту тему. К этому вопросу мы еще вернемся в нашей статье.

¹ Заметим, что нет информации о каких-либо протестах против демонтажа таких памятников советским солдатам со стороны других стран СНГ, кроме России. Конечно, их присоединение к таким протестам имело бы на тот момент большое значение.

² «Allein Deutschland trägt die Verantwortung für den Zweiten Weltkrieg und den Holocaust. Wer daran Zweifel sät und andere Völker in eine Täterrolle drängt, der fügt den Opfern Unrecht zu». См.: Keine Politik ohne Geschichte. Der Spiegel. – 7.05.2020. – Mode of access:: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/keine-politik-ohne-geschichte-a-d74deffe-c0f3-4ff7-a6af-dc713e74c6f3?fbclid=IwAR2HanKuScyzpWoiwREuM0I0TJHxTGfTvrONXZxIkUMzS8yXHxOUSlkeM> (accessed: 03.03.2023).

Еще один адресат речи Путина – Польша. И тут, по контрасту с выступлениями 2009 г., он не придерживался корректности, напротив, очевидным образом провоцировал поляков. Почти половина речи была посвящена описанию неприглядного поведения польских элит накануне Второй мировой войны. Опубликованная стенограмма речи была даже подредактирована, из нее были вырезаны, например, слова «сволочь, антисемитская свинья», сказанные Путиным в адрес посла предвоенной Польши Й. Липского. Было бы наивно полагать, что Путин так просто «мстил» за ведущую роль польских депутатов ЕП в принятии резолюции от 19 сентября 2019 г. (Радослав Сикорский был одним из ее авторов.)

Путин провоцировал, и его провокация удалась. Следующие две недели были полны самых агрессивных и раздраженных реакций на речь Путина в польской прессе, было и немало выступлений польских официальных лиц в международных изданиях¹. В чем, как можно предположить, была политическая прагматика этой провокации?

Путин произносил свою речь за месяц до важных международных мероприятий, связанных с годовщиной освобождения Аушвица советской армией 27 января 1945 г. В польском Освенциме в этот день традиционно проходят памятные мероприятия.

¹ См.: Ziemska A. MSZ: słowa Putina nawiązują do propagandy z czasów totalitaryzmu stalinowskiego. Polska Agencja Prasowa SA, – 22.12.2019. – Mode of access: <https://www.pap.pl/aktualnosci/news%2C561523%2Cmsz-slowa-putina-nawiazuja-do-propagandy-z-czasow-totalitaryzmu> (accessed: 03.03.2023);

Radziwinowicz W. Putin szczuje na Polskę. Według prezydenta Rosji miała ona aprobować zagładę Żydów. Gazeta Wyborcza. – 23.12.2019. – Mode of access: <https://wyborcza.pl/7,75399,25541699,putin-szczuje-na-polske-wedlug-prezydenta-rosji-miala-ona-aprobowac.html> (accessed: 03.03.2023); Władimir Putin o polskim ambasadorze w III Rzeszy: To był bydlak i antysemita. Gazeta.pl. – 24.12.2019. – Mode of access: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114884,25544812,wladimir-putin-o-polskim-ambasadorze-w-iii-rzeszy-to-byl-bydlak.html> (accessed: 03.03.2023); Świerczyński M. Putin odgrzewa propagandową wojnę z Polską. Polityka. – 27.12.2019. – Mode of access: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1936818,1,putin-odgrzewa-propagandowa-wojne-z-polska.read> (accessed: 03.03.2023); Memches F. Putin szuka sojuszników przeciw Polsce. W Izraelu. TVP Tygodnik. – 27.12.2019. – Mode of access: <https://tygodnik.tvp.pl/45913010/putin-szuka-sojusznikow-przeciw-polsce-w-izraelu> (accessed: 03.03.2023);

Labuszewska A. Słowa Stalina w ustach Putina. Tygodnik Powszechny. – 28.12.2019. – Mode of access: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/slowa-stalina-w-ustach-putina-161618> (accessed: 03.03.2023).

К концу декабря было понятно, что Путин приглашения в Польшу не получил, что было ожидаемо, но что не отменяло оскорбительного характера этого шага. Между тем форум в память об освобождении Аушвица и о Холокосте в целом был также запланирован на 23 января в Яд Вашем в Иерусалиме. В нем Путину была отведена ведущая роль – он должен был выступить с речью и открыть в Иерусалиме памятник жертвам блокады Ленинграда, которую можно считать неоспоримым кейсом геноцида советских людей в ходе Второй мировой войны¹. В форуме приняли участие более 40 мировых лидеров. После декабрьского выступления Путина польский президент А. Дуда оказался в ситуации цугцванга. Поехать на форум и молча выслушать речь Путина, в которой могли вновь оказаться болезненные для Польши мотивы, Дуда не мог. В выступлении на форуме после Путина, чего добивалась Варшава, Дуде было отказано. Польскому президенту не оставалось ничего другого, как отказаться от участия в этом форуме, что тоже было политически ущербным шагом². По представительству форум в Иерусалиме намного превзошел мемориальные мероприятия в Освенциме, что стало успехом символической политики Москвы.

Между тем речь Путина в Иерусалиме оказалась выдержана в принципиально иной тональности, чем его декабрьское выступление. Говоря о Холокосте, он сказал, что «у этого преступления были и соучастники, пособники. В жестокости они зачастую превосходили своих хозяев. Фабрики смерти, концлагеря обслуживали не только нацисты, но и их пособники во многих странах Евро-

¹ Именно в преддверии 75-летия Победы тема геноцида советского народа стала все активнее входить в повестку политики памяти в России. Эта тема имела как внешнеполитический акцент, в качестве ответа на нарратив о двух тоталитаризмах, так и внутриполитическое звучание. Причем именно внутриполитическое значение темы страданий советского (и русского) народа в оккупации по мере развития событий в 2020–2022 гг. возрастало, а международное – снижалось.

² В последний момент отказался от присутствия на форуме и В. Зеленский, приехавший, в отличие от А. Дуды, в Иерусалим. См.: Nowiński A. Putin wykiwał Dudę? ‘Holokaust jest elementem politycznej koniunktury. To niedopuszczalne’. naTemat.pl. – 23.01.2020. – Mode of access: <https://natemat.pl/297389,putin-wykiwal-dude-i-nie-zaatakowal-polski-podczas-przemowienia-w-izraelu>. (accessed: 03.03.2023); Kaczyński dla ‘Bild’a’: Polacy ofiarami, Rosjanie sprawcami – taka rola Putinowi nie odpowiada. Forsal. – 25.01.2020. – Mode of access: <https://forsal.pl/artykuly/1450421,kaczynski-dla-bilda-polacy-ofiarami-rosjanie-sprawcami-taka-rola-putinowi-nie-odpowiada.html> (accessed: 03.03.2023).

пы»¹. Это замечание можно при желании оценить как намек на не покаявшихся за участие в Холокосте стран Восточной Европы, но в целом оно вполне соответствовало европейскому мемориальному консенсусу в отношении Холокоста. Ни одна страна не была названа конкретно. В остальном речь Путина была весьма сдержанной и в тональности, и в заявлениях, что резко контрастировало с выступлением месячной давности.

Акцент был сделан на призыве к диалогу для подтверждения незыблемости того нарратива Второй мировой войны, который был закреплён державами-победительницами. «Забвение прошлого, разобщенность перед лицом угроз могут обернуться страшными последствиями. У нас должно быть мужество не только прямо сказать об этом, но и сделать все, чтобы защитить и отстоять мир. Пример, на мой взгляд, могут и должны подать страны – основательницы Организации Объединенных Наций, пять держав, которые несут особую ответственность за сохранение цивилизации. Мы обсуждали с некоторыми коллегами и, насколько я понимаю, в целом увидели положительную реакцию, [возможность] провести встречу глав государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН: России, Китая, США, Франции и Великобритании. В любой стране, в любой точке мира, где это будет удобно коллегам. Россия готова к такому серьезному разговору. Мы намерены не откладывая направить соответствующие послания лидерам “пятерки”»².

Таким образом, Путин пытался провести границу между ревизионизмом Польши (и балтийских республик), который он так резко атаковал в декабре 2019 г., и «державами, отвечающими за сохранение цивилизации». В юбилейный год 75-летия завершения войны Путин обращался к лидерам стран постоянных членов Совбеза с приглашением встретиться и подтвердить незыблемость того нарратива Второй мировой, который был сформирован в 1945 г. Иначе говоря, Путин в 2020 г. пытался подтвердить готовность к агонистской, нацеленной на диалог, политике памяти, которую он демонстрировал в 2009 г. [Berger, Kansteiner, 2021].

¹ Форум «Сохраняем память о Холокосте, боремся с антисемитизмом» // Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62646> (дата посещения: 12.12.2022).

² Там же.

События юбилейного 2020 г. ожидаемо были богаты на символические шаги в области политики памяти. Им свойственна серьезная разногласия. Пожалуй, самый показательный в этом смысле момент – 7 мая 2020 г. В этот день, как мы уже отмечали, министр иностранных дел Германии Х. Масс выступил со статьей, в которой возражал против нарратива «двух тоталитаризмов». А госсекретарь США М. Помпео вместе с министрами иностранных дел девяти посткоммунистических стран – членов НАТО опубликовал декларацию, в которой осуждались «попытки России фальсифицировать историю», лишь кратко упоминались события войны, а главное внимание отводилось оккупации балтийских республик и страданиям тех стран, которые попали в неволю к СССР после войны. Таким образом, США открыто принимали на себя роль главного спонсора политики памяти, проводимой странами «молодой Европы» и разрушающей прежний мемориальный консенсус ЕС. Фокус с войны и роли Красной армии в разгроме Германии и Японии смещался на «послевоенную оккупацию»¹. Иными словами, тенденция к решительному пересмотру нарратива Второй мировой была очевидна, но было очевидно и то, что этот курс не всеми на Западе на тот момент разделялся.

В этих обстоятельствах Путин выступил с обещанной им статьей о войне. Ее спешно и не слишком качественно переведенная на английский язык версия появилась в журнале *The National Interest* 18 июня, а на следующий день сайт президента опубликовал оригинальную русскую версию².

Статья была своеобразной декларацией о намерениях в сфере политики памяти на международной арене. Путин снова подчеркнул, что причины войны недопустимо сводить к советско-германскому пакту августа 1939 г., что это сложный комплекс событий и процессов, ответственность за который лежит на многих странах. Он отверг квалификацию присоединения Прибалтики к СССР как «оккупацию». Приведя цифры советских потерь и по-

¹ US along with 9 NATO friendly countries contested WWII history told by Russia // DispatchNewsDesk. – 2020. – May 8. – Mode of access: <https://www.dispatchnewsdesk.com/us-along-with-9-nato-friendly-countries-contested-wwii-history-told-by-russia/> (accessed: 20.12.2020).

² Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России. – 2020. – 19 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата посещения: 12.12.2022).

терь Германии на Восточном фронте, он подчеркнул решающую роль СССР в разгроме Германии. Он также оспаривал тезис о советской оккупации, которая сменяла немецкую, цитируя документы о помощи СССР населению тех стран, куда приходила в 1944–1945 гг. Красная армия. Фактически он формулирует те позиции, на которых Россия будет в дальнейшем настаивать в конфронтации по вопросам памяти о войне.

При этом Путин повторяет свое приглашение к диалогу, адресованное постоянным членам СБ ООН, декларирует открытие архивов и предлагает отдать профессиональным историкам обсуждение спорных вопросов. Очевидно, что статья адресована прежде всего США, где и была в первую очередь опубликована, притом что если на Западе и была страна, в которой можно было рассчитывать на отклик в данное время, то это Германия.

Когда автор этой статьи во время встречи с В.В. Путиным в рамках заседания Валдайского клуба в октябре 2021 г. спросил его о перспективах предложенной им встречи глав государств пятерки постоянных членов Совета Безопасности для обсуждения, в том числе, и политики памяти, Путин не исключил такую возможность. Но было видно, что в его глазах она уже утратила актуальность: «Сама идея встречи встречена была весьма позитивно, и, надеюсь, может быть, это когда-то и состоится. Это точно пойдет на пользу»¹. То ощущение, что на данном этапе определяется траектория развития политики памяти о Второй мировой войне, которое, как можно предположить, заставляло его быть таким активным на этой площадке в период с конца 2019 г. вплоть до середины 2020 г., ушло. Нарратив о «двух тоталитаризмах», который страны Восточной Европы продвигали со времени своего вступления в ЕС, стал доминирующим. Попытка Путина спасти прежнее разделение сил добра и зла оказалась неудачной. Идея о единстве ценностей с ведущими странами Запада, прежде всего партнерами по антигитлеровской коалиции, к которой Путин апеллировал в 2009 г. и к которой призывал вернуться в начале 2020 г., осталась в прошлом. Акцент теперь был сделан на ценностном конфликте с объединенным Западом.

¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». – 2021. – 21 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата посещения: 12.12.2022).

Это не значит, что российская политика памяти в вопросе памяти о войне не была активной и позднее. Напротив, в этой сфере энергично работали и продолжают работать многие мнемонические акторы, связанные с Кремлем. Но это уже работа, ориентированная почти исключительно на домашнюю аудиторию. Запад ее игнорирует, страны за пределами Европы всегда имели свои, весьма специфичные нарративы Второй мировой [Память о Второй мировой ... , 2022].

Через год после публикации статьи в *The National Interest* Путин снова выступил с пространной статьей на историческую тему. 12 июля 2021 г. одновременно на русском и на украинском языке президентский сайт опубликовал статью Путина «Об историческом единстве русских и украинцев»¹.

Анализ в рамках выбранной нами оптики упрощается тем, что прямо на следующий день после публикации статьи Путин посчитал необходимым выступить с разъяснениями и дал на эту тему интервью². Иначе говоря, он воспринимал статью как важное высказывание, и счел нужным дополнительно пояснить ее главные послания. Среди прочего ему был задан вопрос: «Кому прежде всего Вы адресуете эту статью: “им” или “нам”?» В. Путин ответил: «Я не делю на “им” или “нам”. Я же и в этом материале говорю о том, что это единая общность, поэтому всем нам: и тем, кто проживает в сегодняшней России, и тем, кто проживает в сегодняшней Украине, и спонсорам политического руководства сегодняшней Украины. Они тоже должны знать, что мы из себя представляем и как мы друг к другу относимся. На мой взгляд, это важно для всех». Стоит разобраться, что Путин говорил в этой статье всем перечисленным адресатам.

Конечно, этот текст был адресован тем многочисленным украинцам, которые, как полагал Путин, не поддерживали анти-

¹ Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // Сайт Президента России. – 2021. – 12 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата посещения: 12.12.2022).

² Владимир Путин ответил на вопросы о статье «Об историческом единстве русских и украинцев» // Сайт Президента России. – 2021. – 13 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66191> (дата посещения: 12.12.2022).

российский курс киевских властей¹. Его публикация на украинском должна была подчеркнуть готовность принимать культурную особенность украинцев: «И конечно, часть одного народа в ходе своего развития – в силу ряда причин, исторических обстоятельств – может в определенный момент ощутить, осознать себя отдельной нацией. Как к этому относиться? Ответ может быть только один: с уважением!» Ниже он еще раз повторит это: «Мы с уважением относимся к украинскому языку и традициям. К стремлению украинцев видеть свое государство свободным, безопасным, благополучным»². В свете последующих событий можно предположить, что Путин в этом тексте, адресуясь к украинцам, намекал, что даже в случае возможной вооруженной конфронтации он не видит в украинцах врагов, а задачу понимает не как уничтожение украинского государства, но как смену враждебного России режима в Киеве.

Адресатом этого текста были и жители России. Предложенный Путиным исторический нарратив давал развернутое обоснование ирредентизма. Ирредентистские идеи появлялись в его выступлениях с 2007 г., они были частью аргумента в пользу присоединения Крыма, но с такой полнотой они были заявлены впервые [Миллер, 2017].

«Современная Украина – целиком и полностью детище советской эпохи. Мы знаем и помним, что в значительной степени она создавалась за счет исторической России. Достаточно сравнить, какие земли воссоединились с Российским государством в XVII веке и с какими территориями УССР вышла из состава Советского Союза... В конечном счете, чем именно руководствовались лидеры большевиков, кромсая страну, уже не имеет значения. Можно спорить о деталях, о подоплеке и логике тех или иных решений. Очевидно одно: Россия фактически была ограблена». Чуть далее Путин не просто цитирует А. Собчака, но и прямо соглашается с ним: «Хотите создать собственное государство?

¹ «Ведь на Украине очень много, миллионы людей, которые хотят восстановления отношений с Россией. Я уверен, это миллионы людей». Владимир Путин ответил на вопросы о статье «Об историческом единстве русских и украинцев» // Сайт Президента России. – 2021. – 13 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66191> (дата посещения: 12.12.2022).

² Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // Сайт Президента России. – 2021. – 12 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата посещения: 12.12.2022).

Пожалуйста! Но на каких условиях? Напомню здесь оценку, которую дал один из самых ярких политических деятелей новой России, первый мэр Санкт-Петербурга А. Собчак. Как высокопрофессиональный юрист он считал, что любое решение должно быть легитимно, и потому в 1992 году высказал следующее мнение: республики – учредители Союза, после того как они сами же аннулировали Договор 1922 года, должны вернуться в те границы, в которых они вступили в состав Союза. Все же остальные территориальные приобретения – это предмет для обсуждения, переговоров, потому что аннулировано основание... Другими словами – уходите с тем, с чем пришли. С такой логикой трудно спорить»¹.

Кажется, формула, которая отчетливо читается в этом тексте, что «уходить», т.е. разрывать союзнические отношения с Россией, можно только «с тем, с чем пришли», была услышана не только в России и на Украине, но и в соседних странах, таких как Казахстан. Тут можно лишь гадать, был ли этот адресат запланированным.

Теперь о «спонсорах политического руководства сегодняшней Украины». Этим выражением Путин подчеркивает, что к самому руководству Украины он не адресуется, не считая его суверенным. Путин утверждает, что исторические связи между русскими и украинцами настолько крепки, что проект превращения Украины в «анти-Россию» не может быть успешен. Он также почти открыто говорит о том, что попытка построить «анти-Россию» приведет к военному столкновению, и в случае такого столкновения Россия может забрать те земли, которые Украина, по его мнению, получила от России и благодаря ей.

В этом обращении уже нет приглашения к диалогу, нет элементов агонистского подхода, которые отчетливо видны в проанализированных нами текстах Путина 2009 г. и даже 2020 г.² Здесь

¹ Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // Сайт Президента России. – 2021. – 12 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата посещения: 12.12.2022).

² В исследованиях принято различать три подхода к политике памяти. «Космополитический» подход предполагает, что в результате правильно проведенной дискуссии стороны способны достичь согласия о прошлом, и предлагает фокусироваться на ответственности каждого народа, а не на теме его страданий. Этот подход, как считалось, преобладал в ЕС в 1980–1990-е годы. Антагонистический подход, напротив, делает акцент на страданиях собственного народа, и не

уже мы видим тот ультимативный подход, который проявится в полной мере через полгода, в декабре 2021-го, в обращении Путина к НАТО и Вашингтону с требованием письменных гарантий по Украине. Адресатом подчеркнуто обозначены только США. Описание прошлого и исторической памяти как пространства конфронтации с Западом Путин зафиксировал в выступлении на встрече с историками и представителями традиционных религий России: «Известно, что, если у кого-то возникает стремление лишить государство суверенитета, а его граждан превратить в вассалов, начинают именно с перелицовки истории этой страны, с того, чтобы лишить людей их корней, обречь на беспамятство. Мы знаем: такие подходы, к сожалению, срываются и приводят к трагедии народа. Подобные попытки были и в отношении России, да они и не прекращаются, но мы вовремя и твердо поставили им прочный заслон»¹.

Вскоре, в поручениях по итогам этой встречи, Путин зафиксировал и смену внешнеполитических адресатов российской политики памяти: «...Обеспечить включение в планы научных работ научных организаций и образовательных организаций высшего образования, осуществляющих научные исследования за счет средств федерального бюджета, научные исследования об истории зарождения, развития и о последствиях колониальной политики европейских государств на Африканском континенте и других континентах»².

Конечно, интерес Путина к истории — неподдельный. Во всех рассмотренных нами речах и статьях неизменно повторя-

считает возможным и нужным примирение сторон, ставит в центр политики памяти идеологическую конфронтацию, вытеснение из публичного поля враждебной точки зрения. Агонистский подход предполагает, что стороны могут вступать в диалог, который не ведет к их согласию, но проходит в атмосфере взаимного уважения и в результате позволяет каждой из сторон лучше понять оппонента, даже не вполне с ним соглашаясь. Плюрализм взглядов при взаимном уважении — этот агонистский подход его сторонники считают возможным и желательным, но находящим мало применения в настоящем времени. Подробнее см.: [Bull, Hansen, Colom-González 2021; Bull, Hansen, 2016; Миллер, 2020].

¹ Встреча с историками и представителями традиционных религий России. — 2022. — 4 ноября. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата посещения: 12.12.2022).

² Перечень поручений по итогам встречи с историками и представителями традиционных религий России. — 2022. — 11 декабря. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70073> (дата посещения: 12.12.2022).

ется один личный мотив – Путин всегда говорит о том, как он сам смотрел архивные документы по обсуждаемой теме. Очевидно, что для него архивные документы – носители подлинной, никак не искаженной информации о прошлом. Однако, как нам представляется, попытки анализировать эти тексты В.В. Путина как прежде всего высказывания на историческую тему, попытки увидеть во взглядах автора на историю корни его политических решений – ошибочны¹. Путин – прежде всего политик, и мы, как хочется надеяться, показали, что его выступления по историческим вопросам следует анализировать прежде всего в качестве коммуникативных политических актов.

A.I. Miller*

**President V.V. Putin's speeches on historical issues in 2019–2022. –
Analysis of motives and addressees**

Abstract. The article examines speeches and articles of Vladimir Putin on history and past as political communicative acts. It begins with analysis of Putin's visit to Poland in 2009, when he published a special article about history for the first time. It can be characterized as agonistic, oriented towards mutually respectful dialog. Every Putin's address about past and memory in 2019–2021 had several addressees and contained important political messages. In 2019–2020 Putin tried to prevent the ongoing revision of «the Nuremberg narrative» of the WWII. He proposed dialog with the leading Western countries. He also suggested a meeting of the leaders of the UN Security Council permanent members to discuss this issue. At this time, we see an attempt to follow agonistic approach in relations with the countries of the «old» West, and highly confrontational approach towards Poland and Baltic states. The 2021 article about Ukrainian issues contains the most complete justification of irredentist approach in Russian foreign policy. It is dominated by confrontational approach to the West. To talk more precisely, Putin then addresses only the USA, and he will do it again half a year later when he would demand written guaranties on Ukraine from Washington. Agonistic approach disappears, while the antagonistic one dominates over the messages.

Keywords: memory politics; Vladimir Putin; agonistic approach; memory of WWII; Russia; Poland; Ukraine.

For citation: Miller A.I. President V.V. Putin's speeches on historical issues in 2019–2022: analysis of motives and addressees. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 46–64. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.02>

¹ Так поступают, например, авторы вводной статьи к новейшему номеру *Memory Studies*: [Saryusz-Wolska, 2022].

* **Miller Alexei**, European University at Saint-Petersburg (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: millera2006@yandex.ru

References

- Berger S., Kansteiner W. *Agonistic perspectives on the memory of war: an introduction*. Agonistic memory and the legacies of the 20 th century wars in Europe. Cham: Palgrave Macmillan, 2021, P. 1–11.
- Buldakova D.I. The Resolution of European Parliament “On the Importance of European Remembrance for the Future of Europe”, as Construed in the Russian Mass Media, 2019. *Rossiia i Sovremennij Mir*. 2021, N 1, P. 220–236. (In Russ.)
- Bull A.C., Hansen L.H. On agonistic memory. *Memory studies*. 2016, Vol. 9, N 4, P. 390–404.
- Bull A.C., Hansen L.H., Colom-González F. Agonistic memory revisited. In: Berger S., Kansteiner W. (eds). *Agonistic memory and the legacies of the 20 th century wars in Europe*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021, P. 13–38.
- Kasianov G. Challenges of antagonistic memory: scholars versus politics and war. *Memory Studies*. 2022, Vol. 15, N 6, P. 1295–1298.
- Malinova O. Legitimizing Putin’s regime. The transformations of the narrative of Russia’s post-soviet transition. *Communist and post-communist studies*. 2022, Vol. 55, N 1, P. 52–75.
- Malinova O. Who forms official historical narrative and how? Analysis of Russian practices. *Politeia*. 2019, N 3, P. 103–126. (In Russ.)
- Malinova O. The great patriotic war as a symbolic resource: the evolution of the official rhetoric 2000–2010. *Rossiia i Sovremennij Mir*. 2015, N 2 (87), P. 6–29. (In Russ.)
- Miller A. Introduction. Big changes. What’s new in memory politics and in its study? *the politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg, 2020, P. 8–25. (In Russ.)
- Miller A. Irredentism and the crisis of national identity. *Russia in global affairs*. 2017, N 5. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/irredentizm-i-krizis-naczionalnoj-identichnosti/> (accessed: 12.12.2022) (In Russ.)
- Miller A. The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. *Politeia*. 2016, N 1, P. 111–121. (In Russ.)
- Miller A., Solovyov A. (ed.). *The memory of the Second World War outside Europe*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg, 2022, 264 p. (In Russ.)
- Saryusz-Wolska M., Wawrzyniak J., Wóycicka Z. New constellations of mnemonic wars: An introduction. *Memory Studies*. 2022, Vol. 15, N 6, P. 1275–1288. DOI: <https://doi.org/10.1177/17506980221133733>
- Zelikov F.D. The lessons of the Second World War. *Russia in global affairs*. 2020, N 6. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/uroki-vtoRoj-mirovoj-vojny> (accessed: 12.12.2022) (In Russ.)

Литература на русском языке

- Булдакова Д.И. Резолюция Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» в осмыслении российских СМИ 2019 года // Россия и современный мир. – 2021. – № 1. – С. 220–236.
- Зеликов Ф.Д. Уроки Второй мировой войны // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 6. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/uroki-vtoroj-mirovoj-voynu> (дата посещения: 12.12.2022).
- Малинова О.Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010 гг. // Россия и современный мир. – 2015. – № 2(87). – С. 6–29.
- Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив: Анализ российских практик // Полития. – 2019. – № 3. – С. 103–126.
- Миллер А.И. Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 8–25.
- Миллер А.И. Ирредентизм и кризис национальной идентичности // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 5. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/irredentizm-i-krizis-naczionalnoj-identichnosti/> (дата посещения: 12.12.2022).
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. – 2016. – № 1. – С. 111–121.
- Память о Второй мировой войне за пределами Европы. Коллективная монография / под ред. А. Миллера, А. Соловьева. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – 264 с.

К.А. ПАХАЛЮК*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТИ О НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Аннотация. Статья посвящена эволюции политики памяти о нацистских преступлениях в современной России. Общая тенденция 1990–2010-х годов по дифференциации и углублению представлений об этих событиях резко сменилась в начале 2020-х годов в виде утверждения тезиса о «геноциде советского народа». Начиная с 2000-х годов серьезное влияние на политическое использование памяти о нацистских преступлениях оказывали внешние вызовы: попытки вписаться в формирующуюся «общеевропейскую» культуру памяти, «войны памяти» с Прибалтикой и Украиной (с середины 2000-х годов), актуализация истории в отношениях с Израилем, конфликт с Украиной (с 2014 г.). Все это в итоге привело к утверждению прогрессивного (героического) подхода с акцентом на освободительную роль Красной армии и участие советских граждан в сопротивлении нацистской истребительной политике. Для официальной политики памяти нацистские преступления остаются скорее эмоционально насыщенным образом (картинкой), подчеркивающим и жестокость противника, и подвиг советского солдата, нежели самостоятельным объектом коммеморации, позволяющим обсу-

* **Пахалюк Константин Александрович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: kar1914@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Основные тенденции трансформации мемориальной культуры и коммеморативных практик в России (конец 2010-х – начало 2020-х годов): комплексный междисциплинарный анализ» (государственный номер 122101100024–8), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.03

ждать причины подобного насилия, вопросы вины, соучастия и ответственности. Однако это не отменяет постепенного развития инфраструктуры памяти (монументы и памятные знаки) о нацистских преступлениях, увеличение числа акторов памяти, занимающихся работой с нею, а также включения этой темы в региональные исторические нарративы.

Ключевые слова: политика памяти; Холокост; нацистские преступления; внешняя политика; транснациональная память; коммеморация.

Для цитирования: Пахалюк К.А. Трансформация политического использования памяти о нацистских преступлениях в современной России // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 65–93. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.03>

В 2000–2020-е годы российская политика памяти претерпела серьезную эволюцию: от относительно «мягких» попыток регулирования (2000-е годы) она прошла стадию институционализации (2010-е годы), а затем стала превращаться в последовательную историческую политику (о понятии историческая политика см.: [Миллер, 2012, с. 7–32]). Значимость обращения к истории определялась тем, что она превратилась в ключевой публичный язык придания политике ценностного, «идеального» измерения. Несмотря на целенаправленное расширение «репертуара актуального прошлого» в рамках тезиса о «единой 1000-летней истории российского государства», события Великой Отечественной войны оставались в центре внимания, став «мифом основания» российской гражданской нации. Развитие героического образа Великой Отечественной войны не отменяло и актуализации других ее страниц, в том числе нацистских преступлений. В настоящей статье мы собираемся очертить эволюцию их политического использования за последние два десятилетия с точки зрения конструирования макрополитической и групповых солидарностей.

«Сопротивляемость исторического материала»

Конструирование памяти о нацистских преступлениях сопряжено с высокой «сопротивляемостью материала», вызванной не только эмоциональностью темы, но и сложностями в фиксации того, кем являлись сами преступники и объекты преступлений. В первом случае речь идет не только о соотношении определений «немецкие» / «нацистские» преступления, но и о высвечивании /

затушевывании роли коллаборационистов и пассивных соучастников (*by-standers*). Отчасти эта проблема имеет связь с более широкой дискуссией о (юридической) вине и (моральной) ответственности. Вопрос об объектах насилия является еще более сложным, поскольку объектами террора, преследования и / или уничтожения являлись разные территориальные, политические, социальные и этнические группы: евреи, славяне, цыгане, коммунисты, лица с инвалидностью, асоциальные и преступные элементы, гомосексуалы, Свидетели Иеговы; методы тотального террора, принудительного труда и организованных гуманитарных катастроф активно применялись на оккупированных территориях Восточной Европы и Балкан. Ввиду переплетения стратегий и методов массового террора на всей подконтрольной нацистам территории Европы исключительно национально-государственная версия своих страданий оказывается всегда ограниченной.

Разобраться в этом многообразии политики уничтожения можно через обращение к группам жертв, выделенных и различаемых нацистами ввиду разницы целей и применяемых репрессивных мер. Введение в международно-юридическую практику понятия геноцида (см. соответствующую Конвенцию ООН 1948 г.)¹ как раз и было направлено на то, чтобы обозначить специфику некоторых направлений нацистской политики и отличить их от преступлений против человечности (массовых убийств). Геноцид предполагает намеренное уничтожение группы людей из-за их расы, религии, гражданства или этнического происхождения, т.е. не за действия (например, помощь партизанам), а за то, кем они являются (см.: [Сэндс, 2020]). Однако с самого начала в научной литературе и публицистике это понятие стало применяться расширительно (см.: [Самуэльсон, 2019]).

Соответственно, политическое использование памяти о нацистских преступлениях неразрывным образом связано с производством номинаций (в понимании П. Бурдьё) о преступнике и объекте насилия, а также с тем, каким логическим образом организовано повествование о них, нарратив. Вслед за социологом

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года // ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата посещения: 18.01.2023).

Дж. Александером мы различаем два доминирующих, но не единственно возможных нарратива – прогрессивный и трагический. Первый выстраивается через ориентацию на методы победы над врагом, в то время как второй содержит критическую рефлексию о том, почему преступления могли свершиться и как их не повторить. Оговоримся, что ни наличие «героев-протагонистов», ни живописание страданий не являются квалифицирующими признаками этих нарративов [Александер, 2013].

1940–1990-е годы: от уничтожения «советского народа» к жертвам тоталитаризма и трагедии войны

В советское время тема нацистских преступлений вписывалась в доминирующий прогрессивный нарратив о Великой Отечественной войне как тяжелой, но справедливой победе всего советского народа и коммунистической системы в целом. Рассказы о нацистских злодеяниях позволяли подчеркнуть и преступность врага, и народный героизм. Главными преступниками выступали «фашисты» как представители определенного политического движения, а «советский народ / советские граждане» конструировались как ключевой объект нацистских преступлений, однако допускались ситуативные варьирования. Еще в годы войны значимой являлась риторика общих страданий именно славянских народов, которые выделялись в особую группу сугубо по политическим причинам.

Прогрессивный нарратив позволял прежде всего вписывать в пространство официально одобренной памяти истории тех жертв, которых одновременно можно было героизировать. Правда, серьезные проблемы были связаны с остарбайтерами [Кринко, Захарина, 2020; Grinchenko, Olynyk, 2012], лицами с инвалидностью [Реброва, 2021], а также военнопленными (из 5,7 млн советских военнопленных 57% погибли) [Полян, 2016; Соппротивление советских военнопленных ... , 2022, с. 169–210]. Трагедия Холокоста превратилась в настоящий вызов для концепции советского народа как основной жертвы. С одной стороны, замалчивание было невозможным ввиду масштаба преследования: из примерно 6 млн погибших до 40% являлись жителями СССР. По современным подсчетам, евреи составляли примерно 63% жертв гражданского

населения Украины [Круглов, Уманский, Щупак, 2017, с. 405–411], 66% – Беларуси [Смиловицкий, 2020], на юге РСФСР – 43,5% [Войны и население ... , 2019, с. 546–547]. С другой стороны, последовательный рассказ требовал бы более гибкой политики памяти для сохранения тезиса об общности страданий. Поэтому уже в годы войны была выбрана стратегия тривиализации: трагедия евреев периодически появлялась и в центральной печати, и официальных сообщениях, однако ее масштаб намеренно ретушировался. Этот же подход доминировал и в послевоенное время, несмотря на активность еврейских общин и отдельных энтузиастов (см.: Черкасски, 2012; Зельцер, 2015; Альтман, 2005)].

Перестройка и дальнейшая либерализация общественно-политической жизни в России привели к радикальному переосмыслению истории страны. Критика советской системы и изобличение политических репрессий стали моральным аргументом сторонников преобразований сначала против партийных консерваторов, а затем и коммунистической оппозиции. Это породило спрос на сопоставление сталинской и гитлеровской политических систем, однако высокая степень политизации дискуссий и отсутствие исторической базы превращали подобные сравнения в спекуляции в рамках концепции «двух тоталитаризмов». Историк Ю.В. Галактионов признавал вторичность таких обсуждений по сравнению с западными теориями, а в 2001 г. утверждал, что большинство их участников согласились с тезисом о том, что фашизм и коммунизм – «явления одного порядка» [Галактионов, 2006, с. 69–72, 92]. По наблюдению французского историка М. Ферретти, проработка либералами этих трагических страниц сквозь призму понятия «тоталитаризм» фактически лишала нацизм специфики и делала участников дискуссии нечувствительными к теме нацистских преступлений, в частности Холокоста [Ферретти, 1996].

Нацистские преступления стали встраиваться в более общие концептуальные рамки – тоталитарные режимы и трагедия войны. Это вело к дроблению как их объекта, так и субъекта. Концепция «двух тоталитаризмов» предполагала сопоставительное рассмотрение субъектов преступлений. Концептуальная рамка трагедии войны была менее политизированной, поскольку позволяла либо вообще обходиться без обращения к фигуре преступников, либо делать это ситуативно. В обоих случаях оставался простор для исследователей и активистов памяти самостоятельно конструировать

объект преступлений, обращая внимание на особенности страданий разных групп жертв.

Одновременно в зарубежной Европе происходила транснационализация памяти о Холокосте и развитие трагического нарратива. В основу была положена этика ответственности современных обществ за преступления прошлых лет [Levy, Sznajder, 2002; Миллер, 2016]. Несмотря на тематическую близость, доминирующий в России подход отличался: обсуждение нацистских преступлений как трагедии войны не предполагало развитие критической рефлексии о коллективном «мы». Например, общественные дискуссии о коллаборационизме скорее касались его осуждения или оправдания, а не вопросов ответственности российского / советского общества за преступления периода Второй мировой войны. Ключевые акторы политики памяти не проявляли заинтересованности. Вместе с тем отдельные символические жесты в этом направлении были сделаны президентами Украины и Белоруссии, которые при посещении израильского мемориала Яд ва-Шем приносили извинения за соучастие своих граждан в Холокосте [Альтман, 2005, с. 525].

В России концептуальная рамка трагедии войны закрепились в пространстве открытого музейно-мемориального комплекса на Поклонной горе, а также посредством учреждения новой памятной даты – 22 июня, Дня памяти и скорби. В соответствии с Указом Б.Н. Ельцина, «Этот день напоминает нам о всех погибших, замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений. Мы скорбим по всем, кто ценой своей жизни выполнил святой долг по защите Родины» (1996)¹. Репертуар поминовения не предполагал никаких специфических коммеморативных практик. В последующие годы федеральные власти не занимались символическим развитием этого памятного дня, равным образом не нашлось и другого значимого актора политики памяти, который бы предпринял соответствующие усилия [Пахалюк, 2021].

Однако еще с конца 1980-х годов началась активная работа с темой нацистских преступлений на уровне отдельных групп жертв: блокадники, жертвы Холокоста, оstarбайтеры и военно-

¹ Указ Президента Российской Федерации о Дне памяти скорби // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102041799> (дата посещения: 25.01.2023).

пленные. Постепенно они начали получать символическое признание. В 1989 г. был возрожден Музей обороны и блокады Ленинграда. В 1989–1990-е годы льготы ветеранов Великой Отечественной войны были распространены также на бывших узников концлагерей и оstarбайтеров, а в 1995 г. военнопленные были признаны ветеранами Великой Отечественной войны и жертвами нацизма [Полян, 2016, с. 60]. С 1993 г. выплаты принудительным рабочим и узникам концлагерей (но не военнопленным, если они не попадали под вторую категорию) осуществлял немецкий фонд «Согласие и примирение». Его работа привела к росту активности самих оstarбайтеров, а многочисленные запросы в местные архивы вовлекли в тематику представителей научного и архивного сообществ [Ковалев, 2011; Стратиевский, 2017].

Сохранение памяти о Холокосте было прежде всего связано с активностью еврейских организаций. В период перестройки еврейские общины и инициативные группы занялись проведением траурных мероприятий, публикацией воспоминаний и установкой памятников (как например, в Пушкино в 1991 г.). В 1991–1992 гг. был создан научно-просветительный центр «Холокост» (М.Я. Гефтер, А.Е. Гербер), который достаточно быстро стал одним из основных акторов памяти и, пожалуй, главным экспертно-аналитическим центром, включенным в международные исследовательские круги, содействуя через конференции и совместные публикации развитию отношений между российскими и зарубежными учеными и акторами политики памяти [Альтман, 2005, с. 527–528].

2000–2010-е годы:

образ тотального насилия и множественность памятей

Нарастающая консолидация политики памяти в России в эти два десятилетия выдвинула на первый план героическую историю Великой Отечественной войны. На уровне государственных федеральных акторов исторической памяти это означало постепенное вытеснение трагических страниц на фоне включения темы нацистских преступлений в прогрессивный нарратив о Победе. При сохранении раздробленного объекта преступлений постепенно стал более четко очерчиваться субъект в виде нацистов и коллаборационистов.

стов из числа отдельных народов СССР (прежде всего латышского, литовского, эстонского и украинского).

Постепенную деактуализацию темы трагедии войны можно проследить на примере Дня памяти и скорби. С одной стороны, с 2000 г. стало регулярным участие президента РФ в церемонии возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата у Кремля, однако, с другой – за несколькими исключениями ни В.В. Путин, ни Д.А. Медведев не произносили специальных речей. В 2010-е годы тематические мероприятия, заполнявшие федеральную медийную повестку, задавали скорее прогрессивно-героическую тональность – вручение президентом грамот «Городам воинской славы» (2015) или посещение только что открытого Главного храма Вооруженных сил Российской Федерации (2020). В 2020 г. к этому дню приурочили открытие монументального Ржевского мемориала. Хотя мотивы скорбной памяти и были заложены в архитектурно-художественное решение (склонивший голову солдат, появляющийся из стаи журавлей), однако в информационном сопровождении, как и в выступлении В.В. Путина, доминировали мотивы не скорби, а самопожертвования¹.

Одновременно нарастающая актуализация темы нацистских преступлений на федеральном государственном уровне была связана с влиянием не столько внутренних процессов коммеморации, сколько внешнеполитического контекста, а именно попытки использовать тезис о победе в Великой Отечественной войне как ключевой моральный аргумент в пользу важнейшей роли России в международной системе и демонстрации ее «исторической добротности».

Нельзя сказать, что В.В. Путин не пытался использовать трагический нарратив. Так, он был воспроизведен в мемориальной речи 22 июня 2001 г. к 60-летию начала Великой Отечественной войны. Центральное место занимала тема скорби, президент признавал травматичность опыта войны и его влияние на современность, а также утверждал, что все ключевые политики того времени разделяют ответственность за то, что не смогли вовремя

¹ Открытие Ржевского мемориала Советскому солдату // Президент России. – 2020. – 30 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63585> (дата посещения: 25.01.2023).

оценить нацистскую угрозу¹. Но в дальнейшем этот нарратив не получил развития в выступлениях президента. Вероятно, причины связаны с тем, что власти решили внутри страны опереться на героическую риторику, видя в ней механизм национального строительства, а на внешнеполитической арене рассматривали возможность присоединиться к формирующемуся пространству транснациональной памяти через образ освободителей.

Последовательный анализ материалов сайта Президента России показывает, что в течение первых двух сроков он обращался к историческим примерам во внешнеполитическом контексте спорадически, пытаясь нащупать, как лучше их использовать. С 2003 г. обращение к теме Холокоста стало появляться в риторике, сопровождающей российско-израильские отношения². Всего в 2003–2007 гг. В.В. Путин десять раз напрямую упоминал Холокост, причем в половине случаев – в контексте взаимодействия с Израилем и международными еврейскими организациями. В выступлениях, ориентированных на зарубежную Европу, он стремился совместить мотивы скорби, общих ценностей и тезис об освободительной миссии Красной армии. Так, 27 января 2005 г., в ходе международных мероприятий в Освенциме (Польша), которые включали и открытие обновленной экспозиции российского павильона, В.В. Путин говорил о Холокосте как общечеловеческой трагедии. Он подчеркнул, что память о трагедии не может сегодня оставлять нас равнодушными по отношению к «антисемитизму, национализму, ксенофобии, расовой или религиозной нетерпимости» и заявил, что ему стыдно за факты их проявления в России. Одновременно он напомнил о 600 тыс. красноармейцев, погибших за освобождение Польши, и призвал прекратить переписывать историю³. Высшей степенью международного признания усилий

¹ Обращение в связи с 60-летием начала Великой Отечественной войны // Президент России. – 2001. – 22 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21271> (дата посещения: 25.01.2023).

² Состоялась встреча Президента России с Премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном // Президент России. – 2003. – 3 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/29678> (дата посещения: 25.01.2023).

³ Выступление на государственной церемонии, посвященной 60-летию освобождения советскими войсками концлагеря Аушвиц-Биркенау // Президент России. – 2005. – 27 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22802>; (дата посещения: 25.01.2023); Выступление на форуме

российских властей стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН в ноябре 2005 г. резолюции, которая устанавливала 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста. Тем самым одна из ключевых международных памятных дат была привязана ко дню освобождения концлагеря Аушвиц Красной армией.

Обратим внимание, что 27 января 2005 г. В.В. Путин в своей речи увязал значимость памяти о нацистских преступлениях с борьбой против терроризма – новой угрозой для мирового сообщества. Такой риторический прием был не случайностью, а осознанной стратегией по легитимации решительных действий против терроризма как абсолютного зла. Допущенные трагедии прошлого (Холокост) становились моральной основой в целях предотвращения аналогичных преступлений сегодня. В условиях проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе России был выгоден образ участника глобальной войны против террора, объявленной президентом США Дж.У. Бушем.

Однако, как обратил внимание Дж. Александер, еще в 1999 г. операция НАТО против Югославии также сопровождалась обращением к Холокосту, усиливая логику «гуманитарных интервенций», т.е. права силового вмешательства международного сообщества во внутренние дела суверенного государства для защиты гражданского населения [Александер, 2013]. Это породило долгую дискуссию о «гуманитарных интервенциях» и обязанностях государства по защите своего населения. Показательно, что осенью 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН не только учредила Международный день памяти жертв Холокоста, но и приняла резолюцию (A/RES/60/1), закрепив это обязательство в международном праве¹. Несмотря на критику гуманитарных интервенций, Россия фактически прибегла к этой риторике в 2008 г. во время операции в Грузии (тезис о «геноциде осетинского народа»), однако исторические параллели с нацистскими преступлениями до событий 2022 г. не использовались.

«Жизнь народу моему!», посвященном памяти жертв Освенцима // Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22800> (дата посещения: 25.01.2023).

¹ Šimonović I. The Responsibility to Protect // United Nations. – 2016. – December. – Mode of access: <https://www.un.org/en/chronicle/article/responsibility-protect> (accessed: 24.02.2023).

В середине 2000-х годов обозначились и сложности включения России в транснациональную инфраструктуру памяти о нацистских преступлениях. Во-первых, в значительной степени формирование этой инфраструктуры было связано с евроинтеграционными процессами, однако Россия не являлась их участницей, а ее власти не собирались всерьез вкладывать средства в обеспечение культурной интеграции. Во-вторых, на середину 2000-х годов пришлось начало «войн памяти» с Украиной и прибалтийскими государствами, вызванных прежде всего оценкой советского наследия, а также героизацией националистическими кругами исторических фигур, которые на том или ином этапе сотрудничали с нацистской Германией. В-третьих, с включением в ЕС стран Восточной Европы под вопросом оказались моральные основания «общеевропейской памяти», поскольку этика ответственности не разделялась большинством элит посткоммунистических стран, предпочитавших представлять себя жертвами двух тоталитаризмов – нацистского и сталинского. Е. Финкель справедливо писал о своеобразной гонке демонстрации собственных страданий и виктимности, что якобы позволяло избежать ответственности за злодеяния прошлого [Финкель, 2012]. Все это рассматривалось российскими властями как удар по «исторической добродетельности России». Укрепление «культа Победы», игра на «ностальгии по советскому» и отсутствие глубокой проработки темы сталинских преступлений препятствовали формированию более гибкой позиции.

Ответом на перечисленные выше вызовы с середины 2000-х годов стала новая акцентировка тезиса об освободительной роли Красной армии и ее ключевой роли в спасении Европы от нацизма. Одним из ее аспектов стало разоблачение прибалтийских и украинских националистов, что в свою очередь потребовало изобличения их соучастия в нацистских преступлениях. Прежде всего это делалось посредством политической и медийной риторики. Ее усиление было квалифицировано политологом Е. Морозовым в качестве одного из значимых элементов дискурса об «истинной / ложной Европе» («мы / истинная Европа / против героизации нацизма» vs «они / ложная Европа / за героизацию нацизма»), формирующего внешнеполитическую идентичность [Морозов, 2009]. Преимущественно для ведения работы в этом направлении в конце 2008 г. был образован фонд «Историческая память» (президент А. Дюков), тесно аффилированный с Управлением Администрации

Президента по межрегиональным и культурным связям. Он стал главным медийным спикером, включившимся в «войны памяти» в Восточной Европе. Одновременно фонд вошел в число центров производства научных знаний о нацистских преступлениях и точек формирования международной сети исследователей¹.

Следующий этап связан с событиями 2014 г. – началом силового противостояния с Украиной и усилением конфронтации с Западом. Востребованным оказался прежде всего медийный образ нацистских преступлений, тиражирование которого с отсылками к документам или историческим трудам выступало подтверждением безусловной правоты Советского Союза и его руководства во Второй мировой войне. Система необязательных параллелей экстраполировала исторический образ на текущую ситуацию в целях моральной легитимации действий российского руководства.

В средствах массовой информации украинские власти стали называться неонацистскими, такое же определение получили и националистические батальоны. В уголовное законодательство была введена статья 354.1, криминализирующая оправдание нацизма и отрицание фактов, установленных Нюрнбергским трибуналом; тем самым «защита памяти» приобрела юридическую форму, несмотря на неясность формулировок [Кибальник, Иванов, 2019]. Использовались и более масштабные форматы. Так, в 2015 г. Российское военно-историческое общество (один из ключевых прогосударственных акторов политики памяти) открыло выставку-блокбастер «Помни. Мир спас советский солдат» (о новом направлении в музеологии см.: [Бонами, 2019]), которая за несколько лет была представлена в десяти городах и привлекла около 2 млн зрителей². Активное использование мультимедийных технологий было ориентировано на представление событий Второй мировой войны в рамках трехчастной структуры: приход к власти и победоносное шествие нацизма; ужасы их преступлений; освобождение Красной армией Европы. Пожалуй, именно эта выставка наиболее полно выразила продвигаемый официальными структурами подход к рассматриваемой теме.

¹ Историческая память. 10 лет. М.: Историческая память. – 2020. – Mode of access: <http://historyfoundation.ru/about/> (accessed: 06.02.2023).

² Музейно-выставочная деятельность // Российское военно-историческое общество. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://rvio.histrf.ru/projects/museum-activity> (дата посещения: 25.01.2023).

Одновременно обвинения в оправдании или преуменьшении нацистских преступлений становились частью давления на либеральную оппозицию. В 2014 г. неудачная формулировка вопроса о блокаде Ленинграда на телеканале «Дождь»¹ дала повод для публичной кампании, которая привела к расторжению определенными операторами кабельного телевидения контрактов на вещание. Разразившийся в конце августа 2021 г. скандал вокруг наличия соучастников Холокоста в подготовленных обществом «Мемориал» списках жертв политических репрессий стал медийным предвестником ликвидации организации к концу года. Подобные медийные скандалы способствовали содержательному наполнению популярного в отдельных консервативных кругах тезиса о либерал-фашистах. Одним из прямых его воплощений на уровне официальной политики памяти стала очередная выставка-блокбастер РВИО «Война и мифы» (по одноименной книге В.Р. Мединского), открытой в Манеже в 2016 г. Слова либерального политика Л.Я. Гозмана, в которых сравнивались СМЕРШ и гестапо, были помещены на пол, в общий ряд с тезисами нацистской пропаганды. Посетителям предлагалось ходить по ним, знакомясь с визуальными разоблачениями «ключевых мифов», порочащих Красную армию. Визуальные образы нацистских преступлений также вплетались в общий контекст.

Культура памяти о нацистских преступлениях постепенно развивалась, однако сам характер ее политического использования поставил предел обозначившейся в 1990-е годы другой тенденции: включать в героический нарратив те фигуры русской эмиграции, которые во имя своих представлений о национальной России пошли на сотрудничество с нацистами. Так, в 2007 г. была разбита памятная доска коллаборационистам и формированиям СС, установленная на территории храма Всех Святых в Москве. Не получили развитие предложения мемориализации атамана П.Н. Краснова (единственный памятник в ст. Еланской установлен на частной территории). В начале 2010-х годов непреодолимым препятствием на пути увековечения религиозного философа Н.С. Арсентьева в Калининграде стал факт его службы в вермахте в качестве переводчика. Правда, его сторонники из числа калининградской «патриотической общественности» использовали тот же тезис против продвижения памяти и о ряде восточнопрусских деятелей культуры

¹ 20.08.2021 внесен Минюстом РФ в реестр СМИ – иностранных агентов.

(в 2015 г. была снесена памятная доска поэтессе А. Мигель) [Дементьев, 2020]. В 2016 г. провалилась попытка главы Администрации Президента С.Б. Иванова и министра культуры В.Р. Мединского увековечить в Санкт-Петербурге память К.Г. Маннергейма как героя Первой мировой войны. Факт соучастия в блокаде вызвал широкий общественный протест, а доску пришлось демонтировать. В начале 2020-х годов началось свертывание мемориализации писателя И.Д. Сургучева в Ставрополе, также ввиду его причастности к коллаборационизму. Однако активное сотрудничество с нацистами не повлияло на официальное отношение к писателю И.С. Шмелеву и философу И.А. Ильину, к философскому наследию которого неоднократно апеллировали представители государственной власти, включая В.В. Путина [Будрайтскис, 2020].

Политическая и медийная востребованность образов нацистских преступлений создавала контекст для более целенаправленной политики памяти. После введения Историко-культурного стандарта (2015–2016) и подготовки новых линеек учебников расширилось освещение темы нацистской истребительной политики. По итогам этого десятилетия расширилась и репрезентация нацистских преступлений в столичных музеях. Так, мультимедийные «живые» (т.е. погружающие человека в эпоху за счет декораций) выставки «Подвиг народа» в Музее Победы (2020) и в музейном комплексе в парке «Патриот» (2021 г., проект Министерства обороны) включали несколько смысловых блоков о нацистских преступлениях. Тем не менее предпочтение отдавалось не обсуждению конкретных групп жертв, а страданий населения в целом; отдельно выделялись блокада Ленинграда и система концлагерей (в случае Музея Победы еще один зал был посвящен разграблению Новгорода и оккупации).

В 2014 г. в перечень Дней воинской славы (№ 32-ФЗ от 13.03.1995) было включено 27 января как День полного снятия блокады Ленинграда. Однако с середины 2000-х годов этот день стал одновременно и «местом памяти» о Холокосте. Это не только поддерживалось такими акторами памяти, как НПЦ «Холокост» (регулярные мероприятия с 2006 г.) и фонд «Историческая память», но и следовало из риторики президентов РФ. Если долгое время В.В. Путин и Д.А. Медведев чередовали обращение к темам блокады и Холокоста (2000, 2003, 2004, 2009, 2012, 2014 – блокада, 2005, 2010, 2015 – Холокост), то уже в 2018 г., в контексте визита

премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, памятные мероприятия федерального уровня объединили обращение к обеим трагедиям¹. Тем самым транснациональная и национальная исторические повестки постепенно сопрягались.

По сравнению со странами зарубежной Европы, более активно Россия развивала совместную историческую повестку с Израилем. Превращение Холокоста в соединительную метафору разных геноцидов в рамках «европейской культуры памяти», как и уравнивание сталинских и гитлеровских преступлений, рассматривались в Израиле критически – в качестве угрозы представлению об уникальности геноцида евреев. Это превращало Израиль в «естественного» союзника России, хотя внутрироссийские тенденции препятствовали выработке единого подхода. Потому общей стала память не столько о трагедии, сколько о героизме, связанном с темой Холокоста [Sokol, 2018].

В 2010-е годы взаимные встречи руководителей стран стали обставляться открытием новых монументов. В 2012 г. в Нетании появился монумент Красной армии. В 2018 г. в Москве, на территории Еврейского музея, В.В. Путин и Б. Нетаньяху заложили памятник евреям – героям Сопротивления в концлагерях и гетто. В 2020 г. в Иерусалиме, у здания Кнессета, был открыт памятник блокадному Ленинграду. Территориально он расположился рядом с садом памяти Харельской бригады, которая участвовала в защите попавшего в блокаду Иерусалима (во время Войны за независимость 1947–1949 гг.). Под влиянием этих процессов в 2010-е годы в России началось прославление фигуры А.А. Печерского как лидера восстания в лагере смерти Собибор.

Все это формировало позитивный контекст для продвижения памяти о Холокосте независимыми мнемоническими акторами. Центр «Холокост» продолжил стратегию расширения партнеров и новых методов интеграции темы Холокоста в культурно-образовательное пространство страны. В 2010 г., совместно с Российским еврейским конгрессом (РЕК), он запустил программу «Вернуть достоинство» по мемориализации жертв Холокоста на местах расстрелов (за десять лет установлено более 90 памятных

¹ Мероприятие, посвященное дню памяти жертв Холокоста и годовщине снятия блокады Ленинграда // Президент России. – 2018. – 29 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56740> (дата посещения: 25.01.2023).

знаков)¹. Постепенно расширялась и сеть партнерств. С 2015 г. при поддержке правительства Москвы под 27 января стали проводиться ежегодные Недели памяти жертв Холокоста (серия образовательных и просветительских мероприятий).

Если деятельность НПЦ «Холокост» связана с РЕК, то другая конкурирующая еврейская организация – Федерация еврейских общин России (ФЕОР) – являлась одним из главных бенефициаров описанного выше российско-израильского сотрудничества. В 2012 г. в Москве открылся Центр толерантности и Еврейский музей. Его экспозиция, рассказывающая об истории евреев с библейских времен, включила тему Холокоста в историю как участия евреев в Великой Отечественной войне, так и преследования их в Российской империи / СССР. В 2017 г. во Владикавказе при еврейской общине (ФЕОР) был открыт Музей памяти жертв и героев Холокоста имени А.А. Печерского.

Поскольку вся эта работа проводилась организациями, тесно связанными с еврейскими общинами, возникал побочный эффект восприятия памяти о Холокосте как преимущественно памяти «евреев для евреев». Однако несмотря на ограниченную поддержку со стороны федеральных акторов исторической памяти к концу рассматриваемого периода это положение начало преодолеваться. В 2004–2013 гг. показательным с точки зрения сложностей артикуляции памяти о Холокосте стал конфликт вокруг информационной таблички на монументе на Змиевской балке (Ростов-на-Дону). Проблемы возникали с адекватным отражением фактической информации о том, что абсолютное большинство погибших – евреи. Только с третьего раза удалось найти объединяющую формулировку [Народы СССР, 2022, с. 325].

Если память о Холокосте, выступая элементом конструирования идентичности российских евреев, развивалась в том числе благодаря поддержке интеллектуалов и благоприятному внешнеполитическому контексту, то увековечение других групп жертв, к сожалению, оставалось уделом отдельных активистов и историков. В 2000–2007 гг. оstarбайтеры получали компенсации от Германии и Австрии, а в 2015 г. Германия решила выплачивать их и военнопленным, однако работа с личными воспоминаниями этих жертв

¹ Вернуть достоинство. – Режим доступа: <http://victimsdignity.ru> (дата посещения: 25.01.2023).

нацизма осуществлялась преимущественно исследовательскими организациями. Например, общество «Мемориал»¹ запустило несколько электронных баз данных. Ни государство, ни другие значимые акторы исторической политики не проявили заинтересованности в том, чтобы выработать постоянные формы коммеморации и развить вокруг военнопленных и оstarбайтеров реальный общественный диалог всероссийского масштаба. Можно выделить лишь несколько разрозненных мемориальных проектов, поддержанных на федеральном уровне (например, РВИО в 2014 г. увековечило в Вязьме память жертв Дулага-184, в 2016 г. в Псковской области Росавтодор профинансировал аналогичные работы в память узников Дулага-100). В некоторых случаях, как в Ростове-на-Дону, активистам приходилось инициировать судебные решения [Захарина, 2021].

Тема геноцида цыган так и не нашла своих энтузиастов, только в частном Цыганском музее культуры и быта в Костроме (2015) появился соответствующий раздел экспозиции. На рубеже 2010–2020-х годов на местном уровне активизировалась работа по увековечению лиц с инвалидностью. Значимую роль сыграла историк И.В. Реброва (базирующаяся в Германии): тематическая передвижная выставка «Помни о нас...» (открыта в 2018 г. в Ростове-на-Дону) затем дополнилась исследовательским проектом, вовлекшим в свою орбиту ряд краеведов, которые в дальнейшем начали проводить памятные мероприятия [Реброва, 2022].

В региональном измерении значимость памяти о жертвах нацизма была неравномерной. Несмотря на наличие энтузиастов и активистов во всех субъектах Федерации, чьи территории были оккупированы во время войны, далеко не везде эта тема стала частью региональной исторической идентичности. Исключение составили, помимо Ростова-на-Дону (Змиевская балка и образ А.А. Печерского), Санкт-Петербург, Брянская, Смоленская и Калининградская области. Санкт-Петербург стал пространством столкновения двух подходов к памяти о блокаде – прогрессивно-героического и рефлексивно-трагического. Если в 2016–2017 гг. власти отказались от публично обсуждавшейся идеи создать отдельный музей памяти блокады, то в 2019 г. проведение военного парада 27 января вызвало определенное общественное возмущение

¹ «Мемориал» был признан Минюстом РФ «иностранным агентом» и впоследствии ликвидирован.

ввиду милитаризации памятной даты (в 2014 г. аналогичный парад не вызвал такого всплеска активности) [Коцюбинский, 2021]. В 2000-е годы активное конструирование исторической идентичности Брянской области через обращение к событиям Великой Отечественной войны привело к актуализации двух тем – героической (партизанское движение) и трагической (уничтоженная деревня Хацунь). В Смоленске формирование исторической идентичности через образ «западного щита России» также способствовало активной мемориализации в городском пространстве военнопленных (еще в советское время), а тема оккупации весьма подробно представлена в обновленной экспозиции музея «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны» (2015). В Калининградской области, благодаря активности еврейской общины, памятным местом стал расстрел евреев в Пальмникене (пос. Янтарный): традиционными стали ежегодные марши памяти, организуемые в конце января.

Начало 2020-х годов: «геноцид советского народа»

На рубеже 2019–2020 гг. государственная политика в отношении темы нацистских преступлений претерпела резкие изменения, которые выразились в выстраивании централизованной системы по продвижению концепции «геноцида советского народа». Формально речь идет о проекте «Без срока давности», реализуемом Поисковым движением России (ПДР) с 2018 г., в фокусе внимания которого находятся места расстрелов мирных жителей. Однако на рубеже 2019–2020 гг. произошло его кардинальное преобразование.

Триггером послужил новый виток «мемориальной войны» с Польшей вокруг ответственности за начало Второй мировой войны. В сентябре 2019 г. Европарламент с подачи польских депутатов принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», во многом повторяющую резолюцию десятилетней давности с осуждением сталинского и гитлеровского режимов. В ответ на это в декабре В.В. Путин на неформальном саммите стран СНГ выступил с речью, в которой критически анализировал политику Польши накануне Второй мировой войны и

намекнул на соучастие поляков в Холокосте¹. Дальнейшая медийная компания в российских СМИ расширила за счет поляков число «традиционных» соучастников нацистских преступлений.

На этом фоне концепция «геноцида советского народа» была призвана стать ответом на повторяющиеся обвинения в ответственности СССР за начало Второй мировой войны и служить обоснованием того, что советский народ является не только главным победителем нацизма, но и основной жертвой, а значит, он не может нести ответственность за развязывание войны. Тем самым Россия включилась в «гонку геноцидов», которая еще в 2000-х годах стала одним из триггеров российской исторической политики.

Сам проект «Без срока давности» превратился в сеть взаимодействия разных органов власти. Общее кураторство осуществлялось Управлением общественных проектов Администрации Президента. ПДР постепенно организовало экспедиции во всех регионах России, затронутых оккупацией. По обнаружению захоронений Следственный комитет заводил уголовное дело, что создавало медийный повод. По итогам следственных действий дело передавалось в областной суд, в вердикте которого содержалось признание факта «геноцида советского народа» на отдельной территории. Это обеспечивало более продолжительное медийное освещение, нежели решение Белоруссии в начале 2022 г. сразу же принять закон о геноциде белорусского народа и криминализировать его отрицание.

Федеральное архивное агентство организовало массовую публикацию тематических архивных документов в сборниках и в открытом доступе², отдельную электронную базу данных ведет и ПДР³. Документальные подборки периодически стали выкладывать и региональные управления ФСБ. Сама апелляция к документам при отсутствии их источниковедческой критики в медийном

¹ Неформальный саммит СНГ // Президент России. – 2019. – 20 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62376> (дата посещения: 25.01.2023).

² Федеральный архивный проект. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/02-09-2020-federalnyy-arkhivnyy-proekt-press-reliz> (дата посещения: 25.01.2023).

³ Онлайн-версия базы данных «Без срока давности». – Режим доступа: <https://xn--90ag.xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/> (дата посещения: 25.01.2023).

поле создавала эффект «исторической объективности», а в некоторых случаях способствовала возрождению идеологических представлений советского времени. Появилась и новая памятная дата – 19 апреля – День единых действий в память геноцида советского народа, приуроченная к указу Верховного Совета СССР, который определял меры наказания за коллаборационизм и участие в преступлениях. В 2022 г. в этих мероприятиях приняло участие 6,5 млн человек¹. РВИО занялось мемориализацией; в 2020 г., по итогам поисковых работ в д. Жестяная Горка под Великим Новгородом, общество включилось в создание масштабного мемориала (памятник и музейный центр). Однако «центральный» монумент решили открыть в Гатчине Ленинградской области в 2023 г. (закладной камень – в 2021 г.).

Нужно обратить внимание, что продвижение повестки «геноцида советского народа» началось до того, как соответствующее понятие утвердилось в отечественной историографии. Тем самым государство взяло на себя не только определение ценностных ориентиров и приоритетных тем исторической политики, но и вторглось в сферу компетенции академической науки – самостоятельно называть исторические события. Поиск с учетом морфологии по «Научной электронной библиотеке» (*elibrary*) показал, что в 2017–2018 гг. понятие «геноцид советского народа» не встречается вовсе. В 2019 г. оно встречается в названии одной студенческой работы и логически воспроизводится в аннотации публикации в сборнике конференции, в 2020 г. воспроизводится в четырех статьях, а в 2021 г. – в четырнадцати статьях, в 2022 г. – в пятнадцати. Практически все они написаны исследователями, не специализирующимися на нацистских преступлениях. Одновременно против понятия «геноцид советского народа» публично выступили крупнейшие российские ученые – И.А. Альтман, специалист по истории Холокоста, автор единственной отечественной монографии о Холокосте на территории СССР², П.М. Полян, специалист

¹ День единых действий // Без срока давности. – Режим доступа: <https://безсрокадавности.рф/deyatelnost/den-edinyh-dejstvij> (дата посещения: 25.01.2023).

² См., напр.: Альтман И. Память о Холокосте в современной России // Декодер. – 2021. – 21 мая. – Режим доступа: <https://www.dekoder.org/ru/gnose/pamyat-o-holokoste-v-sovremennoy-rossii> (дата посещения: 25.01.2023).

по советским военнопленным и оstarбайтерам¹, с критикой тезиса о геноциде белорусского народа выступил д-р Л. Смиловицкий (Тель-Авивский университет), специалист по геноциду евреев в Белоруссии². При этом историк А.Р. Дюков и историк-популяризатор Е.Н. Яковлев оказали поддержку новому понятию в медийном пространстве. Собственно, академическая дискуссия до сих пор не состоялась.

Вероятно, именно поэтому в 2020–2021 гг. В.В. Путин избегал использовать это понятие. Например, 22 июня 2021 г., в День памяти и скорби, он говорил в целом, что «такого жестокого геноцида не знала история». Помощник президента по вопросам истории и культуры в программной статье от 3 марта 2021 г. признал, что классическое определение геноцида не может быть употреблено в отношении истребительной политики на территории СССР, а потому предложил расширить его, введя «территориальный принцип»³. В свою очередь, ПДР решило организовать соответствующую петицию, переведя вопрос из научной плоскости в политическую⁴.

Сложности с определением понятия «геноцид советского народа» возникали также у районных или областных судов, признавших его в 2020–2022 гг. (Новгородская, Псковская, Ростовская, Ленинградская, Орловская области, Ставропольский край, Республика Крым, Санкт-Петербург). Так, в Новгороде Солонецкий районный суд (хронологически первое подобное решение) постановил признать «геноцид этнических групп»⁵. Псковский областной суд утвердил геноцид «национальных и этнических групп,

¹ Полян П.М. Геноцид советского народа, или «Мертвые души» Владимира Мединского // Republic. – 2021. – 22 июня. – Режим доступа: <https://republic.ru/posts/100800> (дата посещения: 25.01.2023).

² Смиловицкий Л. Похищение Холокоста // Исрагео. – 2021. – 28 декабря. – Режим доступа: <http://www.isrageo.com/2021/12/28/smilo443/> (дата посещения: 25.01.2023).

³ Мединский В.Р. Каждый пятый // Russia Today. – 2021. – 3 марта. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/opinion/838105-medinskiy-velikaya-otechestvennaya-voina-sssr-poteri> (дата посещения: 25.01.2023).

⁴ В России создали петицию о признании геноцида советского народа нацистами // РИА-Новости. – 2021. – 6 июня. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210606/rossiya-1735872648.html> (дата посещения: 25.01.2023).

⁵ Российский суд впервые признал геноцидом массовые убийства в годы войны // Коммерсант. – 2020. – 27 октября. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4549416> (дата посещения: 25.01.2023).

представлявших собой население СССР»¹. Ростовский областной суд использовал другие формулировки и признал геноцид «славян и иных национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР, народы Советского Союза»². 10 октября 2022 г. Ленинградский областной суд назвал точное количество убитых граждан СССР на территории региона – 435 371, представив это «геноцидом национальных, этнических и расовых групп»³. Орловский областной суд (май 2022 г.) и Верховный суд Крыма (июль 2022 г.) напрямую признали преступления на своей территории геноцидом советского народа⁴. 20 октября 2022 г. Санкт-Петербургский городской суд признал блокаду Ленинграда актом геноцида «национальных и этнических групп», а в число соучастников вписал военные формирования Бельгии, Италии, Испании, Латвии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Финляндии, Франции и Чехии⁵. Схожим образом в январе 2023 г. Ставропольский краевой суд вынес решение о геноциде «народов Советского Союза»⁶.

¹ Новость от 27.08.2021 // Псковский областной суд. – 2021. – 27 августа. – Режим доступа: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=422 (дата посещения: 25.01.2023).

² Суд признал геноцидом преступления нацистов в Ростовской области // Регнум. – 2022. 15 марта. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/3533620.html> (дата посещения: 25.01.2023).

³ Онлайн по делу о признании геноцидом преступлений фашистов в Ленинградской области // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2022. – 10 октября. – Режим доступа: https://www.rapsinews.ru/online_translation/20221010/308362532.html (дата посещения: 25.01.2023).

⁴ Суд признал геноцидом массовые убийства жителей Орловской области в годы ВОВ // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2022. – 6 мая. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220506/307936529.html (дата посещения: 25.01.2023); ВС Крыма признал геноцидом убийства нацистами местных жителей в годы ВОВ // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2022. – 7 июля. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220707/308109508.html (дата посещения: 25.01.2023).

⁵ Онлайн заседания по делу о признании блокады Ленинграда геноцидом. День 5 // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2022. – 20 октября. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/online_translation/20221020/308391189.html (дата посещения: 25.01.2023).

⁶ Массовые убийства населения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны признали геноцидом // Вести Ставрополье. – 2023. – 20 января. – Режим доступа: <https://stavropolye.tv/news/177946> (дата посещения: 25.01.2023).

В итоге из восьми судебных решений только два воспроизводят формулу «геноцида советского народа», а остальные разнятся относительно объекта «геноцида», что указывает на объективные сложности в том, как применить понятие «геноцид» к политике тотальных репрессий против населения СССР. Это еще раз говорит о необходимости научной дискуссии, которая бы опережала, а не следовала за медийно-политической кампанией и более детально рассмотрела роль организованных гуманитарных катастроф и отношение к славянскому населению (в отличие от «советского народа», славяне действительно являлись для нацистов особой «категорией» для преследования).

После 24 февраля 2022 г. произошла радикализация риторики. Выстраивание прямых параллелей с Великой Отечественной войной превратилось в один из ключевых медийных приемов. Все это придало большую политическую значимость и концепции «геноцида советского народа». 15 ноября на заседании РОК «Победа» В.В. Путин впервые публично употребил это понятие, указав, что «преднамеренный геноцид советского народа, всех его национальных, этнических и расовых групп» доказан решениями региональных судов и опирается на архивные документы¹. Правда, 26 января 2023 г., на встрече с лидерами еврейских общин, президент все же решил не упоминать «геноцид советского народа», ограничившись темой Холокоста.

Заключение

Проведенный анализ позволяет зафиксировать несколько разнонаправленных тенденций в политическом использовании памяти о нацистских преступлениях. С одной стороны, наблюдался существенный рост «инфраструктуры памяти», увеличение количества специализирующихся на этой теме мнемонических акторов, ее постепенное включение в репертуар актуального прошлого ряда регионов. С другой стороны, для государства и его агентов востребованным оказался прежде всего медийный образ, который бы

¹ Заседание оргкомитета «Победа» // Президент России. – 2022. – 15 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/councils/69836> (дата посещения: 25.01.2023).

подчеркивал особые жертвы всего советского народа, без развития дискуссий об ответственности и соучастниках, что вело бы к формированию рефлексивного отношения к истории. Международный контекст (и противоречивые отношения с зарубежной Европой, и более позитивное гуманитарное сотрудничество с Израилем) также способствовал утверждению прогрессивной, героической памяти, а с 2020 г. государственная историческая политика перешла к уже получившей распространение стратегии «виктимизации» и «конкуренции жертв» через продвижение тезиса о «геноциде советского народа». Политическая обусловленность этого понятия проистекает из того факта, что оно получило распространение еще до начала содержательных научных дискуссий. Это указывает на отчетливое стремление государственной исторической политики присвоить себе право определять события прошлого, а в данном случае – уйти от выстраивания «баланса памяти» разных групп жертв в сторону реинкарнации обновленного советского подхода. Такого рода конструкция благоприятствует и русскому этническому национализму, сторонники которого готовы прочитывать «советский народ» как «русский народ». В медийном пространстве эмоциональная насыщенность образов нацистских преступлений легко может быть использована против тех, кто оспаривает данный подход к коммеморации. Привлечение судебных органов и восприятие их решения в виде утвержденной правды еще больше способствует «сакрализации» коллективной памяти: она возможна как объект почтения, а не рефлексии.

К.А. Pakhaliuk *

**The transformation of the political use of the memory
of Nazi crimes in contemporary Russia**

Abstract. The article is devoted to the evolution of the policy of memory of Nazi crimes in modern Russia. The general trend of differentiation and deepening of ideas about these events in the 1990 s–2010 s has sharply changed in the early 2020 s in the form of the assertion of the «genocide of the Soviet people» thesis. Since the 2000 s, external challenges had a serious impact on the political use of Nazi crimes: attempts to fit into the emerging «pan-European» culture of memory, «wars of me-

* Pakhalyuk Konstantin, INION (Moscow, Russia), e-mail: kap1914@yandex.ru

mory» with the Baltic states and Ukraine (since the mid-2000 s), actualization of history in relations with Israel, the conflict with Ukraine (since 2014). All of this eventually led to the affirmation of a progressive (heroic) approach with a focus on the liberating role of the Red Army and the participation of Soviet citizens in the resistance against Nazi extermination policy. In part, this coincided with the establishment of institutions of historical politics in Russia and the strengthening of the significance of the memory of the Great Patriotic War as a «civil religion». For the official politics, the memory of Nazi crimes remains rather in a vivid way, emphasizing both the brutality of the enemy and the sanctity of the feat of the Soviet soldier, rather than an independent object of commemoration, allowing a discussion of the causes of such violence, questions of guilt, complicity and responsibility. However, this does not preclude the gradual development of memory infrastructure of Nazi crimes, the increase in the number of memory actors engaged?? in working with it, as well as the inclusion of this topic in regional historical narratives.

Keywords: politics of memory; Holocaust; Nazi crimes; foreign policy; transnational memory; commemoration.

For citation: Pakhaliuk K.A. The transformation of the political use of the memory of Nazi crimes in contemporary Russia. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 65–93. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.03>

References

- Alexander J. *Cultural sociology. Meanings of social life*. Moscow: Praxis, 2013, 640 p. (In Russ.)
- Altman I.A. *Holocaust memorialization in Russia: history, modernity, prospects // Memory of the war 60 years later*. Moscow: New literary review, 2005, P. 509–530. (In Russ.)
- Aristov S., Vasiliev I., Matskevich M., Edelstein M. *Resistance of Soviet prisoners of war in Nazi concentration camps and extermination centers: history and memory*. Moscow: ROSSPEN, 2022, 303 p. (In Russ.)
- Bonami Z. Museum in the discourse of affect. In: Zavadsky A., Sklez V., Suverina K. (eds). *The politics of affect: museum as a stage for public history*. Moscow: New literary review. 2019, P.C. 51–78 (In Russ.).
- Budraitis I. *The world that Huntington built and in which we all live*. Moscow: Tsolkovsky, 2020, 160 p. (In Russ.)
- Cherkassky A. External and internal influences on the development of the Soviet memorial landscape for the Second World War. *Byhye gody*. 2012, N 3, P. 82–89. (In Russ.)
- Dementiev I.O. “My Heidegger”: Nikolai Arseniev and the memorial culture of post-soviet Kaliningrad. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds). *Politics of memory in modern Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives: a collective monograph*. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg, 2020, P. 357–374. (In Russ.)

- Ferretti M. The politics of memory in modern Russia: a ban on Nazism. In: Afanasiev Y. (ed.). *Another war, 1939–1945*. Moscow: RGGU, 1996, P. 405–421. (In Russ.)
- Finkel E. Looking for “lost genocides”: historical and memory politics in Eastern Europe after 1989. *Historical politics in XXI century*. Moscow: New literary review. 2023, P. 292–327 (In Russ.)
- Galaktionov Yu.V. *National socialism in Germany: problems of study and overcoming*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006, 165 p. (In Russ.)
- Grinchenko G., Olynyk M. The Ostarbeiter of Nazi Germany in Soviet and Post-Soviet Ukrainian historical memory. *Canadian Slavonic papers*. 2012, Vol. 54, N 3–4, P. 401–426.
- Kibalnik A.G., Ivanov A. Yu. *Rehabilitation of Nazism as a crime against the peace and security of mankind*. Moscow: Yurlitinform, 2019, 276 p. (In Russ.)
- Kotsyubinsky D.A. Public discussion on the issue of holding a military parade on Palace Square on the occasion of the 75 th anniversary of the lifting of the Siege of Leningrad in the context of sacrificial and victimized versions of the blockade memory. *Public policy*. 2021, Vol. 5, N 1, P. 144–174. (In Russ.)
- Kovalev V.I. Everyday life of Soviet citizens driven into Nazi Germany. Moscow: Sputnik +, 2011, 504 p. (In Russ.)
- Krinko E.F. (ed.). The peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War: a statistical and military anthropological study. Rostov-on-Don: YuNTs RAS Publishing House, 2022, 428 p. (In Russ.)
- Krinko E.F. (ed.). Wars and the population of the South of Russia in the 18 th – early 21 st centuries: demographic processes and consequences. Moscow: ROSSPEN, 2019, 767 p. (In Russ.)
- Krinko E.F., Zakharina E.A. “Eastern workers”: the dynamics of ideas and images in the USSR and modern Russia. *Heritage of the Ages*. 2020, N 2, P. 45–56. DOI: <https://doi.org/10.36343/SB.2020.22.2.004> (In Russ.)
- Kruglov A., Umansky A., Shchupak I. *The Holocaust in Ukraine: the German military administration zone, the Romanian zone of occupation, the Galicia district, Transcarpathia as part of Hungary (1939–1944)*. Dnipro, 2017. – 1065 c. (In Russ.)
- Levy D., Sznajder N. The holocaust and the formation of cosmopolitan memory. *European journal of social theory*. 2002, Vol. 5, N 1, P. 87–106. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1368431002005001002>
- Miller A.I. Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21 st century. *Historical politics in the 21 st century*. Moscow: NLO, 2012, P. 7–32. (In Russ.)
- Miller A.I. The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. *Politia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of politics)*. 2016, N 1 (80), P. 111–121. (In Russ.)
- Morozov V.E. *Russia and others. Identity and boundaries of the political community*. Moscow: NLO, 2009, 651 p. (In Russ.)
- Pakhalyuk K.A. "The ability to grieve." June 22 and the value language of Russian politics. *Vorontsovo field*. 2021, N 2, P. 30–35. (In Russ.)
- Polyan P.M. Soviet prisoners of war: how many were there and how many returned? *Demographic review*. 2016, Vol. 3, N 2, P. 43–68. (In Russ.)

- Rebrova I.V. Project "Remember us": the path from a historical exhibition to scientific research. *"Remember us": people with disabilities – little-known victims of the Nazi regime in the occupied regions of the RSFSR*. St. Petersburg: European House, 2022, P. 5–16. (In Russ.)
- Rebrova I.V. The murder of 214 pupils of the Yeisk orphanage: the history of events and their memory in (post) Soviet Russia. In: Pakhalyuk K.A. (ed.). *The tragedy of war. Humanitarian dimension of armed conflicts of the XX century*. Moscow: Yauza-Katalog, 2021, P. 190–213. (In Russ.)
- Samuelson L. On the concept of "genocide" in modern Western historiography. *Russian history*. 2019, N 3, P. 132–140. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086956870005142-7> (In Russ.)
- Sands F. *East West Street. Origin of the terms genocide and crime against humanity*. Moscow: Knizhniki, 2020, 600 p. (In Russ.)
- Smilovitsky L. The Holocaust in Belarus – the genocide of Jews or Belarusians? *Preservation of the memory of the Holocaust in the post-Soviet space, November 21–22, 2019 Tel Aviv*, 2020, P. 93–111. (In Russ.)
- Sokol S. The tension between historical memory and realpolitik in Israel's foreign policy. *Israel journal of foreign affairs*. 2018, Vol. 2, P. 311–324.
- Stratievsky D.V. Former Soviet prisoners of war: late recognition. Problems of historical memory and compensation payments. *Journal of Russian and eastern European historical research*. 2017, N 4, P. 104–118. (In Russ.)
- Zakharina E.A. Memory of prisoners of war and Ostarbeiters in the memorial space of Rostov-on-Don: forms and practices. *Tragedy of war. Humanitarian dimension of armed conflicts of the XX century*. Moscow: Yauza-Katalog, 2021, P. 400–413. (In Russ.)
- Zeltser A. Holocaust monuments in the USSR: on the way to modern memory. *Holocaust. 70 years later*. Moscow: SPC "Holocaust", 2015, P. 141–145. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Александр Дж. Культурсоциология. Смыслы социальной жизни. – М.: Практикс, 2013. – 640 с.
- Альтман И.А. Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // Память о войне 60 лет спустя. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 509–530.
- Бонами З. Музей в дискурсе аффекта // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 51–78.
- Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. – М.: Цюлковский, 2020. – 160 с.
- Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия / отв. ред. Е.Ф. Кринко. – М.: РОССПЭН, 2019. – 767 с.
- Галактионов Ю.В. Национал-социализм в Германии: проблемы изучения и преодоления. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 165 с.

- Дементьев И.О. «Свой Хайдеггер»: Николай Арсеньев и мемориальная культура постсоветского Калининграда // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 357–374.
- Захарина Е.А. Память о военнопленных и оstarбайтерах в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону: формы и практики // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. – М.: Яуза-Каталог, 2021. – С. 400–413.
- Зельцер А. Памятники Холокосту в СССР: на пути к современной памяти // Холокост. 70 лет спустя. – М.: НПЦ «Холокост», 2015. – С. 141–145.
- Кибальник А.Г., Иванов А.Ю. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 276 с.
- Ковалев В.И. Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию. – М.: Спутник+, 2011. – 504 с.
- Коцюбинский Д.А. Общественная дискуссия по вопросу о проведении военного парада на Дворцовой площади к 75-летию снятия блокады Ленинграда в контексте сакрифицированной и виктимизированной версий блокадной памяти // Публичная политика. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 144–174.
- Кринко Е.Ф., Захарина Е.А. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России // Наследие веков. – 2020. – № 2. – С. 45–56. – DOI: <https://doi.org/10.36343/SB.2020.22.2.004>
- Круглов А., Уманский А., Щупак И. Холокост на Украине: зона немецкой военной администрации, румынская зона оккупации, дистрикт «Галичина», Закарпатье в составе Венгрии (1939–1944). – Киев: Днипро, 2017. – 1065 с.
- Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе в начале XXI века // Историческая политика в XXI веке. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 7–32.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 1 (80). – С. 111–121.
- Морозов В.Е. Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. – М.: НЛЮ, 2009. – 651 с.
- Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. – 428 с.
- Пахалюк К.А. «Умение скорбеть». 22 июня и ценностный язык российской политики // Воронцово поле. – 2021. – № 2. – С. 30–35.
- Полян П.М. Советские военнопленные: сколько их было и сколько вернулось? // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 43–68.
- Реброва И.В. Проект «Помни о нас»: путь от исторической выставки к научному исследованию // «Помни о нас»: люди с инвалидностью – малоизвестные жертвы нацистского режима в оккупированных районах РСФСР. – СПб.: Европейский дом, 2022. – С. 5–16.

- Реброва И.В.* Убийство 214 воспитанников Ейского детского дома: история событий и память о них в (пост)советской России // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / под ред. К.А. Пахалюка. – М.: Яуза-Каталог, 2021. – С. 190–213.
- Самуэльсон Л.* О понятии «геноцид» в современной западной историографии // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 132–140. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086956870005142-7>
- Смиловицкий Л.* «Холокост в Беларуси – геноцид евреев или белорусов?» // Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве, 21–22 ноября 2019 г. Тель-Авив, 2020. – С. 93–111.
- Сопrotивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память / С. Аристов, И. Васильев, М. Мацкевич, М. Эдельштейн. – М.: РОССПЭН, 2022. – 303 с.
- Стратиевский Д.В.* Бывшие советские военнопленные: позднее признание. Проблемы исторической памяти и компенсационных выплат // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 4. – С. 104–118.
- Сэндс Ф.* Восточно-западная улица. Происхождение терминов геноцид и преступление против человечества. – М.: Книжники, 2020. – 600 с.
- Ферретти М.* Политика памяти в современной России: запрет на нацизм // Другая война, 1939–1945 / под ред. Ю. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – С. 405–421.
- Финкель Е.* В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 292–327.
- Черкасски А.* Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне // Былые годы. – 2012. – № 3. – С. 82–89.

В.С. БЕШКИНСКАЯ*
**«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РОССИИ»:
СИМВОЛИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ СДВИГИ
В ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПРАКТИКИ В 2019–2022 гг.¹**

Аннотация. В статье рассмотрены трансформации форм и смысловой интерпретации акции «Бессмертный полк» накануне, в период и первый год после пандемии коронавируса. Основным объектом анализа выступает государственная организация «Бессмертный полк России», созданная в 2015 г. Проследивая разворачивание коммеморативной цифровизации в государственных инициативах, а также низовые запросы аудитории, автор выявляет наиболее значимые символические сдвиги в образе и способах воспроизведения практики на протяжении периода, последовавшего за принятием Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», утвердившей концепцию «двух тоталитаризмов». Процессы расширения понятий родства, подвига и хронологических границ памятования, а также смыслового подчинения практики нуждам российской исторической политики привели к семантическому размыванию понятия «Бессмертный полк» как в риторике властей, так и в общей практике его употребления. В новой конфигурации «Бессмертный полк» стал зонтичным понятием, вбирающим в себя всю массу практик памятования о героях Великой Отечественной войны. Кроме того, в этом качестве

* **Бешкинская Василиса Сергеевна**, аспирант факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vbeshkinskaya@eu.spb.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Основные тенденции трансформации мемориальной культуры и коммеморативных практик в России (конец 2010-х – начало 2020-х годов): комплексный междисциплинарный анализ» (государственный номер 122101100024–8), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

© Бешкинская В.С., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.02.04

«Бессмертный полк» претендует на статус общенационального достояния, утверждающего неизблемость русского патриотизма, героизма, жертвенности и их межпоколенческую преемственность. Будучи практикой, конституирующей сценарий Дня Победы, «Бессмертный полк России» релятивизировал героический нарратив, объединяющий военный подвиг всех поколений, включая нынешнее. В конечном счете пространством коммеморации, наиболее свободным от идеологического влияния и сохранившим фокус на событиях ВОВ, остался Интернет. К 2022 г. политизация изначально гражданского независимого движения достигла своего смыслового, практического и риторического апогея.

Ключевые слова: Бессмертный полк; Бессмертный полк России; историческая политика; память; коммеморация; Великая Отечественная война; 9 мая.

Для цитирования: Бешкинская В.С. «Бессмертный полк России»: символические и практические сдвиги в воспроизведении и интерпретации практики в 2019–2022 гг. // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 94–113. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.04>

Введение

9 мая 2022 г. акция «Бессмертный полк России» была проведена в традиционной форме спустя два года после ее официальной отмены в связи с пандемией коронавируса. Визуальное решение центрального московского шествия трансформировало массовую практику памятования о героях Великой Отечественной войны в торжественную патриотическую акцию в поддержку современного государства. Штендеры с фотографиями и именами ветеранов были едва видны за массой российских флагов, разбавленных знаменами Победы и флагами республик Донбасса. При прохождении президента В.В. Путина во главе колонны по Красной площади зрители скандировали «Россия», а финальным аккордом шествия стала песня «Война народная», а не «День Победы». В одном ряду с президентом шел отец погибшего в марте в ДНР командира батальона «Спарта» Владимира Жоги, в его руках был портрет сына. Если в предыдущие годы, идя плечом к плечу с «лицом» «Бессмертного полка России» Василием Лановым, президент нес портрет своего отца в молчаливом почтении, то в этот раз вел беседу с идущими рядом сопредседателями Центрального штаба БПР Еленой Цунаевой, историком и депутатом Госдумы, и Геннадием Ивановым, «автором идеи» шествия, который увидел его в 2007 г. в своем «удивительном сне»¹.

¹ История Движения // Бессмертный полк России. – Режим доступа: <https://polkrf.ru/about/o-dvizhenii/istoriya-dvizheniya> (дата посещения: 25.10.2022).

В шествии «Бессмертного полка России» в 2022 г. отчетливо возобладал тренд «огосударствления» и политизации этой акции. Однако он был очевиден и прежде, и не отрицался государственной организацией¹. В 2015 г. была создана дублировавшая оригинальный «Бессмертный полк» организация – юридическое лицо с добавлением в названии слова «России» и открытой ориентацией на «гражданско-патриотическое и духовно-нравственное»² воспитание граждан. Причиной создания организации-клона была названа необходимость «раскрыть неисчерпаемый потенциал Бессмертного полка»³. Об истории оригинальной инициативы, хронике и формах ее символического присвоения государством написано немало статей и книг, рассматривающих этот процесс с позиций разных дисциплин и идейных подходов [Ackerman, 2019; Julie, 2017; Курилла, 2018]. Политизация движения – центральная тема большинства из них. Однако «Бессмертный полк» как явление куда шире ежегодного шествия 9 мая, кто бы его ни организовывал. «Бессмертный полк» – это наиболее массовая коммеморативная акция в истории постсоветской России и одновременно два параллельно развивающихся института политики памяти, определивших в последнее десятилетие коммеморативный репертуар центральной для российской исторической политики⁴ даты – Дня Победы [Миллер, 2012, с. 9].

В последние годы с той или иной интенсивностью практика «Бессмертного полка» претерпевала под контролем государства трансформации своих визуальных, коммуникативных, цифровых и идейных форм, которые в основном оставались за пределами ис-

¹ В данном тексте «государственной» именуется организация, функционирующая с 2015 г., – «Бессмертный полк России» <https://polkrf.ru/>, «оригинальной» – организация 2012 г., «Бессмертный полк» <https://www.moypolk.ru/>, под «Бессмертным полком» в общем понимается утвердившаяся форма памятования о ветеранах путем участия в шествии 9 мая, инициативу по организации которой с 2015 г. перенял «Бессмертный полк России».

² Устав Движения // Бессмертный полк России. – Режим доступа: <https://polkrf.ru/about/dokumenty/ustav-dvizheniya> (дата посещения: 25.10.2022).

³ История Бессмертного полка России // Бессмертный полк России. – Режим доступа: <http://polkrf.ru/about/> (дата посещения: 19.10.2019).

⁴ Акторы, не подчиняющиеся государственной повестке, относятся к более широкому, чем историческая политика полю политики памяти. Историческая политика – это использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты.

следовательского интереса, сосредоточенного на обсуждении пропагандистского потенциала акции. В два пандемийных года эти трансформации разворачивались особенно наглядно, поскольку активность как организации, так и участников акции переместилась в интернет-пространство. При этом российская историческая политика, подстегнутая внешнеполитическим вызовом концепции «двух тоталитаризмов», утвержденной резолюцией Европейского парламента в 2019 г., заявляла о себе в эти годы особенно громко. Отсутствие возможности провести оригинальное шествие не было периодом затишья в работе организации. Напротив, деятельность «Бессмертного полка России» как ключевого института исторической политики современной России активизировалась. Перевод активности в онлайн сделал особенно наглядными векторы развития движения: по интернет-материалам удастся восстановить логику развития государственной организации и четче проследить отклик аудитории. Данная статья посвящена ключевым изменениям в воспроизведении и интерпретации этой практики со стороны государственных акторов в период с 2019 по 2022 г.

«Границы» «Бессмертного полка России»: хронология, подвиг, родство

В 2018 г. общероссийское общественное гражданско-патриотическое движение «Бессмертный полк России» формулировало свою основную задачу как увековечивание подвига солдат Великой Отечественной войны. Это не противоречило цели оригинальной акции – «сохранению в каждой семье личной памяти о поколении Великой Отечественной войны»¹, однако отчетливо задавало иную прагматику с фокусом на публичной артикуляции семейной памяти.

Осенью 2019 г., почти одновременно с принятием Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», на сайте «Бессмертного полка России» появилась «Декларация о единстве», опубликованная от лица участников движения. В ней формулировалось представление о новых «границах» памятования, шедших вразрез с оригинальной

¹ Устав полка // Бессмертный полк. – Режим доступа: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (дата посещения: 25.10.2022).

идеей акции: «Бессмертный полк для нас – это память о всех защитниках Отечества без срока давности – живых и погибших, прославленных и безымянных – участников давних битв и сражений, войн первой половины двадцатого века и пограничных конфликтов тридцатых годов, горячих точек в различных странах мира – от послевоенного времени до нынешних дней»¹. В это же время в 2018 г. на портал «Память народа», который курируется Министерством обороны, был добавлен раздел «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов». К 2022 г. концепция платформы расширилась до охвата «всей военной истории России, начиная с времен Петра Первого по настоящее время»², а из эмблемы «Памяти народа» были убраны даты ВОВ. При этом в 2021 г. Министерство обороны стало фигурировать на площадках «Бессмертного полка России» как его основной партнер (с 2006 г. Министерство обороны является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере увековечения памяти погибших при защите Отечества)³. Примерно тогда же партнером организации стал Российский Союз ветеранов, цель которого – объединение «участников и ветеранов Великой Отечественной войны, боевых действий, Вооруженных сил, военной службы, правоохранительных органов, государственной службы и труда, вдов и членов семей ветеранов»⁴. Хронологические границы памятования о военном подвиге в исторической политике России, таким образом, максимально расширились, и «Бессмертный полк России» в этом движении играл не последнюю роль.

Одновременно утверждалось новое представление о степени родства участника современной акции и героя войны. В 2019 г. организация указывала, что портрет ветерана (фронтовика, труженика тыла, блокадника, ребенка войны, узника концлагеря, под-

¹ Декларация о единстве // Бессмертный полк. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20191208002609/http://polkrf.ru/about/dokumenty/deklaraciya-o-edinстве/> (дата посещения: 25.10.2022).

² О проекте «Память народа» // Память народа. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/about/> (дата посещения: 25.10.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2006 г. № 37 // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367> (дата посещения: 25.10.2022).

⁴ Устав // Российский Союз ветеранов. – Режим доступа: <https://soyuzveteranov.ru/content/ustav> (дата посещения: 25.10.2022).

польщика и партизана) должен находиться в руках его прямых потомков или родственников¹. «Если в семье не сохранилась информация о родственнике», допускалось нести портрет «одинокого» ветерана, из числа тех, кто погиб молодым и не успел создать семьи². Характерно, что движение российской исторической политики в сторону расширения понятия подвига в ВОВ шло относительно «Бессмертного полка» с заметным опозданием. Еще в оригинальной акции 2012 г. понятие «ветеран» утвердилось максимально широко, от фронтовика до ребенка войны. Внимание же государства к широкой коммеморации подвига не только фронтовиков, но, например, и тружеников тыла отчетливо проявилось только к 75-летию Победы [Бешкинская, Миллер, 2020, с. 77–78].

На этапе сбора заявок для первой государственной акции «Бессмертный полк онлайн» в 2020 г. указание степени родства было обязательным, однако вскоре организаторы убрали этот пункт из анкеты. В следующих онлайн-акциях его уже не было, а в 2022 г. во время оригинального шествия участники движения «Юнармия» несли портреты погибших в специальной военной операции на Украине³. Об организованном участии в шествии юнармейцев и военных еще в 2020 г. заявлял заместитель министра обороны А.В. Картаполов, однако тогда оригинальная акция не состоялась по эпидемиологическим причинам. При этом еще с начала военного конфликта на Донбассе в рядах региональных шествий систематически появлялись портреты погибших в ДНР и ЛНР добровольцев. В 2016 г. большой резонанс имел выход в «Бессмертном полку России» Н.В. Поклонской, находившейся в статусе прокурора Крыма и несшей икону с изображением Николая II. Негодование общественности было сформулировано в вопросах о том, является ли она его прямым потомком и воевал ли он в ВОВ⁴.

¹ Принципы организации и проведения народного шествия «Бессмертный полк» // ВКонтакте. – Режим доступа: https://vk.com/@polk_russia-principiy-organizacii-i-provedeniya-narodnogo-shestviya-bessm (дата посещения: 25.10.2022).

² Там же.

³ В колонне «Бессмертного полка» юнармейцы пройдут с портретами погибших в спецоперации на Украине солдат из Коми // Комиинформ. – Режим доступа: <https://komiinform.ru/news/233539/> (дата посещения: 25.10.2022).

⁴ Поклонская и Николай II: идиотизм, заявка на престол или... // ИА REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2133385.html> (дата посещения: 25.10.2022).

Для 2016 г. эти вопросы имели дискредитирующий характер, но спустя пять лет уже потеряли свою остроту.

Таким образом, трансформация категорий родства сопрягалась с расширением представлений о границах военного подвига в российской исторической политике, памятование о котором свершалось в процессе оригинального шествия. В 2022 г. новый подход был окончательно легитимирован «сверху».

Семантическое и практическое размывание первоначального замысла «Бессмертного полка»¹

Несмотря на эти тренды, онлайн-шествия 2020–2022 гг. оставались четко сфокусированными на памятовании о героях Великой Отечественной. Не последнюю роль в этом сыграли государственные инициативы создания масштабных баз данных, аккумулирующих возможный максимум «профилей» героев поколения войны.

По всей видимости, процесс поворота к цифровизации наметился задолго до 2020-х годов. Обобщенный банк данных (ОБД) «Мемориал» был создан Министерством обороны еще в 2006 г. На период президентства Д.А. Медведева, прошедшего под лозунгом создания в России «цифрового общества», пришлось открытие новой платформы, аккумулирующей данные об участниках ВОВ и куда больший массив документов о войне, чем описание боевых путей солдат – ОБД «Подвиг народа» (2010). При этом еще в 2009 г. Медведев рассуждал о необходимости «трудно, иногда даже, честно сказать, противно» доказывать в связи с памятью о войне те факты, которые прежде были абсолютной истиной, а молодое поколение призывал учить историю для их будущего, «а, стало быть, для будущего нашей страны». «Мы должны сохранить историческую память – нашу с вами память», – резюмировал

¹ Эти сюжеты более подробно освещены в статье, находящейся в печати: Бешкинская В.С. «Бессмертный полк» в эпоху коронавируса: цифровая коммеморация Великой Отечественной войны в 2019–2021 гг. // Память в Сети: цифровой поворот в исследованиях Memory Studies: сборник статей / ред. А.Ф. Павловский и А.И. Миллер. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

Д.А. Медведев¹. Впоследствии, уже при президентстве В.В. Путина, в 2015 г. будет создана платформа «Память народа». При этом в каждом из случаев появления новой платформы предыдущие платформы практически переставали пополняться документами.

С 2019 г. наступил новый этап. Весной, спустя месяц после объявлений о сборе цифровой базы данных для музейного комплекса в Кубинке «Дорога памяти», Сбербанк (в последующем «Сбер») в партнерстве с «Бессмертным полком России» и благотворительным фондом «Память поколений» объявили о создании «Банка памяти». В том же году заработал сайт *bank-pamyati.ru* (в дальнейшем – *sber9 may.ru*), его функцией было автоматическое создание видеоролика о ветеране из данных, внесенных пользователем, а также непосредственное агрегирование «базы ветеранов». «Это тот самый “Бессмертный полк”, который нам удалось перенести в digital-пространство», – отметила в мае 2019 г. исполнительный директор фонда «Память поколений» Е.Г. Круглова². А.В. Картаполов в конце 2020 г. замечал: «...каждый гражданин нашей страны, граждане других государств должны сделать так, чтобы память об их предках, которые ценой своей жизни и здоровья принесли нам Победу, обязательно нашла свое место в “Дороге памяти”. Это путь постоянной дислокации “Бессмертного полка”»³. В открытом в январе под Москвой музейном комплексе «Зоя» был создан интерактивный зал с видеоисториями о героях войны⁴. В названии акции и самого зала варианты «Про Героя» и «Бессмертный полк» использовались как синонимы, притом что эта инициатива не имела связи с практикой шествий. В то же время при вынужденном переносе коммеморативных акций в онлайн государство поощряло любые формы персональной интернет-активности участников. Для публикаций историй ветеранов и по-

¹ О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти // Videоблог Дмитрия Медведева. – 2009. – 7 мая. – Режим доступа: <http://blog.da-medvedev.ru/post/11/transcript> (дата посещения: 25.10.2022).

² Хуторской: «Бессмертный полк» – это шествие нашей семейной памяти // РИА Новости. – 2019. – 6 мая. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190506/1553302358.html> (дата посещения: 25.10.2022).

³ В свете Великой Победы // Красная звезда. – Режим доступа: <http://redstar.ru/v-svete-velikoj-pobedy/> (дата посещения: 25.10.2022).

⁴ Бессмертный полк // Музейный комплекс Зоя. – 2020. – 20 января. – Режим доступа: <https://mk-zoya.ru/besmertniy-polok> (дата посещения: 25.10.2022).

здравительных постов в социальных сетях также предлагалось использовать хэштег #бессмертныйполк.

В свою очередь, в риторике власти с помощью образа «Бессмертного полка» обосновывалась межпоколенческая связь наследников победителей ВОВ разного возраста и подчеркивался героический характер русского народа. Если «Бессмертный полк России» и Министерство обороны обращались к прошлому, то президент В.В. Путин делал акцент на событиях новейшей истории. В кратком обращении к участникам акции 9 мая 2020 г. президент назвал «Бессмертный полк» «народным маршем», «маршем нашей благодарной памяти, кровной, живой связи между поколениями»¹. В том же году эта формулировка слово в слово повторилась в июньской статье Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим»². Рассуждая о межпоколенческой преемственности ценностей народов России, автор использовал несколько событий / явлений в качестве иллюстрации «фундаментальных, стержневых» ценностей российского общества: «самоотверженности, патриотизма, любви к родному дому, к своей семье, к Отечеству»³ – это события Великой Отечественной войны, «борьба с международным терроризмом на Северном Кавказе, в Сирии» и «Бессмертный полк». Спустя год, в марте 2021-го, на заседании Совета по межнациональным отношениям президент рассуждал о том, что движение появилось «из народа», потому что «почти 70 процентов совокупных потерь пришлось именно на РСФСР, Российскую Федерацию, т.е. на сегодняшнюю Россию»⁴. Образ русского героизма и патриотизма достиг риторического апогея в том же году, 1 сентября, на лекции для школьников, когда президент объяснил популярность «Бессмертного полка» памятью

¹ Акция «Бессмертный полк» // Президент России. – 2020. – 9 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63334> (дата посещения: 25.10.2022).

² 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России. – 2020. – 19 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата посещения: 25.10.2022).

³ Там же.

⁴ Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России. – 2021. – 30 марта. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата посещения: 25.10.2022).

и сопричастностью народа «на подсознательном, генетическом уровне»¹.

Активное использование образа «Бессмертного полка» различными акторами исторической политики семантически расширяло его трактовку и позволяло им использовать название практики в обозначении прочих коммеморативных инициатив. Такой «Бессмертный полк» распространялся за пределы 9 мая, становился внесобытийным, а при использовании понятного названия, к которому была лояльна массовая аудитория, обеспечивал себе легитимацию новых практик и внимание с ее стороны.

«Бессмертный полк России» как площадка реализации новых направлений исторической политики

Сохранив фокус на коммеморации подвига героев ВОВ, онлайн-практика довольно скоро стала выполнять новые для российской исторической политики функции. Наиболее заметной стала информационная «обкатка» Федерального закона о введении ответственности за реабилитацию нацизма. Символ «Бессмертного полка России» как осажденной внутренними и внешними врагами крепости памяти должен был наглядно утверждать этот образ для массовой аудитории путем регулярных, интенсивно освещаемых федеральными СМИ уголовных дел против граждан, загрузивших в базу данных фотографии нацистских преступников. Большинство лиц, уличенных в дискредитации акции и совершивших действия, попадавшие под определение статьи, получили наказания в виде штрафов. Кроме того, ежегодно тиражировалась информация о совершении DDoS-атак на сайт «Бессмертного полка России», в том числе из-за рубежа. В 2020 г. СМИ указывали, что 64% серверов, участвовавших в атаке, были расположены на территории европейских стран, 27% – на территории Северной Америки, 3% – в Азии². Новости об атаках вырисовывали ясную картину внешних

¹ Встреча со школьниками // Президент России. – 2021. – 1 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66554> (дата посещения: 25.10.2022).

² Отсылались запросы. Онлайн-показ «Бессмертного полка» атаквали хакеры // Радио Sputnik. – 2020. – 10 мая. – Режим доступа: <https://radiosputnik.ria.ru/20200510/1571256156.html> (дата посещения: 25.10.2022).

врагов исторической памяти россиян, однако ни в одном из случаев не получили развития в виде исследований.

Между тем образ осажденной крепости памяти начал культивироваться еще раньше. В 2012 г. В.В. Путин, сменив на посту президента Д.А. Медведева, заявлял, что мы «никогда не позволим поставить в один ряд палачей и их жертвы, не позволим исказить истину и заменить ее разного рода фальсификациями и домыслами»¹. В 2019 г. «Бессмертный полк России» стал важнейшей площадкой для обсуждения вопросов противодействия фальсификациям российской истории. В конце года на сайте организации в описании движения появилась новая формулировка идеи движения: «Из миллионов индивидуальных воспоминаний рождается объективная историческая коллективная память, носителем которой является Бессмертный полк России»². Характерно, что до 2019 г. в движении подчеркивалось, что важнейший смысл акции – личная память. Теперь носителем памяти стал институт, обеспечивавший защиту «объективной исторической коллективной памяти». При этом границы активности и интерпретации функций этого института все более расширялись.

Созвучно этому основными целями на проводившейся в сентябре 2019 г. в Белграде конференции координаторов «Бессмертного полка России» основными темами были заявлены «сохранение памяти о событиях Второй мировой войны и предотвращение фальсификации истории»³. Тогда же в качестве ответа на концепцию «двух тоталитаризмов» была сформулирована идея создать международную медиаплощадку движения, объединявшую журналистов, блогеров и историков, чтобы отвечать на фальсификации «объективной информацией»⁴. Инициатива не была реализована, а сам «Бессмертный полк России» с началом пандемии замкнулся на

¹ Открытие Мемориала победы Красной армии над фашистской Германией // Президент России. – 2012. – 25 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/15727> (дата посещения: 25.10.2022).

² История Движения // Бессмертный полк России. – Режим доступа: <https://polkrf.ru/about/o-dvizhenii/istoriya-dvizheniya> (дата посещения: 25.10.2022).

³ Бессмертный полк России // ВКонтакте. – 2019. – 25 сентября. – Режим доступа: https://vk.com/@polk_russia-konferenciya-koordinatorov-bessmertnogo-polka-startovala-v-b (дата посещения: 25.10.2022).

⁴ Там же.

внутригосударственных инициативах, все более переходя в сферу взаимодействия с различными государственными акторами.

Так, в сентябре 2020 г. в Следственном комитете было создано подразделение по расследованию преступлений, связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории Отечества, о ходе следствий по делам дискредитации «Бессмертного полка России» отчитывался сам председатель СК А.И. Бастрыкин. Параллельно набирал силу проект «Без срока давности», инициировавший многочисленные слушания по делам о геноциде советского народа во время ВОВ. С 2019 г. социальные сети «Бессмертного полка России» постепенно утрачивали прежний фокус на информировании участников о своей деятельности и публикации присланных ими историях о ветеранах и все более переходили в режим информационной поддержки государственных инициатив в сфере политики памяти. В 2022 г., когда площадки «Бессмертного полка России» стали ежедневно публиковать патриотические призывы в связи со специальной военной операцией, некогда единая, соответствующая природе практики, контент-стратегия движения была вовсе утрачена. Накопив к 2022 г. обширную аудиторию, «Бессмертный полк России» в онлайн стал выполнять функцию подконтрольной информационной площадки, прямая ассоциация с ежегодными шествиями все более расплывалась, а лояльная аудитория предпочитала свои способы публичного памятования о героях ВОВ.

«Низовой» запрос: участники и аудитория «Бессмертного полка России» в поиске новых форм коммеморации

Накануне 75-летия Победы стал очевиден возросший интерес интернет-аудитории к коммеморативным практикам, формат которых теперь требовал не только памятования об имени, но и проговаривания истории героя – члена семьи, а также артикуляции непосредственной связи с ним [Бешкинская, Миллер, 2020, с. 66–67]. В 2020 г. стремительно сократилось число здравствующих ветеранов: с 2015 по 2020 г., по данным Росстата, численность непосредственных участников Великой Отечественной войны уменьшилась

со 103 тыс. до 60 тыс. человек¹. При жизни участника войны памятование о ней было в большей степени внутрисемейным опытом. Носитель живой памяти определял способ памятования о событиях, которые имели для него трагическую тональность. Для других членов семьи эта практика выстраивалась вокруг сопереживания герою семьи, чувства почтения перед подвигом и опытом старшего поколения. При этом внутрисемейная молчаливая и трагическая память сосуществовала с публичным коммеморативным репертуаром, доминирующая тональность которого была торжественной, праздничной. С уходом носителей живой памяти эта роль перешла к другим членам семьи, а вместе с тем, не без внешнего воздействия, стиралось и разделение двух сосуществовавших пространств памятования. Индивидуальный коммеморативный акт становился все более публичным, эмоциональная солидаризация с другими памятующими, а также саморепрезентация в их кругу как достойного носителя памяти и потомка героя – все более важными. Если прежде, находясь рядом с носителем памяти о войне, член семьи ветерана не стремился к саморепрезентации, то теперь она становилась непосредственной частью процесса публичного памятования, поскольку важным было заявление не только о том, кого помнят, но и о том, кто помнит и как.

Нынешнее большинство носителей памяти о ВОВ – наиболее «диджитализированное» поколение из всех, перед которыми стояла задача ее сохранения. Предоставляя им документальные базы данных и понимая, что поколение носителей памяти сменилось², власть тем не менее сильно отставала в том, чтобы понять массовый запрос на новые формы коммеморации.

Все эти годы оригинальный «Бессмертный полк», располагающийся в Рунете по адресу *moypolk.ru*, придерживался «полко-

¹ Численность отдельных категорий граждан, получивших меры социальной поддержки за счет средств консолидированного бюджета субъекта российской федерации, и установленные размеры денежных выплат // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_226.htm (дата посещения: 25.10.2022).

² См., например, презентацию федеральной Дирекции Года памяти и славы: Нормативные правовые акты, планы, информационно-справочные и другие материалы, посвященные годовщине Великой Победы // Аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области. – Режим доступа: <https://irkobl.ru/sites/apparat/75-anniversary/> (дата посещения: 25.10.2022).

вого» принципа взаимодействия между участниками и координаторами движения, который подчеркивал горизонтальность практики и семантику всенародности в ее названии. Практика, на которой держался этот принцип, состояла в собирании летописи полка – онлайн-базы историй о «солдатах полка», чьи карточки участники шествий создавали на сайте. Добавляя «своего» ветерана в «онлайн-строй», они артикулировали включенность во всенародный и вневременной полк, существующий в децентрализованном пространстве Интернета. Таким образом, «Бессмертный полк» за много лет предвосхитил официальный поворот к онлайн-практикам коммеморации. За восемь лет существования, к началу 2020 г., онлайн-«полк» на сайте томского движения собрал базу в почти 800 тыс. историй героев войны, из них полмиллиона участников присоединилось с момента регистрации «Бессмертного полка России» – с 2015 по 2019 г. Тем самым запрос аудитории был явно сформулирован через потребности проговаривания историй ветеранов, их публичной артикуляции и внесобытийного хранения, а также поиска сопричастной аудитории для этих действий. «Бессмертный полк России» предложил такую практику только после вынужденного ухода в онлайн.

Стоит подчеркнуть, что два параллельных движения «Бессмертного полка», будучи организациями во многом различными по своим функциям и идейным принципам, тем не менее имели общую аудиторию и функционировали как сообщающиеся сосуды. Оставаясь в тени традиционных шествий «Бессмертного полка России», летопись оригинального «Бессмертного полка» на протяжении почти десяти лет вовлекала интернет-аудиторию в опыт виртуального коммеморативного действия и солидаризации.

Таким образом, «выход» в онлайн для массы участников «Бессмертного полка России» начался еще до локдауна 2020 г. Государственная организация вошла в ситуацию срочного переноса акции в онлайн с большими организационными и информационными ресурсами и опытом в организации цифровой коммеморации. Все это, во-первых, заставляет более аккуратно оценивать распространившийся в СМИ факт «беспрецедентного» отклика интернет-аудитории на онлайн-акцию в мае 2020 г., и, во-вторых, подчеркивает, что несмотря на очевидный форс-мажор в виде локдауна, российская историческая политика не оказалась в юбилейном году в тупике, а, напротив, следовала заданной прежде повестке.

Символические сдвиги в воспроизведении практики «Бессмертного полка» в онлайн-пространстве

Первые две акции «Бессмертный полк онлайн», проходившие в 2020–2021 гг., были идентичны по форме. Ключевым новшеством стало транслировавшееся в Интернете онлайн-шествие, состоявшее из карточек ветеранов, которые предлагалось загрузить через сайт или приложения, интегрированные в отечественные социальные сети. Первым важным сдвигом в воспроизведении практики в Интернете стало объединение участников шествия со всей России и из прочих стран в единый поток, символически оформленный как шествие полка по Красной площади. В онлайн-стирании региональные разграничения, «Бессмертный полк» становился единым. Эта незапланированная трансформация следовала логике оригинального движения, где «летопись полка» также объединяла участников со всей России и стран зарубежья. Новой для «Бессмертного полка России» стала и практика создания своей базы ветеранов на сайте – как часть общего тренда формирования многочисленных баз данных с 2019 г. Во-вторых, в онлайн-шествии изменился характер персонификации непосредственного участника акции. Транслируемая карточка была поделена между двумя фотографиями – ветерана и человека, разместившего анкету, при этом фотография последнего автоматически загружалась из профиля в социальной сети. За счет очевидно лучшего качества современной фотографии и при условии довольно мелкого шрифта подписи с именем ветерана акцент смещался с героя на современного носителя памяти о войне. При этом традиционное шествие «Бессмертного полка» визуально не персонифицировало рядового участника, центральное место занимали штендеры с фотографиями ветеранов. В онлайн-общая масса участников акции стала более атомизированной и заметной.

Перенос акции в Интернет привнес еще одно новшество – открытое участие в его организации бизнес-структур. «Mail.ru Group» (с осени 2021 г. «VK») и «Сбер» (прежде Сбербанк) стали партнерами «Бессмертного полка России», взяв на себя техническую сторону реализации акции. Если в принципах оригинальной акции значилось, что движение не может быть персонализировано в одном лице, а также ассоциировано с какими-либо коммерческими пред-

приятными¹, то государственное движение к 2020 г. «преодолело» оба этих принципа. Логотип «Сбера» на протяжении трех лет проведения онлайн-акции фигурировал повсеместно. Между тем усилиями партнеров удалось заметно улучшить качество онлайн-шествия к 2022 г., визуально и функционально. По заявлениям организаторов, в онлайн-шествии 9 мая 2022 г. работала функция «истории ветерана», которую можно было прочесть во время трансляции, нажав на его карточку. Запрос аудитории на проговаривание и сохранение истории своего героя был, таким образом, полностью реализован в течение двух лет. Последний важный сдвиг вновь выделял онлайн-акцию из общей традиционной практики «Бессмертного полка России»: в отличие от привычных шествий, не афишировалось участие кого-либо из медийных лиц.

Визуальное решение онлайн-акции, в отличие от традиционного шествия, также сохраняло ставшие классическими нейтральные символы празднования: красные цвета и георгиевскую ленту. Если фотография участника акции отсутствовала, то на ее месте в финальной версии использовалась надпись «9 мая», а не какая-либо из эмблем. Подпись к виртуальным штендерам также была нейтральной – «Я помню! Я горжусь!» – в отличие от таких лозунгов традиционного шествия 2022 г., как «Мир без нацизма».

Таким образом, в процессе трансформации идейных и формальных аспектов проведения акции именно ее онлайн-формат сохранил и даже усилил традиционные смыслы практики шествий. Онлайн-полк становился «всемирным», сохранял событийность, подчеркивал равенство подвига ветеранов и места участников – носителей памяти и четко фокусировался на героях Великой Отечественной войны.

Вместо заключения

В 2018 г. Олег Газманов представил авторскую песню со словами «проходит вечность – полк бессмертный строем идет опять сражаться за страну»². В 2022 г. она была использована в

¹ Устав полка // Бессмертный полк. – Режим доступа: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (дата посещения: 25.10.2022).

² Олег Газманов – Бессмертный полк (0+) // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=hSz7KodTE3E> (дата посещения: 25.10.2022).

музыкальном сопровождении виртуального шествия. Этот четырехлетний промежуток выявил множество изменений практики «Бессмертного полка России», основная масса которых была связана не с прямым переосмыслением акции государством, а с ее подчинением стратегиям исторической политики, стремительно трансформировавшимся с осени 2019 г. Итогом стало тотальное подчинение традиционной формы шествия патриотическим нуждам времени – специальной военной операции. Для этого «Бессмертный полк» переосмыслился государственными акторами практически: были расширены представления о родстве, военном подвиге и его хронологических рамках. В свою очередь, риторический образ акции стал вбирать в себя все возможное многообразие практик памятования о ВОВ в современной России, делая тем самым «Бессмертный полк» синонимом гражданского и семейного долга сохранения и артикуляции этой памяти. При этом дидактизм, с которым использовалось понятие «Бессмертного полка» властью, подчеркивал его роль как общенациональной ценности, скрепляющей поколения в патриотической стойкости. Московское шествие 2022 г. явило конечный результат семантического расширения и размытия понятия «Бессмертный полк»: его синонимом стало «государство» и «объективная историческая коллективная память» народа, а участниками – все, кто готов за нее сражаться. Сражаться на разных фронтах: против забвения памяти, против фальсификаций истории, против реабилитации нацизма или против современных нацистских режимов.

Поздравляя президента с юбилеем 7 октября 2022 г., члены Центрального штаба «Бессмертного полка России» выразили это так: «После того, как в 2015 г. Вы наравне со всеми встали в колонну Бессмертного полка с портретом отца-фронтовика, рейтинг и масштаб акции неизмеримо выросли. Теперь уже невозможно представить празднование Дня Победы без лиц победителей: и победители, и их благодарные потомки идут в одном строю, утверждая тем самым неразрывную связь поколений. Утверждая непобедимость России»¹.

¹ С юбилеем, Владимир Владимирович! // Бессмертный полк России. – 2022. – 7 октября. – Режим доступа: <https://polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/s-yubileem-vladimir-vladimirovich> (дата посещения: 25.10.2022).

При этом в 2020 г. появился еще один «Бессмертный полк России» – «Бессмертный полк онлайн»: неполитизированный, народный, традиционный в своих символах и прагматике; местом его дислокации стал Интернет. Его появление обусловлено тремя факторами. Во-первых, государственной политикой перехода к онлайн-коммеморации, ярко заявившей о себе в 2019 г. и предполагающей создание наглядного обобщенного доказательства массовости подвига российского народа в борьбе с нацистской Германией. Вторым фактором стала эпидемия коронавируса. Третьим – опыт цифровой коммеморации и солидаризации, на протяжении почти десяти лет культивируемый оригинальным томским движением «Бессмертный полк».

В итоге наиболее свободным пространством памятования о подвиге героев ВОВ для российского участника за эти годы стал Интернет. А наиболее дискурсивно свободным личное или корпоративное коммеморативное высказывание о Великой Отечественной войне оказывалось в любой другой день – кроме Дня Победы.

V.S. Beshkinskaya*
**“The Immortal Regiment of Russia”:
symbolic and practical changes in reproduction
and interpretation of the practice in 2019–2022**

Abstract. The article is devoted to the transforming practices of the movement “Immortal Regiment” and its semantic interpretation on the eve, during the period, and the first year after the coronavirus pandemic. The key object of analysis is the state organization «Immortal Regiment of Russia». Tracing the logic of memory digitalization in Russian historical politics, as well as grassroots audience commemorative requests, the author points to key changes in ways of interpreting the practice in Russia after the resolution of the European Parliament on the “Importance of European Remembrance for the Future of Europe” (2019) that approved the concept of “two totalitarianisms”. The processes of expanding the concepts of kinship, heroism and chronological boundaries of memory, visual solutions, as well as the semantic subordination of practice to the needs of Russian historical politics have led to blurring of the concept “Immortal Regiment”. In the new configuration the “Immortal Regiment” has become an umbrella concept that incorporates mass of practices of remembering the heroes of the Great Patriotic War. In addition, it has taken shape as an image of a national heritage

* **Beshkinskaya Vasilisa**, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), e-mail: vbeshkinskaya@eu.spb.ru

that affirms the inviolability of Russian patriotism, heroism, sacrifice and their intergenerational continuity. Moreover, the new idea of «Immortal Regiment of Russia» blurred the heroic narrative to the limit, uniting the military feat of all generations, including the current one. By 2022, the politicization of the initially civil independent movement has reached its semantic, practical, and rhetorical apogee.

Keywords: Immortal Regiment; Immortal Regiment of Russia; memory politics; memory; commemoration; The Great Patriotic War; 9 th May.

For citation: Beshkinskaya V.S. “The Immortal Regiment of Russia”: symbolic and practical changes in reproduction and interpretation of the practice in 2019–2022. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 94–113. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.04>

References

- Ackerman G. *Le Immortal regiment. Putin's Sacred War*. Paris: Premier Parallèle. 2019, 285 p.
- Beshkinskaya V.S. “The Immortal Regiment” in the era of coronavirus: digital commemoration of the Great Patriotic War in 2019–2021. *Memory on the Web: a digital turn in Memory Studies*: Collection of articles. In: Pavlovsky A.F. and Miller A.I. (eds). St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg, 2023. (In Russ.) (In print)
- Beshkinskaya V.S., Miller A.I. The 75 th Anniversary of the Victory of Russian memory politics. *Russia in global affairs*. 2020, Vol. 18, N 3, P. 200–232. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232>
- Julie F. Memory, kinship, and the mobilization of the dead: The Russian state and the ‘immortal regiment’ movement. In: Julie F., Kangaspuro M., Lassila J., Zhurzhenko T. (eds). *War and memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Cham: Springer International Publishing, 2017, P. 307–346.
- Kurilla I. “The Immortal regiment”: “a holiday with tears in the eyes”, a parade of the dead or a mass protest? Disputes about the meaning and prospects of a new festive ritual. *Kontrapunkt*. 2018, N 12, P. 1–11. (In Russ.)
- Miller A.I. Introduction. Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI century. In: Miller A., Lipman M. (eds). *Historical politics in the XXI century*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, P. 7–32. (In Russ.)

Литература на русском языке

Бешикинская В.С. «Бессмертный полк» в эпоху коронавируса: цифровая коммеморация Великой Отечественной войны в 2019–2021 гг. // Память в Сети: цифровой поворот в исследованиях Memory Studies: Сборник статей / ред. А.Ф. Павловский и А.И. Миллер. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. (в печати)

Бешкинская В.С., Миллер А.И. Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // *Россия в глобальной политике*. – 2020. – № 5. – С. 60–88.

Курилла И. «Бессмертный полк»: «Праздник со слезами на глазах», парад мертвецов или массовый протест? Споры о смысле и перспективах нового праздничного ритуала // *Контрапункт*. – 2018. – № 12. – С. 1–11.

Миллер А.И. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.

В.Н. ЕФРЕМОВА*

**ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ
КАК СИМВОЛИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ:
ИХ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ В ПРОПАГАНДЕ
ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹**

Аннотация. Статья отражает результаты исследования политического использования общероссийских праздников, способствующих пропаганде традиционных ценностей в современной России. Автор показывает, что идеологическая составляющая «изобретенных» в последние десять лет и существующих общенациональных праздников складывалась на фоне культурной и ценностной полемики внутри страны, а также «консервативного поворота». Главным нравственным ориентиром становится семья в ее традиционном понимании. В статье обсуждаются особенности символического использования и институционализации Дня семьи, любви и верности, Дня матери и Дня отца. При этом важным союзником властвующей элиты в деле защиты ценностей и духовно-нравственного воспитания молодежи становится Русская православная церковь, предлагающая собственную социально-политическую доктрину.

* **Ефремова Валентина Николаевна**, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: efremova-valentina@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Основные тенденции трансформации мемориальной культуры и коммеморативных практик в России (конец 2010-х – начало 2020-х годов): комплексный междисциплинарный анализ» (государственный номер 122101100024–8), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.05

Ключевые слова: праздники; символическая политика; традиционные ценности; «консервативный поворот»; семья; православие.

Для цитирования: Ефремова В.Н. Общероссийские праздники как символические маркеры политических изменений: их роль и значение в пропаганде традиционных ценностей в современной России // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 114–139. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.05>

В последние два года указами президента российский календарь пополнился несколькими новыми *общероссийскими праздниками*. Это День народных художественных промыслов¹ (последнее воскресенье июня), День отца² (третье воскресенье октября), День семьи, любви и верности³ (8 июля). Новые праздники не относятся ни к государственным, т.е. имеющим статус официальных нерабочих дней, закрепленных в Трудовом кодексе РФ, ни к памятным датам, ни к дням воинской славы (регламентируются Федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах»). Их статус определяется подзаконными актами (указами президента), а значит, оказывается на ранг ниже. Все новые даты объединяет их направленность на укрепление престижа семьи в ее традиционном понимании, а также на духовно-нравственное воспитание молодежи.

Российский праздничный календарь постепенно наполнялся датами, которые связаны с традиционным укладом, воспитанием или семьей. Так, День матери (последнее воскресенье ноября)⁴ был утвержден в 1998 г. первым президентом РФ Б.Н. Ельциным. Особое культурное значение имеют даты, связанные с историческим наследием – День славянской письменности и культуры (24 мая,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 17.06.2022 г. № 384 «О Дне народных художественных промыслов» // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47943> (дата посещения: 10.01.2023).

² Указ Президента Российской Федерации № 573 от 04.10.2021 «О Дне отца». – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a2NW3nNBWtBxZDE27Iv0Z5gTk5mPCRrm.pdf> (дата посещения: 10.01.2023).

³ Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2022 г. № 411 «О Дне семьи, любви и верности» // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47966> (дата обращения: 11.01.2023).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 30.01.1998 г. № 120 // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11964> (дата посещения: 13.01.2023).

введен Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1991 г.) и День крещения Руси (28 июля, стал памятной датой путем внесения поправок в Федеральный закон о днях воинской славы от 1 июня 2010 г.).

Добавление к уже существующим в российском календаре новых дат можно расценивать как своеобразный результат «консервативного поворота» в символической политике правящего режима, который произошел после 2012 г. под влиянием протестных настроений и охлаждения отношений с западными партнерами [Бызов, 2015; Мельвиль, 2017; Bernsand, Törnquist-Plewa, 2019]. При этом особое внимание политические элиты стали уделять общественным дискуссиям о прошлом [Миллер, 2020; Малинова, 2017], а также представлениям о ценностно-символических основаниях российской политики, нашедшим отражение и в ходе обсуждения поправок в конституцию в 2020 г. [Малинова, 2021]. Очевидно, что речь идет о задействовании потенциала общенациональных праздников для *мобилизации макрополитической идентичности*, которая бы способствовала консолидации российского общества перед лицом новых политических вызовов.

Стратегия властей в отношении общероссийских праздничных дат в последние десять лет реализуется в двух направлениях. С одной стороны, это поиск союзников, которые могут быть заинтересованы в пропаганде традиционных ценностей и самобытности российского народа. С другой стороны, это выработка практик, которые отвечали бы запросу на укрепление государственного единства и сохранение традиций.

В фокусе внимания данной статьи находятся общероссийские праздники, а также одна памятная дата (День крещения Руси), используемые в рамках пропаганды традиционных ценностей и трансформации в соответствующем направлении макрополитической идентичности. Речь пойдет не только о символическом курсе власти, но и о стратегиях других политических акторов. За рамками данного исследования останутся так называемые профессиональные праздники, связанные с воспитанием молодежи (День учителя, День преподавателя высшей школы, День воспитателя и всех дошкольных работников, День школьника и др.), поскольку эта категория дат требует отдельного рассмотрения.

Здесь и далее общероссийские праздники рассматриваются как инструменты *символической политики*¹. Праздники как ценностно нагруженные символические акты не только «укрепляют веру в реальность участия граждан в управлении государством», но благодаря им достигается «согласие с условиями, которые позволяют поддерживать политический порядок» [Edelman, 1971, p. 12].

В контексте смены исторических эпох праздники являются одними из наиболее «ощущаемых» *маркеров социально-политических и ценностных изменений*. Как продемонстрировали в своем исследовании Ш. Шварц и А. Барди на примерах стран Восточной Европы, приверженность принципам консерватизма и иерархии, поворот в сторону традиционных ценностей можно расценивать как «ценностную адаптацию». Поддержка традиционных ценностей не означает, что население активно поддерживает конкретный политический режим или соглашается с его действиями, но показывает, что люди приспосабливаются к соответствующему режиму [Schwartz, Bardi, 1997]. К числу ценностей, которые используются в качестве индексов «ценностной адаптации», Ш. Шварц и А. Барди относят социальный порядок, уважение к традициям, безопасность семьи и почитание родителей и старших. Стремление к этим ценностям помогает преодолеть неопределенность в жизни [ibid., p. 389].

Изучая праздники, вербально представляющие собой идеологические конструкции, можно зафиксировать доминирующие в публичной политике идеи и ценности. Следуя традиции социального конструктивизма, общероссийские праздники понимаются нами как *символические практики*. Как заметил В.В. Волков, такое понимание «практики» «имеет определенную ценность для достижения методологических компромиссов» [Волков, 1997, с. 9] и позволяет подчеркнуть активность политических акторов, участвующих в конструировании социальной реальности.

Иными словами, то, что мы празднуем (ценностная составляющая), и как мы это делаем (практики), позволяет проследить, как меняются ценностные ориентиры общества, как происходит

¹ Под символической политикой вслед за О.Ю. Малиновой здесь понимается «деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьба за доминирование в публичном пространстве» [Малинова, Миллер, 2021, с. 15]. Политика памяти является частным случаем символической политики.

конкуренция идей, а также какие политические технологии используются в публичной сфере. С учетом вышесказанного в настоящем исследовании упор сделан на нарративах, ценностях, ритуалах и других практиках, сложившихся вокруг общероссийских праздников.

«Консервативный поворот» и оформление российского варианта традиционности

Прежде чем переходить к обзору символического использования общероссийских праздников, зафиксируем некоторые особенности ценностных изменений, происходивших в российском обществе с середины 2000-х годов.

Тематика традиционных ценностей в риторике первых лиц государства развивалась по мере роста внимания к проблемам семьи и рождаемости. В мае 2006 г. президент В.В. Путин в послании Федеральному собранию заявил о проведении ряда мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации в стране¹. Новая социальная политика, объявленная президентом, предусматривала комплекс мер по административной, финансовой и социальной поддержке семей. В частности, в России с 2007 г. выдаются «родовой сертификат» и «материнский капитал». Распоряжением правительства РФ 2008 год был объявлен годом семьи². Программа предусматривала серию мероприятий по сохранению здоровья, подготовке спортивных праздников и культурных выставок, приуроченных ко *Дню матери* или *Международному дню здоровья*.

Рост внимания к теме семьи и материнства проходил на фоне роста политической напряженности и дискуссий по проблемам культуры внутри страны, а также разворота в сторону традиционных ценностей. Как отметил И.Б. Будрайтскис, поддержка В.В. Путина на выборах 2012 г. «определялась не только полити-

¹Послание Президента Российской Федерации от 10.05.2006 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819/page/1> (дата посещения: 08.01.2023).

²Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.10.2007 г. № 1405-р. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/61520/> (дата посещения: 06.10.2022).

ческими аргументами (главным из которых был страх дестабилизации), но верностью народа самому себе, основополагающим ценностям (православию и авторитету государства), без которых было бы невозможно сохранение России в прошлом» [Будрайтскис, 2020, с. 18].

Смена приоритетов национальной политики отразилась в принятии ряда документов, определяющих стратегию государства в данной сфере. С 2012 г. в России действует «Стратегия государственной национальной политики до 2025 года», которая пришла на смену аналогичной стратегии, утвержденной в 1996 г. Целью данного документа является «укрепление государственного единства и целостности России», «сохранение этнокультурной самобытности»¹. Стратегия, по сути, представляет собой программу поддержки традиционных ценностей. Так, в качестве одной из приоритетных задач декларируется «вовлечение этнокультурных и общественных объединений, религиозных организаций в деятельность по развитию межнационального и межконфессионального диалога, возрождению семейных ценностей, противодействие экстремизму, национальной и религиозной нетерпимости»².

Другим важным шагом в оформлении российской традиционности стал запрет на усыновление детей однополыми семьями. Соответствующие поправки были внесены в статью 127 Семейного кодекса РФ в 2013 г. С этого же года в стране запрещена ЛГБТ-пропаганда среди несовершеннолетних.

Присоединение Крыма и нарастание конфронтации с Западом способствовали укреплению курса на противостояние «ложным ценностям» [Будрайтскис, 2020, с. 19]. Сплочение нации виделось властвующей элитой через призму культуры, морали и исторического выбора, о чем неоднократно говорил В.В. Путин в своих выступлениях. На основе этой триады происходило конструирование макрополитической идентичности и российского «культурного кода».

Поворот к ценностному консерватизму поставил вопрос о необходимости закрепления традиционного понимания института се-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2012. – 19 декабря. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212190001?index=2&rangeSize=1> (дата посещения: 20.11.2022).

² Там же. С. 13.

мы и брака. Распоряжением правительства РФ летом 2014 г. была принята «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года». По замыслу авторов, документ был направлен «на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества»¹. Брак рассматривается как «союз мужчины и женщины... в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей»². Концепция государственной семейной политики перекликается с «Основами социальной концепции Русской православной церкви»³, утвержденными Архиерейским собором еще в 2000 г.

Часть поправок в Конституцию, принятых в 2020 г., носили идеологический (ценностный) характер и на деле закрепили ряд важных консервативных положений⁴. В число задач правительства РФ теперь входит «укрепление и защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей»; брак понимается как «союз мужчины и женщины», а дети являются «важнейшим приоритетом государственной политики». Также в Конституцию были добавлены положения о вере в Бога, русском языке как языке «государствообразующего» народа, преемственности российской государственности, «защите исторической правды».

Вслед за изменением Конституции последовала корректировка «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Новая редакция от 2 июля 2021 г. не только декларирует необходимость защиты «традиционных духовно-нравственных основ российского общества»⁵, но называет их нравственными

¹ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. – 2014. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/MyVeliu5Nu8.pdf> (дата посещения: 06.10.2022).

² Там же. С. 35.

³ Стоит отметить, что Русская православная церковь (РПЦ) нередко выступает в роли обособленного политического актора, тесно сотрудничающего с государством, но при этом имеющего собственный интерес, часто выражающийся в укреплении своих позиций в ряду других религиозных организаций.

⁴ Подробнее см. исследование о поправках к Конституции О.Ю. Малиновой [Малинова, 2021].

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/>

ориентирами. Перечень ценностей выдержан в предельно абстрактном духе: «...жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹. На XIX Ежегодном заседании дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин заявил о необходимости уважать традиционные ценности. «Их нельзя никому навязать, а необходимо уважать, бережно относиться к тому, что веками выбирал каждый народ. Такой подход выбирает большинство цивилизаций»², – заявил президент.

Принятые 9 ноября 2022 г. указом президента «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³ фактически стали продолжением «Стратегии национальной безопасности». «Угрозу традиционным ценностям», согласно указу, представляют «деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России»⁴. Следом, в ноябре – декабре 2022 г., В.В. Путин подписал пакет законов, за-

Document/View/0001202107030001?index=3&rangeSize=1 (дата посещения: 26.11.2022). С. 6–7.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=3&rangeSize=1> (дата посещения: 26.11.2022). С. 36–37.

² Пленарная сессия в рамках XIX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Видео]. – 2022. – 27 октября. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/plenarnaya-sessiya-v-ramkakh-xix-zasedaniya-kluba-valday/> (дата посещения: 12.12.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата посещения: 14.01.2023).

⁴ Там же.

прещающих пропаганду «нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений», смены пола и педофилии в рекламе, книгах, кино и СМИ. Новые нормативные акты уже вызвали волну обеспокоенности со стороны издательского сообщества, а также представителей культуры и театральной общественности.

Символическое использование Дня матери и Дня отца в России

Переходя к обзору практик использования праздников, отметим, что День матери и День отца – два праздника, которые имеют международные аналоги, однако их символическое использование определяется задачами внутриполитической стратегии и тактики российской власти.

Утверждение Дня матери в России проходило на фоне демографического кризиса. Депутаты Государственной думы второго созыва обсуждали законопроект об утверждении Дня матери на осенней сессии 1997 г. Праздник, по мнению депутата от КПРФ, заслуженного учителя России А. Апаринной, должен был стать «одним из достаточно значимых в плане объединения общества на идеях добра, почитания матери»¹, а также способствовать повышению статуса материнства. Параллельно в Думе обсуждались ратификация «Конвенции о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями», принятая 67-й сессией Генеральной конференции Международной организации труда 23 июня 1981 г. в Женеве², а также гарантии для детей-сирот. Однако проект утверждения праздника не прошел согласование у президента и был отклонен³ по формальным основаниям, так как являлся предметом регулиро-

¹ Стенограмма заседания 15 октября 1997 г. // Государственная дума. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2693/#sel> (дата посещения: 08.01.2023).

² Стенограмма заседания 10 октября 1997 г. // Государственная дума. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2695/> (дата посещения: 08.01.2023).

³ Законопроект № 97801859–2 «Об установлении праздника – День Матери» // СОЗД. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/97801859-2?ysclid=lcu18o0q1t112413330#bh_histras (дата посещения: 15.01.2023).

вания подзаконных актов. Спустя пару месяцев вышел президентский указ об учреждении праздника Дня матери.

Дискуссии об утверждении Дня отца в то время практически не велось. Дело в том, что День матери имел свою историю, хоть и недолгую, в дореволюционный период, а в 1990-е годы уже начал отмечаться в ряде регионов России, например в Республике Саха. Это был первый регион, власти которого обратили особое внимание на значимость «женщины-матери, хранительницы семейного очага, определяющей основополагающие ценности в воспитании, становлении будущих поколений, исходя из народных традиций, обычаев, образа жизни»¹. Финансовая поддержка проведения этого праздника ложится на региональные власти, поэтому зачастую ограничивается малыми затратами. В праздник принято проводить детские конкурсы рисунков и стихов, выставки, мастер-классы. Федеральный центр оказывает матерям адресную помощь в зависимости от статуса женщины, но не привязывает ее к празднику. Подведомственные учреждения Министерства труда и социальной защиты распространяют методические рекомендации для дошкольных учреждений и школ по поводу форм проведения праздника, его истории и содержания².

Стоит отметить, что образ матери достаточно широко используется в символической политике российского государства [Рябов, 2015], в отличие от образа отца. В 2022 г. В.В. Путин своим указом восстановил звание «Мать-героиня», которое ранее присваивалось в СССР женщинам, родившим десять и более детей³. Актуализация образа отца возникла после принятия поправок об усыновлении в Семейный кодекс РФ, принятия «Концепции государственной семейной политики» и была связана с необходимостью подчеркнуть традиционное понимание семьи, где есть мать и отец.

Предложение об учреждении *Дня отца* выносилось на обсуждение нижней палаты парламента еще в 2018 г. депутатом от фракции КПрФ Т.В. Плетнёвой⁴ и было поддержано коллегами из

¹ Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 2 сентября 1993 г. № 532 «Об установлении “Дня матери”». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/26720970/> (дата посещения: 07.07.2022).

² Личный архив автора.

³ На момент написания публикации награждения не проводилось.

⁴ Стенограмма заседаний. Бюллетень. Журнал, 2018 г. № 155 (1703) // Государственная дума. Официальный сайт. – Режим доступа:

ЛДПР, но отклонено по причине отрицательных заключений ряда ведомств. Как и в случае Дня матери, причина кроется в порядке утверждения праздника: этот вопрос – предмет регулирования указами президента.

Появление Дня отца, в отличие от Дня матери, носит идеологический характер. Ему предшествовал Всероссийский форум отцов, который прошел в Екатеринбурге в феврале 2019 г. при поддержке региональных омбудсменов¹. Участники форума договорились о развитии движения отцов в субъектах Российской Федерации. С предложением утверждения Дня отца к детскому омбудсмену А.Ю. Кузнецовой обратились представители Совета отцов при уполномоченном по правам ребенка. По мнению инициаторов, новая дата в праздничном календаре необходима «для популяризации примеров ответственного отцовства», способна напомнить о позитивных практиках участия мужчины в воспитании детей. Как подчеркнула детский омбудсмен, появление праздника «безусловно, восполнит недостаток внимания к теме отцовства, станет символом гармоничного подхода к вопросам защиты семьи»².

Стоит отметить, что День отца как местная инициатива уже на протяжении десятилетия отмечается в ряде регионов. Практики празднования носят характер народных гуляний и фестивалей. В школах начали появляться методические указания по поводу празднования Дня отца в рамках дисциплины «Разговоры о важном», введенной Минпросвещения РФ в 2022–2023 учебном году.

День матери и День отца, несмотря на свой статус, определяемый указами президента, выступают инструментом социализации подрастающего поколения. Практики празднования разнятся от региона к региону, но в то же время предполагается стандартизация репертуара. В случае с Днем матери – это поощрение мате-

https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/verstka/common/mozilla_pdf/web/viewer.html?file=/common/web_services/secure_download/Resource-143233/231018.pdf?dv=1 (дата посещения: 13.01.2023).

¹ По итогам Всероссийского форума отцов в Екатеринбурге будет сформирована «дорожная карта» развития отцовского сообщества. – 2019. – 21 февраля. – Режим доступа: https://midural.ru/news/on_the_eve/page45/document143804/ (дата посещения: 11.10.2022).

² День отца восполнит недостаток внимания к теме отцовства – омбудсмен Кузнецова // РАПСИ. – 2021. – 28 июля. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20210728/307246670.html (дата посещения: 11.10.2022).

ринства, а с Днем отца – формирование ценностного отношения к роли отца в семье.

День семьи, любви и верности: символические практики и институционализация традиционности

В отличие от Дня отца и Дня матери, *День семьи, любви и верности* (8 июля) имеет не только единую концепцию празднования, но и широкую сеть агентов.

Формально День 8 июля приобрел статус общероссийского праздника по указу президента одним из последних – в 2022 г., хотя он широко отмечается с 2008 г. За это время праздник стал центральным символическим воплощением национального «культурного кода». «Изобретение» праздника хорошо укладывалось в провозглашенную государством новую социальную политику, которая предусматривала повышение статуса семьи. Согласно указу президента, праздник утверждается «в целях сохранения традиционных семейных ценностей и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи»¹. Как сказано в «Концепции празднования Дня семьи, любви и верности», праздник «позволил объединить, сблизить разных людей в единое целое», он «отмечается всем российским обществом, независимо от национальности и вероисповедания»². В массовом российском сознании праздник ассоциируется с истинным пониманием традиционности, счастья, ценностных и нравственных ориентиров. Праздник с уверенностью можно назвать «изобретенной традицией»³.

Родиной «изобретения» праздника считают г. Муром. Здесь в конце 1980-х годов на фоне ослабления давления на религиозные организации нетленные мощи святых Петра и Февронии Муромских были перенесены из запасников краеведческого музея в Свято-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2022 № 411 «О Дне семьи, любви и верности» // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47966> (дата посещения: 08.01.2023).

² Концепция празднования Дня семьи, любви и верности // День семьи, любви и верности. – Режим доступа: <https://densemyi.ru/o-proekte/konczepczyia-prazdnovaniya?ysclid=lc0t43jwy141954285> (дата посещения: 08.01.2023).

³ Концепт «изобретенная традиция» принадлежит Э. Хобсбауму [The invention of tradition...1983].

Троицкий женский монастырь. В 1992 г. ко Дню Петра и Февронии приурочили светский праздник – День города Муром, который стал восприниматься не иначе как праздник семьи¹. Поворотным стал 2002 г., когда на съезде старейших городов России было решено, что «идеальные образы святых супругов Петра и Февронии должны служить примером для русской молодежи, и этот праздник обязательно должен затмить модный, но чуждый нам день св. Валентина»².

Название и популярность праздник приобрел благодаря Фонду социально-культурных инициатив. Фонд был создан в 2008 г., президентом его с момента учреждения является С.В. Медведева, супруга третьего президента России.

В основе *нарратива* праздника лежит повесть о житии муромских святых. Как отмечает М.Б. Плеханова, культ Петра и Февронии в известной нам ныне форме «появляется в середине XVI века» [Плеханова, 1994, с. 206]. Историки сходятся во мнении, что за образец идеальных супругов были приняты не реальные люди, а герои самобытной средневековой повести³. Сама повесть о святых, дошедшая до нас, приписывается авторству Ермолая-Еразма.

К 2022 г. – моменту утверждения президентом Дня семьи, любви и верности – вокруг праздника оформилась определенная система ценностных представлений и установок. В ее центре – *семья как главная традиционная ценность*, понимаемая как «союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, который заключен для создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основан на заботе и уважении друг к другу, к детям

¹ Чагадаева О. Возвращение Петра и Февронии: Легенда об их вечной любви пережила столетия // Родина. – М., 2021. – 8 июля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/07/08/legenda-ob-ih-vechnoj-liubvi-perezkhila-stoletiia.html?ysclid=18y64bkz1c751819941> (дата обращения: 07.10.2022).

² Съезд древнейших городов России «отменил» день Св. Валентина. – 2002. – 5 августа. – Режим доступа: <http://www.ural.ru/news/life/2002/08/05/news-19872.html> (дата посещения: 06.10.2022).

³ Чагадаева О. Возвращение Петра и Февронии: Легенда об их вечной любви пережила столетия // Родина. – М., 2021. – 8 июля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/07/08/legenda-ob-ih-vechnoj-liubvi-perezkhila-stoletiia.html?ysclid=18y64bkz1c751819941> (дата обращения: 07.10.2022).

и родителям. Брак характеризуется добровольностью, устойчивостью, совместным бытом и взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению»¹. «Утрата многих созидательных народных традиций» рассматривается организаторами мероприятий, в частности Фондом социально-культурных инициатив, в качестве причины «дестабилизации внутрисемейной системы» общения поколений², и, следовательно, как угроза целостности нации.

Определяемое таким образом морально-ценностное единство общества рассматривается как необходимое условие успешного противостояния западным влияниям. Риторическое сравнение общества с семьей способствует укреплению коллективной идентичности. Одна из основных христианских ценностей, которая получает распространение благодаря празднику и интерпретируется как основа русского «культурного кода», – жертвенность по отношению друг к другу. Благосостояние народа (в том числе и его моральное состояние) оказывается на втором плане по сравнению с задачами выживания государства. Это соответствует логике особой национальной традиции, лежащей в основе идеологии современного российского политического режима [Копосов, 2011, с. 168–169].

Таким образом, возникший как низовая инициатива, праздник День семьи, любви и верности становится весьма эффективным инструментом символической политики. Четко оформленная идея праздника позволяет политическим элитам контролировать его символическое использование и не допускать альтернативных трактовок.

От практик празднования к институционализации традиционности

Праздник Дня семьи, любви и верности за короткое время прошел достаточно успешный путь институционализации. Русская православная церковь 8 июля традиционно проводит божествен-

¹ Концепция празднования Дня семьи, любви и верности // День семьи, любви и верности. – Режим доступа: <https://densemyi.ru/o-proekte/konczepcziya-prazdnovaniya> (дата посещения: 07.10.2022).

² Там же.

ную литургию на площади Свято-Троицкого женского монастыря Муром, в котором пребывают мощи святых Петра и Февронии. Священнослужители поддерживают светские мероприятия в этот день, канонизирующие память о святых, но зачастую воздерживаются от массовых мероприятий, поскольку на начало июля приходится Петров пост и обряды венчания не проводятся¹. С ростом популярности культов святых Петра и Февронии Священный синод в 2013 г. принял решение об утверждении дополнительного дня празднования, связанного с переносом мощей святых – воскресный день, предшествующий 19 сентября (6 сентября по старому стилю). С введением новой даты учитывается «желание многих христиан вступить в церковный брак в день почитания этих святых покровителей супружества»².

Под эгидой праздника проходят различные концерты и мероприятия. Их масштаб, как и число участников, с каждым годом увеличивается. Агрегатором мероприятий стал Фонд социально-культурных инициатив. Центральной площадкой традиционно выступает Муром. Здесь проводятся праздничные концерты, театральные постановки, реконструкции сцен из жития святых. В остальных городах проводятся отдельные акции – от выпуска юбилейных марок³ и книг⁴ до просветительских мероприятий и детских конкурсов рисунков. Поддержку фонду оказывают профильные ведомства и министерства, музеи и вузы. Среди них – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова⁵,

¹ Тем не менее священнослужители дают 8 июля благословение на брак молодым парам, готовящимся к таинству венчания.

² Послание Святейшего Патриарха Кирилла в связи с установлением дополнительного дня памяти святых благоверных князей Петра и Февронии, Муромских чудотворцев // Официальный сайт Русской Православной Церкви. – 2013. – 15 сентября. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3228294.html?ysclid=l59srazo5w271820143> (дата посещения: 06.10.2022).

³ АО «Марка» и Минкомсвязи РФ в 2022 году выпустили специальную марку по случаю 15-летия широкого празднования.

⁴ В 2022 г., к примеру, при участии Муромского музея и Музея Андрея Рублева была издана книга «Святые покровители семьи: от любви земной к любви небесной». Авторский коллектив состоит из историков, краеведов и священнослужителей.

⁵ Почта России и МГУ реализуют проект «Детские письма о главном». В тематических сборниках публикуются сочинения детей о своих семьях.

Министерство просвещения и Российская академия образования¹. Отдельные профилактические мероприятия проводятся фондом совместно с медицинскими организациями для беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации².

Специально в день праздника Фонд социально-культурных инициатив вручает медаль «За любовь и верность». Ею награждаются граждане РФ – супруги, прожившие в браке не менее 25 лет и получившие известность благодаря «крепости семейных устоев». С медалью супругам выдается значок в виде ромашки (символа праздника).

Участие в организации праздничных мероприятий и акций принимают и другие некоммерческие организации. Однако в силу ограниченности ресурсов они проводят, как правило, разовые акции. Одним из источников финансирования стали президентские гранты, оказывающие краткосрочную поддержку таким акциям.

Столь значительное внимание к празднику и поддержка со стороны государственных и некоммерческих организаций, его идеологическое содержание, понятное широким слоям населения, послужили толчком к появлению инициативы по повышению статуса праздника. В 2016 г. депутаты Госдумы А.Н. Диденко и Я.Е. Никонов предложили сделать день 8 июля нерабочим. По их мнению, это «будет способствовать формированию в обществе положительного отношения к семье, ответственности при заключении брака, а также увеличению рождаемости»³. Однако проект не нашел поддержки.

Вторая попытка связана с утверждением Дня семьи, любви и верности в качестве общероссийского праздника. В пояснительной записке к законопроекту отмечается многолетняя практика празд-

¹ Ведомства совместно издают брошюры с рекомендациями о форматах проведения праздника в школах и детских садах.

² Пресс-конференция, посвященная юбилейным мероприятиям 15-летия празднования в России Дня семьи, любви и верности: [видеозапись]. – 2022. – 1 июля. – Режим доступа: <https://fondsci.ru/news/1232/> (дата посещения: 07.10.2022).

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 1120648–6 «О внесении изменения в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации в части установления нерабочего праздничного дня 8 июля – День семьи, любви и верности» // Гарант. – 2016. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/57279525/?> (дата посещения: 28.09.2022).

новения 8 июля. Необходимо придать «особое значение» дате, «создавая и укрепляя в сознании общества исторически сложившиеся ценности семьи». По замыслу авторов, это «будет способствовать укреплению семейных родственных связей, заставит молодых людей задуматься над тем, как важно сохранить семью, верность и любовь на протяжении всей жизни»¹. Согласно опросу агрегатора SuperJob, более половины россиян поддерживают инициативу о присвоении празднику статуса нерабочего дня².

Монументализация святых Петра и Февронии

Особую масштабность в контексте укоренения праздника приобрела установка памятников Петру и Февронии. В современной России это самая массовая акция по возведению памятников святым. Можно утверждать, что она стала частью процесса формирования «единого исторического пространства», начатого федеральным центром еще в середине 2000-х годов [Малинова, Миллер, Пахалюк, 2022]. Это часть политики памяти, для которой характерно увеличение каналов взаимодействия центра и регионов, масштабирование отдельных практик (распространение однотипных мероприятий, структур, унификация юбилеев и выставок). Намеренное увеличение количества памятников по всей стране позволяет не только контролировать распространение культурных смыслов, но и делать нарратив праздника более устойчивым, а также рассчитывать на институционализацию практик празднования.

Самостоятельным политическим негосударственным актором, заинтересованным в распространении консервативных ценностей, в региональном измерении стала РПЦ. Предлагая собственную повестку, церковь получает доступ к финансовым ресурсам, направ-

¹ Законопроект № 159751–8 О внесении изменения в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации (об установлении 8 июля нерабочего праздничного дня – Дня семьи, любви и верности) // СОЗД. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/159751-8?ysclid=I92lj94k0882269204> (дата посещения: 10.10.2022).

² Отдыхать в День семьи, любви и верности хотели бы 56% россиян // Superjob. – 2022. – 8 июля. – Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/113558/otdyhat-v-den-semi/?ysclid=I8wq5ox7om500651587> (дата посещения: 06.10.2022).

ляемым на монументальное увековечение памяти святых. Проект «Скульптурные композиции», в рамках которого устанавливаются памятники, является частью программы «В кругу семьи». Она была начата в 2004 г. по благословению патриарха Алексия II. Ее миссия состоит в создании «государственной идеологии, направленной на возрождение семьи в России»¹, основными ценностями которой декларируются материнство и отцовство, многодетность и почитание старших, целомудрие и верность. Как указано на сайте проекта, «установка скульптурных композиций призвана положить начало новой традиции среди молодежи – в день бракосочетания совершать поездки к скульптуре Муромских святых, узнавать об их благочестивой жизни, получать благословение на семейную жизнь у святых благоверных Петра и Февронии Муромских»².

Установка памятников становится не только символическим механизмом взаимодействия власти³ и бизнеса с регионами, но и финансовым каналом, благодаря которому решается вопрос по повышению туристической привлекательности регионов. Финансовая поддержка оказывается инвесторами, среди которых, например, госкорпорации «Ростех», «Вертолеты России» и другие. Установка памятника, как правило, предусматривает благоустройство прилегающего парка или сквера, часто около отделения ЗАГС.

Первые камни в основание будущих композиций были заложены в 2008 г. в Екатеринбурге, Сочи и Новосибирске. Спустя четыре года появился памятник в Муроме, на родине святых.

Памятники не становятся полными копиями друг друга. Однако везде в центре композиций располагаются образы Петра и Февронии в монашеском или княжеском одеянии. Даже пандемия коронавируса не помешала реализации программы. В Воронеже в 2021 г. открылся самый высокий в Черноземье (4,2 м) и один из самых масштабных в России монументов, посвященных Петру и

¹ Об общенациональной программе «В кругу семьи» // Общенациональная программа «В кругу семьи». – Режим доступа: <http://www.vkrugu7i.ru/about> (дата посещения: 25.11.2022).

² О проекте «Скульптурные композиции» // Общенациональная программа «В кругу семьи». – Режим доступа: <http://www.vkrugu7i.ru/project/skulpturi> (дата посещения: 06.10.2022).

³ Среди членов попечительского совета программы «В кругу семьи» есть представители разного уровня власти – сенаторы Совета Федерации, губернаторы.

Февронии. Автор монумента – всемирно известный художник, скульптор, президент Российской академии художеств З.К. Церетели. В 2021 г. в Нижнем Тагиле памятник Петру и Февронии установили в парке «Народный» на месте последнего снесенного частного дома. Памятники продолжают появляться по всей стране. Их количество приближается к сотне.

Обсуждение образа планируемых скульптур всегда проходит с участием представителей православной церкви и практически всегда находит поддержку муниципалитетов. Новый взгляд на православные традиции должен был демонстрировать памятник Петру и Февронии, который планировалось установить в Москве на Большой Сухаревской площади. Эскиз памятника предполагал, что святые будут изображены вместе со своими тремя детьми – сыновьями Юрием и Святославом и дочерью Евдокией¹. За инициативу проголосовала комиссия по монументальному искусству Мосгордумы, и в октябре 2017 г. она внесла вопрос на рассмотрение в Совет депутатов Красносельского района. Однако при обсуждении проект был отклонен. Критике подверглись как сами образы Петра и Февронии, так и выбранное место для размещения композиции.

Решение совета депутатов вызвало общественный резонанс. К отстаиванию необходимости размещения памятника Петру и Февронии в Москве подключился режиссер Н.С. Михалков, сняв специальный выпуск программы «Бесогон ТВ»². В нем режиссер усомнился в компетентности депутатов для обсуждения деяний святых. Свое мнение также выразил протоиерей Русской православной церкви В. Чаплин, усмотревший в решении народных избранников западничество и пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации³.

¹ Новый взгляд на православные традиции: в Москве обнародовали эскиз памятника святым Петру и Февронии // Царьград. – 2018. – 29 мая. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/news/novyy-vzglyad-na-pravoslavnye-tradicii-v-moskve-obnarodovali-jeskitz-pamjatnika-svjatym-petru-i-fevronii_135350?ysclid=l8yt5xdbb7296194994 (дата посещения: 12.10.2022).

² Бесогон ТВ. «Разрушь память и бери без боя». – Режим доступа: <https://rutube.ru/video/21f4364c7d610f47c63a2ab92afda84b/> (дата посещения: 08.10.2022).

³ Чаплин В. Всеволод Чаплин – о памятнике Петру и Февронии // Правила жизни. – 2017. – 12 декабря. – Режим доступа: <https://www.pravilamag.ru/articles/35622-petr-fevroniya-monument-chaplin-comment/?ysclid=l8ytj30h6s985828637> (дата посещения: 08.10.2022).

Праздники, репрезентирующие особую национальную культурную традицию

Отдельно хотелось бы остановиться на Дне славянской письменности и культуры, Дне крещения Руси и Дне народных художественных промыслов. Первые два в своей основе имеют конкретное историческое событие. Данные дни не являются постоянным источником воспоминания, поскольку взяты из событий давнего прошлого, но хорошо встраиваются в метанарратив «тысячелетней истории» государства, который стал использоваться властью в середине 2000-х годов. Публичные празднования, инициированные властями, способствуют включению наследия тысячелетней истории в современные реалии, а также напоминают о культурных корнях.

День славянской письменности и культуры (24 мая) связан с фигурами просветителей Кирилла и Мефодия. Первое празднование состоялось еще в 1863 г. в связи с 1000-летием создания славянской азбуки святыми Кириллом и Мефодием. В современной России праздник стал активно использоваться представителями властвующей элиты начиная со второго десятилетия XXI в. Так, при подготовке к празднованию в мае 2011 г. председатель правительства В.В. Путин заявил о необходимости «утверждения в обществе истинных нравственных ценностей и ориентиров, уважения к родной стране и ее культуре, уважения к памяти наших предков»¹. По оценке В.В. Путина, «Язык, духовное, культурное, историческое наследие – это то, что определяет национальную идентичность, скрепляет народ, общество, а значит, и всю страну. Да можно сказать и больше: во многом является основой государственного суверенитета»². Обустройство объектов религиозного значения и просветительство рассматривались как необходимые и важные шаги на пути укрепления национального самосознания.

Попытка подчеркнуть международное значение *Дня славянской письменности и культуры* как праздника «братских славянских народов» была предпринята дважды, в 2012 и 2013 гг. Духовное

¹ Цит. по: Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин провел заседание Российского организационного комитета по подготовке и проведению празднования Дня славянской письменности и культуры. – 2021. – 20 мая. – Режим доступа: <http://archive.government.ru/special/docs/15277/> (дата посещения: 03.07.2022).

² Там же.

родство и близость национальных традиций, уважительное отношение к культуре, языку и родным корням, приверженность православию должны были укрепить связь с соседними государствами. Особую роль в этом направлении, по мнению В.В. Путина, играла РПЦ с ее широкой сетью епархий и приходов, а также лично патриарх Кирилл. Миссия РПЦ виделась в поддержании «межнациональных и межрелигиозных отношений», заботе «о сохранении непреходящих духовно-нравственных, культурных, семейных ценностей, воспитании подрастающего поколения»¹.

Широкие массовые гуляния в формате праздничного концерта с участием президента в День славянской письменности и культуры прошли лишь в 2014 г. Тогда в день праздника В.В. Путин объявил о начале новой традиции – хорового исполнения песен, которые «объединяют всю нашу великую Россию, потому что в этих песнях история нашего народа, культура нашего народа, душа нашего народа»². Эту инициативу поддержали сразу несколько некоммерческих (в том числе православных) организаций.

К слову, в 2014 г. последний раз в структуре нарратива праздника упоминаются Кирилл и Мефодий. С 2015 г. нарратив праздника меняется, центральной темой поздравлений президента становится тезоименитство патриарха Кирилла и его вклад в утверждение духовно-нравственных идеалов.

В схожем положении оказался *День крещения Руси* (28 июля). День является памятной датой, его утверждение в 2010 г. состоялось благодаря внесению депутатами поправок в закон «О днях воинской славы и памятных датах России»³. В современной истории празднование 1000-летия крещения Руси выпало на период правления М.С. Горбачева. Небывалый для того времени масштаб празднований с литургией и приемом в честь патриарха Пимена, членов Синода всячески подчеркивали стремление перестроенного руководства снять излишние идеологические ограничения. Именно

¹ Путин В.В. Поздравление Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу с Днём тезоименитства // Президент России. – 2013. – 24 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/18176> (дата посещения: 03.07.2022).

² Цит. по: Концерт сводного хора Санкт-Петербурга по случаю Дня славянской письменности и культуры // Президент России. – 2014. – 24 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/21085> (дата посещения: 03.07.2022).

³ Об изменениях в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» смотрите статью О.Ю. Малиновой и Н.В. Карповой [Малинова, Карпова, 2023].

с 1988 г. начинается смена приоритетов религиозной политики и переход советского государства к признанию религиозных прав граждан и лояльному отношению к церкви. Предложение об утверждении всероссийского праздника поступило от Архиерейского собора РПЦ и лично патриарха Алексия II. С 2008 г. в день 28 июля (15 июля по старому стилю) Русская православная церковь чествует великого равноапостольного князя Владимира (960–1015), крестителя Руси. Праздничные мероприятия по случаю 1025- и 1030-летия крещения Руси на государственном уровне проходили дважды – в 2013 и 2018 гг.

В 2013 г. центром мероприятий был Киев. Присутствие лидеров Украины (В.Ф. Янукович), Молдавии (Н. Тимофти) и Сербии (Т. Николич) подчеркивало международное значение праздника. В.В. Путин всячески указывал на роль России в деле объединения православных и славянских государств, подчеркивая решимость, с которой участники торжеств готовы «работать, опираясь на все то, что было сделано нашими предками и нашими предшественниками»¹.

Решить вполне конкретные задачи по сплочению славянских государств оказалось непросто. Смена власти на Украине повлекла за собой глубокий идейный и политический раскол между двумя государствами, вследствие чего праздничные мероприятия в честь тысячелетия преставления святого равноапостольного князя Владимира в 2015 г. были перенесены в Москву. Это нашло отражение в речи В.В. Путина, отметившего, что Россия – это «уникальная страна-цивилизация»², которая имеет свой собственный путь.

Основные мероприятия в честь 1030-летия крещения Руси представляли собой крестный ход и божественные литургии; центральная литургия прошла на Соборной площади Кремля с участием патриарха Кирилла³. В ходе выступлений по случаю Дня крещения Руси В.В. Путин заявил, что «Крещение Руси открыло

¹ Празднование 1025-летия крещения Руси // Президент России. – 2013. – 28 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/18958> (дата посещения: 04.10.2022).

² Прием по случаю тысячелетия преставления святого равноапостольного князя Владимира // Президент России. – 2015. – 28 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50068> (дата посещения: 04.07.2022).

³ Торжества по случаю 1030-летия крещения Руси // Президент России. – 2018. – 28 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58123> (дата посещения: 04.07.2022).

ее народам подлинные нравственные, духовные ориентиры», предоставило «свободу выбора между добром и злом»¹. Христианство и опыт, который оно дало народу, спасает, укрепляет и поддерживает «на самых суровых исторических переломах нашу Родину».

Очевидно, что нарратив утвержденного в 2022 г. *Дня народных художественных промыслов* не посягает на статус международного, а имеет символическое значение для местных сообществ. Если обратиться к тексту указа президента об учреждении Дня народных художественных промыслов, то он выглядит лаконичным. Здесь нет ни намек на духовно-нравственные основы. Его задача – в поддержании инфраструктуры культурных традиций российского общества.

Праздник является еще одним примером удачной низовой инициативы. В том, что народные промыслы – «не просто часть экономики, а национального культурного кода», уверен губернатор Нижегородской области Г.С. Никитин². С инициативой появления праздника на уровне Федерации выступил гендиректор нижегородской фабрики «Хохломская роспись» А.И. Усанов. В Нижегородской области с 2013 г. отмечается соответствующий праздник. При принятии закона об его утверждении областными депутатами ставка была сделана на продвижение продукции и повышение туристической привлекательности в преддверии празднования 800-летия Нижнего Новгорода (2021). Согласно открытым источникам, за 2021 г. предприятиями народных художественных промыслов реализовано продукции на сумму 821,5 млн рублей, а темп роста продаж традиционной промысловой продукции по сравнению с 2020 г. составил 102,4%³.

¹ Торжества по случаю 1030-летия крещения Руси // Президент России. – 2018. – 28 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58123> (дата посещения: 04.07.2022).

² Цит. по: Полтава А. Михаил Мишустин поддержал инициативу сделать «День народных художественных промыслов» федеральным // Нижегородская правда. – Нижний Новгород. – 2022. – 10 июня. – Режим доступа: <https://pravda-nn.ru/news/nizhegorodskij-prazdnik-den-narodnyh-hudozhestvennyh-promyslov-mozhet-stat-federalnym/> (дата посещения: 15.01.2023).

³ День народных художественных промыслов будут отмечать в РФ // НТА-Приволжье. – Нижний Новгород. – 2022. – 18 июня. – Режим доступа: https://nta-pfo.ru/news/society/2022/news_657473/ (дата посещения: 15.01.2023).

Заключение

Ужесточение политического контроля за публичной сферой и разворот к традиционным ценностям повлекли за собой расширение использования инструментов символической политики. Происходит усиление роли государства, которое благодаря усилиям подконтрольных общественных организаций ведет работу над выработкой новых практик празднования (в случае Дня матери и Дня отца), а также институционализации уже существующих практик.

Символическое использование рассмотренных выше праздников происходит неравномерно. Налицо возрастание популярности Дня семьи, любви и верности. Вместе с Днем крещения Руси, Днем славянской письменности и культуры этот праздник удачно вписывается в метанарратив «тысячелетней истории». Институционализации праздника способствуют широкие и разнонаправленные мероприятия, а также небывалое по масштабам распространение памятников Петру и Февронии.

Символическую поддержку получают даты, которые связаны с особым историческим выбором. Морально-ценностное единство общества на основе традиционного понимания семьи и брака интерпретируется как необходимое условие сохранения «культурного кода», нравственного облика нации. Сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей объявляется национальным приоритетом. Особую роль в этом играет Русская православная церковь, которая предлагает и собственную социально-культурную доктрину.

V.N. Efremova*

Russian national holidays as symbolic markers of political changes: The role and significance in the promotion of traditional values in modern Russia

Abstract. The article studies the political usage of national holidays contributing to the promotion of traditional values in modern Russia. The article demonstrates that the ideological component of the national holidays “invented” in last 10 years took shape affected with cultural and value confrontation and «conservative turn». Traditional family becomes the main moral reference point. The article discusses the

* **Efremova Valentina**, INION (Moscow, Russia), e-mail: efremova-valentina@mail.ru

features of the symbolic use and institutionalization of the Family, Love and Fidelity Day, Mother's Day and Father's Day. The Day of Christening of Russia (memorable date), the Day of Slavic culture and writing commemorate and reflect a special cultural tradition and contribute to the Russian «cultural code». At the same time, the Russian Orthodox Church becomes the main ally of the ruling elite in protecting values and spiritual and moral education of youth, by offering its own socio-political doctrine.

Keywords: national holidays; symbolic politics; traditional values; «conservative turn»; family; orthodoxy.

For citation: Efremova V.N. Russian national holidays as symbolic markers of political changes: the role and significance in the promotion of traditional values in modern Russia. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 114–139. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.05>

References

- Byzov L. Conservative trend in modern Russian society the origins, contents and prospects. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2015, N 4, P. 26–40. (In Russ.)
- Bernsand N., Törnquist-Plewa B. (eds). *Cultural and political imaginaries in Putin's Russia*. Leiden, Boston: Brill, 2019, 262 p.
- Budraitskis I.B. *The world that Huntington built and in which we all live. Paradoxes of the conservative turn in Russia*. Moscow: Tsiolkovsky, 2020, 160 p. (In Russ.)
- Edelman M. *Politics as symbolic action*. Chicago: Markham Pub., 1971, 198 p.
- Koposov N. *Memory of a strict regime: History and politics in Russia*. Moscow: New literary review, 2011, 320 p. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Amending the Russian constitution as symbolic politics: 1993–2020. *Polis. Political studies*. 2021, N 3, P. 17–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03> (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: The possibilities of comparative analysis. *Politia*. 2017, Vol. 4, P. 6–22. (In Russ.)
- Malinova O. Yu., Karpova N.V. Deputies of the State Duma as actors of the Russian politics of memory: the case of the federal law “On the days of military glory and commemorative dates of Russia”. *Political science (RU)*. 2023, N 1. (In print) (In Russ.)
- Malinova O. Yu., Miller A.I. Symbolic politics and the politics of memory. In: Miller A., Efremenko D. (eds). *The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe*. St. Petersburg: EUSpb press, 2020, P. 7–37. (In Russ.)
- Malinova O. Yu., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. Regional aspects of memory politics in Russia. *The new past*. 2022, N 2, P. 112–136. (In Russ.)
- Melville A. Yu. Neoconservative consensus in Russia? (Principal components, factors of sustainability, potential of erosion). *Politeia*. 2017, N 1, P. 29–45. (In Russ.)
- Miller A.I. The politics of memory in the strategies for the formation of national and regional identities in Russia: Actors, institutions and practices. *The new past*. 2020, N 1, P. 210–217. (In Russ.)

- Plyukhanova M.B. Plots and symbols of the Muscovite kingdom. St. Petersburg: Acropolis, 1995, 334 p. (In Russ.)
- Riabov O.V. The “Motherland” in the symbolic politics of the post-Soviet Russia. *Zhenshina v rossiskom obshestve*. 2015, N 3/4, P. 78–95. (In Russ.)
- Schwartz S., Bardi A. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe. *Political psychology*. 1997, Vol. 18, N 2, P. 385–410.
- Volkov V.V. About the concept of practice (s) in the social sciences. *Polis. Political studies*. 1997, N 6, P. 9–23. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бызов Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание, перспективы // *Общественные науки и современность*. – 2015. – № 4. – С. 25–49.
- Будрайтскис И.Б. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. Парадоксы консервативного поворота в России. – М.: Циолковский, 2020. – 160 с.
- Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // *Полис. Политические исследования*. – 1997. – № 6. – С. 9–23.
- Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
- Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. – М., 2017. – № 4. – С. 6–22.
- Малинова О.Ю. Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к конституции РФ в 1993–2020 гг. // *Полис. Политические исследования*. – 2021. – № 3. – С. 17–37. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03>
- Малинова О.Ю., Карпова Н.В. Депутаты Государственной думы как акторы российской политики памяти: на примере Федерального закона «О днях воинской славы памятных датах России» // *Политическая наука*. – 2023. – № 1 (в печати).
- Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символическая политика и политика памяти // *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко*. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 7–37.
- Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // *Новое прошлое*. – 2022. – № 2. – С. 112–136.
- Мельвиль А.Ю. Неоконсервативный консенсус в России? (Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии) // *Полития*. – 2017. – № 1. – С. 29–45.
- Миллер А.И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты, практики // *Новое прошлое*. – 2020. – № 1. – С. 210–217.
- Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. – СПб.: Акрополь, 1995. – 334 с.
- Рябов О.В. «Родина-мать» в символической политике современной России // *Женщина в российском обществе*. – 2015. – № 3/4. – С. 78–95.

РАКУРСЫ

О.В. ПОПОВА, Н.В. ГРИШИН*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В САМООЦЕНКАХ И ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ¹

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного анализа состояния такой значимой политической установки массового сознания российской молодежи, как политическая идентичность. Авторы опираются на традиционное для политической науки понимание идентичности как соотнесение себя с определенными политическими взглядами, партиями, политиками и лидерами общественного мнения, а также определенными идеологическими ценностями. Статья написана на основе данных проведенных в октябре – ноябре 2022 г. онлайн-

* **Попова Ольга Валентиновна**, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: pov_64@mail.ru, o.porova@spbu.ru; **Гришин Николай Владимирович**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: nvgrishin@mail.ru

¹ Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100043–9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

DOI: 10.31249/poln/2023.02.06

опроса российской молодежи и экспертного опроса ученых, представителей политической власти и политических молодежных активистов и лидеров. Массовый онлайн-опрос был основан на методе онлайн-анкетирования, при проведении экспертного опроса для сбора информации применен метод нестандартизованного интервью, для обработки – метод дискурс-анализа. Исследование показало сохранение значительной группы молодежи с несформированной установкой политической идентичности, а также неомогенность показателей политической идентичности в различных возрастных подгруппах поколений Z и Y. В современных условиях партии в качестве объекта политической идентификации непривлекательны для молодежи, а блогеры – лидеры общественного мнения таковыми являются. Показатели партийной идентичности российской молодежи существенно ниже показателей политических установок и ориентаций. Исключительно высоким остается запрос молодежи на ценность справедливости, которая сочетается в сознании молодых людей с ценностями свободы и прав человека. Результаты исследования свидетельствуют о существующем дефиците институтов политической социализации в процессе формирования политической идентичности российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь; Россия; политическое сознание; политическая идентичность; самооценка политических взглядов; эмпирическое исследование; экспертные оценки.

Для цитирования: Попова О.В., Гришин Н.В. Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 140–162. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.06>

Введение

Исследование политической идентичности остается одним из актуальных тем современной политической науки как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне [Александрова, 2017; Kahn et al, 2018]. Данная статья написана с целью оценки состояния политической идентичности российской молодежи в период, когда традиционные для большинства подгрупп этой возрастной когорты (в настоящее время возрастные границы молодежи определяются от 14 до 35 лет) сложности и сломы формирования политических взглядов [Nieuwenhuyse, Wils, 2015] дополнительно подвергаются испытанию за счет геополитической турбулентности и сложной комбинации происходящих экономических, социальных и политических процессов внутри России. Хотя политическая идентичность относится к достаточно устойчивой группе установок политического сознания [Сморгунов, 2012; Попова, 2017], однако многоплановые процессы и события 2022 г. не могли не повлиять на нее.

В статье представлены некоторые результаты массового онлайн-опроса российской молодежи (ноябрь 2022 г., метод сбора информации – онлайн-анкетирование, объем выборки – 1500 респондентов, выборка квотная, несвязанная, контроль за квотами осуществлялся по параметрам пола, возраста, федерального округа проживания) и экспертного опроса (конец октября – начало ноября 2022 г., метод сбора информации – нестандартизованное интервью, объем выборки – 30 экспертов; в группу экспертов были включены: а) отечественные исследователи с большим опытом научной работы по проблемам политического сознания и поведения молодежи; б) политики и политтехнологи, по роду своей профессиональной деятельности связанные с данной социально-демографической группой; в) молодежные активисты и руководители молодежных организаций с различными политическими взглядами, метод обработки – дискурс-анализ). Объем выборки определялся на основании принятых в политической науке методических стандартов проведения нестандартизованных, неформализованных экспертных интервью. Фактически во всех случаях общее количество экспертов указывается от 12 до 15 [Guest, Bunce, Johnson, 2006; Liu, 2018; Mosley, 2013; Soest, 2022]. В нашем случае объем выборки был достаточным. Отбор экспертов проводился с учетом уровня их знаний, практической включенности в анализируемые процессы; также учитывался принцип максимального территориального различия места работы респондентов. Достаточность числа экспертов была подтверждена и правилом «теоретического насыщения», согласно которому в случае обнаружения сходства / повторения точек зрения не связанных между собой экспертов количество проведенных интервью считается достаточным.

Теоретическая рамка

Для современной науки характерен подъем интереса к политической идентичности, ее теоретическим основаниям и поиску закономерностей влияния политической идентичности на политическое поведение и политическое доверие.

На современном этапе обострился теоретический спор между рациональным и экспрессивным подходами в понимании полити-

ческой идентичности, с явным преобладанием второго [Barteneche, 2020; Гришин, 2020]. Все большее распространение получает точка зрения, в соответствии с которой политическое и электоральное поведение объясняется не столько ретроспективными и рациональными оценками [Chen, Urminsky, 2019], сколько лояльностью населения к определенным политическим силам и идентификацией с ними [Slocum-Bradley, 2010; Kim, Han, Duhachek, 2018]. В частности, как указывают К. Ахен и Л. Бартельс, «партийная лояльность является общим, уникально мощным фактором массового политического поведения... Партийные установки, конечно, влияют на поведение при голосовании. Но помимо этого каждая партия выстраивает концептуальную точку зрения, с помощью которой ее избиратели могут понять политический мир» [Achen, Bartels, 2016, p. 72]. Партийную идентичность при этом не следует абсолютизировать и редуцировать к ней все политическое поведение [Rose, Mishler, 1998; Boix, 2007]. Например, К. Робертс отмечает: «Граждане, не идентифицирующие себя с существующими партиями, могут просто отказаться от участия в демократических процессах или могут без энтузиазма проголосовать за традиционные партии из-за сочетания гражданского долга, привычки или отсутствия предполагаемых альтернатив» [Roberts, 2018, p. 293].

В рамках данных исследовательских тенденций политические идентичности рассматриваются как системы привязанности граждан к политическим партиям, предлагающим своим избирателям политическую картину мира, которая помогает различать друзей и врагов, структурировать политические предпочтения [Huddy, 2001]. Понимаемые таким образом политические идентичности отличаются от кластеров политических установок и ориентаций. Политическая идентичность рассматривается как эмоциональная и экспрессивная привязанность к определенным группам (в частности, политическим партиям), которые прикладывают усилия для социализации избирателей в политический мир. Тем самым акцентируется внимание на отличии политической идентичности от политических установок и ориентаций, которые рассматриваются как существующие на индивидуальном уровне независимо от действий политических лидеров и партий.

В фокусе внимания современных ученых оказался также вопрос о влиянии политической идентичности на уровень политического доверия [Попова, Лагутин, 2019]. На основании ряда эмпи-

рических исследований было доказано, что политическое доверие к лидерам зависит от фактора политической идентичности, при этом не всегда представители чужих политических партий обречены испытывать к себе предвзятое отношение [Hernández-Lagos, Minor, 2020]. Предполагается, что межпартийный антагонизм, даже в его острых формах, не обязательно приводит к пессимизму в отношении предполагаемых действий представителей чужих политических групп [Djuyandi, Ramadhani, 2020]. В условиях современной политики различия в политической идентичности зачастую не препятствуют весьма парадоксальным сближениям и альянсам. К. Мелендез и К. Ровира Кальтвассер видят проявление этой тенденции в современном популизме, нередко характеризующемся формированием коалиций правых и левых политических сил, которым удастся найти общие позиции в отдельных вопросах политики [Meléndez, Rovira Kaltwasser, 2019, p. 527].

Оживление теоретических споров о политической идентичности связано не только с попытками ученых переосмыслить этот феномен, но и с объективными процессами: политическая идентичность меняет свои формы, проявления и значимость для политического процесса.

Результаты исследования

Таблица 1

Самооценка политических взглядов молодежи и значимые идеологические ценности

Ценности	%
Либеральные	14,6
Социал-демократические	14,1
Консервативные	9,2
Коммунистические	8,1
Националистические	4,1
Анархистские	1,7
Другие политические взгляды	2,5
Не имею политических убеждений	25,0
Затрудняюсь дать ответ о своих политических взглядах	20,7

* Самооценка молодежью своих политических взглядов, %

Опрос показал, что суммарно 54,3% молодежи смогли определенным образом охарактеризовать свои политические взгляды. Преимущественно это мужчины, обладатели незаконченного

среднего образования, совмещающие учебу и работу, обладатели среднего уровня доходов, жители мегаполисов и крупных промышленных центров, молодежь из Центрального и Северо-Западных федеральных округов (с.з.с.о.¹ составили соответственно +3,1, +2,2, +2,4, +3,5, +2,9, +1,7, +2,5).

В таблице 1 мы видим значительные по величине группы молодежи, не имеющие, по их признанию, политических взглядов (25,0%), и тех, кто затрудняется каким-то образом свои политические убеждения определить (20,7%). 14,6 и 14,1% молодежи соответственно оценивают свои взгляды как либеральные и социал-демократические, 9,2 считают себя консерваторами, 8,1 – коммунистами, а 4,1% молодежи идентифицируют себя как националисты. В пределах «статистической погрешности» – группа считающих себя анархистами. 2,5% респондентов заявили, что у них другие политические взгляды. Необходимо отметить, что молодежь подчас не различает понятия «либеральные» и «социал-демократические» взгляды, реагируя во втором понятии на последнюю часть слова.

Статистически значимые стандартизованные остатки в комбинированных таблицах показывают скрытые закономерности. В результате анализа социально-демографических и статусных характеристик определенным образом идентифицирующей свои политические взгляды молодежи получился следующий «портрет» типичных сторонников определенной идеологии.

Молодые либералы с большой вероятностью – люди в возрасте от 18 до 24 лет, не работающие студенты вузов, жители мегаполисов, представители населения Северо-Западного и Сибирского федеральных округов (с. з.с. о. равны соответственно +1,8, +2,4, +2,7, +2,2, +2,2, +2,5). Несколько меньшая вероятность встретить тех, кто считает себя либералом, среди людей в возрасте от 30 до 35 лет, обладателей неполного среднего образования, учеников школы, жителей небольших населенных пунктов в сельской местности, населения Приволжского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно –2,6, –1,7, –2,2, –2,1, –2,3).

¹ Здесь и далее с.з.с.о. – статистически значимый стандартизованный остаток – показатель, фиксирующий наличие скрытых закономерностей, основанных на степени отклонения реальных значений от вероятностных. Статистически значимой признают величину, равную или большую по модулю, чем 1,65.

Склонны оценивать свои взгляды как социал-демократические обладатели незаконченного высшего, а также нескольких высших образований, одновременно получающие образование и официально трудоустроенные, хорошо обеспеченные, кто не только легко может приобрести бытовую технику и товары длительного пользования, но и машину, жители мегаполисов и крупных областных промышленных центров, а также молодежь из Сибирского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +1,8, +2,3, +2,1, +2,1, +1,6, +1,7, +1,8). Реже, чем в других группах, можно обнаружить считающих себя социал-демократами среди наименее обеспеченной молодежи и жителей сел и деревень (с.з.с.о. равны соответственно -2,1, -2,3).

«Типичный портрет» носителя консервативных взглядов – мужчина в возрасте 30–35 лет с высшим образованием, из очень обеспеченных людей, житель Уральского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +2,6, +3,3, +2,1, +5,8, +2,1). Меньше всего тех, кто считает себя консерваторами, среди женщин, молодежи в возрасте от 14 до 17 и от 25 до 29 лет, обладателей неполного среднего образования, учеников школ и учащихся лицеев, техникумов, колледжей, училищ, тех, кому денег хватает только на продукты питания, жителей Сибирского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно -2,6, -3,0, -2,0, -1,8, -1,8, -3,4, -2,3).

В большей степени, чем другие группы, склонны оценивать свои политические убеждения как коммунистические мужчины, официально работающие по трудовой книжке, люди малообеспеченные, которым, по их оценке, денег хватает только на продукты питания, жители Северо-Западного федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +1,7, +1,9, +2,2, +4,1). Наименьшее количество сторонников коммунистических взглядов среди молодежи – у людей в возрасте 18–24 лет, не работающих студентов вузов, жителей Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно -1,7, -2,0, -2,3, -1,6, -2,3).

О наличии у себя националистических убеждений чаще говорят мужчины, молодежь в возрасте от 14 до 17 лет, ученики школ, колледжей, училищ, техникумов, лицеев, а также обладатели незаконченного высшего образования, в достаточной степени материально обеспеченные, жители Северо-Кавказского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +3,2, +2,5, +2,1, +2,3, +2,2, +3,9, +1,7). В меньшей степени склонны признаваться в

националистических взглядах женщины, обладатели высшего образования (с.з.с.о. равны соответственно $-3,1, -2,9$).

Доля молодежи, считающей себя аполитичной, достаточно велика, поэтому можно было предположить, что их достаточно много среди представителей всех социальных слоев населения. Тем не менее некоторые особенности их социально-демографического и статусного профиля выявить удалось. Склонны считать, что они абсолютно свободны от каких-либо политических взглядов, женщины, малообеспеченные люди с доходом только на продукты питания, жители поселков городского типа, молодое население Поволжского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно $+1,6, +2,6, +2,2, +1,6$). Меньше всего тех, кто считает себя аполитичным, среди молодежи в возрасте от 21 до 24 года, людей со средними доходами, проживающих в мегаполисах и крупных промышленных центрах (с.з.с.о. равны соответственно $-1,8, -1,9, -1,7$).

Наибольшие сложности с самоидентификацией своих политических взглядов склонны испытывать девушки, молодежь в возрасте от 14 до 17 лет, ученики школы, обладатели неполного среднего и среднего профессионального образования, жители небольших городков, сел и деревень, молодое население Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно $+3,2, +2,5, +3,2, +2,7, +2,9, +1,6, +3,6, +2,9, +2,5$). Наименьшие затруднения с оценкой своих политических убеждений испытывают молодые мужчины, обладатели незаконченного высшего и высшего образования, одновременно работающие и учащиеся, имеющие средние и высокие доходы, жители мегаполисов и крупных промышленных центров (с.з.с.о. равны соответственно $-3,3, -2,0, -1,6, -2,8, -3,5, -2,6, -2,9$).

Как мы видим, наиболее существенными критериями различий самооценки политических взглядов являются такие характеристики, как возраст, уровень образования и тип населенного пункта – места проживания. Безусловно, за этими показателями проглядывают такие параметры, как жизненный опыт, образовательный капитал и социальные ресурсы.

Однако действительно важным при обсуждении политической идентичности является вопрос, в какой степени самооценка молодежью политических взглядов подкрепляется ориентацией на те или иные идеологические ценности.

Методической особенностью проведенного онлайн-опроса в этой части являлось то, что респондентам предлагалось выбрать не более пяти значимых для них ценностей. Отбор в окончательный список для анкеты ценностей осуществлялся с учетом того, что выбор респондентами определенного набора ценностей позволяет определить их склонность к той или иной идеологии. Так, например, выбор позиций «интересы Вашей этнической группы», «сохранение традиций» и «порядок» свидетельствуют о склонности к идеологии национализма. Выбор ценностей «свобода», «права человека», «интересы отдельных граждан», «реформы в обществе» свидетельствует о склонности к идеологии либерализма. Выбор ценностей «интересы государства», «справедливость», «законность», скорее всего, сочетается со склонностью к социал-демократическим взглядам.

В результате проведенного рейтингования (таблица 2) самой значимой оказалась ценность справедливости (80,9% – 1-я позиция в рейтинге), следом с определенным отрывом расположились права человека (70,9% – 2-я позиция в рейтинге), свобода (63,3% – 3-я позиция в рейтинге), законность (53,7% – 4-я позиция в рейтинге), порядок (52,8% – 4-я позиция в рейтинге). Все остальные ценности оказались значительно менее востребованными: пятую позицию заняла ценность сохранения традиций (33,8%), шестую – интересы государства (21,1%) и реформы в обществе (19,6%), седьмую – интересы граждан (9,8%) и интересы этнической группы, к которой принадлежит респондент (7,6%).

Таблица 2

Значимые политические ценности для российской молодежи, %

Вопрос: «Что для Вас ближе (отметьте не более 5 вариантов)?»

Ценность	% от числа опрошенных	Позиция в рейтинге
Справедливость	80,9	1
Права человека	70,9	2
Свобода	63,3	3
Законность	53,7	4
Порядок	52,8	4
Сохранение традиций	33,8	5
Интересы государства	21,1	6
Реформы в обществе	19,6	6
Интересы отдельных граждан	9,8	7
Интересы Вашей этнической группы	7,6	7
Другие политические ценности	1,4	8
Затрудняюсь ответить на вопрос о политических ценностях	2,7	

Хотя ценности «справедливость» и «права человека» оказались самыми массово распространенными и популярными у российской молодежи в настоящее время, все же оказалось, что есть подгруппы молодежи, которые более чувствительны к ним, чем другие. Так, в наибольшей степени положительно относятся к ценности справедливости молодые люди 30–35 лет, а к тезису о правах человека люди в возрасте 21–24 лет, слабо обеспеченные, чьих доходов хватает преимущественно на продукты питания (с.з.с.о. равны соответственно +1,6, +2,7, +1,6, +2,1).

К теме свободы особенно чувствительны молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, не работающие студенты вузов, люди с очень скромными доходами (с.з.с.о. равны соответственно +1,7, +2,2, +2,1, +1,6).

Тема законности близка представителям практически всех подгрупп российской молодежи, однако в меньшей степени она интересует людей в возрасте 14–17 лет, а также жителей Южного и Северо-Кавказского федерального округов (с.з.с.о. равны соответственно –1,7, –1,8, –2,4).

К ценности «порядок» более чувствительна молодежь в возрасте 30–35 лет, официально трудоустроенная на постоянное место работы, а также жители ПТГ (с.з.с.о. равны соответственно +2,5, +1,9, +1,9).

За сохранение традиций также особо активно склонны ратовать люди в возрасте от 30 до 35 лет, обладатели начального и среднего профессионального образования, официально трудоустроенные, а также молодые жители Дальневосточного федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +4,8, +1,7, +2,0, +2,1, +2,0).

В несколько большей степени, чем другие группы, склонны считать приоритетными интересы государства молодежь в возрасте 30–35 лет, обладатели высшего образования, одновременно работающие и получающие образование, люди хорошо обеспеченные, жители Центрального и Северо-Западного федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно +2,9, +2,6, +1,6, +5,0, +2,0, +2,0).

Ценность реформ особенно привлекательна для молодых мужчин, людей в возрасте от 21 до 29 лет, официально трудоустроенных и одновременно получающих образование, обладающих доходами, которые легко позволяют им приобретать товары длительного пользования и дорогую бытовую технику, жителей мегаполисов и крупных промышленных городов, представителей Северо-Западного и Сибирского федерального округов (с.з.с.о. равны соответственно +3,0, +2,1, +1,6, +1,7, +4,8, +3,7, +1,7, +2,0).

К теме интересов отдельных граждан особенно чувствительна молодежь 18–20 лет, неработающие студенты вузов, обладатели незаконченного высшего образования, а также нескольких дипломов о высшем образовании, жители Уральского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +1,9, +1,7, +2,3, +1,9, +1,8).

Тема интересов своей этнической группы особенно близка молодым мужчинам в возрасте 18–20 лет, обладателям среднего профессионального и незаконченного высшего образования, для которых не является проблемой приобретение товаров длительного пользования и качественной бытовой техники, жители мегаполисов и крупных промышленных городов, молодежь из Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно +2,3, +2,4, +1,8, +2,3, +1,9, +1,6, +1,7, +2,3).

Только на первый взгляд кажется, что эти выявленные закономерности значимости тех или иных ценностей носят научно-абстрактный характер; опытные политические акторы могут использовать определенные слова-маркеры, обозначающие эти ценности, для установления контакта и доверительных отношений с аудиторией соответствующего типа.

Проведенный факторный анализ идеологических ценностей молодежи (табл. 3) выявил три латентных фактора.

Таблица 3

**Факторный анализ идеологических ценностей
российской молодежи (повернутая матрица компонент)^а**

	Компонент		
	1	2	3
Свобода	+0,779		
Интересы государства	–0,717		
Права человека	+0,609		
Справедливость		+0,669	
Законность		+0,559	
Интересы Вашей этнической группы		–0,418	
Реформы в обществе			–0,687
Сохранение традиций			+0,642
Порядок			+0,516
Интересы отдельных граждан			–0,405
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. ^а			

а. Вращение сошлось за 5 итераций.

Первый по значимости фактор – «Противостояние индивида и государства» – показал, что наиболее важны для молодежи либеральные ценности, реализация которых в их сознании не только не связана с деятельностью государства, но, по их представлениям, интересы государства не направлены на соблюдение требований свободы и прав человека.

Второй по значимости фактор – «Либеральное понимание справедливости» – показал, что для молодежи исключительно важна единая мерка требований применения законодательства по отношению к каждому человеку.

Третий по значимости фактор – «Традиционализм» – фиксирует ценность для части молодежи сохранения традиций и обеспечения порядка в противовес реформированию общества и концентрации внимания на интересах отдельных людей.

Дополнительно проведенная процедура многомерного шкалирования идеологических ценностей (рис.) позволяет утверждать, что в сознании молодежи свобода носит в определенной степени анархистскую трактовку как свободы от всего, поскольку ей противостоит порядок. В то же время справедливость понимается как условие качественной жизни для всех, в то время как реализация интересов отдельной этнической группы трактуется как ее антипод, поскольку отражает интересы лишь достаточно узкой группы людей.

Рис.

**Многомерное шкалирование идеологических ценностей
в сознании российской молодежи**

Есть такая партия?

То, что казалось совершенно обыденным классикам теории партийной идентичности, знаменитой «Мичиганской четверке», а именно высокие показатели соотношения своих политических взглядов с программой и политикой определенной политической партии, готовность признать ее выражающей «интересы таких людей, как я», в реальности современной России после 30-летнего развития многопартийности в отношении поколений *y* и *z* просто не существует. Проведенный опрос показал, что только 18,1% молодых респондентов совершенно однозначно считают, что есть партия, выражающая их интересы. 41,3% российской молодежи убеждены, что в настоящее время таких партий в России нет, а еще 40,5% затрудняются с ответом.

В большей степени, чем другие группы молодежи, склонны к формированию установки партийной идентичности мужчины, обладатели более чем одного диплома о высшем образовании, официально трудоустроенные и продолжающие одновременно учиться, люди со стабильными средневысокими доходами (с.з.с.о. равны соответственно +2,3, +2,2, +2,0, +2,2). Указанные характеристики свидетельствуют о принадлежности этих людей к группе социально стабильных, социально благополучных людей.

В большей степени склонны считать, что «их» партии просто не существует, также мужчины, обладатели высшего образования, но при этом с очень низкими доходами, жители мегаполисов и крупных промышленных центров, жители Центрального и Северо-Западного федеральных округов (с.з.с.о. равны соответственно +2,3, +1,6, +1,9, +2,0, +1,8, +2,0).

Хотя корреляционный анализ трех переменных – идеологической самоидентификации, партийной идентичности и персонифицированной политической идентичности – не показал статистически значимых коэффициентов связи, однако на уровне стандартизованных остатков предрасположенность обладателей одного из уровней идентичности иметь сформированную соответствующую установку другого уровня идентичности была подтверждена.

Статистически значимых коэффициентов корреляции идеологической, партийной и персонифицированной самоидентификации с уровнем политического доверия не выявлено, однако на уровне статистически значимых стандартизованных остатков были

обнаружены следующие подтвержденные статистические зависимости: молодежь с наличием идеологического уровня идентичности редко имеет высокие показатели политического доверия (с.з.с.о. равен $-1,8$), а вот наличие партийной идентичности сопряжено со склонностью к нему (табл. 4). Вместе с тем необходимо помнить, что общее количество молодежи со сформированной партийной идентичностью является крайне небольшим.

Таблица 4

Уровень политического доверия молодежи с наличием / отсутствием партийной идентичности, % по строке

Партийная идентичность	Доверие отсутствует	Уровень доверия низкий	Уровень доверия средний	Уровень доверия высокий	Всего
Да	20,7 -1,9	22,5 -3,1	30,5 +1,9	26,3 +4,5	100,0
Нет	27,7	35,2	23,6	13,5 -2,1	100,0
Всего	26,4	32,9	24,9	15,8	100,0

Откровенно низкие показатели партийной идентичности российской молодежи – основание задаться вопросами об эффективности проводимой организацией молодежной политики партийным функционерам, отвечающим за работу с молодежью, и о привлекательности для молодежи современных российских политиков.

**Дискуссия экспертов:
есть ли шанс у действующих политиков стать
«своими» для молодежи?**

И онлайн-исследование, и экспертный опрос свидетельствуют о том, что для значительной части российской молодежи более привлекательны лидеры общественного мнения – блогеры, нежели политики. Во многом это связано с отсутствием у значительной части этой социально-демографической группы интереса к политике (*... не осведомлена о политике и в этом большая проблема. Она не готова следить за политикой* (ж., ученый)).

Эксперты убеждены в том, что политическая деятельность – это прежде всего обременение человека целой серией обязательств, не пользование благами власти, а жесткая самодисциплина. Именно

это – исходный пункт завоевания авторитета у молодежи (*Если ты становишься представителем органов государственной власти, совершенно отказываешься от того, что тебе хочется, ты должен себя жестко ограничивать* (м., политик)).

Не вызывает сомнения и то, что важными компонентами формирования персонализированного уровня политической идентичности молодежи является использование определенных технологий формирования имиджа политика (*Бывают яркие, открытые, доступные люди, которые выглядят внешне соответственно, нет пафосного образа, глубоко политизированного человека в костюме с галстуком, который постоянно носит какой-то нагрудный значок с символикой и выглядит, как какой-то государственный деятель. Есть политики, которые и во внешнем облике, и во внешнем образе своем доступны, открыты, при этом во внешнем образе не проявляется их финансовое состояние, потому что молодежь зачастую обращает внимание на элементы гардероба, на элементы одежды, в первую очередь, на разного рода аксессуары, которые могут стоить огромных денег... о каком равенстве вообще может идти речь, а это очень важно* (м., политик)).

Молодежи не интересен политик-функционер: тот, кто хочет стать «своим» для поколений у и z, просто обязан *быть, во-первых, харизматичным, во-вторых, сексуальным* (ж., политик).

Важнейшие шаги политиком, стремящимся стать «своим» для молодежи, должны быть предприняты именно в медийной среде (*...он должен переломать себя и стать медийно открытым, доступным, понятным, человеком, не совершающим ошибки в медийной среде* (м., политик)). Эксперты вменяют политику в обязанность образованность (людям нужен образованный политик (м., молодежный лидер)), техническую грамотность (*Это должен быть человек, который использует современные технологии и может с ними обращаться, человек, который понимает современные идеи, понимает, что хочет молодежь, может с ней говорить языком молодежи, смотреть на мир именно с ее точки зрения* (м., молодежный лидер)), владение многими умениями молодежи; свободное пользование сетями – одно из обязательных навыков (*...у молодых больше вызывают доверие люди, которые пользуются социальными сетями железно* (м., политик); *...быть информационно открытым в социальных сетях,* (м., политик)). Более того, молодежь ждет от политиков регулярного получения

ответов на свои вопросы (... [неплохо] если политик в неделю будет уделять время ответам на вопросы (м., молодежный лидер)). Стримы (прямой диалог онлайн) не менее важны, чем личные встречи; это – важный элемент формирования доверия (К тем политикам, чиновникам, которые вообще не ведут социальных сетей или ведут их редко, к ним доверие меньше (м., молодежный лидер)).

Политик должен уметь разговаривать с молодежной аудиторией на ее языке (...есть многие политики, которые разговаривать не умеют, к сожалению, просто банально общаться (м., политик)). Молодежь понимает это как показатель открытости политика (Открытость, как это называется, публичность, чтобы человек мог общаться, способность выступать, говорить с людьми, это тоже очень важно, когда человек может спокойно общаться на русском языке с представителями разных возрастов, и все его поймут. То есть способность сложные вещи объяснить просто (м., политик)).

Политик должен быть открытым и доступным для общения (...политик должен показывать публично, что он понимает их, что они могут к нему прийти, что они могут с ним сесть «чай попить / кофе», обсудить какие-то вопросы (ж., политик)). Именно это формирует персонализированное политическое доверие молодежи, что в свою очередь является основанием для установки идентичности с политиком. Идеальный политик в глазах молодежи – искренний и честный (Лгать ни в коем случае нельзя (м., ученый); ...это искренность, мораль, совесть (м., ученый); Доброжелательность означает честность, ну и там искренность какая-то, т.е. человеко-ориентированность (ж., ученый)). Молодежь очень чувствительная к неискренности (... очень заметна фальшь, когда человек общается неискренне, когда натягивает улыбку, когда говорит о вещах, в которые он сам особо не верит (м., молодежный лидер)).

Любовь к своей стране – остов, на который дальше можно нанизывать все что угодно (м., ученый) в плане формирования доверия молодежи к политику, а затем должна следовать эффективная работа, в обязательном порядке включающая элементы коммуникации с молодежью (Любые лозунги, любые слова, которые говорятся властью, должны последовательно выполняться или объясняться, почему они не выполняются. Это ответственность (м., ученый)). Эксперты убеждены, что политик должен в своей деятельности опираться на наиболее востребованный и, как

оказалось, молодежью в современном обществе принцип – справедливости (...действия, которые декларирует власть, должны быть справедливыми. Справедливыми, опять же, по нашему общему пониманию (м., политик)).

Даже если политик участвует в публичных неформальных мероприятиях с молодежью, это не гарантирует автоматически возможности сближения, поскольку политики очень часто совершают имиджевые ошибки (...приходит на какие-то площадки творческие, круглый стол, в круг молодежи в деловом костюме в туфлях и с «Ролексами» ... Это все! Ты не заслужишь у них никакого уважения, ты будешь с ними через границу. Ты ее поставил своим внешним видом только потому, что они чувствуют себя в кроссовках в джинсах как, извините, бедные «мышонки с коробчонки», а ты пришел к ним с «Ролексами» (ж., политик)).

Эксперты убеждены, что именно политик при контактах с молодежью должен уменьшать дистанцию (м., ученый), подстраиваться, а не «вещать сверху» (Если мы говорим про манеру поведения, естественно, без снобизма, без какого-либо позиционирования себя как: «Я здесь, пришел к вам, это я вам сделал одолжение». Нет, нужно говорить о том, что одолжение сделали они, что пришли послушать, что я говорю, значит я вам интересен. Это здорово, классно, спасибо вам большое, что вы ко мне пришли (ж., политик)).

В известной степени при общении с молодежью политик должен быть уникальным (...это индивидуальность. Образ политика не должен повторять образ какого-то другого политика (м., молодежный лидер)), эпатажным (У нас есть такой интересный пример Владимира Вольфовича Жириновского, который у нас говорил по десять противоречащих друг другу вещей за час, которые у нас потом оказывались пророчествами – вот он назвал десять вариантов, и один угадал: «Ух, ты, да человек – пророк». Вся его эпатажность для молодежи симпатична (м., молодежный лидер)), популистом, скрытым демагогом (...они воспринимают лишь картинку, как в клипах и кино. Апелляция к картинке, простыми словами указывая на виновных, и возможные пути преодоления, желательны простые – вот то, что нравится молодежи (м., молодежный лидер)).

Эксперты разошлись в вопросе относительно приоритетного варианта выстраивания отношений политика с молодежью – «горизонтальной сети» или все же «иерархической» с элементами демонстрации близости?

Часть экспертов настаивают на образе «такой как все». По их мнению, через формирующееся доверие политик (*...в первую очередь, это готовность общаться на равных, чтобы этот политик, условно говоря, был «один из нас». Ну вот, грубо говоря, как «тот парень из соседнего двора». То есть, когда он (или она) какой-то такой же, разделяющий судьбу, разделяющий ценности, могущий говорить на том же самом языке и т.д.* (м., ученый)).

Часть экспертов с этим не согласна. Для них в формировании идентичности с политиком на первом месте стоит его эффективность, но не с точки зрения успешного построения карьеры, а с точки зрения способности решать проблемы молодежи. Эксперты специально подчеркивали эгоцентричность большей части современной российской молодежи, которая ориентирована на обеспечение своих собственных интересов (*Те ценности, о которых мы говорили: достаточный уровень жизни, высокий материальный достаток, и, соответственно, какие-нибудь карьерные перспективы. Для молодежи это сегодня значимо, гораздо менее значимо то, что мы называем патриотизм* (ж., ученый)). Примечательно, что об эгоцентризме большинства представителей поколения у и z многие эксперты говорили, как о некоей данности, которую нельзя оценивать в парадигме «хорошо – плохо» или «правильно – неправильно». Это – данность, реалии сегодняшнего времени (*Для современной молодежи – это жизненный успех, который выражается в высоком уровне достаточности их и их семьи, но не более* (ж., ученый)).

Имиджевые характеристики не могут полностью решить вопрос с формированием доверия к политику и идентификации с ним. При создании имиджа «своего» политик должен демонстрировать эффективность, способность решать реальные проблемы молодежи (*Люди хотят видеть человека, который может решить их проблему. Люди относятся к политику как к спасателю* (м., молодежный лидер)). Для этого необходимы ресурсы, желание, точное понимание планируемой цели (*В политике хотят видеть начальника. В то же время хотят видеть некоего друга, когда человек начинает проявлять заботу о народе* (м., молодежный лидер)), компетентность в области управления и способность / готовность использовать знания экспертов и опираться на них (*...политики должны быть компетентными, умеющими принимать управленческие решения, которые эффективными являются, которые достигают своей цели основной, это, соответствен-*

но, те решения, которые должны быть, в том числе, основаны на экспертном знании. Отсюда обращение и к научным исследованиям, междисциплинарным исследованиям, исследованиям в области общественных наук (ж., ученый)).

Наконец, была высказана точка зрения о необходимости для политика быть разносторонним, способным «работать» с разной аудиторией, в разных форматах, с разным эмоциональным настроем (...политик должен соблюдать баланс. Он должен, наверное, предполагать определенного рода гибкость. В том, что он говорит. Взял сходил, например, к Морковину, что-то там поговорил, а потом на дебатах очень серьезные вещи говорит. То есть политик может быть многообразным и не должен скрывать это (м., ученый)). При этом отмечалось, что политик должен говорить аудитории какие-то смелые, нестандартные вещи, как бы несколько соблазнять слушателей инсайдерской информацией (Чтобы быть для молодежи интересным политически, нужна именно «территория свободы слова», где ты можешь сказать все, что нужно сказать. Вот это молодежь тянет к себе (м., молодежный лидер)).

Определенным выходом для тех «маститых политиков», политических тяжеловесов, которые принципе не в состоянии сбросить личину высокого статуса и консерватизма, является привлечение на работу в свою администрацию на посты, связанные с взаимодействием с общественностью, молодых людей (...молодым сотрудникам администрации будет гораздо проще находить общий язык с молодежью... Молодому чиновнику никто не будет запрещать после работы снять галстук и пойти в какой-нибудь рок-клуб, а там в процессе общения выяснять, какие насущные проблемы есть у молодежи. Но вот это, наверное, в плане омолаживания своего состава является основополагающим фактором (м., молодежный активист)).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы о состоянии политической идентичности российской молодежи. Исследование показало сохранение значительной группы молодежи с несформированной установкой политической идентичности, а также существенные противоречия между различными показателями политической идентичности.

Проведенное исследование может внести некоторый вклад в развитие дискуссии о соотношении рационального и экспрессивного начал в формировании политической идентичности. Показатели партийной идентичности и лояльности оказались на предсказуемо очень низком уровне. Хотя результаты исследования не могут отрицать участия действующих партий в формировании политических предпочтений и политической картины мира части российской молодежи, разительны отличия показателей партийной идентичности российской молодежи от гораздо более высоких показателей политических установок и ориентаций. Формирование кластеров политических установок и ориентаций российской молодежи происходит в решающей степени независимо от фактора политических партий. Вклад блогеров как лидеров общественного мнения в формирование политической идентичности молодежи может быть признан гораздо более существенным. Результаты исследования свидетельствуют о существующем дефиците институтов политической социализации в процессе формирования политической идентичности российской молодежи.

По результатам исследования выявлены конкретные очертания неомогенности показателей политической идентичности в различных возрастных подгруппах поколений *z* и *y*. Дальнейшие исследования позволят выявить, насколько эти различия объясняются внутр поколенческими или возрастными факторами.

O.V. Popova, N.V. Grishin *
**Political identity of Russian youth in self-
and experts' assessments¹**

Abstract. The article presents the results of a comprehensive analysis of such a significant element of the collective consciousness of Russian youth as political iden-

* **Popova Olga**, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); INION (Moscow, Russia), e-mail: pov_64@mail.ru, o.popova@spbu.ru ; **Grishin Nikolai**, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); INION (Moscow, Russia), e-mail: nvgrishin@mail.ru

¹ The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research within the framework of the research project N 122101100043–9 «Political Trust of Russian Youth: Formation Mechanisms, Current State, Trends, Systemic Risks».

tity. The authors share the conventional understanding of political identity as attributing oneself to certain political views, parties, politicians and public opinion leaders, as well as certain ideological values. The article leverages the data from online survey of Russian youth and expert survey of scientists, political authorities, and political youth activists and leaders conducted in October–November 2022. The mass online survey was accomplished in the online questionnaire mode, while conducting an expert survey, the method of non-standardized interview was applied to collect information, as well as the method of discourse analysis was used for processing. The study reflected the persistence of a significant group of young people with an unformed set of political identity, as well as the inhomogeneity of indicators of political identity in different age subgroups of generations z and y. In modern conditions, political parties as identification objects are unattractive to young people by contrast with bloggers and public opinion leaders. Russian youths party identity rates are significantly lower than ones of political attitudes and orientations. The demand of young people for the value of justice, which is combined in their minds with the values of freedom and human rights, remains extremely high. The results of the study indicate a deficit of political socialization institutions in the process of forming the political identity of the Russian youth.

Keywords: youth; Russia; political consciousness; political identity; self-assessment of political views; empirical research; expert assessments.

For citation: Popova O.V., Grishin N.V. Political identity of Russian youth in self-assessments and experts' assessments. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 140–162. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.06>

References

- Achen C., Bartels L. *Democracy for realists. Why elections do not produce responsive government*. Princeton: Princeton university press, 2016, 424 p.
- Aleksandrova Yu.A. Political trust as a managerial resource in the system of socio-political relations of modern Russia. *Legal culture*. 2017, N 3 (30), P. 50–57. (In Russ.)
- Barreneche S. Mind the Gap! On the discursive construction of collective political identities. *Punctum*. 2020, N 6 (2), P. 11–27. DOI: <http://www.doi.org/10.18680/HSS.2020.0019>
- Boix C. The emergence of parties and party systems. In: Boix C., Stokes SC. (eds). *The Oxford handbook of comparative politics*. Oxford: Oxford university press, 2007, P. 499–521.
- Chen S., Urminsky O. The role of causal beliefs in political identity and voting. *Cognition*. 2019, N 188, P. 27–38.
- Djuyandi Y., Ramadhani R. The effectiveness of political identity in post 212 movement. *Central European journal of international and security studies*. 2020, N 13 (4), P. 456–468.
- Grishin N. The state identity policy: a new bet in the political struggle? *Tomsk State university journal of philosophy, sociology and political science*. 2020, N 55, P. 231–239. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/55/23> (In Russ.)

- Guest G., Bunce A., Johnson L. How Many Interviews Are Enough? *Field Methods*. 2006, Vol. 18, N. 1. P. 59–82. DOI: <https://doi.org/10.1177/1525822X0527990>
- Hernández-Lagos P., Minor D. Political Identity and Trust. *Quarterly journal of political science*. 2020, N 15 (3), P. 337–367. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/100.00018063>
- Huddy L. From social to political identity: a critical examination of social identity theory. *Political psychology*. 2001, N 22 (1), P. 127–156.
- Kahn D.T., Reifen Tagar M., Halperin E., Bäckström M., Vitriol J.A., Liberman V. If They can't change, why support change? Implicit theories about groups, social dominance orientation and political identity. *Journal of social and political psychology*. 2018, N 6 (1), P. 151–173. DOI: <http://www.doi.org/10.5964/jssp.v6i1.752>
- Kim C., Han D., Duhachek A. Political identity, preference, and persuasion. *Social influence*. 2018, N 13 (4), P. 177–191. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/15534510.2018.1518786>
- Liu X. Interviewing Elites: Methodological Issues. Confronting a Novice. *International Journal of Qualitative Methods*. 2018, Vol. 17. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1177/1609406918770323>
- Meléndez C., Rovira Kaltwasser C. Political identities: the missing link in the study of populism. *Party politics*. 2019, N 25 (4), P. 520–533. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/1354068817741287>
- Mosley L. (ed.) *Interview Research in Political Science*. Cornell University: Cornell Paperbacks, 2013. 301 p.
- Nieuwenhuyse K., Wils K. Historical narratives and national identities. A qualitative study of young adults in Flanders. *Journal of Belgian history*. 2015, Vol. XLV (4), P. 40–73.
- Popova O.V. The Matrix of state identity in the post-truth era. In: Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. (eds). *Time for big changes: politics and politics: proceedings of the all-Russian scientific conference*. Moscow: RUDN, 2017, P. 291–292. (In Russ.)
- Popova O.V., Lagutin O.V. Political moods of youth: loyalty or protest? *RUDN journal of political science*. 2019, N 21 (4), P. 599–619. DOI: <http://www.doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619> (In Russ.)
- Roberts K. Populism and political parties. In: Rovira Kaltwasser C., Taggart P.A., Ochoa Espejo P., Ostiguy P. (eds). *The Oxford handbook of populism*. Oxford: Oxford, 2018, P. 287–304.
- Rose R., Mishler W. Negative and positive party identification in post-communist countries. *Electoral studies*. 1998, N 17 (2), P. 217–234.
- Slocum-Bradley N. Identity construction in Europe: a discursive approach. *Identity*. 2010, N 10 (1), P. 50–68.
- Smorgunov L.V. Political identity and the concept of the political. *Polis. Political studies*. 2012, N 6, P. 178–185. (In Russ.)
- Soest Ch. von, Why Do We Speak to Experts? Reviving the Strength of the Expert Interview Method. *Perspectives on Politics, First View*, 2022, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1537592722001116>.

Литература на русском языке

- Александрова Ю.А.* Политическое доверие как управленческий ресурс в системе общественно-политических отношений современной России // Правовая культура. – 2017. – № 3 (30). – С. 50–57.
- Гришин Н.В.* Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 231–239. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/55/23>
- Попова О.В.* Матрица государственной идентичности в эпоху постправды // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всероссийской научной конференции / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017. – С. 291–292.
- Попова О.В., Лагутин О.В.* Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21, № 4. – С. 599–619. – DOI: <http://www.doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619>
- Сморгунов Л.В.* Политическая идентичность и понятие политического // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 178–185.

С.И. БЕЛОВ, М.М. ВАНТЕЕВСКИЙ, Д.В. ЯРОШЕВА*

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОБОБЩЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ¹

Аннотация. Представленное исследование посвящено изучению ценностных предпочтений современной российской молодежи на основании обобщения данных экспертных интервью. Эмпирическая основа для проведения изысканий составлена на основе 15 экспертных интервью. В выборку опрошенных были включены преподаватели вузов, специалисты в области организации работы с молодежью, журналисты ориентированных на данную возрастную группу СМИ, предприниматели, для которых соответствующая возрастная группа составляет основу целевой аудитории, специалисты в области медиапродвижения, сотрудни-

* **Белов Сергей Игоревич**, доктор политических наук, старший научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; доцент кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: Belov2006 s@yandex.ru ; **Вантеевский Макар Михайлович**, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: mvanteevsky@yandex.ru ; **Ярошева Дарья Викторовна**, редактор Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; студент факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: dyarosheva@mail.ru

¹ Проект № 1022062000240–7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

ки военно-исторических музеев и т.д. Выборка формировалась при помощи сочетания метода «снежного кома» и использования баз данных с персоналиями наиболее цитируемых специалистов. Экспертные интервью проводились в период с 15 сентября по 30 октября 2022 г. На основании обобщения полученных данных авторы приходят к выводу, что, по мнению экспертов, молодежь отличают отрицание самоценности труда и ориентация на быстрый успех (понимаемый как сочетание материального благополучия, финансовой независимости и свободы в плане проведения досуга). Также эксперты отмечают высокую значимость для молодежи свободы и интерактивности коммуникации в рамках обсуждения общественно-политической повестки и отсутствие единства в восприятии символов и ценностей, традиционно ассоциируемых с образами героев. Последнее наиболее ярко проявляется в случае патриотизма, который прочно ассоциируется с военным дискурсом лишь у традиционалистски настроенной части юных россиян. В целом эксперты интерпретируют ценностные предпочтения молодежи на основании идеалистической парадигмы. Закономерным следствием такого подхода является признание принципиальной возможности трансформации ценностных предпочтений молодежи без проведения крупномасштабных реформ в области экономики, политики пространственного развития, стратегии социальной и образовательной политики. В соответствии с выраженными экспертами оценками, ценностные предпочтения молодежи можно оптимизировать путем реформирования структуры, номенклатуры и смыслового содержания транслируемых массовой культурой символов, задающих представления об одобряемых и осуждаемых моделях мышления и поведения. При этом ряд оценок экспертов, касающихся в частности приписываемой молодежи ориентации на престижное потребление и быстрый успех, могут быть поставлены под сомнение на основании данных массовых опросов. Эксперты также отмечают наличие излишней авторитарности и дефектов в работе механизмов обратной связи в рамках попыток государства формировать ценности молодого поколения.

Ключевые слова: политика; ценности; предпочтения; молодежь; Россия; экспертное интервью.

Для цитирования: Белов С.И., Вантеевский М.М., Ярошева Д.В. Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 163–178. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.07>

Введение

Политическое восприятие и поведение человека напрямую определяется заданными и успешно воспринятыми системами смыслов. Последние равным образом детерминируются комплексами политических и социальных мифов, конструируемых за счет эмоционально насыщенных символов, которые, в свою очередь, представляют собой результат конвертации в знаковую форму

определенных ценностей. Таким образом, ценности выступают в роли структурного фундамента моделей политического восприятия и поведения. Как правило, в рамках традиционного общества системы ценностей воспроизводятся в каждом новом поколении за счет работы механизмов социализации. Однако в современном обществе данное правило утратило аксиоматический характер. Развитие технологий (в первую очередь в сфере коммуникаций), индустриализация и изменение структуры и характера занятости, распространение массового образования, трансформация стандартов потребления, урбанизация и переселение широких масс населения в крупные города, расширение масштабов международной миграции, секуляризация сознания, формирование глобализированной массовой культуры – эти и многие другие факторы привели к тому, что в течение последних 200 лет устоявшиеся механизмы трансляции ценностей между поколениями начали работать с серьезными сбоями. Последнее существенным образом повысило значимость диагностики ценностных предпочтений молодого поколения [Попова, 2015, с. 182, 183].

Однако в силу сочетания ряда объективных факторов степень научной разработанности данного вопроса в России носит во многом лакунарный и фрагментарный характер. Исследуются преимущественно либо отдельные категории молодежи (например, студенчество) [Богомаз, Бойко, Яшина, 2019; Калинин, 2010; Кох, Орлов, 2020], либо представители соответствующего поколения в конкретных регионах [Хайбулаева, 2015]. Также эксперты фокусируют внимание на восприятии молодежью конкретных ценностей либо на определяющих его факторах [Будянская, 2022; Тайгулова, 2015]. Данные, приведенные в опубликованных ранее работах о ценностных ориентирах российской молодежи, частично утратили актуальность в силу увеличения временного лага между периодом проведения изысканий и текущим моментом [Луков, Луков, Захаров, 2011; Попова, 2015].

Представленное исследование призвано частично восполнить обозначенные лакуны в степени изученности темы и актуализировать систему введенных в научный оборот данных относительно предпочтений российской молодежи. Во-первых, конструируется система представлений относительно ценностных предпочтений молодежи в период, последовавший за началом спецоперации на Украине. Во-вторых, исследуется вопрос о ценностных ориента-

циях российской молодежи в целом, а не на уровне отдельных регионов или социальных групп. В-третьих, формируется система знаний относительно того, как воспринимаются ценностные предпочтения подрастающего поколения акторами молодежной политики.

Исследование проводилось на основе использования качественных социологических методов, конкретнее – экспертного интервью. В опросе приняли участие 15 экспертов, в число которых вошли преподаватели крупных федеральных вузов, практикующие специалисты в области реализации молодежной политики, журналисты ориентированных на юных россиян изданий, бизнесмены, для которых соответствующая возрастная группа составляет основу целевой аудитории, специалисты в области медиапродвижения, сотрудники военно-исторических музеев и т.д. В том числе в качестве экспертов выступили сотрудники Администрации Президента Российской Федерации, представители руководства Российского союза Молодежи, ученые академических центров, вузов и федеральных музеев, авторы популярных произведений художественной литературы, сценаристы видеоигр, организаторы молодежных фестивалей, представители бизнеса, ориентированного на работу с молодежью.

Выборка экспертов формировалась посредством комбинации двух методов – снежного кома и использования баз данных с персоналиями наиболее цитируемых спикеров и исследователей.

Группа опрошенных экспертов формировалась и с учетом таких факторов, как род занятий, стаж работы, уровень квалификации по исследуемому профилю, возраст, уровень и характер образования.

Уровень компетентности экспертов определялся посредством метода самооценки экспертов. Совокупный индекс компетентности каждого из экспертов, составленный на основании суммирования таких показателей как знания (уровень теоретического знания проблемы), практический опыт и способность предвидеть логику развития событий, превышает уровень 0,5. В данном случае необходимо пояснить, что в рамках используемой ранговой шкалы позиции «высокий» приписывалось числовое значение 1, «средний» – 0,5, «низкий» – 0.

Коэффициент уровня компетентности экспертов был определен при помощи следующей формулы:

$$k = (k_1 + k_2 + k_3) / 3 ,$$

где k_1 – числовое значение самооценки экспертом уровня своих теоретических знаний; k_2 – числовое значение самооценки практического опыта; k_3 – числовое значение самооценки способности к прогнозу [Горшков, Шереги, 2011].

Численность группы опрошенных экспертов была определена на уровне достаточной репрезентативности, определенной путем обобщения позиций академика М.К. Горшкова (последний полагал, что для организации экспертного опроса в формате круглого стола достаточно 10–15 участников), С.А. Белановского и А. де Вульпона (настаивавших на том, что для проведения серии экспертных интервью достаточно 20 информантов) [Горшков, Шереги, 2011; Белановский, 2001].

Интервью проводились в период октября – ноября 2022 г. Интервью носило полустандартизированный характер. По типу исследовательской задачи экспертный опрос носил фокусированный характер, т. е. был призван помочь детализировать и уточнить результаты массового опроса, посвященного теме образа героя времени в восприятии молодежи. Результаты массового опроса получают освещение в статье «Массовая культура как знаково-символическая среда политической социализации молодежи» (авторы – И.И. Кузнецов, Е.В. Куликова, Ю.В. Петрова), запланированной к публикации в журнале «Контурсы глобальных трансформаций» в 2023 г. При проведении массового опроса использовался такой метод сбора информации, как онлайн-анкетирование. Объем выборки – 1250 респондентов, выборка квотная, несвязанная, контроль за квотами осуществлялся по параметрам пола, возраста, федерального округа проживания.

Основная часть

Отвечая на вопросы «Как Вы считаете, какой смысл молодежь вкладывает в понятие “герой”? Кто он?» и «Есть такой термин – “герой своего времени”». По Вашему мнению, какой смысл молодежь в него вкладывает?», все без исключения эксперты прямо или косвенно акцентировали внимание на специфике ценностных ориентаций молодого поколения.

Участники интервью отмечают, что для существенной части молодых россиян труд не обладает самоценностью и вовлеченность в него не предполагает какой-либо престижности. При этом, по нашему мнению, нельзя согласиться с экспертами в том, что данная ценностная ориентация обусловлена исключительно «эффектом Золушки» и инфантилизмом молодежи. Необходимо учитывать, что девальвации труда как ценности способствуют высокий уровень экономического неравенства и сбои в работе социальных лифтов (ярким примером последнего может служить практика оплаты труда большинства квалифицированных специалистов из числа медиков, преподавателей и т.д.). Также важно учесть влияние культуры повседневности элит, построенной на престижном потреблении. Важно помнить о специфике медиаповестки: в ее рамках успешный образ «коллективного Дани Милохина»¹ представлен несомненно шире и привлекательнее, нежели имидж «человека труда», который с позиции общества потребления скорее стигматизируется. Наконец, важно помнить о социокультурных последствиях деиндустриализации экономики России в последние десятилетия. В рамках сложившейся на текущий момент в мире социально-экономической модели (в том числе, в части рынка труда) работник в значительной степени отчужден от результатов своего труда и рассматривает его как неизбежное бремя, в отсутствие которого он не мог бы поддерживать свою жизнедеятельность и соответствовать предъявляемым обществом статусным требованиям.

Сегодня у нас одна из проблем социальных – и применительно к молодежи, и в целом – это проблема, связанная с отсутствием ценности труда. Виртуально зарабатывать деньги, играя на бирже, или продавая что-то на «Авито», или в блоге, вставляя свою рекламу, – это хорошо и здорово. Но реальная жизнь, она формируется из конкретного труда и конкретных действий (Эксперт № 6).

Проблема коэффициента трудозатратности – конечно же, хочется все и сразу.... Когда мы смотрим на тех, кто добился

¹ Данила Милохин – видеоблогер, тиктокер, музыкант. В 2020 г. вошел в число шести наиболее высокооплачиваемых тиктокеров в России. Являлся молодежным лицом Петербургского международного экономического форума. Известен своим эпатажным поведением, стремительным карьерным взлетом при отсутствии образования, наличием маргинальных моментов в прошлом (включая наркозависимость).

своим путем, мы думаем, что это долго и мучительно, потому что хочется все и сразу. А тут контент, Интернет, я пойду сейчас юбку надену, себя выложу, лягу на землю и все. Да, я согласна абсолютно, эффект Золушки срабатывает (Эксперт № 3).

Следует отметить и значимое расхождение между оценками экспертов и данными упомянутого массового опроса в рамках тематического блока, посвященного образу героя времени в сознании молодежи.

В числе наиболее привлекательных морально-нравственных качеств киногероев участвовавшие в опросе молодые люди отметили в первую очередь таких персонажей, как Гарри Поттер, Железный человек, Человек-паук, Данила Бодров и Шурик (персонаж А. Демьяненко в серии кинокомедий Л. Гайдая). Большинство данных персонажей одновременно вошли в число персонажей, наиболее популярных у молодежи с точки зрения их личностных характеристик (характера, интеллекта, таланта, способностей). С учетом данных показателей в число наиболее популярных персонажей вошли Шерлок Холмс, Железный человек, Человек-паук, Гарри Поттер и Данила Бодров.

Указанные персонажи произведений массовой культуры слабо соотносятся с образом героя, приверженность которому эксперты приписывают молодежи.

Большинство экспертов также солидарны в том, что большую часть молодежи, в первую очередь – городской, объединяет ориентация на достижение быстрого успеха. При этом под успехом понимается сочетание материального благополучия, финансовой независимости, высокой узнаваемости и возможности свободно проводить досуг.

Второе направление героев у молодежи – это люди, которые успели заработать много бабок, и в целом на этих бабках делать, строить все, что у них есть. Возможность, причем, зачастую даже не совсем честными способами. Шагая по головам, через оскорбления, через какую-то грязь (Эксперт № 1).

Они хотят быть героями, они хотят быть услышанными, популярными. Для них то, что ты становишься инфлюэнсером в своей малой группе, потом более-менее люди начинают прислушиваться – вот что для них будет стремлением.... Герой – это тот, кто ничем выдающимся не отличается, т.е. у них никаких знаний и навыков. Но он смог добиться успеха здесь и сейчас. И он не

скрывает своего успеха, напротив, всячески подчеркивает и демонстрирует его. Ему присуща некая распушенность, развязность с флером того, что ему можно все (Эксперт № 3).

Если мы говорим про городскую молодежь, то современный герой – это удачливый авантюрист и фигура комика-стендапера-рэпера.... Сейчас герой – это удачливый стендапер, который сорит деньгами. В принципе удачливый человек, неважно, каким образом сделавший деньги. То есть тут у нас факт не удачливости или какого-то интеллекта, а фактор хаявы, обрушившейся на тебя (Эксперт № 5).

Как было указано выше, конструируемый экспертами цинично-потребительский идеал, приписываемый молодежи, слабо коррелирует с данными массового опроса, что позволяет усомниться и в выводах относительно ориентации подрастающего поколения на «быстрый успех любым путем». Можно выдвинуть гипотезу, что эксперты склонны гипертрофировать такую черту молодежи, как пессимистическое отношение к традиционной системе социальных лифтов и карьерных траекторий. Таким образом, имеет место обесценивание не длительных и тяжелых усилий как драйвера успеха, а конкретных объектов их приложения. Например, академическая успеваемость не рассматривается как надежная гарантия карьерного успеха в будущем.

Эксперты солидарны и в том, что для молодежи также важны умение и готовность открыто и искренне общаться с аудиторией, отказ от авторитарного навязывания спикером собственной повестки и варианта ее интерпретации коммуникантам. При этом речь идет именно об объективной оценке фактов даже при необходимости отклониться от официально одобряемого дискурса.

Да, они могут гордиться совершенно человеком, может быть для нас и неправильным. А почему? А потому что он открывает правду (Эксперт № 4).

Петербургские ученые (та же самая Ачкасова) проводили исследования, что такие лидеры, сетевые лидеры, они должны отвечать определенным требованиям, а именно уметь и обязательно комментировать существующий дайджест новостной, не умалчивать о том, что происходит и быть готовым выйти в эфир, осуществить коммуникацию в качестве какой-то обратной связи с молодежью (Эксперт № 8).

Для большинства молодежи они как раз те герои и люди, которые высказывают свою точку зрения, оппозиционеры – вот такие именно. Потому что сейчас идет большой тренд на осознание правдивости информации (Эксперт № 13).

В данном случае мы не можем выделить факторы, которые могли бы повлиять на достоверность оценок экспертов. Последнее позволяет предположить, что ориентация на искренность публичной коммуникации и запрос на доверительное отношение между властью и обществом действительно отображают специфику ценностной ориентации молодежи.

При этом даже среди простого большинства экспертов отсутствует единое мнение относительно восприятия молодежью патриотизма в сопряжении с военной тематикой и маскулинностью. Часть участников опроса полагает, что обозначенные ценности имеют высокую значимость для большинства молодых людей. Другие эксперты настаивают, что данные ценности разделяют лишь традиционалистски настроенные молодые россияне. Отсутствует единство мнений и в вопросе о том, какую долю среди молодежи занимают приверженцы традиционных ценностей. Отдельно следует отметить, что, по мнению большинства экспертов, в роли квинтэссенции «военного патриотизма» для молодежи сейчас выступает образ военкора.

С началом СВО у ряда молодых людей, это (герой. – С. Б), конечно, военкор. Это у тех, кто воспитан в условиях традиционных ценностей, но я говорю не про подавляющее, а про малое число молодежи, которое поддерживает сегодняшнюю ситуацию, потому что, как мы видим, у нас всухую проиграна информационная война (Эксперт № 5).

Базово образ патриота формируется именно через военные действия, через действия в условиях вооруженного конфликта, чрезвычайной ситуации (Эксперт № 6).

Героев исторических или патриотических, героев войны, героев – исторических личностей (Александр Невский) безусловно. Но среди современных можно выделить военкоров (Эксперт № 8).

Выше было отмечено, что большинство экспертов приписывают молодежи цинично-потребительский вариант ценностной ориентации. Последнее само по себе слабо соотносится с выводами о наличии у молодежи склонности к патриотизму и выстраивании ее представителями персональных образов героев вокруг во-

енной и маскулинной символики. Однако выше было отмечено, что стигматизация молодежи экспертами носит скорее гипертрофированный характер. В части восприятия символики массовой культуры молодые люди, напротив, активно симпатизируют маскулинным образам, которым приписываются в числе прочего высокие морально-нравственные качества. Однако также следует учесть, что данные образы не увязаны с военной тематикой. Также важно помнить о фиксируемом экспертами запросе молодежи на искренность и доверительность во взаимоотношениях со властью. Последнее позволяет предположить, что попытки навязывания государством определенных образов героев (выступающих в качестве инструмента декларации приверженности определенным ценностям) в априорном порядке вызывают отторжение у молодежи.

Интересно отметить, что данная гипотеза отчасти подтверждается выводами самих экспертов, озвученными в рамках комплекса рекомендаций относительно коррекции ценностных ориентаций молодежи в интересах общества и государства.

В частности, эксперты продемонстрировали согласие в плане того, что государство в рамках реализации соответствующей части молодежной политики должно акцентировать внимание на поддержке «кампаний травы», т.е. низовых инициатив в сфере формирования ценностей молодежи.

Если государство будет [поддерживать] инициативы снизу, какие-то стартапы, которые создали вокруг себя довольно интересную экосистему социальных отношений и взаимопомощи, то это необходимо афишировать, это необходимо продвигать в сеть, медийно поддерживать. И фактически надо создавать проекты, консолидирующие страну на базе подобных примеров (Эксперт 8).

Наверняка есть ребята, которые отвечают за связь с молодежью, я уверена, что у нас есть такие, но почему-то они не светятся, о них не говорится, и показывается только, что Путин идет встречаться с молодежью и что-то слушает. А после того, как что-то слушает, ничего нет. Поэтому наверняка это есть, просто надо выводить на медийное пространство. Чтобы люди это понимали, знали и, соответственно, увеличивать это масштабирование (Эксперт № 13).

Также эксперты настаивают на необходимости отказаться от формального подхода к проведению патриотических мероприятий,

использованию принуждения ради достижения количественных показателей, навязывания молодежной аудитории «единственно правильной точки зрения» и использования неактуальных для юных россиян каналов и форм трансляции информации.

Надо уйти от показухи и «победобесия». Это мы делаем по приказу, все кривятся, косятся все, но делают (Эксперт № 4).

Быть может, стоит это проводить более мягко, более латентно. Не стоит в лоб лупить. Молодежь этого не принимает от слова «совсем». Когда пытаешься объяснить молодежной аудитории: «Так надо», оно не работает, пока не объяснишь, почему и кого стоит уважать. И за что уважать (Эксперт № 11).

Да, они хотят, чтобы на них никто не давил: у них постоянно такой локалор, на них нельзя давить. То есть, как только они понимают, что мы не просто ими пользуемся и закрываем свои какие-то планы, а делаем это, потому что мы их не бросаем (Эксперт № 3).

Такие специальные проекты, любые специальные проекты по формированию героев они могут восприниматься как что-то такое искусственное и могут даже вызвать отторжение (Эксперт № 10).

Экспертами был сделан акцент на необходимости формирования позитивных ценностей через продвижение образов героев времени нового типа. Отличительными признаками последних должны являться четкая профессиональная принадлежность (при условии широкой дифференциации специальностей), связь с актуальной повседневностью большинства представителей молодежи (в плане демонстрации реализма и «приземленности») и использование образов, имеющих отношение к современности.

Тот же самый Советский Союз, он действовал, обращаясь по профессиональному признаку: есть учителя, врачи, ученые, археологи. То же самое: надо посмотреть, какие сейчас у нас есть социальные слои, социальные группы профессиональные (Эксперт № 8).

Люди трудовые – обязательно рабочих профессий, но и их тоже – в принципе трудящиеся, приносящие пользу, имеющие какие-то достижения, высоко оцениваемые своими коллегами, товарищами, имеющими позитивную репутацию – вот о них надо рассказывать. Чтобы молодые люди хотели быть слесарем, инженером, учителем, врачом (Эксперт № 6).

Если герой, то он должен быть, – не обязательно без изъянов, – он должен быть привязан к повседневности (Эксперт 4).

Эти герои должны быть разноплановыми. Это условно и харизматичный «вожак», который ведет всех за собой к достижению благой цели, и рядовой человек, возможно даже интроверт, который чуждается общества, но, однако, выполняющий на совесть свою деятельность на общую пользу. В противном случае эта ниша уходит под иностранных героев, которые сделают для молодежи привлекательной иные жизненные ценности и установки (Эксперт № 2).

...герой – именно человек труда, делающий что-то реальное: неважно стреляет он, работает на комбайне или пишет программы. Он должен быть реальным созидателем (Эксперт № 5).

По нашему мнению, в данном случае эксперты используют скорее нормативный подход, выстраивая модель молодежной политики в рамках условного «идеального общества». Наличие относительно низкого социально-экономического статуса у представителей «героизируемых» профессиональных групп на практике может минимизировать эффект коррекции ценностей молодежи.

Участники экспертного опроса также акцентируют внимание на том, что ценности необходимо продвигать через эмоционально наполненные символы, отдавая приоритет знаковым конструкциям с позитивной коннотацией.

Когда я проезжаю по центру и вижу этих «героев России», кого я вижу? Я вижу мужчин разной принадлежности к войскам, в разных должностях, но их лица не выражают ничего. Они безэмоциональны. И как человек, обладающий инструментами, я могу себя даже немножечко продиагностировать и понять, что я воспринимаю. А я ничего не воспринимаю (Эксперт № 3).

Игра на эмоциях. Не всегда, конечно, это честно, но это действенно. Да, это манипуляция, да, это использование механизмов, но оно работает, вот этих героев мы сделаем, вот эти герои будут востребованы, никакого принуждения, никакого снисхождения, заискивания – это все негативно воспринимается. Как только показываем, что на первый план выходит сам человек, неважно, какого он вида, но при этом на первый план выходит нечто позитивное (Эксперт № 3).

В целом можно признать, что, с точки зрения экспертов, для молодежи характерна ориентация на высокую значимость таких ценностей, как быстро достигаемое материальное благополучие и

высокая степень узнаваемости, возможность комбинации рабочей деятельности с разнообразными формами досуга, отсутствие финансовой и иерархической зависимости, свобода и откровенность в коммуникации. Патриотизм в сознании молодых россиян, за исключением традиционалистов, слабо сочетается с ориентацией на маскулинность и превознесение воинской доблести. При этом участники опроса солидарны в том, что изменить ценности молодых россиян можно без трансформации существующей социально-экономической среды. Достичь этого предлагается за счет коррекции символической и культурной политики в соответствии со спецификой политического восприятия и медиапотребления молодого поколения. При этом данные изменения основаны на концепции трансформации ценностей через замену образов героев современности. Указанные оценки экспертов подтверждаются данными количественных исследований лишь частично, что говорит о необходимости ознакомления экспертов с результатами проведенного нами всероссийского анкетирования и продолжения исследования с целью определения иерархии моральных качеств героев времени, на основе которых был составлен рейтинг образов успешных людей.

S.I. Belov, M.M. Vanteevskiy, D.V. Yarosheva*
Value preferences of contemporary Russian youth:
results of the generalization of expert opinions¹

Abstract. The article examines the value preferences of today's Russian youth basing on the generalization of expert interviews. The empirical basis for the survey is based on 15 expert interviews. The sample of respondents included university teachers, specialists in youth management, journalists of youth media, entrepreneurs targeting their business to young people, PR-specialists, employees of military history museums,

* **Belov Sergey**, INION; Lomonosov Moscow state university (Moscow, Russia), e-mail: Belov2006 s@yandex.ru ; **Vanteevskiy Makar**, INION; Lomonosov Moscow state university (Moscow, Russia), e-mail: mvanteevsky@yandex.ru ; **Yarosheva Daria**, INION; Lomonosov Moscow state university (Moscow, Russia), e-mail: dyarosheva@mail.ru

¹ Project No. 1022062000240–7 was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences following the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

etc. The sample was formed using a combination of the "snowball" method and the use of databases with the personalities of the most cited specialists. Expert interviews were conducted in the period from September 15 to October 30, 2022. Basing on the generalization of the data obtained, the author concludes that young people deny the intrinsic value of labor being oriented towards quick success (understood as a combination of material well-being, financial independence and freedom in terms of leisure activities). Experts also note the high importance of freedom and interactivity of communication for young people in the discussion of the socio-political agenda, and the lack of unity in the perception of symbols and values traditionally associated with the images of heroes. The latter is most clearly manifested in the case of patriotism, which is strongly associated with military discourse only among the traditionalist part of young Russians. In general, experts interpret the value preferences of young people based on an idealistic paradigm. A logical consequence of this is the recognition of the fundamental possibility of transforming the value preferences of young people without carrying out large-scale reforms in the field of the economy, spatial development policy, and social and educational policy strategies. In accordance with the assessments expressed by experts, the value preferences of young people can be optimized by reforming the structure, nomenclature, and semantic content of the symbols broadcasted by mass culture that define ideas of approved and condemned models of thinking and behavior. At the same time, several expert assessments regarding the orientation towards prestigious consumption and quick success attributed to young people can be called into question based on the data of mass surveys. Experts also note the presence of excessive authoritarianism and defects in feedback mechanisms functioning in the framework of the state's attempts to form the values of the younger generation.

Keywords: politics; values, preferences, youth, Russia, expert interview.

For citation: Belov S.I. Vanteevsky M.M., Yarosheva D.V. Value preferences of modern Russian youth: results of the generalization of expert opinions. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 163–178. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.07>

References

- Belanovsky S.A. *Deep Interview: A Study guide*. Moscow: Niccolo-Media, 2001, 320 p. (In Russ.)
- Bogomaz P.A., Boyko E.A., Yashina V.V. Relationship between emotional intelligence and parameters of activity, motivation and values among Russian university youth. *Psychology of cognitive processes*. 2019, N 8, P. 14–25. (In Russ.)
- Budyanskaya T.V. Social networks as a factor in the formation of cultural values of modern youth. *Social and humanitarian knowledge*. 2022, N 2, P. 348–351. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Applied sociology: methodology and methods. Interactive tutorial*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2011, 372 p. (In Russ.)
- Kalinin A. Yu. Family values of single youth (on the example of a study of single youth in the Penza region). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2010, N 12 (92), P. 190–196. (In Russ.)

- Khaibulaeva A.G. The structure of personal values and meaningful orientations of modern youth (Based on the study of student youth of Dagestan). *News of the Dagestan state pedagogical university. Psychological and pedagogical sciences*. 2015, N 3 (32), P. 12–17. (In Russ.)
- Kokh I.A., Orlov V.A. Values and professional self-determination of student youth. *Education and Science*. 2020, Vol. 22, N 2, P. 142–169. (In Russ.)
- Lukov V.A., Lukov V.A., Zakharov N.V. Value orientations of Russian youth in the light of the theory of values. *Bulletin of the Orenburg state university*. 2011, N 2 (121), P. 19–26. (In Russ.)
- Popova O.V. Political orientations of the Russian Youth: state and possibilities of management. In: *Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience: proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Omsk, April 24, 2015 Omsk: Publishing House of the Omsk state university, 2015, P. 180–192. (In Russ.)
- Taigulova G.S. Analysis of the attitude of modern youth to family values (according to the results of a sociological survey of youth). *Development of a person in the modern world. materials of the VI All-Russian scientific and practical conference with international participation: in 2 parts. FSBEI HPE "Novosibirsk State Pedagogical University"*. Novosibirsk, 2015, P. 325–341. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Белановский С.А. Глубокое интервью: учебное пособие. – М.: Никколо-Медиа, 2001. – 320 с.
- Богомаз С.А., Бойко Е.А., Яшина В.В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта с параметрами деятельности, мотивации и ценностей у российской вузовской молодежи // Психология когнитивных процессов. – 2019. – № 8. – С. 14–25.
- Будянская Т.В. Социальные сети как фактор становления культурных ценностей современной молодежи // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 2. – С. 348–351.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. Интерактивное учебное пособие. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 372 с.
- Калинин А.Ю. Семейные ценности холостой молодежи (на примере исследования холостой молодежи Пензенской области) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (92). – С. 190–196.
- Кох И.А., Орлов В.А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи // Образование и наука. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 142–169.
- Луков В.А., Луков В.А., Захаров Н.В. Ценностные ориентации российской молодежи в свете теории ценностей // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2 (121). – С. 19–26.
- Попова О.В. Политические ориентации российской молодежи: состояние и возможности управления // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: Материалы VI Всероссийской научно-

практической конференции с международным участием. Омск, 24 апреля 2015 г. – Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2015. – С. 180–192.

Тайгулова Г.С. Анализ отношения современной молодежи к семейным ценностям (по результатам социологического опроса молодежи) // Развитие человека в современном мире: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2 частях. ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». – Новосибирск, 2015. – С. 325–341.

Хайбулаева А.Г. Структура личностных ценностей и смысложизненных ориентаций современной молодежи (на материале изучения студенческой молодежи Дагестана) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 3 (32). – С. 12–17.

И.И. КУЗНЕЦОВ, Е.В. КУЛИКОВА, Ю.В. ПЕТРОВА*

ПРОСТРАНСТВО ГЕРОЕВ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РАЗНООБРАЗИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРИ НЕЯСНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ¹

Аннотация. Образы героев в сознании российской молодежи в значительной степени представлены на основе освоения продукции массовой культуры – кино, книг, музыки, компьютерных игр и др. В статье анализируются результаты исследования коллектива авторов, на основе которых удалось реконструировать это пространство героев, соотнести его с представлениями о реальном социально-политическом процессе. Делается вывод о преобладании кино и сериалов как вида досуговой практики молодежи. Выбор зарубежных фильмов делается чаще, чем отечественных, а среди картин, в которых отмечаются наиболее яркие образы, выделяются советские и некоторые российские. Российская молодежь оперирует категорией «герой времени», затрагивая не только пласт массовой культуры, но и

* **Кузнецов Игорь Иванович**, доктор политических наук, старший научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: politbum@yandex.ru ; **Куликова Елизавета Владимировна**, редактор Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; магистр факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: kulikveta@bk.ru ; **Петрова Юлия Владимировна**, редактор Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; аспирантка кафедры истории и теории политики факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: iuliiapeetrova@gmail.com

¹ Проект № 1022062000240–7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.08

оценивая современный политический процесс, выделяя ключевые его фигуры. В этом аспекте на первый план выходят фигуры российских политиков как властного, так и оппозиционного спектра. Многие респонденты считают героями своих родителей.

Главными факторами, определяющими предпочтения молодежи в выборе тех или иных произведений массовой культуры, выступают лидеры мнений, работающие в социальных сетях (блогеры, известные медийные люди). Их оценки являются более значимыми по сравнению с позицией родителей, преподавателей, профильных печатных изданий.

Ключевые слова: герои времени; образы героев; массовая культура; молодежь; социализация молодежи; артефакты культуры.

Для цитирования: Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В. Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 179–202. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.08>

Постановка проблемы

Потребление продукции массовой культуры в современном мире стало явлением всеобщим, неисключающим, стандартизированным. Дети и молодежь, как особые социально-возрастные группы, в большей мере уязвимы в сфере интенсивного эмоционального, информационного и развлекательного потока современных медиа и индустрии развлечений. В то же время именно молодая аудитория зачастую становится основным потребителем этой продукции в связи со значительной «погруженностью» в сетевое общение, серфинг в Интернете и поиск значимой для себя информации.

Предпочтения молодых людей в сфере культуры, как правило, формируются под воздействием внешних факторов: окружения, информационной среды, признанных в рамках сообщества и социально одобряемых ориентиров и др. При этом есть основания полагать, что по достижении возраста совершеннолетия и перехода молодого человека в новый статус (чаще всего – студента) значительным образом увеличивается и его коммуникативная активность, некогда ограниченная потенциалом общения с членами семьи, школьными друзьями и учителями. Соответственно, студент сталкивается с большим объемом новой информации, культурных образцов и норм поведения, которые неизбежно накладываются на ранее сформированные предпочтения.

С учетом сказанного представляется необходимым изучение, с одной стороны, каналов и механизмов воздействия внешней сре-

ды на предпочтения молодежи в сфере культуры: на чьи советы молодые люди ориентируются в выборе; какие сферы культуры представляются молодым людям более интересными, а какие – менее. Вместе с тем требует изучения и тот пул ориентиров, которые в конечном счете выбирают молодые люди: кто сегодня является героем для молодого поколения и насколько в целом разнообразен выбор в этом пространстве.

Стоит отметить, что в данном контексте понятия «герой» и «герой времени», конечно, отличаются. Первое связано, скорее, с заметными фигурами в сознании молодежи, которые могут быть выделены на основании набора личностных качеств, которые отражают восприятие соответствующего поведения («героического»), связанного с проявлением этих черт. Второе понятие – «герой времени» – в большей степени относится к характеристикам так называемой модальной личности, т.е. человека, в наибольшей степени отражающего дух, стиль и настрой соответствующего социального времени. Кроме того, в российском массовом сознании эту категорию часто связывают с литературной классикой XIX в. (Г. Печорин в произведениях М.Ю. Лермонтова), что усиливает восприятие таких фигур, связывает их с настроениями и ожиданиями целых поколений. Однако нередко в сознании российской молодежи данные категории не разделяются. Обычно это происходит, когда речь идет о получении информации, впечатлений, эстетического опыта при обращении к актуальной культурной повестке. Наблюдая за процессами в сфере массовой культуры и одновременно оценивая имеющийся социально-политический фон, молодые люди зачастую просто не могут разделить и точно оценить те или иные феномены масскульта и реальных политических персонажей. Это, конечно, прежде всего касается наименее политизированной аудитории, тех, кто представляет обывденное сознание.

Исследования данной проблемы в современном российском контексте сосредоточены в основном на определении того, что именно входит в «культурный багаж» молодежи и как это можно соотносить с предыдущими поколениями [Молодежь в городе ... , 2020; Саморегуляция в молодежной среде ... , 2022; Горшков, Шереги, 2022; Радаев, 2019; и др.]. Такой ракурс вполне конструктивен, он позволяет увидеть значимые изменения в предпочтениях молодых, стратегии их самореализации, проведении досуга и др. Но при этом есть некоторая опасность игнорирования специфики сложившейся социально-

культурной ситуации – возросшей конкуренции между отечественной и зарубежными индустриями массмедиа и развлечений, наблюдаемого в ряде случаев сокращения значения традиционных форм получения знаний и эмоций (чтение, кино, театр и др.) и / или их замена новыми (компьютерные игры, серфинг и общение в Сети, прослушивание аудиокниг и просмотр трансляций, роликов в Youtube и на других сетевых стриминговых платформах).

Отметим также, что в рамках данного исследования мы учитываем определенную специфику существующих объяснительных моделей: субкультурный подход, согласно которому молодежные сообщества и молодежные культуры в целом рассматриваются как часть широкого социального явления со своими отличиями, особенностями позиционирования и публичной презентации; подход «городских культурных сцен и пространств», представляющий молодежные инициативы в социокультурной сфере как формирующиеся образы новой, прогрессивной активности и социализации. Однако основное внимание предлагается уделить именно контенту продукции массовой культуры, на основе которой сформировалось пространство значимых образов – прежде всего тех, кого сами молодые люди считают героями, важными персоналиями сегодняшнего времени. И тому, почему они так считают.

Методология исследования

Исследование построено на сочетании количественных и качественных методов сбора данных. Кроме того, авторами при анализе полученных данных использовались теории культурной гегемонии, влияния массовой культуры на процессы социализации и другие.

В статье использованы данные проведенного в сентябре – ноябре 2022 г. социологического опроса молодых людей в возрасте 14–35 лет, представителей 68 субъектов Российской Федерации из всех федеральных округов. Общее количество респондентов – 1147 человек; рандомизация по полу, возрасту в пределах молодежной когорты, по уровням и направлениям обучения, а также по региону проживания. Региональный аспект выборки представляет собой преимущественно крупные города – областные центры, столицы субъектов Российской Федерации с заметной долей молодежи в структуре населения.

Анкета состояла из тридцати вопросов, сгруппированных по пяти блокам: вопросы общего плана; вопросы о предпочтениях молодых людей в сфере кинематографа, литературы, музыки и видеоигр.

Для формирования, диагностики и подтверждения некоторых гипотез был также проведен экспертный опрос (индивидуальное, полуструктурированное глубинное интервью). Общее количество экспертов – 15 представителей академического сообщества и иных профессиональных сфер, работающих с молодежью.

Источники формирования предпочтений молодежи в сфере культуры

Для выявления основных источников формирования предпочтений молодежи в сфере культуры участникам социологического исследования был задан вопрос «На чьи рекомендации Вы, как правило, ориентируетесь при выборе книги для чтения / фильма или сериала для просмотра / музыки?» (был возможен неограниченный множественный выбор из нескольких предложенных вариантов ответа). Так, ключевыми источниками рекомендаций для молодых людей являются друзья (71% респондентов выбрали данный вариант ответа); блогеры, телеграм-каналы, группы в социальных сетях (43%); одноклассники и одноклассники (35%); родители (34%); учителя и преподаватели (31%). Меньше всего молодые люди ориентируются на советы бабушек и дедушек (13%); теле- и радиопрограмм (7%); газет и журналов (4%)¹.

Предпочтение именно друзей, блогеров и соответствующих ресурсов в социальных сетях как культуртрегеров, на наш взгляд, можно объяснить с нескольких позиций.

Во-первых, как правило, от друзей и привычных социальных сообществ ждут привычный формат общения (чат, обсуждение конкретных тем, сюжетов и т.п.). То есть с родителями или бабушками / дедушками и преподавателями такой формат обычно недоступен или крайне редок (есть среди старших поколений те, кто понимает язык молодежи и может на нем поддержать разговор, однако это крайне непростая задача сохранения профессиональной дистанции и этической корректности).

¹ См. рис. 1.

Во-вторых, зачастую оценки лидеров мнений в социальных сетях, даже будучи не всегда профессиональными и полноценными, вызывают мощную медийную реакцию: блогеры и лидеры общественного мнения (ЛОМы) умеют задеть за живое, ярко подать ту или иную проблему, навесить ярлыки и определить тренды. Именно такая новизна, яркость, оригинальность позволяет сделать видео вирусным, растиражировать представленную позицию, добиться узнаваемости.

Наконец, в-третьих, современные ЛОМы, как видно из нашего опроса, это все-таки не «лица из телевизора» и не авторы традиционных печатных изданий (газет и журналов). В массе своей это медийные люди, засветившиеся на популярных сетевых ресурсах, имеющие ресурс узнаваемости, коммерчески успешные. Разумеется, журналисты и эксперты «из телевизора» или публикующиеся в прессе могут стать заметными в молодежной аудитории, если они прилагают специальные усилия по своему продвижению в соответствующих сетевых ресурсах.

Рис. 1

Ответы на вопрос «На чьи рекомендации Вы, как правило, ориентируетесь при выборе книги для чтения / фильма или сериала для просмотра / музыки? (возможно несколько вариантов ответа)» (n = 1147; ответы в %)

Отдельный серьезный вопрос – о том, какие именно виды, элементы массовой культуры оказывают наибольшее и наименьшее воздействие на молодых людей. С целью выявления соответствующих сфер участникам социологического опроса был предложен вопрос «Что Вы предпочитаете делать в свободное время? Пожалуйста, расположите варианты ответа в порядке личного интереса, где “1” – наиболее интересно, “5” – наименее интересно». Респонденты должны были ранжировать от 1 до 5 предложенных способов проведения досуга: «читаю книги», «слушаю музыку», «смотрю фильмы и сериалы», «играю в видеоигры» и «сiju в Интернете»¹.

Таблица 1

Матрица ответов на вопрос «Что Вы предпочитаете делать в свободное время? Пожалуйста, расположите варианты ответа в порядке личного интереса, где “1” – наиболее интересно, “5” – наименее интересно» (n = 1147)

Категория ответа	Читаю книги	Слушаю музыку	Смотрю фильмы и сериалы	Играю в видеоигры	Сiju в Интернете
1 Наиболее интересно	279	282	172	138	276
2	192	370	242	131	212
3	199	242	379	124	203
4	232	174	260	202	274
5 Наименее интересно	245	79	94	552	182

В ходе анализа результатов анкетирования отмечался большой разброс в предпочтениях молодых людей. При этом, если суммировать ответы респондентов по категориям наибольшей привлекательности (категория “1” и категория “2”) и по категориям наименьшей привлекательности (категория “4” и категория “5”), можно получить данные относительно наиболее и наименее предпочтительных для молодых людей способов проведения досуга. Так, 652 человека по первому и второму приоритету совокупно предпочитают слушать музыку; 488 – сидеть в Интернете; 471 – читать книги; 414 – смотреть фильмы и сериалы; 269 – играть в

¹ См. табл. 1.

видеоигры. При этом наименее привлекательные среди молодых людей виды деятельности (четвертый и пятый приоритеты) включают: игру в видеоигры (754 человека отметили данный вид досуга на последних позициях); 477 – чтение книг; 456 – проведение времени в Интернете; 354 – просмотр фильмов и сериалов; 253 – прослушивание музыки¹.

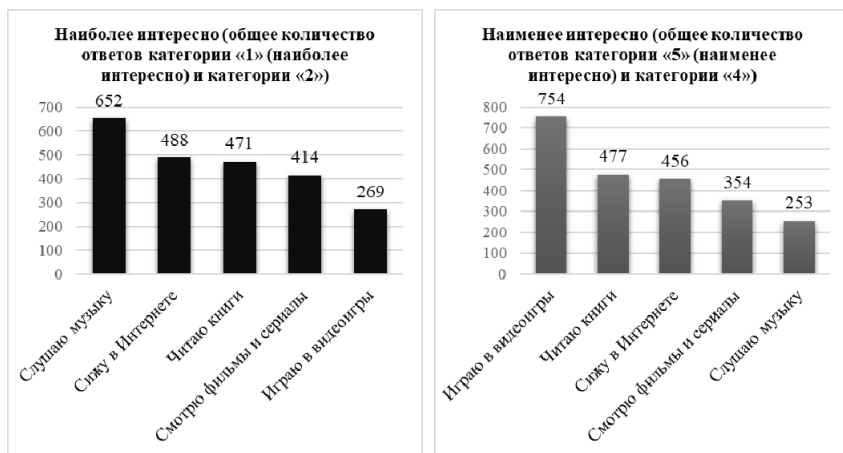

Рис. 2

Ответы на вопрос «Что Вы предпочитаете делать в свободное время? Пожалуйста, расположите варианты ответа в порядке личного интереса, где “1” – наиболее интересно, “5” – наименее интересно» (n = 1147)

Таким образом, можно говорить о том, что молодежь очень неоднородна в способах проведения своего свободного времени: нет единой, безусловно предпочитаемой формы досуга. В то же время очевидно, что интерес к прослушиванию музыки встречается у молодых людей чаще, нежели склонность проводить время за видеоиграми. Промежуточное положение в предпочтениях занимают серфинг Интернета, а также просмотр фильмов и сериалов. При этом примерно одинаковое количество молодых людей счи-

¹ См. рис. 2.

тают чтение книг наиболее и наименее интересной для себя формой досуга (471 и 477 респондентов соответственно).

Ситуация с чтением требует особого внимания, поскольку в данном случае мы наблюдаем несколько связанных между собой процессов. Одним из них является давно фиксируемая исследователями тенденция снижения интереса к чтению у молодежи по сравнению с более старшими поколениями. Наблюдается распространение так называемой функциональной неграмотности, которая ограничивает возможности развития интеллекта, но в то же время не является серьезной преградой для социализации, формирования необходимых навыков социального общения. Эк-министр просвещения России О.Ю. Васильева в одном из публичных выступлений отметила, что навыками функционального чтения, или, иначе говоря, навыками понимания прочитанного не владеет четверть населения нашей страны. Это замечание прежде всего касается молодого и среднего поколений российских граждан, наиболее активных в профессиональном отношении¹.

На снижение популярности чтения влияет также заполнение коммуникативного пространства различными видами знаков, которые могут быстро распространять имитацию как доминирующую в информационном потоке и нейрофизиологически простую операцию. Среди таких знаков выделяют эмодзи, мемы, фотожабы, рекламу без слов и др. [Пищальникова, 2021]. Особенностью этих знаков, помимо их способности ускорять ситуативное общение в цифровой среде, является искажение естественной коммуникации, детерминированной языком, поскольку эти знаки активно редуцируют одно и то же содержание в форме, претерпевающей незначительные модификации. Так как одним из значимых параметров функционирования информационных ресурсов является частотность использования знаков, воспроизводящих клишированное содержание (это напрямую связано с маркетинговыми технологиями развития информационных ресурсов, а, значит, и с финансовыми показателями), то их тиражирование одновременно ведет к снижению языковой компетентности индивидов и порождению дефектных познавательных структур.

¹ Васильева О.Ю. Четверть россиян не владеют функциональным чтением // RG.RU. – 2018. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2018/07/30/olga-vasileva-chetvert-rossiian-ne-vladeiut-funkcionalnym-chteniem.html> (дата посещения: 12.03.2023).

Роль чтения в структуре досуговой практики молодежи носит амбивалентный характер. С одной стороны, это органичная часть учебного процесса, связанного со школьной и вузовской программой. С другой стороны, это сформированная (или отсутствующая) привычка, связанная с актуализированной потребностью именно в такой форме приобщения к художественной культуре. Возможно, что полученное в ходе исследования парадоксальное распределение ответов отражает именно такое состояние дел в молодежной среде: есть и те, кто активно читают и рассматривают литературу в качестве привлекательного ресурса для себя лично, но есть и те, кому чтение не нравится или выглядит менее привлекательным по сравнению с другими активностями.

Широкая дисперсия ответов проявляется и в мнениях экспертов – специалистов, работающих с молодежью на регулярной основе. Вопрос звучал следующим образом: «Если взять пять элементов – кино, сериалы, видеоигры, музыку, литературу, то какие из них, по Вашему мнению, сильнее всего влияют на мышление и поведение молодежи? Какие, наоборот, меньше всего влияют?» Большинство экспертов сошлись в позиции, что сильнее всего на молодых людей влияют фильмы и сериалы (десять из 15 экспертов отметили данный вариант ответа), а также видеоигры (восемь экспертов). В качестве элемента массовой культуры, имеющего наименьшее воздействие на молодых людей, восемь из 15 экспертов выделили книги и литературу. Важно отметить, что эксперты имели возможность дополнить предложенный список сфер, предположительно влияющих на молодых людей. Так, пять экспертов указали в качестве такого фактора Интернет, предложив дополнить список социальными сетями, видеохостингами и короткими видео. В частности, Эксперт 1 (м.; организатор воспитательной работы в вузе) предложил: «Я бы добавил к перечисленному Вами списку сам по себе Интернет как средство массовых коммуникаций. И как минимум видеохостинги, которые могут поспорить со всеми перечисленными Вами каналами связи». Эксперт 2 (ж.; декан факультета вуза) отметила: «Социальные сети – это то место, куда они уходят с головой»; «У нынешнего поколения доминирует фрагментарное мышление, им интересны короткие видео или голливудские блокбастеры».

Два эксперта обратили внимание на место комиксов в структуре предпочтений молодежи. В частности, Эксперт 3 (м.; менед-

жер в сфере культуры) сообщил: «Я бы даже еще назвал теперь комиксы, тоже как часть западной культуры. Они начали играть огромную роль, гораздо больше, чем раньше. Не такую ключевую, как в американской культуре, например, но они стремительно отвоевывают у нас то же пространство».

Основные черты героев российской молодежи (на примере киногероев)

В рамках исследования с целью выявления основных черт представителей молодежного «пантеона героев» респондентам были заданы вопросы по четырем направлениям массовой культуры: кинематографу, музыке, литературе и видеоиграм. Был получен значительный по объему материал, который представляет большой интерес. Но, учитывая формат публикации, сосредоточимся только на данных по кинематографу (и сериальной продукции как типологически близкой по модусу потребления).

Выделение общих ключевых качеств героев, привлекающих молодежь, а также проведение сравнительного анализа «пантеона героев» из представленных сфер является задачей последующего исследования. В рамках данной статьи предлагается на примере сферы кинематографа выделить наиболее привлекательных для молодых людей героев, а также классифицировать их по ряду оснований: российские или зарубежные; мужского пола или женского; люди ли они или сказочные персонажи.

Так, в ходе исследования респондентам был задан следующий вопрос: «Каких киногероев Вы считаете привлекательными с точки зрения их морально-нравственных качеств? (Укажите, пожалуйста, их имена.)». Вопрос носил открытый характер, молодые люди могли указать неограниченное число героев. Впоследствии, на этапе анализа данных, каждый из героев был атрибутирован по стране происхождения, полу и наличию антропоморфных характеристик.

Страна происхождения киногероев. В ходе анализа данных было выявлено, что порядка 38% киногероев, названных респондентами, были созданы отечественной киноиндустрией; имена зарубежных героев звучали в ответах молодых людей чаще – 57% – от всех названных респондентами персонажей кинематографа

(см. рис. 3). 5% героев были отнесены исследователями к категории «другое» – это в первую очередь персонажи отечественных картин, которые, однако, были сняты на основе зарубежных произведений (например, Золушка; доктор Ватсон (в случае, когда не указана страна производства фильма); мушкетеры и др.). Герои группы «Другое» не учитывались при подсчете персонажей по критерию страны происхождения. Так, молодые люди наиболее часто называли героев из кинокартин производства США (41%), РФ (20%), СССР (18%), Великобритании (9%) и Японии (3%). Заметно, что зарубежные герои лидируют с приличным отрывом, что говорит о заметном преобладании зарубежной кинопродукции (по преимуществу западной) у молодежного зрителя. По-видимому, сказывается объективная инфраструктурная слабость отечественной киноиндустрии в последние десятилетия: сравнительно небольшое количество картин, производимое в стране, активное освоение российского рынка западными студиями и промоутерами.

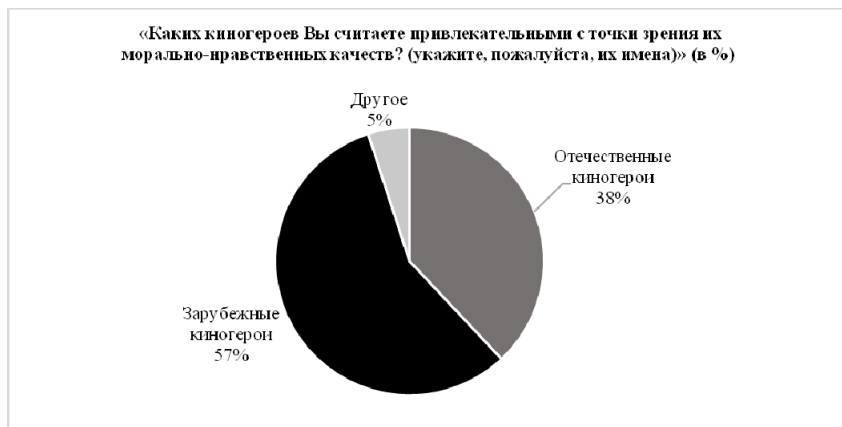

Рис. 3

Ответы на вопрос «Каких киногероев Вы считаете привлекательными с точки зрения их морально-нравственных качеств? (Укажите, пожалуйста, их имена.)» (n = 1147; в % от общего количества ответов)

Кроме того, в контексте оценки предпочтений респондентами зарубежных героев отечественным были выявлены значимые межпоколенческие различия. Так, молодые люди в возрасте от 14 до 24 лет чаще, чем респонденты в возрасте от 25 до 35 лет, в качестве героев, привлекательных с точки зрения их морально-нравственных качеств, выбирают героев современных зарубежных фильмов. Почти половина – 46,4% респондентов в возрасте от 14 до 18 лет и 49,6% респондентов в возрасте от 19 до 24 лет упомянули в своих ответах героев соответствующей категории; для респондентов в возрасте от 25 до 30 лет и от 31 до 35 лет данные показатели составляют 39% и 32,3% соответственно¹.

Таблица 2

Предпочтение молодыми людьми российских / зарубежных героев (в зависимости от возрастной группы респондента) (ответы на вопрос «Каких киногероев Вы считаете привлекательными с точки зрения их морально-нравственных качеств? (Укажите, пожалуйста, их имена.)»

Возраст респ.	Не знаю	Таких нет	Герои современных российских фильмов	Герои российских фильмов 90-х годов	Герои советских фильмов	Герои современных зарубежных фильмов	Герои зарубежных фильмов XX в.	Другое
14–18 лет n=377	10,6%	0,8%	17,8%	4,5%	22,8%	46,4%	15,6%	3,4%
19–24 года n=698	9,5%	1,9%	16,5%	6,9%	23,1%	49,6%	22,2%	2,7%
25–30 лет n=41	4,9%	2,4%	22,0%	12,2%	46,3%	39,0%	17,1%	0
31–35 лет n=31	6,5%	0	12,9%	6,5%	41,9%	32,3%	16,1%	9,7%
Общий итог	9,6%	1,5%	17,0%	6,3%	24,3%	47,7%	19,7%	3,1%

Предположим, что в данном случае мы имеем дело с этапом вторичной социализации молодежи, когда роль школы, вуза и системы образования в целом несколько снижается, а роль семьи,

¹ См. табл. 2.

родителей отходит на второй план. В то же время повышается значение лидеров мнения, особенно в связи с приобретением коммуникативных навыков сетевого общения в соответствующих сообществах по интересам. Возможно также, что, в отличие от школьного периода, когда используются формы коллективного просмотра кино, обсуждения фильмов в формате занятий или внеклассной работы, в вузовский и поствузовский период таких групповых собраний меньше или они отсутствуют (наличие киноклуба в жизни факультета вуза до недавнего времени было явлением «мерцающим» – появляющимся и исчезающим в зависимости от интереса студентов и / или наличия увлеченного преподавателя-киноведа). Отечественное кино в таких условиях бывает редким, но весьма интересным предметом внимания, так как оно привлекает жизненный и профессиональный опыт старших поколений, стимулируя живое общение по самому широкому кругу волнующих всех вопросов.

Пол киногероев. Подавляющее большинство названных молодыми людьми киногероев – представители мужского пола¹. Список называемых респондентами героинь, в свою очередь, довольно ограничен: всего 11% от персонажей отечественных кинокартин являются представительницами женского пола (среди них наиболее популярными являются Наташа Ростова из экранизаций «Войны и мира» (5 упоминаний) и Катерина Тихомирова из фильма «Москва слезам не верит» (4)). Среди героев зарубежных кинокартин представительниц женского пола чуть больше – 15%, чаще всего респонденты называют: Гермиону Грейнджер из фильмов о Гарри Поттере (13 упоминаний), Дейенерис Таргариен из сериала «Игра Престолов» (6) и Эду из турецкого сериала «Постучись в мою дверь» (6). К незначительной по размеру категории «Другое» были отнесены собирательные образы героев: «герои из мультика “Простоквашино”», «Смурфики», «Барбоскины» и т.д. Несколько более высокая доля персонажей-героев среди женщин в зарубежных фильмах отчасти объясняется тем, что в импортной кинопродукции заметно больше, чем в отечественной, героинь с уникальными качествами сверхлюдей или волшебников. Например, героини вселенных Marvel и DC выглядят и действуют весьма ярко, могут служить примером для подражания. Да и в целом женские

¹ См. табл. 3.

персонажи в западной кинопродукции являются элементом политкорректного кастинга с четкой ориентацией на установки исключения любой формы дискриминации, в том числе и гендерной.

Таблица 3

Соотношение количества героев женского и мужского пола в ответах респондентов на вопрос «Каких киногероев Вы считаете привлекательными с точки зрения их морально-нравственных качеств? (Укажите, пожалуйста, их имена).»

	Отечественные герои		Зарубежные герои	
	По кол-ву уникальных героев	По кол-ву упоминаний	По кол-ву уникальных героев	По кол-ву упоминаний
Персонажи мужского пола	240 (81%)	604 (88%)	346 (78%)	867 (84%)
Персонажи женского пола	50 (17%)	72 (11%)	90 (20%)	155 (15%)
Другое	7 (2%)	7 (1%)	8 (2%)	9 (1%)

Антропоморфные и анималистические черты киногероев.

Примечательно, что значительное количество зарубежных киногероев, называемых респондентами, обладают сверхъестественными способностями. Так, среди упоминаний персонажей зарубежных кинокартин порядка 43% приходится на героев-волшебников и лишь 54% на героев-людей, не имеющих сверхъестественных качеств. При этом среди отечественных киногероев значительно преобладают персонажи, представляющие обычных людей (83%), на героев-волшебников приходится лишь 10% упоминаний¹.

Это заметное отличие вполне укладывается в традиции отечественного кинематографа: преобладание реалистического кино, сложившиеся подходы в драматургии и постановке картин (с приоритетом человека, личности, индивидуальной судьбы и т.д.), литературные основы сценарного творчества и др. Герои-волшебники если и появляются в отечественном кино, то скорее как персонажи русских сказок или фигуры советской фантастики. Кроме того, наличие таких супергероев в голливудском кино отчасти обусловлено распространением соответствующих комиксов, имеющих массовую популярность у аудитории, что обеспечивает их узнаваемость и продвижение на киноэкранах.

¹ См. табл. 4.

Таблица 4

Соотношение количества героев-людей, героев-волшебников и героев-животных в ответах респондентов на вопрос «Каких киногероев Вы считаете привлекательными с точки зрения их морально-нравственных качеств? (Укажите, пожалуйста, их имена.)»

	Отечественные герои		Зарубежные герои	
	По кол-ву уникальных героев	По кол-ву упоминаний	По кол-ву уникальных героев	По кол-ву упоминаний
Люди	259 (87%)	566 (83%)	314 (71%)	555 (54%)
Люди, обладающие сверхъестественными способностями, волшебники	19 (6%)	71 (10%)	108 (24%)	440 (43%)
Герои-животные	19 (6%)	46 (7%)	21 (5%)	36 (4%)

Важно отметить, что среди зарубежных героев наибольшим вниманием молодежи пользуются герои вселенных Marvel и DC, персонажи кинокартин цикла «Гарри Поттер», «Властелин колец» и «Игра престолов». Так, среди упоминаний зарубежных героев более 33% приходится на персонажей вышеперечисленных пяти вселенных¹. Здесь также налицо прочная литературная основа от Дж. Роулинг, Д.Р. Толкиена до комиксов и знакомых многим зрителям с детства и юности картин. Предположим, что среди отечественных зрителей не очень много тех, кто читал эти произведения.

Что касается конкретных персоналий, то среди героев отечественных кинокартин и мультфильмов респонденты чаще всего отмечают: Данилу Багрова (59 ответов), Шурика (28), Кота Леопольда (19), Илью Муромца (18), Штирлица (17). Среди зарубежных – Человека-паука (61 ответ), Гарри Поттера (60), Железного человека (45), Бэтмена (26), Капитана Америку (24)².

Популярность супергероев, фантастических персонажей из зарубежного кинематографа у российских молодых людей вполне ожидаема: это всемирно известные бренды, раскрученные образы, которые стали частью крупного бизнеса голливудских фабрик производства впечатлений.

¹ См. рис. 4.

² См. табл. 5.

Количество упоминаний героев наиболее популярных киноселенных при ответе на вопрос «Каких киногероев Вы считаете привлекательными с точки зрения их морально-нравственных качеств? (укажите, пожалуйста, их имена)» (среди упоминаний зарубежных героев, в %)

Рис. 4

Количество упоминаний героев наиболее популярных киноселенных при ответе на вопрос «Каких киногероев Вы считаете привлекательными с точки зрения их морально-нравственных качеств? (Укажите, пожалуйста, их имена.)» (Среди упоминаний зарубежных героев, в %)

Отечественное кино и его герои выглядят на этом фоне весьма интересно. Во-первых, молодые россияне знакомы с советским киноискусством и четко выделяют его персонажей (Штирлиц, А. Соколов, Шурик, Г. Жеглов). Мультперсонаж Кот Леопольд также может быть отнесен к советской анимационной классике. Это говорит о том, что образы, созданные 40–50 лет назад, вполне работают, вызывают интерес, привлекательны для молодежи. Во-вторых, в открытых ответах заметны киногерои современных режиссеров – А. Балабанова (Данила Багров – «Брат», «Брат-2»), Ю. Быкова (Дмитрий Никитин – «Дурак»), А. Сидорова (Саша Белый – «Бригада»). Российский кинематограф, таким образом, все-таки имеет важное значение в социализации молодежи, а слухи о его смерти или необратимом кризисе несколько преувеличены. Появление «Майора Грома» в списке героев – признание успеха одноименного комикса и свидетельство упрочения комикс-культуры в сфере предпочтений российской молодежи. То же самое можно сказать и об анимационном

творчестве: обращение к русской классической былине и героям народного эпоса (Илья Муромец, Добрыня Никитич) позволяет создавать яркие, привлекательные образы, имеющие популярность у молодого зрителя.

Таблица 5

Наиболее часто встречающиеся российские и зарубежные герои в ответах респондентов на вопрос «Каких киногероев Вы считаете привлекательными с точки зрения их морально-нравственных качеств? (Укажите, пожалуйста, их имена.)»

Отечественные герои		Зарубежные герои	
Герой	Кол-во упоминаний	Герой	Кол-во упоминаний
Данила Багров («Брат», «Брат-2»)	59	Человек-паук	61
Шурик («Операция “Ы” и другие приключения Шурика»)	28	Гарри Поттер	60
Кот Леопольд	19	Железный человек	45
Илья Муромец	18	Бэтмен	26
Штирлиц («17 мгновений весны»)	17	Капитан Америка	24
Андрей Соколов («Судьба человека»)	14	Форест Гамп	18
Добрыня Никитич	13	Десмонд Досс («По соображениям совести»)	17
Игорь Гром («Майор Гром»)	12	Тайлер Дерден («Бойцовский клуб»)	14
Саша Белый («Бригада»)	12	Гермиона Грейнджер	13
Дмитрий Никитин («Дурак»)	10	Джек Воробей	12
Глеб Жеглов («Место встречи изменить нельзя»)	10	Наруто	12

Пространство героев: реальное и виртуальное

В то же время картина о представлениях молодежи будет неполной, если ограничить исследование образами исключительно художественной культуры и не обратить внимание на действительность, окружающую молодых людей. Так, в конце анкеты респондентам был задан последний вопрос «Если бы Вам было нужно указать одного человека, кого Вы могли бы назвать “героем нашего времени”, то кто бы это был?».

В отличие от ответов на вопрос по киногероям, респонденты в подавляющем большинстве (85% от общего количества упоминания имен героев) назвали отечественных деятелей, и лишь 11% ответов содержали упоминания зарубежных героев. При этом 30% респондентов не смогли дать ответ на этот вопрос, а 4% отметили, что «таких нет»¹.

Остальные данные ложатся в следующую структуру: 27% респондентов отметили в качестве героев времени общественно-политических деятелей; 13% – деятелей культуры и блогеров; 7% – представителей своего ближнего круга общения (членов семьи, друзей и т.д.); 4% – военнослужащих и участников специальной военной операции 2022–2023 гг.

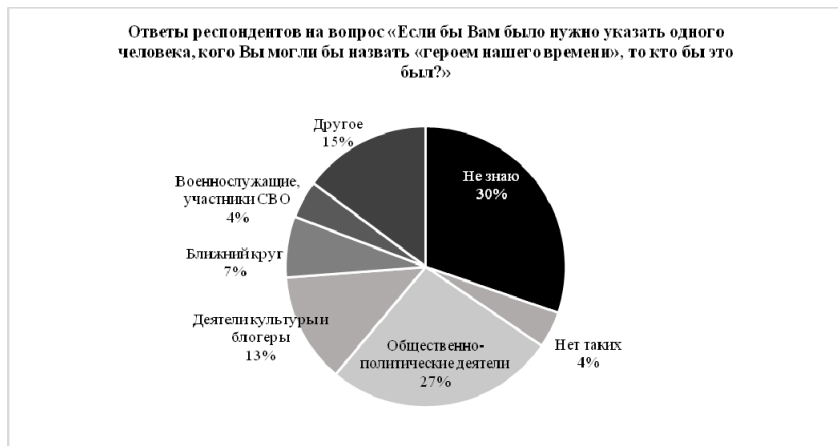

Рис. 5

Количество упоминаний героев разных категорий в ответах на вопрос «Если бы Вам было нужно указать одного человека, кого Вы могли бы назвать “героем нашего времени”, то кто бы это был?» (в % от общего количества упоминаний тех или иных героев)

По сравнению с перечнем уникальных киногероев, перечень уникальных «героев времени» молодежи короче примерно в 3 раза

¹ См. рис. 5.

и составляет порядка 250 имен с учетом широкого круга вариаций наименования тех или иных прежде всего коллективных героев («любой военнослужащий, участвующий в СВО»; «люди, защищающие Донбасс»; «участники СВО» и др.).

При меньшем разбросе в количестве имен героев наблюдается значительная консолидация ответов по наиболее распространенным вариантам: Владимир Путин (196 ответов); Алексей Навальный (30); Владимир Жириновский (29); Илон Маск (27); Моя мама (22); Григорий Печорин (21); Я сам (18); Екатерина Шульман (13); Мой папа (9); Борис Немцов (8); Киану Ривз (8); Сергей Бодров (8); Сергей Лавров (8).

При этом образ героя, как правило, ассоциируется с мужчинами: более 81% ответов относятся к героям мужского пола. Героев женского пола называют в 8 раз реже – 10%. Кроме того, распространенным является случай, когда респонденты называют коллективных героев без указания на их пол – «врачи», «учителя», «обычные люди» и т.д. (категория «другое» – 15% от общего числа упоминаний героев) (см. табл. 6).

Таблица 6

Соотношение количества героев женского и мужского пола в ответах респондентов на вопрос «Если бы Вам было нужно указать одного человека, кого Вы могли бы назвать “героем нашего времени”, то кто бы это был?» (по количеству и в % от общего числа упомянутых героев, без учета ответов «не знаю» и «нет таких»)

	По кол-ву уникальных героев	По кол-ву упоминаний
Герои мужского пола	189 (74%)	606 (81%)
Герои женского пола	30 (12%)	75 (10%)
Другое	35 (14%)	70 (9%)

Обращает на себя внимание заметное преобладание в списке политиков. Наши респонденты выделяют в качестве таковых как провластных персонажей (В.В. Путин, В.В. Жириновский, С.В. Лавров), так и оппозиционных (А.А. Навальный, Б.Е. Немцов). Отметим также, что популярность В.В. Жириновского спустя полгода после

его смерти – свидетельство мощного медийного потенциала его образа, что возможно использовать при обновлении партийной стратегии и выработке новых подходов в позиционировании лидера партии. Появление родителей (ответы «моя мама», «мой папа») в рейтинге героев отражает сохранение ориентиров на семейное содружество, поддержание авторитета старших в сознании респондентов и в целом демонстрирует сохранение статуса семьи как важного центра социализации. Нельзя не отметить и роль классической литературы – попадание в список наиболее популярных ответов Г.А. Печорина (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») говорит о том, что школьный курс не просто прилично освоен в части классики, но задает основные параметры идентификации молодежи.

Заключение

Итак, российская молодежь предпочитает смотреть кино и сериалы, слушать музыку и серфить в Интернете. Несмотря на то что количество предпочитающих чтение и тех, для кого оно наименее интересный вариант времяпрепровождения, примерно одинаково, общее отношение к чтению пока остается под вопросом. Требуется отдельного рассмотрения вопрос о том, что именно сейчас читают молодые люди, в каком объеме, форме и т.п. Прояснение этого важного вопроса позволит уточнить то, как происходит «трансфер» героев из книг на киноэкран и в сериалы, имеющиеся возможности активного влияния на процесс формирования ценностных, эстетических предпочтений и становления гражданской идентичности молодых россиян.

В общем объеме кинопродукции молодежь выделяет и предпочитает зарубежные фильмы, но при этом заметную роль играет и отечественное кино. Отметим также, что в круг наиболее популярных киногероев и фильмов входят картины из «советского» канона, в том числе советские фильмы о Великой Отечественной войне, экранизированная литературная классика и советские комедии. Можно констатировать, что герои советского кино могут быть вполне релевантны для развития социальных навыков и личностных качеств молодежи: они дают возможность формировать культурную и гражданскую идентичность в современном социуме. Интересно, что наши респонденты знакомы и с

современным отечественным кино, выделяют некоторых ярких персонажей, созданных российскими кинематографистами в последние два десятилетия. Отдельно необходимо подчеркнуть успешное развитие современной российской анимации – ряд ярких образов нашел поддержку зрительской аудитории, например образы русских богатырей (Илья Муромец, Добрыня Никитич).

При сопряжении героического дискурса в сфере массовой культуры с имеющейся социальной реальностью молодые респонденты охотно отмечают в качестве героев времени прежде всего российских политиков. Среди них можно отметить и провластных, и оппозиционных деятелей, что в целом указывает на весьма значимое место политической сферы в формировании предпочтений молодежи. Возможно, что на полученные результаты оказало влияние первое полугодие специальной военной операции, политизация многих каналов получения молодежью социально значимой информации. Прямым отражением этого являются ответы на открытые вопросы, в которых в качестве героев указываются российские военные, защитники Донбасса, участники СВО, добровольцы. Среди конкретных образов, предложенных респондентами, преобладают молодые мужчины с военным или парамилитарным опытом (Д. Багров, О. Штирлиц, А. Соколов, Г. Жеглов) либо былинные персонажи защитников Отечества (Илья Муромец и Добрыня Никитич). При этом в оценках западной кинопродукции такие образы также лидируют, но они преимущественно связаны с людьми со сверхспособностями или персонажами комиксов (Человек-паук, Железный человек, Гарри Поттер, Бэтмен, Капитан Америка). В целом это можно оценить как доминирующую установку: герой – это тот, кто обладает сверхкачествами, защитник и блюститель справедливости, человек, который может служить примером. Отдельным сложным вопросом является определение того, как разнообразное предложение на рынке развлекательного контента, в сфере массовой культуры трансформируется в выбор конкретных моделей поведения, социальные предпочтения современной молодежи.

I.I. Kuznetsov, E.V. Kulikova, I.V. Petrova*
**The space of heroes in the minds of Russian youth:
variety of offers and unclear preferences¹**

Abstract. The images of heroes in the minds of Russian youth are largely represented on the basis of products of mass culture (movies, books, music, computer games, etc.) perception. The article represents the results of a study, on the basis of which it is possible to reconstruct this space of heroes and correlate it with ideas about the real socio-political process. The conclusion is made about the predominance of movies and TV series as a type of leisure practice for young people. The choice of foreign films is made more often than domestic ones. Moreover, Soviet and some Russian movies produce more vivid images marked by young people than foreign ones. Russian youth uses the «hero of time» category, and with its help evaluates not only the layer of mass culture, but also the modern political process, highlighting its key figures. In this sense figures of Russian politicians from both the power and opposition spectrum come to the fore. Many respondents consider their parents to be heroes.

Opinion leaders that work in social networks (bloggers, well-known media people) are considered to be the main factors that determine the preferences of young people in choosing certain works of mass culture. Their assessments appear to be more significant in comparison with the position of parents, teachers and special literature.

Keywords: heroes of time; images of heroes; mass culture; youth; socialization of youth; cultural artifacts.

For citation: Kuznetsov I.I., Kulikova E.V., Petrova I.V. The space of heroes in the minds of Russian youth: variety of offers and unclear preferences. Political science (RU). 2023, N 2, P. 179–202. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.08>

References

- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Youth of Russia: to the results of many years of research: monograph*. Moscow: FNRSC RAS, 2020, 688 p. (In Russ.)
Omelchenko E.L. (ed.). *Youth in the city: cultures, scenes and solidarity: a collection. monograph*. Moscow: Higher School of Economics, 2020, 502 p. (In Russ.)

* **Kuznetsov Igor Ivanovich**, Doctor of Sciences in Political Science, INION; Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: politbum@yandex.ru ; **Kulikova Elizaveta Vladimirovna**, INION RAS; Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: kulikoveta@bk.ru ; **Petrova Iuliia Vladimirovna**, INION; Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: iuliiapeetrova@gmail.com

¹ Project No. 1022062000240–7 was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences following the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

- Pishchalnikova V.A. Functional illiteracy as a consequence of a language sign's loss of its dominant function in digital information environment. *Proceedings of Voronezh state university. Series: linguistics and intercultural communication*. 2021, N 2, P. 36–45. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3413> (In Russ.)
- Radaev V.V. *Millennials. How Russian society is changing*. Moscow: HSE Publishing House, 2019, 224 p. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Alexandrova O.A., Bulanova M.B., Velikaya N.M., Deich B.A., Denisova G.S., Demidenko S.Y., Zinurova R.I., Karpova A.Y., Lyubutov A.S., Raidugin D.S., Romanovich N.A., Rostovskaya T.K., Savelyev A.O., Seliverstova N.A., Tuzikov A.R., Chankova E.V., Chuprov V.I., Shapovalova I.S. *Self-regulation in the youth environment: typology and modeling: monograph*. Belgorod: Epicenter, 2022, 360 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: к итогам многолетних исследований: [монография]. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.
- Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности: коллект. моногр. / сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 502 с.
- Пицальникова В.А. Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 36–45. – DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3413>
- Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование: монография / Ю.А. Зубок, О.А. Александрова, М.Б. Буланова [и др.]; под общ. ред. Ю.А. Зубок; ФНИСЦ РАН. – Белгород: Эпицентр, 2022. – 360 с.
- Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. – 224 с.

КОНТЕКСТ

М.В. ВИЛИСОВ *

«ФАБРИКИ МЫСЛИ» ИЛИ «КУЗНИЦЫ ИДЕЙ»? ЦЕННОСТНАЯ ПОВЕСТКА АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ СТРАН ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ¹

Аннотация. В пяти странах ЕАЭС насчитывается более двухсот аналитических центров, сформировавших на протяжении постсоветской истории определенную практику участия в общественно-политической жизни соответствующих стран. Эта практика пока недостаточно изучена в прикладном плане, в части ее реального влияния на формирование политического курса и принятие политических решений. В статье предлагается использовать имеющиеся теоретические наработки относительно деятельности аналитических центров, их результатов («идей»), принципов взаимодействия между собой, а также с государственными и общественными институтами («режимы знаний», «модель стабильности и устойчивости государственных систем») для формирования теоретической рамки оценки их роли и функций в общественно-политических процессах. В результате

*** Вилисов Максим Владимирович**, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований, МГИМО (У) МИД (Москва, Россия); e-mail: vilisov@centero.ru

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта (государственный номер 122101100044–6), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.09

сформировано представление об аналитических центрах как производителях «идей», а также о типах идей и форматах их влияния на общественно-политические процессы, о функциях аналитических центров в контексте обеспечения стабильности и устойчивости государственных систем, обеспечения общественного согласия, а также доверия государственным и общественным институтам. Разработанный подход апробирован в рамках исследования публичной активности аналитических центров ЕАЭС в 2022 г. с использованием количественных и качественных методов. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования деятельности аналитических центров как на макроуровне (уровень государственной политики), так и на микроуровне (уровень конкретной организации).

Ключевые слова: аналитический центр; ЕАЭС; идея; режим знаний; модель стабильности и устойчивости государственных систем.

Для цитирования: Вилисов М.В. «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 203–233. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.09>

Введение

Аналитические центры (мозговые центры, фабрики мысли, *think tanks*, далее – АЦ) возникли и формировались в рамках технократических и рационалистических подходов к функционированию политико-административной сферы, выполняя задачи интеллектуальной поддержки процессов формирования и реализации публичной политики, политических и административно-управленческих решений, представительства и согласования интересов, формирования «обратной связи» в механизме политико-административного управления. Совокупность описанных функций позволяла аналитическим центрам занимать уникальную нишу «неполитических» участников политических процессов, обеспечивающих рациональность, научную обоснованность и политическую сбалансированность принимаемых решений, что в конечном итоге повышало результативность и эффективность политики и управления, способствовало росту доверия к государственным институтам. Подобная культура сформировалась изначально в западных странах и после завершения холодной войны начала активно распространяться по всему миру. Аналитические центры стали превращаться в важный общественно-политический институт, необходимый элемент функционирования гражданского общества

[Abelson, 2018; McGann, Weaver, 2000; Rich, 2004; McGann, Johnson, 2005], «пятую власть», по оценке Дж. МакГанна [McGann, 2016]. Это обусловило исследовательский интерес к ним, а также создало спрос на публичную оценку их деятельности – что весьма характерно для открытой и конкурентной модели их функционирования, предполагавшей в том числе активные дискуссии как с коллегами, так и с политическими акторами [Weidenbaum, 2010].

В России и странах ЕАЭС аналитические центры начали формироваться после распада СССР (при этом академические структуры, консультировавшие политическое руководство СССР в закрытом режиме по вопросам внешней политики [Ефременко, 2017] никуда не исчезли) и стали значимым элементом общественно-государственной инфраструктуры достижения общественного согласия и выработки публичной политики на разных уровнях [Римский, Сунгуров, 2002; Сунгуров, Распопов, Беляева, 2012; Зайцев, 2009], формируя соответствующий общественный институт. В России развитие этого института имело свою специфику, которая хорошо отражается при помощи моделей «оплаченного результата», «линейно-автономной» модели и модели «действенных оснований» [Сунгуров, 2015]. Указанные модели отражают проблемы «объективности» и «идеологической нейтральности» экспертного знания и его использования в политике и раскрывают выполнение аналитическими центрами таких функций, как легитимация власти, представительство интересов и внесение инновационных идей в повестку, что коррелирует с задачами обеспечения стабильности и устойчивости государственных систем через формирование «политической веры», достижение «общественного блага» и стимулирования «кооперативности» и «гражданственности» [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020]. Развитие этих компонентов стабильности и устойчивости государственных систем является актуальной задачей для постсоветских стран [Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020].

Под влиянием глобализации институт аналитических центров неизбежно интернационализировался: как за счет копирования практики работы западных аналитических центров в других странах (в том числе и за счет целенаправленного финансирования со стороны государственных и негосударственных структур западного происхождения), так и за счет открытия филиалов и представительств аналитических центров западных стран на территории других государств, а

также участия АЦ, функционирующих в формате негосударственных организаций (НГО), в транснациональных сетях неформального управления [Westerwinter, Abbot, Biersteker, 2021].

В результате росла степень общественно-политического влияния АЦ; при этом доминирование западных аналитических центров было очевидным¹. Составление и ведение глобального рейтинга АЦ под руководством Дж. МакГанна в Пенсильванском университете (США) также стало одним из инструментов роста влияния аналитических центров в целом и западных в частности – они становились образцами для подражания, подчас недостижимыми для аналитических центров других стран.

Так, в списке первых 100 аналитических центров рейтинга МакГанна² представлено 16 центров из США, 44 из западных стран и 40 из незападных стран (включая два центра из России, один из которых – российский филиал Фонда Карнеги). При этом в списке первых 20 аналитических центров представлено восемь центров из США, восемь – из западных стран и четыре – из незападных (России там нет)³. Доминирование аналитических центров из США и западных стран стало очевидным, при этом некоторые из них приобрели глобальный характер и создавали свои представительства в других странах: филиалы Брукингского института представлены в Китае, Индии, Катаре; филиалы Фонда Карнеги представлены в Китае, Индии, России⁴, Бельгии, Ливане.

Постепенно трансформировалась и роль самих аналитических центров. Из политически и идеологически нейтральных они стали превращаться в идеологически ангажированные – как в самих США [Drezner, 2017], так и за их пределами, в том числе и в России [Малинова, 2013; Ефременко, 2014]. В период действия «политического тандема» в России (период президентства Д.А. Медведева) идейное и идеологическое пространство страны стало в значительной степени конкурентным именно благодаря деятельности аналитических центров, которые специально создавались и развивались для осуществления этих функций, на фоне

¹ McGann J.G. Global go to think tanks index report // TTCSP index reports. – 2020. – Mode of access: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (accessed: 16.06.22).

² Там же.

³ Там же.

⁴ В соответствии с решением Минюста РФ от 08.04.2022 функционирование Московского центра Карнеги было прекращено.

малоактивных в этой сфере политических партий, и в целом воздействовали позитивно на общественно-политические процессы [Малинова, 2013]. В дальнейшем функции аналитических центров опять трансформировались, однако эти трансформации уже в меньшей степени находились в центре внимания исследователей.

В отличие от западных стран и постсоветской России, где АЦ создавались изначально преимущественно в негосударственной сфере, Китай шел по пути государственного строительства аналитических структур (преимущественно в рамках системы Академии наук и университетов), но на определенном этапе (2014–2015 гг.) пришел к пониманию необходимости совершенствования этой модели [Комиссина, 2017; Маслов, 2021], системного изучения и оценки деятельности для развития аналитических центров и обеспечения их влияния и конкуренции, в том числе – на глобальном уровне, в контексте развития китайской «мягкой силы» [Комиссина, 2017; Маслов, 2021]. Образцом для подражания, как и основными потенциальными конкурентами, здесь опять были выбраны аналитические центры США. Для управления процессом трансформации китайских АЦ в сторону большей публичности и влияния была сформирована соответствующая государственная программа, а также разработана собственная система показателей их оценки и даже создана специальная структура: Центр оценки и изучения китайских аналитических центров, который стал выпускать рейтинги исследовательских организаций [Комиссина 2017, С. 78–79]. Особое внимание было уделено стимулированию создания частных АЦ, результаты исследований которых могут не совпадать с официальной позицией [Комиссина, 2017, с. 77].

Китайский опыт в контексте данного исследования очень важен, так как он представляет собой, во-первых, попытку управляемой трансформации государственной системы аналитических структур (изначально скопированной с советской, в которой преимущественная роль отводилась академическим институтам), а во-вторых – стимулирование государством развития частных АЦ и «глобализации» всей системы АЦ для выхода на международный уровень.

Страны ЕАЭС, унаследовавшие советскую академическую систему, никаких системных преобразований экспертно-аналитического сектора не производили, он развивался во многом стихийно и в разных сферах: академическая сфера существовала отдельно, сфера НГО развивалась в основном при зарубежной финан-

совой поддержке, на определенном этапе аналитические структуры стали формироваться государством и возникать в университетах. Системная оценка деятельности национальных АЦ не ведется ни в одной стране ЕАЭС, для этого в лучшем случае используются международные рейтинги, на которые сами АЦ достаточно часто ссылаются для подтверждения собственного авторитета.

Таким образом, если рассматривать условно «американскую» и «китайскую» модели развития АЦ как два полюса, то страны ЕАЭС демонстрируют смешанную модель, что будет важно учитывать при дальнейших исследованиях.

Целью настоящей статьи является изучение ценностной повестки аналитических центров стран ЕАЭС в современный период и попытка осмысления их актуальной роли в механизмах формирования государственной политики, общественно-политического дискурса и в целом – в общественно-политических процессах соответствующих стран. На основе анализа коммуникационной политики соответствующих аналитических центров делается попытка описания их влияния на стабильность и устойчивость соответствующих государственных систем. Подобное комплексное рассмотрение роли аналитических центров является как нельзя более актуальным и в сравнительно-страновой перспективе. Активное развитие аналитических центров по всему миру, наблюдавшееся за последние несколько десятилетий, привело к формированию, накоплению и осмыслению практики их функционирования, а также к формированию национальных моделей их развития, среди которых особняком стоит описанная выше китайская модель. Это создает концептуальные альтернативы для государств ЕАЭС в части развития аналитических структур.

Статья структурирована следующим образом. В первой части представлен обзор основных теоретических моделей, применимых к исследованию аналитических центров в странах ЕАЭС, в том числе в контексте стабильности и устойчивости государственных систем, доверия общественным и государственным институтам, общественного согласия. Во второй части приводится обзор аналитических центров стран ЕАЭС и динамика их развития за последние несколько лет. В третьей части представлены обзор и анализ публикаций аналитических центров стран ЕАЭС за 2022 г. и основные выводы об их ценностной повестке. В заключение делаются выводы по результатам исследования и предложения по внедрению их результатов на практике.

Теоретическая рамка исследования аналитических центров

Доминирующая в западной политической науке логика понимания аналитических центров и оценки их роли в общественно-политических процессах хорошо выражается в определении АЦ, данном МакГанном для целей составления глобального рейтинга: «Аналитические центры – это исследовательские организации, вовлеченные в процесс публичной политики и производящие прикладные исследования, анализ и консультирование по внутренним и международным вопросам, которые позволяют общественности и ЛПР¹ принимать обоснованные политические решения. АЦ могут быть независимыми или быть аффилированными с какими-то структурами, но при этом они действуют на постоянной основе, в отличие от комиссий и рабочих групп, создаваемых для решения конкретной проблемы. Эти структуры часто функционируют в качестве “моста” между академическим и политическим сообществами, а также между государством и гражданским обществом, действуют в интересах общества как независимый переводчик фундаментальных и прикладных исследований на язык, который понятен, доступен и заслуживает доверия ЛПР и общественности» [McGann, 2016].

Указанное определение в целом достаточно точно характеризует роль и место АЦ в общественно-политических процессах, а также их основные функции, поэтому и было взято за основу при проведении настоящего исследования с определенными изменениями, основанными на полученных в ходе исследования результатах. Оно также было в свое время положено в основу методики оценки деятельности АЦ, разработанной МакГанном и применявшейся для составления глобального рейтинга АЦ².

Эта методика предполагает оценку АЦ по четырем группам показателей:

- **ресурсы** (материальные и нематериальные, прежде всего – контакты и профессиональные связи);
- **востребованность** (со стороны общественности, политических кругов, СМИ);

¹ Лица, принимающие решения.

² McGann J.G. Global go to think tanks index report // TTCSP index reports. – 2020. – Mode of access: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (accessed: 16.06.22).

– **результаты** (количество и качество выпускаемой интеллектуальной продукции в виде книг, статей, отчетов, интервью и комментариев);

– **воздействие** (внедрение интеллектуальных результатов в практику, степень их влияния на принятие решений и на общественное мнение) [McGann, 2022, p. 41–42].

Оценка является результатом международного экспертного опроса, основанного на качественных показателях.

Вполне стройная с точки зрения здравого смысла, эта система показателей тем не менее имеет существенные недостатки как с теоретической, так и с практической точки зрения. Основная их суть сводится к тому, что «измерить (политическое) влияние невозможно», особенно при помощи каких-то количественных показателей [Weidenbaum, 2010]. Исследователями отмечается, что в американском «политическом процессе само чувство “интеллектуальной конкуренции” намного важнее воздействия того или иного АЦ, а доступность экспертов из аналитических центров для общественности, прессы и политиков для получения неангажированного мнения намного важнее продуктов, выпускаемых аналитическими структурами» [Weidenbaum, 2010]. Такие утверждения подчеркивают не только отдельные национальные политические особенности (речь о них пойдет ниже), но и специфику политических процессов как таковых, где неформальное взаимодействие (в том числе между экспертами и политиками) также играет важную роль и не может быть легко описано какими-то конкретными показателями.

Различия в принципах построения и функционирования политических и государственных систем также имеют значение. Очевидно, что ситуация «интеллектуальной конкуренции» преимущественно негосударственных АЦ в США вряд ли может быть воспроизведена в Китае или в России. В китайском случае государство регулирует даже название этих структур, которое в свое время рекомендовано было поменять на китайском языке с «фабрик мысли» на «кузницы идей» в связи с запланированной трансформацией роли АЦ в современном Китае [Комиссина, 2017].

Идеи как результаты деятельности аналитических центров

В научном плане концепция о том, что «идеи» являются основным результатом деятельности АЦ, уже достаточно хорошо разработана [Ruser, 2018]. Она базируется на предположениях о том, что «идеи» как совокупность научных представлений, норм и ценностей (как формальных, так и неформальных, в том числе традиций, ритуалов и привычек) способны оказывать самостоятельное влияние на политику, как и интересы, формируя ментальные (идеологические, ценностные) ограничения для выработки политического курса и конкретных политических решений, причем часто не осознаваемые политическими акторами, в том числе ЛПР [Campbell, 1998; Малинова, 2009; Малинова, 2010]. Исследователи выделяют «нормативные» и «когнитивные» идеи [Малинова, 2009], отмечают, что благодаря идеям дискурс становится частью политики [Малинова, 2009], а сами идеи приобретают власть [Carstensen, Vivien, Schmidt, 2016]. Однако при этом отмечается, что идеи могут существовать и в «распыленных» формах коллективно разделяемых представлений и норм, когнитивных моделей и ценностных ориентаций, которые кажутся очевидными [Малинова, 2009].

В результате зарубежными исследователями была сформулирована следующая типология идей [Campbell, 1998]:

- **программы** (как предписания со стороны политической элиты для ЛПР в целях формирования политического курса);
- **рамки** (как символы и концепты, позволяющие легитимировать политические решения перед общественностью);
- **парадигмы** (как предположения элиты о возможных и доступных для использования решениях);
- **общественные настроения** (как предположения общественности о легитимных вариантах решений, доступных для ЛПР).

Существуют отдельные исследования, посвященные изучению политических парадигм, которые рассматриваются как «совокупность идей и стандартов, которые определяют не только цели политического курса и типы инструментов по их достижению, но и саму природу проблем, на которые они должны быть обращены» [Hall, 1993]. При таком подходе «идеи» оказываются внутри «политической парадигмы», однако именно они ее формируют. Концепция политической парадигмы успешно используется для оцен-

ки процессов формирования политического курса, в том числе роли экспертов в этом процессе [Khmel'nitskaya, 2021]. Таким образом, концепт идей как продуктов деятельности АЦ может быть весьма полезным для оценки результатов их деятельности, их воздействия и влияния.

Применив концепт идей к деятельности АЦ, получаем следующее рабочее определение аналитического центра: ***аналитический центр** – самостоятельная организация или структурное подразделение (чаще всего – университета или академического института), занимающаяся прикладным анализом и разработками в сфере политики, публичной власти и управления с целью трансформации научного знания в идеи, влияющие на процесс выработки политики и принятие политических решений.* Идеи при таком подходе становятся планируемым результатом деятельности АЦ, который благодаря использованию типологии идей становится легче проследить в политическом процессе. Само понятие идеи предполагается сформулировать следующим образом: ***идея** – представления о социальной и политической сфере, основанные на результатах научной деятельности, практическом опыте, социальных нормах и практиках, ценностных установках и верованиях, формирующие ожидания, предположения и / или предписания по реализации политического курса и / или его легитимации.*

Определение АЦ как производителей идей (весьма близкое китайскому «кузница идей») позволяет не только уточнить их функции, но и более четко разграничить их деятельность с другими структурами. Так, например, в исследованиях зарубежных ученых встречалось определение основной функции АЦ как быть «проводниками правды» [Ruser, 2018], т.е. производителями научного, верифицированного знания. Эта «правильная» функция противопоставляется «неправильной функции» АЦ как «проповедника» – производителя идей, основанных на идеологически обусловленной картине мира [Drezner, 2017]. Так как в обоих случаях речь идет о производстве идей, то появляется возможность для их разграничения еще по одному признаку, важному для идентификации АЦ: в одном случае в идее научное знание (объективное и верифицированное) выступает в качестве главной ценности («знание как ценность»), в противоположном случае определенная ценность превращается в идею («ценность как идея»).

Изначальная роль АЦ, отраженная в определении МакГанна, заключалась в производстве идей на основе принципа «знание как ценность». Однако исследователи отмечают, что АЦ все чаще производят идеи на основе принципа «ценность как идея», что является производством идеологии [Drezner, 2017]. Фактически речь идет о разделении АЦ на «производителей идей, основанных на научном знании» и на «производителей идей, основанных на идеологии».

В деятельности последних нет ничего плохого (в России, например, таковых явно не хватает, что плохо для состояния «рынка идей») до тех пор, пока они не пытаются претендовать на то, что они относятся к другой категории, что приводит к засилью пропаганды, ложных новостей и политической поляризации. Собственно, в этой подмене и кроется суть многих проблем в политике в отношении самих АЦ. Производя идеи и эффективно распространяя их, они усиливают свою «идейную власть» – возможность влиять на мышление и поведение других субъектов посредством идей, в том числе обеспечивая за собой доминирование в части возможности формирования новых и интерпретации существующих идей [Carstensen, Vivien, Schmidt, 2016]. Если при этом они подменяют «знание» «идеологией» и начинают активно влиять на политику, это приводит к возникновению политической напряженности, особенно если АЦ пытаются осуществлять трансграничное идеологическое воздействие на «пространство идей» в другой стране – так возникают концепции государственного регулирования «иностранных агентов».

Само «пространство идей» в рамках той или иной политики также заслуживает внимания. При описании такого пространства в США чаще всего используется метафора «рынка идей» [Drezner, 2017], что логично укладывается в упомянутый выше концепт «интеллектуальной конкуренции». Однако, как показывают исследования, такое положение вещей вряд ли может быть признано универсальным даже для западных демократий. В зависимости от типа государственной системы (закрытая централизованная или открытая децентрализованная) и типа экономики (полностью рыночная или рыночная регулируемая) возможно выделение четырех типов «режима знаний» [Ruser, 2018, Campbell, 2011] (табл. 1).

Таблица 1

Типология режимов знаний

Тип государственной системы / тип экономики	Либеральная рыночная	Регулируемая рыночная
Децентрализованная открытая	Рыночно ориентированный режим: большой исследовательский сектор, имеющий преимущественно частное финансирование; доминируют академический и «адвокатский» (представительский) секторы аналитических центров; крайне состязательный, пристрастный и конкурентный процесс производства знаний	Режим, ориентированный на консенсус: маленький, финансируемый из государственных источников исследовательский сектор; академические, партийные и государственные аналитические структуры в равных пропорциях; консенсусный, преимущественно политически и идеологически нейтральный процесс производства знания
Централизованная закрытая	Политически сдержанный режим: небольшой исследовательский сектор, финансируемый из государственных и частных источников; академические, частные и государственные аналитические структуры примерно в равных пропорциях; сдержанно состязательный, пристрастный и конкурентный процесс производства знаний	Государственный технократический режим: большой, финансируемый из государственных источников исследовательский сектор; академические и государственные академические структуры доминируют; технократичный и беспристрастный процесс производства знаний

Как видно, в зависимости от «режима знаний» политические акторы и общество могут быть не готовы к активной деятельности зарубежных АЦ (или АЦ с зарубежным участием), особенно если последние ориентированы на конкуренцию или даже конфронтацию идей – это просто может вызвать культурное несоответствие. Использование типологии «режимов знаний» является очень продуктивным для исследования западных политий, в том числе государственных систем стран ЕАЭС.

Специфика государственных систем, в том числе стран ЕАЭС, описывается также моделью стабильности и устойчивости государственных систем (МСУГС) [Вилисов, Телин, Филимонов, 2020; Якунин, Кузнецов, Вилисов, 2020]. Она содержит четыре основных параметра (см. табл. 2), в рамках которых возможно сформулировать функции АЦ, позитивно на них влияющие и фак-

тически интегрированные в соответствующие параметры (КИ, КД и ФИ соответственно). Выполнение этих функций также требует производства различного рода идей: в рамках ФД они будут направлены в сторону общественности для легитимации политического курса, в рамках КД они будут направлены в сторону государственной системы для обеспечения научно-обоснованной критики, в рамках ФИ они могут иметь более репрезентативный и даже идеологический характер, а в рамках КИ важно будет умение модерировать процесс обмена идеями для выработки общих (консолидирующих и консенсусных).

Таблица 2

**Функции АЦ в рамках модели стабильности
и устойчивости государственных систем**

Устойчивость государственной системы	Функционально- деспотический параметр (ФД) Функция: объяснение политического курса правительства	Функционально- инфраструктурный параметр (ФИ) Функция: представительство интересов различных социальных групп
Стабильность государственной системы	Консолидационно- деспотический параметр (КД) Функция: конструктивная критика	Консолидационно- инфраструктурный параметр (КИ) Функция: организация дискуссии и диалога

В свете описанных подходов совсем другое значение приобретают некоторые теоретические модели, разработанные ранее. Так, например, модель «оплаченного результата» вполне укладывается в функцию «объяснение политического курса», когда АЦ объясняют широкой общественности, определенной части политической элиты и бюрократии отдельные положения политического курса, формулируя определенные типы идей: «рамки» и «парадигмы» (см. выше).

На основе рассмотренной теоретической базы представляется возможным сформировать инструментарий оценки АЦ для определения их роли в формировании общественного согласия и обеспечения доверия государственным и общественным институтам. Такая оценка может производиться как на макроуровне (на уровне соответствующей государственной системы), так и на микроуровне (на уровне соответствующего АЦ).

Для оценки на макроуровне подойдет концепт «режима знаний», в то время как для оценки на микроуровне подойдет МСУГС

через оценку типа и содержания «идей», производимых АЦ. Применение соответствующих теоретических моделей будет основываться на количественных и качественных данных о публичной деятельности АЦ за определенный период.

Общая характеристика аналитических центров стран ЕАЭС

В ходе двухгодичного анализа и мониторинга деятельности аналитических центров стран ЕАЭС удалось сформировать в 2021 г. [Атлас ... , 2021] и актуализировать в 2022 г. [Атлас ... , 2022] перечни аналитических центров стран ЕАЭС (см. табл. 3).

Таблица 3

Основные количественные характеристики АЦ стран ЕАЭС

Страна	Всего		Распределение по категориям (2022)			
	2022	2021	Академический	Государственный	НГО	Университетский
Армения	32	31	3	1	24	4
Беларусь	5	38	1	1	3	1
Казахстан	28	35	2	9	17	2
Кыргызстан	24	9	0	3	19	2
Россия	116	100	23	12	59	22

Как видно из таблицы, в некоторых случаях происходили существенные изменения в численности АЦ от года к году, что обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, были выявлены фактически недействующие организации: отсутствие публикаций на сайте и в соцсетях за исследуемый период, отсутствие упоминаний в СМИ, отсутствие обратной связи на запрос анкеты об организации.

Во-вторых, некоторые организации были закрыты по решению государственных органов.

В-третьих, анализ деятельности некоторых организаций показал ошибочность их отнесения к АЦ – по характеру своей деятельности они выполняли функции СМИ, пропагандирующих определенную идеологию, чаще всего – ориентированных на деструктивную критику действующих политических режимов. Наиболее показательным здесь является пример Республики Беларусь: часть из аналитических структур фактически не работают (17 организаций не публиковали обновления в течение 2021–2022 гг.) или ликвидированы по решению государ-

ственных органов (четыре организации), часть из них функционируют за пределами страны (11) и занимаются чисто пропагандистской деятельностью.

Сопоставление полученных результатов с международными перечнями АЦ¹ показало, что полученные списки являются наиболее актуальными и достоверными.

В российском случае была проведена специальная дополнительная работа по поиску и включению в список региональных АЦ. К сожалению, нельзя утверждать, что список в этой части является исчерпывающим – многие региональные АЦ достаточно слабо представлены в публичном пространстве, что затрудняет их самостоятельный поиск, однако опросы экспертов указывают на их наличие, что позволяет продолжать соответствующую работу.

Уточнение перечня АЦ стран ЕАЭС позволило более подробно определить специфику функционирования и динамику развития аналитических структур в рассматриваемых странах. Эти особенности были изложены в ряде публикаций участников исследовательского проекта [Атоян, 2021; Кудаяров, 2022 а; Кудаяров, 2022 б; Кудаяров, 2022 в].

В ходе проведения обзора были выявлены следующие проблемы: отсутствие четких методологических критериев для отнесения той или иной организации к АЦ – авторы публицистических статей по этой тематике, а также публичных электронных ресурсов, как правило, достаточно вольно подходят к включению тех или иных организаций в перечни АЦ (Белоруссия, Казахстан), в результате в них могут оказываться также консалтинговые структуры или неформальные интеллектуальные объединения (клубы). Это ставит задачу выработки более четких критериев определения АЦ, при условии понимания разнообразия организационно-правовых форм их деятельности. Отдельной задачей является организация постоянного мониторинга и оценивания их деятельности, так как некоторые структуры ведут свою деятельность достаточно неровно (особенно это касается НГО, в страновом разрезе это в большей степени относится к Киргизии).

¹См: Open think tank directory. – Mode of access: <https://onthinktanks.org/open-think-tank-directory/> (accessed: 05.03.2023).

Анализ публикационной активности АЦ стран ЕАЭС

Количественные характеристики

Основным количественным параметром оценки деятельности АЦ стало количество упоминаний в СМИ, подсчитанное при помощи системы мониторинга СМИ и соцсетей «Медialogия». Все результаты обезличены, никакие названия АЦ в отчете не фигурируют, чтобы не создавать ситуации оценивания какого-то конкретного АЦ. В табл. 4 представлены некоторые сводные аналитические данные.

Таблица 4

Количественные показатели упоминаний АЦ в СМИ (январь – ноябрь 2022 г., по материалам «Медialogии»)

Количество публикаций	Страна				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Максимальное	517	471	738	112	5000
Минимальное	0	2	0	0	0
Медианное	2,5	30	28,5	8	65

Результаты количественных замеров вызвали значительное количество вопросов.

Во-первых, многое зависит от технических параметров поиска. Например, единственным казахстанским АЦ, о котором было 0 упоминаний в СМИ, оказался один из ведущих государственных АЦ. Как показали результаты ручного поиска, это не так. Ситуация объясняется техническими параметрами поиска в Медialogии – поисковый профиль этой организации в ней не создан, а поиск по названию дает большое количество нерелевантной информации. Таким образом, система требует специальной настройки для целей мониторинга деятельности АЦ.

Во-вторых, распределение упоминаний слишком неоднородно. Часть организаций не имели упоминаний в СМИ: по Армении – 8 (среди них 3 НГО и 5 академических АЦ), по Казахстану – 1 (государственный АЦ), по Кыргызстану – 6 (все – НГО, два из них – с иностранным участием), по России – 6 (3 НГО, 1 государственный и 1 академический).

Это может быть связано как с техническими настройками поиска, которые были указаны выше, так и с другой спецификой. Например – деятельность некоторых АЦ может быть более востребованной на региональном и даже местном уровне, что отражается в соответствующих СМИ, которые не входят в базу мониторинга Медиалогии. В то же время это может означать отсутствие активности соответствующих АЦ или их недостаточную активность. Организации, которые регулярно и активно цитируются СМИ (в среднем более 2–3 упоминаний в неделю), составляют соответственно 9%, 20, 14, 4, 42% для Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, России. Конечно, здесь могут быть поправки на язык (АЦ Армении публикуют свою информацию на русском, армянском и английском языках, Медиалогия же искала только на русском), но это может означать и низкую публичную активность соответствующих АЦ, что не исключает их высокой неформальной активности (работа по заказам со стороны государственных структур, например). Для выяснения подробностей нужно вести постоянный мониторинг и анализ их деятельности, что требует соответствующих ресурсов (технических и людских). Результаты такого анализа, проведенного по Белоруссии, позволили сократить список АЦ этой страны с 38 в 2021 г. до шести в 2022 г. по разным основаниям (см. выше).

В дополнение к анализу активности в СМИ был проведен выборочный анализ активности АЦ на сайтах и в соцсетях (табл. 5).

Как видно, здесь также установлены организации, которые не имели соответствующей активности, что ставит вопрос об отсутствии фактической деятельности, хотя некоторые из них могут заниматься тем, что производят продукцию по заказам и не делают соответствующих публикаций. Удивительным является большое количество российских АЦ, не отразивших информации о проводимых ими мероприятиях (в общей сложности более половины). Причем они не заявили ни об очных, ни об онлайн-мероприятиях.

В целом по результатам количественного анализа можно сделать выводы о недостаточной активности АЦ исследуемых стран, а также о необходимости совершенствования и автоматизации механизмов мониторинга, которые являются достаточно трудоемкими.

Таблица 5

**Результаты выборочного анализа активности АЦ
некоторых стран на сайтах и в соцсетях**

Тип показателя по АЦ определенной страны	Количество публикаций на сайте и в соцсетях	Количество докладов, опубликованных на сайте и в соцсетях	Количество проведенных мероприятий, отраженных на сайтах и в соцсетях
Беларусь			
Макс.	330	27	232
Мин.	4	2	0
Мед.	51	2	7
Казахстан			
Макс.	260	5	60
Мин.	0	0	0
Мед.	2	0	5
Киргизия			
Макс.	107	0	34
Мин.	0	0	0
Мед.	1	0	4
Россия			
Макс.	898	54	48
Мин.	0	0	0
Мед.	2,5	0	0

Качественные параметры

Оценки по качественным параметрам производились для получения представления о типах идей, которые производятся аналитическими центрами, а также о выполняемых функциях в рамках МСУГС. Для оценки были выбраны наиболее активные (по количественным показателям, описанным выше) АЦ каждого типа из каждой страны. Сводные результаты представлены в приложении.

В ходе качественного анализа получены следующие результаты. Рассмотренные АЦ довольно активно комментируют актуальную политику в СМИ, основной производимый тип идей: «рамки» и «парадигма». НГО могут презентовать идеи типа «общественные настроения». Тональность распространяемых идей консенсусная во внутривнутриполитическом измерении, во внешнеполитическом она может быть конкурентная и даже конфронтационная, как правило – по линии основных актуальных международных конфликтов. С точки зрения МСУГС большинство АЦ независимо от их типа выполняют функции «объяснение политического курса» и «организация дискуссии и диалога», в редких случаях – «конструктивная критика» (чаще всего – НГО).

Оценки на макроуровне

Скорее всего, все рассмотренные национальные системы АЦ ориентируются на консенсусный тип «режима знаний». Однако для консенсусного режима в них не хватает партийных АЦ (формально существовал только в Казахстане, но прекратил свое действие).

Сама типология режимов знания при этом требует уточнения, так как постсоветские страны, очевидно, в нее не вписываются: по характеристикам государственной системы и экономики они относятся скорее к централизованным государственным системам и регулируемым экономикам (исключение может представлять Армения, где государственная система менее централизована), но в них явно недостает технократичности в части производства знаний: АЦ не являются разработчиками соответствующих типов идей («программы»), хотя в целом процесс производства знаний скорее беспристрастный. Доминирующим типом производимых идей являются «рамки» и «парадигмы», которые предполагают в основном внутриэлитный диалог и предложение идей для их легитимации в общественном мнении, т.е. это ориентация на диалог «сверху вниз». Идеи типа «общественные настроения» встречаются намного реже и исходят в основном от НГО (что закономерно). АЦ ориентированы в основном на работу в формате «знание как ценность»; число АЦ, работающих в формате «ценность как идея», т.е. более идеологическом и пропагандистском, недостаточно велико, при этом они встречаются как среди государственных, так и среди негосударственных аналитических структур.

С точки зрения функций, выполняемых в рамках МСУГС, АЦ в основном выполняют функцию объяснения политического курса, реже – организации дискуссии и диалога; значительно реже они выполняют функции конструктивной критики и представительства интересов. Здесь наблюдается очевидный дисбаланс в пользу функционального и инфраструктурного компонентов в ущерб компоненту консолидационному, что может негативно влиять на общественное согласие: интересы, ценности, предпочтения, ожидания части социальных групп могут оказаться непредставленными в политическом процессе, что может вызывать состояние неудовлетворенности, прорывающееся в кризисные моменты. Политические кризисы 2020 г. в Белоруссии и 2022 г. в Казахстане могут быть тому примерами.

Отчасти нишу представительства интересов и конструктивной критики пытались занять АЦ – НГО, действовавшие при зарубежной поддержке. Примеры таких структур есть во всех исследованных странах, но в Республике Беларусь они проявились наиболее ярко, заняв в условиях кризиса очевидно политическую, идеологическую и пропагандистскую позицию, ориентированную на непримиримую критику действующего политического режима. Такая позиция оказывала деструктивное влияние на общественное согласие и подрывала доверие к общественным и государственным институтам.

В Российской Федерации подобные примеры отмечены также, но в значительно меньших масштабах. Причиной этому может быть наличие специального законодательного регулирования в отношении иностранных агентов, что накладывает некоторые ограничения на их деятельность, особенно в части распространения идей. С точки зрения обеспечения общественного согласия и доверия государственным и общественным институтам этот опыт можно признать скорее успешным: он не приводит к закрытию или прекращению деятельности АЦ (хотя такие случаи есть), но маркирует их в качестве иностранного производителя идей, что дает возможность осознанного потребления и использования идей таких АЦ. Надо отметить, что российские АЦ – иностранные агенты в целом следовали и следуют доминирующему режиму знаний и ориентированы на консенсус. Объяснение здесь может лежать в наличии тесных горизонтальных контактов внутри экспертного сообщества, когда одни и те же эксперты могут работать как в НГО, так и в академических или университетских АЦ. Здесь включаются неформальные механизмы, в том числе горизонтальной кооптации и контроля [Baez-Camargo, Ledeneva, 2017]. Указанные механизмы требуют дополнительного, более глубокого изучения.

В целом деятельность АЦ в рассматриваемых странах, особенно в России (из-за большого количества АЦ и относительной активности их деятельности) требует глубокого и системного изучения, весьма трудоемкого и ресурсозатратного. Российская специфика предполагает значительную роль государства в формировании и развитии системы АЦ. Очевидно, что на данном этапе развития требуется как можно больше идей всех типов (в том числе формата «общественных настроений» и «программ»). Таким образом, государству придется содействовать развитию АЦ – НГО или передавать соответствующие функции государственным, ака-

демическим и университетским АЦ. В условиях идеологической неопределенности и глобальной политической нестабильности возрастает роль производства «идей-ценностей», что могли бы делать партийные АЦ (которые в России отсутствуют). Для координации работы по изучению и оценке АЦ в России можно было бы воспользоваться китайским опытом, где создан соответствующий центр, которому государством поручено вести изучение и оценку национальных АЦ с составлением соответствующего рейтинга [Комиссина, 2017]. Учитывая сложность, важность и трудоемкость такой задачи, аналогичное решение для России выглядит весьма разумным. Такие функции лучше поручить академической структуре, которая находится в сфере контроля государства, но в то же время обладает необходимой степенью автономности и достаточно высоким профессиональным потенциалом.

Оценки на микроуровне

Собранные данные не являются достаточными для вынесения системных оценок о функционировании АЦ на макроуровне. В то же время отдельные выводы могут быть сделаны.

Во-первых, бросается в глаза неравенство потенциала АЦ: среди них есть как организации одного-двух сотрудников, так и коллективы, насчитывающие сотни экспертов [Атлас ... , 2021, Атлас ... , 2022]. Анализ финансовых основ их деятельности не проводился (это является перспективной задачей), но и здесь будет значительное неравенство. Интересно было бы сравнить количественные и качественные характеристики результатов деятельности на единицу финансового показателя для оценки эффективности различных типов АЦ, однако эта задача является очень сложной ввиду того, что некоторые из них функционируют в качестве структурных подразделений, и обособить их бюджеты будет очень сложно.

Во-вторых, сильно различается медийный потенциал АЦ. Высокая частота упоминаний в СМИ в рассмотренных кейсах обеспечивается в основном несколькими экспертами, которые комментируют актуальную политику от имени организации. Это вряд ли дает объективную картину и скорее отражает персональные возможности организации горизонтального взаимодействия.

В-третьих, существенно отличается качество работы с собственными сайтами и соцсетями. Здесь АЦ – НГО являются безусловными лидерами, что достаточно объяснимо, так как в этом их главное конкурентное преимущество.

АЦ стран ЕАЭС оказались достаточно активны в публичном плане, хотя они и производят ограниченную номенклатуру идей, а также выполняют далеко не все функции в рамках государственной системы. В конечном итоге эти АЦ нельзя назвать «проводниками правды» и «производителями знаний» в полной мере, так как они достаточно редко позволяют публичную критику, пусть и конструктивную, в отношении власти. Результатом этого скорее всего является их слабая востребованность (как формальная, так и неформальная, публичная и частная) со стороны политических акторов и групп интересов, которые предпочитают продвигать свои интересы самостоятельно, не обращаясь в случае содержательных споров по поводу формирования политики к АЦ как производителям идей, так как они не обладают необходимым авторитетом, вытекающим из их квалификации и беспристрастности.

Оценки на макроуровне показывают, что весь ландшафт АЦ имеет серьезный потенциал для корректировки и улучшения, причем это можно сделать только по инициативе и при поддержке государства.

Заключение

На основе анализа теоретических концептов, применимых к деятельности АЦ, разработан инструментарий оценки публичной деятельности аналитических центров стран ЕАЭС с точки зрения влияния на общественное согласие и формирование доверия к общественным и государственным институтам. В основе этого инструментария лежит оценка типа «идей», производимых АЦ, функций в рамках модели стабильности и устойчивости государственных систем (МСУГС) и «режимов знаний» как базовых принципов функционирования системы АЦ в рамках конкретной политики.

Типология «идей» позволяет определить тип адресата и через это дать более точную оценку качества самих идей и каналов их коммуникации. Это позволяет идентифицировать идеи, деструктивно влияющие на общественное согласие и доверие госу-

дарственным и общественным институтам, а также давать количественную и качественную оценку деятельности самих АЦ как общественного института.

Использование МСУГС для определения функций АЦ с точки зрения их влияния на общественное согласие и доверие к государственным и общественным институтам позволяет увидеть проблемы и дисбалансы в деятельности АЦ, на которые можно повлиять методами государственной политики.

Использование концепта «режима знаний» позволяет определять национальную специфику действия АЦ внутри государственной системы, что в свою очередь позволяет уточнять требования к продуктам АЦ (производимым «идеям»), функциям АЦ и правилам их взаимодействия между собой и с общественно-политическими акторами. Применение этого подхода возможно как для решения поставленных задач (оценки влияния на общественное согласие и доверие государственным и общественным институтам), так и по более широкому кругу вопросов.

Использование этого инструментария на практике предполагает количественную и качественную оценку контента, производимого АЦ в публичном пространстве: путем публикаций на собственных сайтах, в соцсетях, в СМИ. Это позволяет получать оценки на макро- и микроуровнях.

Апробация предложенного инструментария дала интересные и применимые на практике результаты.

Получено представление о доминирующих типах «идей», производимых АЦ стран ЕАЭС: это «рамки» и «парадигма». Производство идей типа «общественные настроения» встречается в основном у НГО. Производство «программ» в публичном пространстве практически незаметно. Это означает, что АЦ ориентированы в основном на формирование внутриэлитных представлений о ценностях, формирующих политический курс, и на объяснение этих подходов общественности «сверху вниз».

Указанные результаты коррелируют с выявленной тенденцией на доминирование функций «объяснение политического курса» и «организация дискуссии и диалога» в рамках МСУГС. «Объяснение политического курса» также предполагает однонаправленную коммуникацию «сверху вниз», когда АЦ фактически объясняют общественности логику действий власти, в то время как функция «дискуссии и диалога» может осуществляться как на «властном», так и

на «общественном» этажах, включая общение внутри экспертного сообщества (последнее происходит значительно чаще). Функция «конструктивная критика» встречается еще реже.

Подобное положение дел нельзя считать оптимальным: недостаток производства идей типа «общественные настроения» и недостаток реализации функции «представительство интересов» говорят о том, что АЦ недостаточно выполняют функции по вертикальной («снизу вверх») коммуникации между властью и обществом, а также плохо работают в горизонтальных коммуникациях внутри общественного и предпринимательского сектора. Такое положение вещей объяснимо, так как среди АЦ много государственных, академических и университетских структур, которые в среднем более активны, чем АЦ – НГО, что чаще всего объясняется недостатком ресурсов у последних. Скорее всего, государству самому нужно стимулировать действующие и создавать новые АЦ – НГО, особенно на фоне ухода или ликвидации АЦ с иностранным участием и существенного сокращения финансирования деятельности АЦ – НГО из-за рубежа. Также государству нужно стимулировать функцию «конструктивной критики» со стороны АЦ, особенно государственных, академических и университетских.

Важно, что в ходе исследования сформирована гипотеза о том, что во всех странах ЕАЭС сформирована консенсусная модель «режима знаний». В краткосрочной перспективе это, безусловно, обеспечивает определенные видимые признаки общественного согласия, но в долгосрочной перспективе может приводить к накоплению неудовлетворенности и снижению уровня доверия государственным и общественным институтам, в том числе по той причине, что АЦ не будут восприниматься в качестве «производителей правды», авторитетных и востребованных независимых источников научного знания. В связи с этим перспективной прикладной задачей является стимулирование интеллектуальной конкуренции и конкуренции идей. Это необходимо делать в первую очередь в идеологическом сегменте, для чего могут быть очень полезными партийные АЦ. Конкуренция такого рода идей может быть полезной для выявления общественных настроений и представительства интересов. При этом партийные АЦ, будучи ангажированными, не могут быть верификаторами этого процесса, что повысит спрос на АЦ, действующие в режиме «знание как ценность». В результате формируются следующие направления поддержки и развития АЦ: партии и бизнес могут сконцентрироваться на развитии

АЦ – НГО, ориентированных на функции «представительство интересов» и «конструктивная критика» и на производство идей типа «общественные настроения» и «программы», в то время как академические и университетские АЦ должны получить стимул по активизации выполнения функций «дискуссии и диалога». Впоследствии государственные АЦ также получают стимул для более активной работы, в том числе в конкурентном формате (с партийными и бизнес-ориентированными АЦ). Сам режим знаний в перспективе может трансформироваться в «технократический» или «политически сдержанный» (в зависимости от специфики конкретной страны ЕАЭС).

Для обеспечения такого рода трансформаций потребуется серьезная инфраструктурная поддержка: образовательная (для подготовки и повышения квалификации кадров АЦ), организационно-методологическая (для помощи в создании и повышении эффективности деятельности АЦ как структур), материальная (предоставление помещений и коммуникационных средств для организации дискуссионных площадок) и иная. Эта деятельность также потребует постоянного мониторинга и координации.

M.V. Vilisov*

**«Think tanks» or «forges of ideas»? The value agenda
of the EAEU countries' think tanks in the public policy framework¹**

Abstract. There are more than two hundred analytical centers in the five EAEU countries that have formed a certain practice of participation in the socio-political life of the respective countries throughout the post-Soviet history. This practice has not yet

* **Maksim Vilisov**, INION; Lomonosov Moscow State University; MGIMO University (Moscow, Russia); e-mail: vilisov@centero.ru

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта (государственный номер 122101100044–6), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

The paper is prepared within a scope of the research project (state registration number 122101100044–6), supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and Expert Institute for Social Research on the results of the contest selection and conducted in the Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences.

been properly?? studied in practical?? terms, in terms of its real impact on the public policy formation and political decision-making. The article proposes to use / apply the existing theoretical developments regarding the activities of analytical centers, their results («ideas»), principles of interaction between themselves, as well as with state and public institutions («knowledge regimes»), «model of stability and sustainability of state systems») to form a theoretical framework for assessing their role and functions in socio-political processes. As a result, an understanding of analytical centers as producers of «ideas» as well as the types of ideas and formats of their influence on socio-political processes, the functions of analytical centers in the context of ensuring stability and sustainability of state systems, ensuring public consent, and trust in state and public institutions was formed. The developed approach was tested as part of a study of the public activity of the EAEU think tanks in 2022 using quantitative and qualitative methods. The understanding of the dominant types of ideas produced by the analytical centers of the EAEU countries, of the main functions performed within the framework of ensuring the stability and sustainability of state systems, and of the «knowledge regimes» common among the EAEU countries was formed. The results obtained can be used to improve the activities of analytical centers both at the macro (the level of public policy) and at the micro (the level of a specific organization) levels.

Keywords: think tank; EAEU; idea; knowledge regime; model of stability and sustainability of state systems.

For citation: Vilisov M.V. «Think tanks» or «forges of ideas»? The value agenda of the EAEU countries' think tanks in the public policy framework. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 203–233. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.09>

References

- Abelson D. *Do think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes*. Montreal: McGill's Queens University Press, 2018, 560 p.
- Atoyan V.K. The role of think tanks in integration processes. *Science. Culture. Society*. 2021, Vol. 27, N 3, P. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.1> (In Russ.)
- Baez-Camargo C., Ledeneva A. Where does informality stop and corruption begin? Informal governance and the public/private crossover in Mexico, Russia and Tanzania. *Slavonic and East European review*. 2017, Vol. 95, N 1, P. 49–75.
- Campbell J.L. Institutional analysis and the role of ideas in political economy. *Theory and society*. 1998, Vol. 27, N. 3, P. 377–409.
- Campbell, J.L., Pedersen, O.K. Knowledge regimes and comparative political economy. In D. Béland & R. Cox (Eds.), *Ideas and politics in social science research*. Oxford: Oxford University Press. 2011. P. 167–190
- Carstensen M.B., Vivien A., Schmidt V.A. Power through, over and in ideas: conceptualizing ideational power in discursive institutionalism. *Journal of European public policy*. 2016, Vol. 23, N 3, P. 318–337. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1115534>
- Drezner D. *The ideas industry: how pessimists, partisans, and plutocrats are transforming the marketplace of ideas*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 360 p.

- Efremenko D.V. Russian foreign policy and expert analysis institutions. *Russia and contemporary world*. 2014, N 1 (82). P. 37–54. (In Russ.)
- Efremenko D.V. Expert-analysis communities and Russian foreign policy. In: *The role of the expert-analysis communities in the public agenda formation in contemporary Russia. Collection of research papers, "Political Science" series*. Moscow: INION RAN, 2017, P. 32–49. (In Russ.)
- Hall P.A. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain. *Comparative politics*. 1993, Vol. 25, N. 3, P. 275–296.
- Khmelnitskaya M. Socio-economic development and the politics of expertise in Putin's Russia: The 'hollow paradigm' perspective. *Europe-Asia studies*. 2021, Vol. 73, N 4, P. 625–646. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1853680>
- Komissina I.N. New think-tank with the Chinese specificity: problems and prospect for development. *National Strategy Issues (RU)*. 2017, N. 6 (45), P. 68–83. (In Russ.)
- Kudayarov K.A. Think tanks of Kazakhstan and Uzbekistan. *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*. 2022 a, N 4, P. 60–72. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2022-4-60-72> (In Russ.)
- Kudayarov K.A. Think tanks of Kyrgyzstan. *Information and analytical journal «Social sciences and humanities: domestic and foreign literature». Series 9: «Oriental and African studies»*. 2022 b, N 3, P. 62–77. DOI: <https://doi.org/10.31249/RVA/2022.03.04> (In Russ.)
- Kudayarov K.A. Think tanks of Tajikistan. *Information and analytical journal «Social sciences and humanities: domestic and foreign literature». Series 9: «Oriental and African studies»*. 2022 c, N 4, P. 52–69. DOI: <https://doi.org/10.31249/rva/2022.04.04> (In Russ.)
- Kuznetsov A.V. (ed). *"Greater Eurasia" think tanks directory*. Moscow: INION RAN, 2022, 331 p. (Preprint). (In Russ.)
- Kuznetsov A.V. (ed). *Eurasian Economic Union think tanks directory*. Moscow: INION RAN, 2021, 206 p. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Why ideas matter. *Political science (RU)*. 2009, N 4, P. 5–24. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Ideas as independent variables in political studies: in search of adequate methodology. *Polis. Political studies*. 2010, N 3, P. 90–99. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Expert-analytical organizations and the formation of the public agenda: analysis of ideological practices in modern Russia. *Political science (RU)*. 2013, N 4, P. 192–210. (In Russ.)
- Maslov A.A. The transformation of analytical centers as an element of Chinese "soft power" in the 2010–2020. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021, Vol. 14, N 4, P. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>. (In Russ.)
- McGann J., Johnson E. *Comparative think tanks, politics and public policy*. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar Publishing, 2005, 288 p.
- McGann J.G., Weaver R.K. (eds). *Think tanks and civil societies*. New Brunswick: Transaction, 2000, 617 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315135595>
- McGann J. *The fifth estate. Think tanks, public policy and governance*. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2016, 240 p.

- Rich A. *Think tanks, public policy and the politics of expertise*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 270 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511509889>
- Rimsky V.L., Sungurov A. Yu. Russian centers of public policy: experience and prospects. *Polis. Political studies*. 2002, N 6, P. 143–150. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.13> (In Russ.)
- Ruser A. What to think about think tanks: towards a conceptual framework of strategic think tank behaviour. *International journal of politics, culture and society*. 2018, N 31, P 179–192. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10767-018-9278-x>
- Sungurov A. Yu. Expert communities and authorities: interaction models, main functions and conditions for their implementation. *Political Science (Ru)*. 2015, N 3, P. 43–70. (In Russ.)
- Sungurov A. Yu., Raspopov N.P., Belyaeva A. Yu. Mediator institutions and their development in contemporary Russia. Part II. Think tanks and public policy centers. *Polis. Political Studies*. 2012, N 4, P. 99–116. (In Russ.)
- Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. From resilience to stability: what makes public policy good? *Journal of political theory, political philosophy and sociology of politics. Politeia*. 2020, N 1, P. 7–27. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27> (In Russ.)
- Weidenbaum M. Measuring the influence of think tanks. *Society*. 2010, N 47, P. 134–137. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12115-009-9292-8>
- Westerwinter O., Abbot K., Biersteker T. Informal governance in world politics. *The Review of international organizations*. 2021, N 16, P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11558-020-09382-1>
- Yakunin V.V., Kuznetsov I.I., Vilisov M.V. The Post-Soviet state systems' resilience: an outline of the theoretical model. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-1>. (In Russ.)
- Zaitsev D.G. *Think tanks as the political process subjects*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 2009, 19 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Атлас аналитических центров ЕАЭС: справочник* (2021) / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – 206 с.
- Атлас аналитических центров «Большой Евразии»: справочник* (2022) / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. – Москва: ИНИОН РАН, 2022. – 331 с. (препринт).
- Атоян В.К. Роль фабрик мысли в интеграционных процессах // Наука. Культура. Общество. – 2021. – Т. 27, № 3. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.1>

- Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. От устойчивости к стабильности: что делает хорошим государственное управление // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2020. – № 1 (96). – С. 7–27. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27>
- Ефременко Д.В. Российская внешняя политика и экспертно-аналитические организации // Россия и современный мир. – 2014. – № 1 (82). – С. 37–54.
- Ефременко Д.В. Экспертно-аналитические сообщества и российская внешняя политика // Роль экспертно-аналитических сообществ в формировании общественной повестки дня в современной России. Сборник научных трудов, сер. «Политология». – Москва. ИНИОН РАН, 2017. – С. 32–49.
- Зайцев Д.Г. Аналитические центры как субъекты политического процесса. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2009. – 19 с.
- Комиссина И.Н. Новые «мозговые центры» с китайской спецификой: проблемы и перспективы развития // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 6 (45). – С. 68–83.
- Кудаяров К.А. Аналитические центры Казахстана и Узбекистана // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2022 а. – N 4. – С. 60–72. – DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2022-4-60-72>
- Кудаяров К.А. Аналитические центры Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022 б. – № 3. – С. 62–77. – DOI: <https://doi.org/10.31249/RVA/2022.03.04>
- Кудаяров К.А. Аналитические центры Таджикистана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022 с. – № 4. – С. 52–69. – DOI: <https://doi.org/10.31249/rva/2022.04.04>
- Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 5–24.
- Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 90–99.
- Малинова О.Ю. Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – N 14 (4). – С. 6–22. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>
- Римский В.Л., Сунгуров А.Ю. Российские центры публичной политики: опыт и перспективы // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 6. – С. 143–150. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.13>
- Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 43–70.

Сунгуров А.Ю., Распопов П.П., Беляева А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. Часть II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 99–116.

Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 6–33. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-1>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты выборочной качественной оценки публикаций АЦ стран ЕАЭС

Тип АЦ	Основной тип упоминаний в СМИ	Основной тип идеи	Тональность идей (конкуренция, консенсус)	Функция в рамках МСУГС
Россия				
Государственный	Комментарий, результаты исследования, мероприятие	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Академический	Комментарий	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Университетский	Комментарий, интервью	Рамки, парадигмы, общественные настроения	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса
НГО	Комментарий	Общественные настроения	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, конструктивная критика
Армения				
Государственный	Комментарий, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы, общественные настроения	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Академический	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
Университетский	Комментарий, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы, программы, общественные настроения	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога

Продолжение таблицы

НГО	Комментарии	Рамки, парадигмы, общественные настроения	Конкуренция (внутри и вовне)	Объяснение политического курса, конструктивная критика
Беларусь				
Государственный	Комментарий	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса
Академический	Комментарий, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Университетский	Комментарий, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса
НГО	Комментарий, презентация результатов исследования	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса
Казахстан				
Государственный	Информация о мероприятиях, комментарий	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Академический	Информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус, конкуренция (вовне)	Объяснение политического курса, представительство интересов
Университетский	Комментарий	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса
НГО	Комментарии, информация о мероприятиях	Парадигмы, общественные настроения	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Киргизия				
Государственный	Комментарии, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
Академический	Нет информации	Нет информации	Нет информации	Нет информации
Университетский	Комментарии, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога
НГО	Комментарии, информация о мероприятиях	Рамки, парадигмы	Консенсус	Объяснение политического курса, организация дискуссии и диалога

В.А. БОЛДИН, И.С. ПАЛИТАЙ, А.Ф. ЯКОВЛЕВА*

**СЛАВЯНЕ ИЛИ ЕВРОПЕЙЦЫ?
МОЛОДЕЖЬ БОЛГАРИИ И СЕРБИИ
В УСЛОВИЯХ ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

Аннотация. Статья содержит часть результатов пилотного исследования, решающего задачу выявления ключевых образов, ценностей и символов, формирующих славянскую идентичность молодежи России и стран Восточной Европы. От того, как в конкретном обществе сосуществуют (или конфликтуют) смыслы и ценности, имеющие различные уровни и ориентации – «общечеловеческие», «общеευропейские», «национальные» и пр., зависят его ценностные ориентации и процесс трансформации идентичности. Славяне являются одной из крупнейших этноязыковых общностей в Европе, имеют древнюю и богатую историю взаимодействия как друг с другом, так и с другими народами. В статье отражен дискус-

* **Болдин Владимир Алексеевич**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), e-mail: boldin.v.a@gmail.com ; **Палитай Иван Сергеевич**, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), e-mail: 8321532@gmail.com ; **Яковлева Александра Федоровна**, доцент, почетный профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), e-mail: afyakovleva@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках проекта ZNF-2022-0014 «Славянская идентичность как основа формирования политического диалога в условиях международной напряженности: проблемы и перспективы (на примере России, Сербии и Болгарии)», реализуемого в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и ЭИСИ.

© Болдин В.А., Палитай И.С.,
Яковлева А.Ф., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.02.10

сионный характер вопроса о том, можно ли, и если да, то каким образом исследовать славянскую идентичность. Помимо теоретической части, авторами в ходе эмпирической части исследования были проведены формализованные интервью с представителями молодежи Сербии и Болгарии, направленные на выявление ценностно-смысловой структуры понятия «славянская идентичность», системы национальных и европейских ценностей, политических, идеологических и идентификационных ориентаций. Объектом исследования стала молодежь двух стран, которая в своем повседневном жизненном опыте постоянно сталкивается с теми или иными образами и символами, что в итоге влияет и на их самоидентификацию. В качестве гипотезы был выдвинут следующий тезис: в среде молодежи указанных стран зачастую сосуществуют два уровня ценностей, «европейские» и «национальные», в данном случае «славянские». Пилотное исследование позволило выявить, что без подкрепления «прагматическими» и понятными социально-экономическими предпочтениями славянская идея не является актуальной и понятной для молодежи, оставаясь культурным феноменом, хотя и не лишенным политического потенциала в будущем.

Ключевые слова: славянская идентичность; ценности; смыслы; символы; Сербия; Болгария; трансформации идентичности.

Для цитирования: Болдин В.А., Палитай И.С., Яковлева А.Ф. Славяне или европейцы? Молодежь Болгарии и Сербии в условиях идейно-ценностных трансформаций идентичности // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 234–253. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.10>

Постановка проблемы

На сегодняшний день очевидным является тот факт, что традиционное пространство ценностей, лежащее в основе формирования идентичности, меняется. Между тем именно от него во многом зависит то, как в конкретном обществе сосуществуют (или конфликтуют) смыслы и ценности, имеющие различные уровни и ориентации – «общечеловеческие», «общеевропейские», «национальные» и пр. Эти смыслы и ценности по-разному воспринимаются в Восточной Европе разными социальными, национальными и прочими группами, среди которых особое место занимает молодежь. От того, какие смыслы станут главными в ее сознании, зависят ее ценностные ориентации, а в условиях напряженных международных отношений, вполне возможно, что и судьбы наших стран.

Говоря о процессе формирования смыслов и ценностей, важно отметить, что это не стихийный, а сознательный процесс, большая роль в котором принадлежит общественным институтам, начиная с семьи и кончая государством. Воздействие на данный

процесс представляется особенно актуальной задачей в контексте трансформаций коллективной памяти и идентичности больших социальных групп, к которым, безусловно, относится молодежь. Однако прежде необходимо понять, что влияет на превалирование тех или иных ценностей (традиционных / посттрадиционных, национальных / наднациональных и т.д.) в качестве конституирующего элемента в самосознании современной молодежи, и как формирование той или иной ценностной матрицы у молодого поколения скажется на дальнейшем межкультурном и межстрановом диалоге, что особенно важно в контексте усиления международной напряженности и выстраивания новой архитектуры международных отношений.

Споры вокруг «идентичности»

В настоящее время существует немало работ зарубежных и отечественных исследователей, посвященных анализу состояния общества с различных точек зрения. Вопросы внутренней сплоченности, уровня социального согласия, наличия в нем социального и политического консенсуса, расколов или размежеваний исследовали Р. Инглхарт и К. Вельцель, С. Липсет и С. Роккан, А. Реммеле, Ф. Шмиттер. Отечественные исследователи фокусируют внимание в основном на динамических изменениях в направлении интеграции и консолидации или дезинтеграции и дифференциации [Федотова, 2011, с. 56–65; Бродовская, 2010, с. 83–93; и др.].

Обозначенные проблемы во многом связаны с категорией идентичности, которая, выйдя из психологии, была «популяризирована» в социальном и политико-культурном измерении благодаря целой плеяде таких исследователей, как Б. Андерсен, Э. Гидденс, П. Бурдьё, М. Кастельс, А. Мелуччи и др. Данное понятие в политической науке позволило «соединить индивидуальный и надиндивидуальный (на уровне групп, больших и малых сообществ) срезы политического сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлексию их носителей» [Семененко, 2011, с. 8], послужив тем самым инструментарием, с помощью которого выявлялись «механизмы влияния ценностных ориентаций на эво-

люцию социальных и, в частности, политических институтов» [Семененко, 2011, с. 8].

Между тем уже в конце прошлого века понятие «идентичность» обладало чрезмерной многозначностью интерпретаций, на что указывал в своей программной статье В.С. Малахов «Неудобства с идентичностью» [Малахов, 1998]. Позднее, в 2000 г., была опубликована статья Р. Брубейкера и Ф. Купера – одна из самых цитируемых работ на эту тему [Brubaker, Cooper, 2000, p. 1].

Несмотря на попытки исследователей развить концепт идентичности за счет тщательно прописанных понятий идентификации, категоризации, самосознания, общности и групповой принадлежности, преодолеть проблему не удалось. Все это нашло свое отражение в «многоаспектности» проблем, описываемых с помощью понятия «идентичность». Так, примерно с середины 2000-х годов исследования по данной тематике ассоциируются с политической мобилизацией, в основе которой – политизация тем «этничности», гендера, религии, расовых и межэтнических отношений [Попова, 2013]. Однако параллельно, в рамках областей, где исследуются государственные институты и политическое управление, развивается интерес, подталкивающий к установлению взаимосвязи управления и «идентичности» – в теории и на практике [Ачкасов, 2013]. Иными словами, внимание экспертов привлекают вопросы единства и устойчивости политических сообществ, организованных рамками государственных и иных институтов [Соловьёв, 2016], а также то, как можно обеспечить эти единство и устойчивость [Семененко, 2017; Тишков, 2013] и что лежит в их основе, в том числе на глубинном, политико-психологическом уровне [Малинова, 2012].

В зарубежной литературе концептуальная реконструкция «идентичности» также получила распространение в связи с проблемами политической коммуникации, публичного администрирования и поисков достижения социального согласия [Béland, 2017; Bernstein, 2005 и др.).

Что касается понятия «национальная идентичность», то оно является, с одной стороны, одной из наиболее распространенных и употребляемых категорий как внутри политической науки, так и в более широком общественно-политическом дискурсе. Однако, с другой стороны, в профессиональном сообществе не утихают дискуссии относительно его наполнения, при этом утвердившиеся

конструктивистские представления о «нации» и «национальной идентичности» вновь становятся объектом критики современных авторов (например, [Smith, 2009]). Одной из попыток обобщить имеющиеся авторские подходы стало недавнее исследование, предложившее «дискурсивно-конструктивистское» определение национальной идентичности как «клишированный элемент публичного дискурса, обращение к которому подразумевает наличие политической ассоциации, базирующейся на чувстве принадлежности к “нации” и на проистекающей из этого чувства общности ценностей, убеждений и моделей поведения» [Телин, Филимонов, 2020, с. 36].

В российской практике исследований необходимо отметить политико-психологический подход к изучению национально-государственной идентичности, который разработан Т.В. Евгеньевой [Евгеньева, 2010] и В.В. Титовым [Титов, 2017]. В контексте нашего исследования именно он обладает наибольшим эвристическим потенциалом, поскольку здесь «идентичность» понимается, с одной стороны, «как некий целостный образ, который человек формирует о самом себе, сопоставляя себя с другими индивидами» [Эриксон, 2006], а с другой – как «способность человека воспринимать свое поведение и жизнь как связанное единое целое в процессе взаимодействия с другими, и воспринимать себя с точки зрения окружающих, т.е. осуществлять “принятие роли другого”» [Mead, 1950]. Подобный подход позволяет учитывать и анализировать такие важные составляющие национальной идентичности, как неосознаваемые компоненты политико-культурной матрицы (национальный менталитет, стереотипы, архаические идентификационные формы, неосознаваемые элементы социальных представлений индивида о собственной групповой принадлежности и т.д.); культурно-символические компоненты (доминирующие в обществе ценности и образы, символическое пространство идентификационного выбора); конструируемые компоненты (возможность государства как центрального института политической системы воздействовать через концептуализацию идеологического поля и проводимую информационную политику на идентификационный выбор и политическую самоидентификацию граждан) [Евгеньева, Титов, 2010, с. 122].

Теоретические основания исследования «славянской идентичности»

В последние годы в Европе «славянский вопрос» был весьма значим при определении политической повестки дня в связи с историко-культурным, политическим и этноконфессиональным многообразием и разнородностью славянского мира. Славяне являются одной из крупнейших этноязыковых общностей в Европе, имеют древнюю и богатую историю взаимодействия как друг с другом, так и с другими народами [Болдин, Страхов, 2020]. Доказательством этому может служить тот факт, что различного рода процессы, имевшие место в славянском мире, сказывались на положении дел в Европе, да и в мире в целом.

Между тем на протяжении истории славянские страны часто испытывали на себе сильнейшее идейное и культурное влияние: от угрозы культурной ассимиляции в XIX в. до процессов глобализации в XXI в. Одной из реакций на потерю государственности и угрозу культурной ассимиляции стало появление идеологии панславизма у западных славян в XIX в., целью которой объявлялось противодействие этим процессам и, возможно, обретение политической независимости в будущем [Болдин, 2018, с. 79].

Панслависты исходили из того, что в общественном сознании существуют единые для славянских стран ценности и смыслы, что может лечь в основу их духовного и политического единства (об актуальных дискуссиях см. также: [Đorđević et al, 2021; Đorđević et al, 2022; Казаринова, 2018; Кацис, Одесский, 2011; и др.]). Однако реальный политический и исторический процесс если не поставил под сомнение само существование общеславянской идентичности, то уж точно заставил задуматься о том, а есть ли она в самом деле, или же идея об общем славянстве, едином духовно и политически, является не более чем утопической конструкцией [Болдин, Страхов, 2020].

Вопрос о том, можно ли исследовать славянскую идентичность и как это делать, является дискуссионным [Савицкий, 2017; Лескинен, 2013; Щербинин, Щербинина, 2015; Hall, Jackson, 2007; Smith, 1991]. Вслед за Л. Суханеком мы можем согласиться, что славянский мир представляет собой бесспорное единство лишь в лингвистическом и географическом плане [Suchanek, 2017].

Важно отметить, что изучение идентичности традиционно базируется на трех составляющих: *образах, ценностях и символах*. Если сосредоточиться лишь на определении ценностных констант внутри славянской идентичности, то исследователь сразу столкнется с двумя проблемами – что считать «славянскими» ценностями и можно ли их противопоставлять «европейским»? Так, болгарский исследователь О. Загоров развивает идею, согласно которой славянская идентичность есть одно из проявлений европейской идентичности, а традиционные ценности славян могут спасти европейскую идентичность от негативных эффектов глобализации [Загоров, 2020]. Кроме того, ценности плохо вербализируются. Поиск решений описанных проблем осложняется тем, что представления о славянах как едином культурно-историческом типе, со своими особенностями национального характера и ментальности, начинают складываться в работах славянских мыслителей XIX в. под влиянием идей немецкого романтизма. В попытках «удревнить» славянскую историю, романтизировать ее, противопоставив ее немецкой («европейской»), деятели «славянского Возрождения» пытались решить вполне очевидную политическую задачу – не допустить культурной ассимиляции и потери национальной идентичности. По сути, мыслители XIX в. сконструировали «славян» заново, сформировав чувство славянской самоидентификации у тех, кто таковыми себя мог до этого и не осознавать [Maxwell, 2017].

Однако, на наш взгляд, тот факт, что сами люди по-прежнему идентифицируют себя со славянством, позволяет говорить о наличии славянской идентичности и, следовательно, изучать ее. Здесь нам близка позиция С.А. Иванова, заключающаяся в том, что этничность, в отличие от языка, это не феномен, а ноумен [Иванов, 2008]. Именно чувство сопричастности, самоидентификация делает человека «славянином». Кроме того, современные исторические исследования говорят нам о том, что первоначально этноним «славянин» был самоназванием и способом самоидентификации, и даже представители различных языковых групп могли себя идентифицировать как славян. То есть славянская идентичность изначально могла базироваться не на лингвистическом факторе, а на культурном, в широком смысле этого слова.

Методологические основания и результаты исследования

Методологические основания

В ходе эмпирической части исследования были проведены формализованные интервью. Реализация данного метода была направлена на выявление ценностно-смысловой структуры понятия «славянская идентичность», системы национальных и европейских ценностей, политических, идеологических и идентификационных ориентаций. Опросный лист включал в себя 28 вопросов разного типа – открытых, полуоткрытых и закрытых с применением техник прямого ранжирования и оценочного шкалирования.

При подготовке анкеты-опросника использовались материалы «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey, далее – WVS), опросы «Евробарометра», а также результаты фокус-групп, обобщенные в крупном европейском исследовании [Bruter, 2003].

Особенностью анкеты стало использование графических материалов: 1) географической карты, на которой респондентам предлагалось отметить те страны, которые, по их мнению, являются «славянскими»; 2) фото, на которых изображены два плаката, символизирующих памятную дату – 9 мая. Однако в первом случае фото было посвящено «Victory day» (Дню победы), а во втором Schuman day (Дню Европы). Респондентам предлагалось выбрать, какое из предложенных изображений ассоциируется у них с датой 9 мая.

Анкета-опросник условно содержала в себе 11 смысловых блоков: «Национальность и происхождение»; «Славянские и европейские ценности»; «Позиция по отношению к европейским странам»; «Европеец и славянин “встречаются в баре”»; «Фольклорные книги и песни»; «Культурный бэкграунд»; «Новостные интересы»; «Новостные темы»; «Источники новостей»; «Демографический вопрос»; «Приглашение на интервью». Последний раздел предполагал интерактивную форму, где респонденты, желающие дополнительно пройти интервью, могли оставить свои контакты для связи.

Ссылка на анкету была направлена партнерам в следующие университеты для распространения среди студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов: Софийский университет имени Св. Климента Охридского (Болгария, София); Пловдивский уни-

верситет им. Паисия Хилендарского (Болгария, Пловдив); Белградский университет (Сербия, Белград); Нови-Садский университет (Сербия, Нови-Сад).

Выбор географии городов был обусловлен изначальной гипотезой исследования, согласно которой возможна корреляция между уровнем жизни и образования и принятием наднациональной идентичности. Исходя из этого, в выборку по странам должны были входить столичные и провинциальные города. Кроме того, в связи с тем, что репрезентативность выборки изначально не предполагалась, акцент был сделан на православных южных славянах, что позволило минимизировать фактор конфессиональной самоидентификации. Другими словами, в исследовании в абсолютном большинстве принимала участие молодежь, на чье формирование этнической или национальной самоидентификации религиозный фактор не оказывал значимого влияния.

Всего в опросе приняли участие 124 человека. Выборку составили преимущественно жители городов (77%) в возрасте от 18 до 30 лет. Распределение по полу приблизительно равное (48% мужчин против 52% женщин).

Болгария и Сербия были выбраны нами, поскольку первая уже давно является членом Европейского союза (далее ЕС) (с 2007 г.), на государственном уровне и в общественно-политическом дискурсе постоянно подчеркивается ее преданность стратегии евроинтеграции, а вторая подала заявку на вступление в ЕС еще в 2009 г. Процесс интеграции растянулся, а его перспективы пока выглядят неоднозначно, в особенности в свете ситуации международной напряженности последнего времени.

Согласно исследованиям WVS, и Сербия, и Болгария занимают примерно одинаковое место на карте культурных ценностей: обе страны относятся к группе «православных стран», в которых, с одной стороны, преобладают так называемые материалистические ценности, или ценности выживания, а с другой – преобладают секулярные ценности. При этом стоит отметить, что по уровню секулярности общества, согласно карте WVS, Болгария располагается чуть выше Сербии¹.

¹ The new 2022 World Cultural Map has been released. – Mode of access: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=428> (accessed: 13.02.2023).

Дополнительно было проведено пять глубинных интервью с респондентами из Сербии на платформе ZOOM. Двое респондентов были жителями Нови-Сада, трое – жителями Белграда.

В качестве гипотезы мы выдвинули следующий тезис: в молодежной среде указанных стран зачастую сосуществуют два уровня ценностей, которые условно можно назвать как «европейские» и «национальные», в нашем случае «славянские». Эти ценности лежат в основе формирования двух надындивидуальных идентичностей – «европейской» и «славянской». Безусловно, эти два типа идентичностей могут сосуществовать одновременно, но могут и вступать в конфликт. И в этой плоскости нам стало интересно, как в силу специфики политического курса происходит контролируемое формирование идентичности через определенные образы и символы.

Объектом нашего исследования стала молодежь, которая в своем повседневном жизненном опыте постоянно сталкивается с теми или иными образами и символами, что в итоге влияет и на ее самоидентификацию. Обращение в данном контексте именно к этой возрастной группе не случайно. Молодежь в нашем исследовании рассматривается как политическое поколение – общность людей определенного возраста, имеющих сходные ценности, представления, в том числе о политике и власти, сформированные в процессе первичной политической социализации под влиянием историко-политического и социокультурного контекста его протекания [Политическая социология ... , 2013, с. 129; Селезнева, 2011, с. 24].

Стоит упомянуть, что ЕС прикладывает достаточно большие усилия, проводя «символическую политику», направленную на интеграцию новых членов ЕС (или даже кандидатов) в единое пространство «европейской идентичности». Часть этой политики – внедрение в повседневный опыт жизни граждан образов и символов, стойко ассоциирующихся с Европой [Stoytcheva, 2016]. Например, использование официального флага ЕС, гимна, девиза и даже номерных знаков с символикой единой Европы – все это наполняет повседневную жизнь граждан важными маркерами идентичности [Тен, 2019]. Кроме того, как отмечает Д.В. Ефременко, одним из инструментов конструирования европейской идентичности стала программа ««активного европейского гражданства», направленная на интенсивное вовлечение граждан и НПО в содействие европейской интеграции» [Ефременко, 2018]. Одна из частей

нашего исследования была направлена на выявление того, как происходит процесс формирования идентичности посредством образов и какова его успешность.

Результаты исследования

Результаты опроса, полученные в ходе исследования, позволили выявить следующие ценностно-смысловые доминанты в общественном сознании славянских стран.

Среди молодежи Сербии и Болгарии часто фиксируется одновременное наличие двух компонентов политической идентичности: 1) *Civic components* (идентификация с политической структурой, например, ЕС); 2) *Cultural components* (принадлежность к конкретной группе, например, славянин). При этом можно отметить, что чувство «европейской идентичности» больше свойственно респондентам из стран с более высоким уровнем жизни. Таким образом отчасти подтверждается предположение Р. Инглхарта, согласно которому «высшие социально-экономические классы с большей вероятностью будут идентифицировать себя с постнациональным нарративом Европы» [Ingleheart, 1970; Duchesne, 2008]. Тем не менее данная гипотеза требует дальнейшего уточнения в случае славянских стран.

Большинство опрошенных так или иначе отмечают наличие свойственных славянам характеристик и черт. Среди самых распространенных ответов респонденты называли: «дружелюбность» (80%), «эмоциональность» (65%), «открытость» (62%), «консерватизм» (54%), «щедрость» (45%), «экспрессивность» (40%), «честность» (39%), «коллективизм» (25%). Полученные ответы отчасти совпадают с «идеальной моделью», выявленной в нашем предыдущем исследовании, в рамках которого мы предполагали, что «предварительно можно выделить несколько основных элементов матрицы славянской идентичности, более-менее поддающихся верификации: коллективизм («общинность», неприятие крайнего индивидуализма); отрицание обязательности правил и норм; традиционализм (в противовес инновативности); склонность к холистическому мышлению (когда процесс и связи важнее чем результат)» [Болдин, Страхов, 2020].

Однако в ходе анкетирования респонденты отмечали и некоторые негативные характеристики, присущие славянской идентичности. Например, 35% опрошенных отметили «бедность», как черту, свойственную славянам, 25% – «разобщенность», 22% – «враждебность», а 20% отметили, что со славянами «сложно иметь дело».

Большинство опрошенных видят «европейцев» «дисциплинированными» (54%), «индивидуалистами» (52%), «богатыми» (47%), «инноваторами» и «прагматиками» (38%). Все эти характеристики так или иначе противопоставлены «славянским». Однако в ходе глубинных интервью респонденты отмечали, что у «европейцев» неплохо бы было перенять такие черты, как «дисциплинированность» и «организованность». Один из респондентов дал следующий показательный ответ: «В бизнесе нужно быть европейцем, а в жизни – славянином». Это еще раз подтверждает гипотезу о наличии двух компонентов, «уровней» в идентичности славянской молодежи.

Большую роль в формировании идентичности играют образы и символы, часто наблюдаемые в повседневном опыте. Так, например, для молодежи Болгарии 9 мая уже практически полностью ассоциируется с Днем Европы (Schuman day), так как его символы они видят ежегодно в канун этой даты. Для молодежи Сербии 9 мая по-прежнему в большинстве случаев ассоциируется с Днем Победы (Victory day).

Если говорить о символах «славянского единства», или «славянской идентичности», то в отличие от символов Европы и «европейской» идентичности, они практически полностью отсутствуют в публичном пространстве. Так, например, в ходе глубинных интервью респондентам показывали два флага – ЕС и панславистский флаг. И если первый был знаком абсолютно всем и вызывал различные ассоциации (от негативных до позитивных), то второй – практически незнаком никому из опрошенных (в лучшем случае возникали ассоциации с Югославией). То же самое касается остальных символов: так, гимн ЕС, банкноты евро, плашки автомобильных номеров с флагом ЕС встречаются респондентами ежедневно, и они привыкают к этим символам, которые формируют их персональный опыт, становятся частью их идентичности. Славянские символы подобного рода им практически полностью неизвестны. Среди общих славянских символов назывались либо религиозные символы (в основном византийское наследие, что ха-

актерно для православных стран), либо природные. Однако эти символы, в отличие от символов ЕС, являются достаточно аморфными и мало влияют на повседневный опыт, а следовательно, не формируют устойчивых ассоциаций.

Большое значение для восприятия «европейской идентичности» имеет влияние персонального опыта «соприкосновения с Европой» на повседневную жизнь граждан. Для большинства молодежи «европейский путь» ассоциируется, прежде всего, с социально-экономическими предпочтениями: возможностями путешествовать, работать и учиться за рубежом, повысить свой уровень жизни. Европейский проект привлекателен прежде всего социально-экономическими возможностями. ЕС известен молодежи благодаря программам стажировок, образования, туризма, чем создает для них привлекательную и понятную модель. При этом никто из респондентов не знает ни о каких инициативах межстранового славянского сотрудничества ни в сфере экономики, ни в сфере образования и туризма, хотя опрошенные высказывали заинтересованность.

Наблюдается четкая корреляция между источниками информации, которыми пользуются респонденты, и их отношением к европейскому проекту. Таким образом, мы можем сказать, что СМИ во многом формируют «образ Европы». Чем больше новостная повестка посвящена «общеевропейским» новостям, а не локальным, тем больше чувствуется некая сопричастность к общим вызовам и проблемам. «Славянская» повестка в медиаполе изучаемых стран практически отсутствует. В итоге некоторые респонденты уже не всегда представляют ареал славянских народов и на предложенной нами интерактивной карте включали в славянские народы Румынию, Латвию, Литву, Венгрию. При этом все эти страны – члены ЕС. Возможно, о них респондентам известно больше, чем о других странах, принадлежащих к славянскому ареалу.

Выводы

В целом можно сделать вывод, что несмотря на то что все респонденты отмечают некое единство между славянами (культурное, языковое, историческое), идеи славянской солидарности или возможность славянского объединения им представляются

крайне туманными. И прежде всего из-за того, что респонденты не видят экономических перспектив подобной интеграции. Превалирующие в сознании молодежи материалистические ценности ведут к доминированию прагматичного взгляда на жизнь и на выстраивание соответствующего типа взаимоотношений. Даже столь значимый для южных Балканских стран религиозный фактор, который помимо истории, культуры и языковых корней роднит наши страны, отходит на второй план. На первом плане – учеба, работа, возможность путешествий, т.е. ценности, связанные с перспективами членства в ЕС. При этом славянские страны (в том числе Россия) предпринимают крайне мало усилий, чтобы использовать общий культурно-языковой потенциал. Респонденты не знают ни одной программы студенческого обмена или стажировок, а интерес к общему прошлому остается на уровне фольклора. ЕС, напротив, проводит активную политику формирования идентичности, чувства сопричастности к «общеевропейскому дому» с помощью образов, символов и понятных «прагматических» предпочтений, которые сулят сотрудничество. Однако все чаще среди респондентов (в особенности на Балканах) фиксируется определенный рост уровня евроскептицизма. Возможно, это могло бы стать подспорьем для активизации экономических и культурных программ со странами региона, что в будущем позволило бы обсуждать иные формы интеграции славянских стран. Однако сейчас следует констатировать, что без подкрепления «прагматическими» и понятными социально-экономическими предпочтениями славянская идея потеряла свою актуальность для молодежи, оставаясь скорее культурным феноменом, хотя и не лишенным политического потенциала в будущем.

Как уже было сказано, выборка, на которой проводилось исследование, не претендовала на репрезентативность даже внутри анализируемых стран, не говоря уже о других странах Восточной Европы. Однако результаты, полученные в Болгарии и Сербии – странах, максимально приближенных к нашей стране по «славянскому фактору» и по конфессиональному признаку, позволяют констатировать, что сегодня «славянская идея», а также общеславянская идентичность утрачивают прежнее идейно-теоретическое и ценностно-смысловое наполнение. Европейский союз принял на себя роль центра консолидации, который раньше был у России. Об этом говорит даже тот факт, что почти половина славянских стран

(шесть из 13) являются членами ЕС, а Сербия, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Украина и Черногория выражают желание присоединиться. То есть идеи «славянского мира» пока все еще живут только в России и Беларуси.

В связи с этим возникает вопрос – с чем связан подобный геополитический и цивилизационный выбор славянских стран, даже традиционно дружественных России (например, Сербии)? Является ли это сугубо прагматичным ходом, обусловленным экономическими выгодами? Или же можно говорить о смене ценностной матрицы и идеологической трансформации, произошедшей в общественном сознании населения славянских стран, которые уже ощущают себя гораздо более европейцами, нежели славянами (оставляя пока за скобками вопрос «а существует ли “единая Европа”»)? Можно ли говорить о том, что идеи славянской солидарности и идентичности, сильные в XIX – начале XX в., и в наши дни наполняются прежним идейно-теоретическим и ценностно-смысловым содержанием? Это вопросы, на которые еще предстоит найти ответы.

V.A. Boldin, I.S. Palitay, A.F. Yakovleva*

**Slavs or Europeans? The youth of Bulgaria and Serbia
in the context of ideological and value transformations of identity**

Abstract. The article presents part of the pilot study results that solve the issue of identifying key images, values and symbols forming the Slavic identity of the youth in Russia and Eastern European countries. It depends on how meanings and values that have different levels and orientations – «universal», «pan-European», or «national» — coexist (or conflict with one another) in a particular society. Slavs are one of the largest ethnolinguistic communities in Europe, and they have rich ancient history of interaction with one another and with other peoples. The article reflects the debatable nature of the question of the proper way to investigate Slavic identity. In addition to the theoretical part of the study, the authors conducted formalized interviews with the youth of Serbia and Bulgaria, aimed at identifying the value-semantic structure of the «Slavic identity» concept and the system of national and European values, political, ideological and iden-

* **Boldin Vladimir**, State academic university for the humanities (Moscow, Russia), e-mail: boldin.v.a@gmail.com; **Palitay Ivan**, State academic university for the humanities (Moscow, Russia), e-mail: 8321532@gmail.com ; **Yakovleva Alexandra**, State academic university for the humanities (Moscow, Russia), e-mail: afyakovleva@gmail.com

tification orientations. The object of the study comprises the youth of the two countries, who in their daily experience constantly face particular images and symbols, ultimately affecting their self-identification. As a hypothesis, the following thesis is put forward: among the youth of these countries, two levels of values often coexist, «European» and «national», in this case, «Slavic». The pilot study reveals that without the reinforcement of «pragmatic» and understandable social and economic preferences, the Slavic idea is not relevant and is not comprehensible for young people, remaining a cultural phenomenon, although not devoid of political potential in the future.

Keywords: Slavic identity; values; meanings; symbols; Serbia; Bulgaria; identity transformation.

For citation: Boldin V.A., Palitay I.S., Yakovleva A.F. Slavs or Europeans? The youth of Bulgaria and Serbia in the context of ideological and value transformations of identity. *Political Science (RU)*. 2023, N 2, P. 234–253. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.10>

References

- Achkasov V.A. Identity politics in the modern world. *Vestnik of Saint Petersburg University. International relations*. 2013, N 4, P. 71–77. (In Russ.)
- Béland D. Identity, politics, and public policy. *Critical policy studies*. 2017, Vol. 11, N 1, P. 1–18.
- Bernstein M. Identity politics. *Annual review of sociology*. 2005, N 31, P. 47–74.
- Boldin V.A. *Pan-Slavic political concepts: genesis and evolution*. Moscow, 2018, 376 p. (In Russ.)
- Boldin V.A., Strakhov A.B. Metamorphoses of “Slavic identity”: what allows us to talk about it and study it? *Polylogos*. 2020, Vol. 4, N 4. DOI: <https://doi.org/10.18254/s258770110012806-8> (In Russ.)
- Brodovskaya Ye.V. The Transformation of the value orientations as a factor of democratic transition in the post-communist countries: the experience of the theoretical understanding. *RUDN journal of political science*. 2010, N 3, P. 83–93. (In Russ.)
- Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity». *Theory and society*. 2000, N 1, P. 1–47.
- Bruter M. On what citizens mean by feeling 'European': perceptions of news, symbols and borderless-ness. *Journal of ethnic and migration studies*. 2003, Vol. 30, N 1, P. 21–39.
- Dorđević V., Čejka M., Mocek O., Hrabálek M. Beyond Contemporary Scholarship and toward Exploring Current Manifestations of Pan-Slavism. *Canadian-American Slavic Studies*. 2021, Vol. 55, N 2, P. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.30965/22102396-05502005>
- Dorđević V., Suslov M., Čejka M., Mocek O., Hrabálek M. Revisiting Pan-Slavism in the contemporary perspective. *Nationalities papers*. 2022, N 0, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2022.75>
- Duchesne S. Waiting for a European identity... Reflections on the process of identification with Europe. *Perspectives on European politics and society*. 2008, Vol. 9, N 4, P. 397–410. DOI: <https://doi.org/10.1080/15705850802416796>

- Efremenko D.V. Historical memory and supranational identity. The case of the European Union. In: *Methodological issues of studying memory policy*. Moscow, 2018, P. 110–126. (In Russ.)
- Erikson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Flinta, 2006, 352 p. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V., Titov V.V. Nation-State Identity Formation of the Russian Youth. *Polis. Political studies*. 2010, N 4, P. 122–134. (In Russ.)
- Evgenieva T.V. (eds). *Political sociology*. Moscow: ROSSPEN, 2013, 520 p. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V. Socio-psychological aspects of the formation of the national-state affiliation of Russians in the post-Soviet period. *Actual problems of modern psychology*. Moscow: RIOR, 2010, P. 25–38. (In Russ.)
- Fedotova V. Mechanisms of value changes in society. *Bulletin of the Russian humanitarian science foundation*. 2011, N 4, P. 56–65. (In Russ.)
- Hall M., Jackson P.T. *Civilisational identity: the production and reproduction of "civilisations" in international relations*. New York: Palgrave Macmillan, 2007, 242 p.
- Ingleheart R. Cognitive mobilization and European identity. *Comparative politics*. 1970, Vol. 3, N 1, P. 45–70.
- Ivanov S.A. "In the shadow of Justinian's forts?" F. Curta and paradoxes of the early Slavs' ethnicity. *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2008, Vol. 4, N 2, P. 5–12. (In Russ.)
- Katsis L.F., Odessky M.I. "Slavic reciprocity". *Model and topic*. Moscow: Regnum, 2011, 314 p. (In Russ.)
- Kazarinova D.B. Pan-Slavism for contemporary Russia: historical utopia or geopolitical challenge? *RUDN journal of political science*. 2018, Vol. 20, N 4, P. 624–629. (In Russ.)
- Leskinen M.V. Slavic unity: from linguistic and cultural classification to political mythologization. *Slavic studies*. 2013, N 6, P. 52–61. (In Russ.)
- Malakhov V. Discomfort with identity. *Questions of Philosophy*. 1998, N 2, P. 43–53. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Symbolic politics: contours of the problem field. In: *Symbolic policy. Vol. 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow: INION RAS, 2012, P. 5–16. (In Russ.)
- Maxwell A. *Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak language and accidental nationalism*. London: I.B. Tauris, 2009, 288 p.
- Mead G.H. *The philosophy of the act*. Chicago: University of Chicago, 1938, 770 p.
- Popova O. Development of Political Identity Research in Russian Political Science. *Political Expertise: POLITEKS*. 2013, N 2, P. 205–219. (In Russ.)
- Savitski A. What does it mean to be a Slav in today's world? The problem of modern Slavic identity. *Philosophical polylogue*. 2017, N 2, P. 7–16. (In Russ.)
- Selezneva A.V. Political and psychological analysis of the political values of modern Russian citizens: generational cross-view. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2011, N 3, P. 22–33. (In Russ.)
- Semenenko I.S. et al. (eds). *Identity as a Subject of Political Analysis. Collection of articles on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference*. Moscow: IMEMO RAN, 2011. (In Russ.)

- Semenenko I.S. Identity politics in the context of ethno-cultural diversity: a new agenda", In: Semenenko I.S. (ed.). *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2017, P. 102–112. (In Russ.)
- Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. The Slavic world as a political construct. *Rusin*. 2015, N 4, P. 37–53. (In Russ.)
- Smith A. *Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach*. New York: Routledge, 2009, 192 p.
- Smith A.D. *National Identity*. London: Penguin books, 1991, 227 p.
- Solovyov A.I. The state as a policy maker. *Polis. Political studies*, 2016, N 2, P. 90–108. (In Russ.)
- Stoytcheva M. *European identity: theoretical dilemmas and analytical approaches*. Sofia: University edition "St. Kliment Ohridski", 2016, 368 p. (In Bulg.)
- Suchanek L. Slav identity. History and the present. *Slavonic culture. Annual review of the PAU commission on the culture of the Slavs*. 2017, Vol. 13, P. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.4467/25439561ksr.17.004.7874> (In Russ.)
- Telin K.O., Filimonov K.G. Identity gaps: how and why the nation eludes the state. *Sociological review*. 2020, N 1, P. 35–73. DOI: 10.17323/1728–192 x-2020–4-35–73 (In Russ.)
- Ten Y.P. Symbolic policy of the EU identity development: interpretation experience. *Communicology*. 2019, Vol. 7, N 1, P. 54–65. (In Russ.)
- Tishkov V. *Russian people: the history and meaning of national identity*. Moscow: Nauka, 2013, 649 p. (In Russ.)
- Titov V.V. National and state identity as a space of political senses and images. *Bulletin of the Tula University. Humanities*. 2017, N 1, P. 42–54. (In Russ.)
- Zagorov O. *Slavic spirituality is the cultural code of the Bulgarian national identity*. Sofia: Academic publishing house "For the letter – About writing", 2020, 228 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ачкасов В. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 71–77.
- Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / под общей ред. А.А. Ширинянца. – М.: Аквилон, 2018. – 376 с.
- Болдин В.А., Страхов А.Б. Метаморфозы «славянской идентичности»: что нам позволяет говорить о ней и изучать ее? // Полилог / Polylogos. – 2020. – Т. 4, № 4. – DOI: <https://doi.org/10.18254/s258770110012806-8>
- Бродовская Е. Трансформация ценностных ориентаций как фактор демократического транзита в странах посткоммунистического пространства: опыт теоретического осмысления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 3. – С. 83–93.

- Евгеньева Т., Титов В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 122–134.
- Евгеньева Т.В. Социально-психологические аспекты формирования национально-государственной идентичности россиян в постсоветский период // Актуальные проблемы современной политической психологии. – М.: РИОР, 2010. – С. 25–38.
- Ефременко Д.В. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского Союза // Методологические вопросы изучения политики памяти. – 2018. – С. 110–126.
- Загоров О. Славянская духовность – культурный код болгарской национальной идентичности. – София: Академическое издательство «За буквите – О писменехъ», 2020. – 228 с.
- Иванов С.А. "В тени Юстиниановых крепостей"? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. – 2008. – № 2 (4). – С. 5–12.
- Казаринова Д.Б. Панславизм для современной России: историческая утопия или геополитический вызов? // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20, № 4. – С. 624–629.
- Кацис Л.Ф., Одесский М.И. «Славянская взаимность». Модель и топика. – М.: Regnum, 2011. – 314 с.
- Лескинен М.В. Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации // *Славяноведение*. – 2013. – № 6. – С. 52–61.
- Малахов В. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.
- Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16.
- Политическая социология / под ред. Т.В. Евгеньевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 520 с.
- Попова О. Развитие исследований политической идентичности в отечественной политической науке // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2013. – № 2. – С. 205–219.
- Савицкий А. Что значит быть славянином в современном мире? // Философский полилог. – 2017. – № 2. – С. 7–16.
- Селезнева А.В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 3. – С. 22–33.
- Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева / РАН. ИМЭМО. – М., 2011. – С. 8–12.
- Семененко И. Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 102–112.

- Соловьёв А.И.* Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 90–108.
- Телин К.О., Филимонов К.Г.* Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. – 2020. – № 1. – С. 35–73. – DOI: 10.17323/1728–192 x-2020–4-35–73
- Тен Ю.П.* Символическая политика конструирования идентичности Европейского Союза: опыт интерпретации // Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 54–65.
- Титов В.* Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 42–54.
- Тишков В.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
- Федотова В.* Механизмы ценностных изменений общества // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2011. – № 4. – С. 56–65.
- Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Славянский мир как политический конструкт // Русин. – 2015. – № 4. – С. 37–53.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 352 с.
- Suchanek L.* Славянская идентичность – в истории и в наше время // Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU. – 2017. – Т. 13. – С. 53–69. – DOI: <https://doi.org/10.4467/25439561ksr.17.004.7874>

З.Р. УСМАНОВА, Н.В. СМУЛЬКИНА*
**АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ ПРОШЛОГО
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГРАЖДАН
О БУДУЩЕМ РОССИИ¹**

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов политико-психологического исследования восприятия гражданами России своей страны, проведенного осенью 2022 г. Эмпирическая база исследования получена с применением качественных методов: глубинных интервью, неоконченных предложений, рисуночных проективных техник. В статье сделаны выводы, что образ будущего России приобретает в представлениях россиян более четкие контуры по сравнению с результатами, полученными в предыдущих исследованиях, но также у некоторой части респондентов сохраняется ощущение неопределенности. Обнаруживаются два сценария развития страны, позитивный и негативный, каждый из которых обусловлен в представлениях респондентов событиями прошлого, с которыми их сознание проводит логические аналогии.

Исследование показало, что появился некоторый консенсус во взглядах и мнениях граждан относительно своей страны, так как актуальный событийный

* **Усманова Заира Романовна**, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: rassol2007@yandex.ru ; **Смутькина Наталья Валентиновна**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики, МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник; Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: smulkina@mail.ru

¹ Проект № 122101100033–0 «Образ настоящего, прошлого и будущего России в сознании ее граждан» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

контекст стимулирует менее противоречивые оценки исторических событий. События, происходящие в настоящее время, интерпретируются в массовом сознании как повторение событий прошлого и позволяют структурировать историческую память различных слоев российского общества в системе противоположных оценок (хорошо – плохо), нивелируя неоднозначность (и вместе с тем неактуальность). История в периоды турбулентности воспринимается не только как «что-то прошедшее», но и как «что-то, что вершится сейчас» и как «то, что повторится в будущем». В ходе исследования была выявлена тенденция политического восприятия, демонстрирующая связь образов прошлого и образов будущего, названная нами механизмом «ренессансного» конструирования образа будущего, в рамках которого восприятие времени гражданами обретает особые черты. Сделано предположение, что механизм «ренессансного» конструирования будущего позволяет сознанию респондентов, при отсутствии уникальных мессианских идей в современном коммуникативном пространстве, заимствовать мессианские идеи из прошлого и определять некоторые универсальные, всем понятные ориентиры.

Выявленная полярность в оценках гражданами прошлого, настоящего и будущего России, а также сегментация этих оценок детерминированы субъектными факторами политического восприятия: влиянием поколенческих особенностей картины мира воспринимающих, приобретенного ими индивидуального и группового социального опыта.

Ключевые слова: образ прошлого; образ будущего; политическое восприятие; политико-психологический подход; образ страны; политические представления; национальная идентичность.

Для цитирования: Усманова З.Р., Смутькина Н.В. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 254–272. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.11>

Глобальные современные социокультурные и политические вызовы оказывают значительное влияние на трансформацию образов тех или иных стран в общественном сознании, переоценку исторических событий и лиц. Тема изменения политического восприятия своей страны россиянами в условиях формирования национально-государственной идентичности у представителей разных поколений становится все более актуальной в последние годы. В фокусе внимания оказываются темы как нарастающих социализационных различий российских граждан [Шестопал, Смутькина, 2018; Селезнева, 2021], так и особенностей реагирования общества на информационный контент, представленный в пространстве российских медиа [Малинова, 2010; Денисов, 2019].

В силу ряда причин происходит кристаллизация образов своих и чужих в сознании граждан [Евгеньева, 2017]. Образы вра-

гов и друзей, формируемые в массовом российском сознании, приобретают новые краски. При этом все чаще исследователи фиксируют проявление ретроориентированных оценок настоящего и взаимосвязь образов прошлого и будущего [Селезнева, 2021; Желтикова, Брызгалов, 2022]. В условиях пересмотра истории, развития подходов к символической политике, политике идентичности научные дискуссии о характере связи представлений о настоящем, прошлом и будущем в научной среде в последние годы становятся более острыми и, несомненно, более актуальными [Брызгалов, 2021; Денисов, 2019].

При росте социальной и политической нестабильности, усилении информационного давления на общество извне нередко наблюдаются тенденции укрепления в сознании граждан патерналистских ориентаций [«Они» и «Мы» ... , 2021], размывания «зон безопасности» и сокращения горизонтов планирования [Евгеньева, 2017]. Образ будущего становится более неконгруэнтным, происходит его подмена категориями «психологического будущего». В этом случае особо значимым фактором политического восприятия становится субъектный, связанный с воспринимающей стороной. Это определено и тем, что в вышеописанных условиях усиление чувства неуверенности в завтрашнем дне у представителей отдельных социальных групп (своеобразных «групп риска») способно привести к росту социальной конфликтности, а также к радикализму политических установок.

Изучение представлений россиян о своей стране в темпоральной взаимосвязи позволяет в данном случае рассмотреть критерии формулирования гражданами таких значимых для национально-государственной идентичности вопросов, как «Кто мы?» и «Куда мы идем?». Поиск «общего знаменателя» образов прошлого, настоящего и будущего интересен тем, что может помочь увидеть точки их соприкосновения, пересечения и, возможно, дать основу для сравнительного анализа [Брызгалов, 2021].

Теоретико-методологические основания исследования

Проблемное поле исследования рассматривалось нами при учете не только политологических, но также социологических и психологических аспектов. В качестве основного был выбран по-

литико-психологический подход. Согласно ему, изучение политического восприятия происходит как на рациональном, так и на неосознаваемом уровнях. Изучению политических образов, их структуры, факторов, влияющих на процесс их формирования, посвящены работы как зарубежных, так и отечественных исследователей [Alcock, Newcombe, 1970; Caplan, 2001; Granberg, Kasmer, Nanneman, 1988; Селезнева, Смутькина, 2020]. Учитывая методологические наработки в рамках данной традиции, мы рассматривали образ страны с учетом шкалы оценки «привлекательность – сила – активность». Значение придавалось и символическому наполнению образа, его четкости, конгруэнтности, так как, согласно литико-психологическому подходу, источником формирования политических образов является не только сама политическая реальность, но и мифо-символическое пространство [Евгеньева, 2017; Малинова, 2010; Попова, 2016].

Образ страны в данном исследовании рассматривался как многосоставный конструкт, формируемый в условиях воздействия разнородных факторов. Значимой для нас в этих работах стала факторная модель политического восприятия, предложенная Е.Б. Шестопал и уточненная представителями ее школы политического восприятия [Селезнева, Смутькина, 2020; «Они» и «Мы» ... , 2021]. Согласно данной модели, формирование образа страны в массовом сознании обусловлено воздействием объектных факторов (характеристик непосредственно воспринимаемого объекта) и субъектных факторов (связанных с воспринимающей стороной) [Шестопал, Смутькина, 2018]. В качестве значимых теоретико-методологических оснований выступали подходы изучения трансформаций политических образов под влиянием коммуникативного фактора (информационная повестка, специфика контактов с представителями «других» и «чужих») [Титов, 2017; Евгеньева, 2017], территориального фактора (а именно, осознание пространственных образов, связанных с нацией), событийного и культурного контекста, в котором разворачивается процесс восприятия [Замятин, 2011; Мирошниченко, 2018].

В научной литературе особенности формирования темпоральных и территориальных образов стран зачастую обусловлены влиянием субъектного фактора [Herb, Kaplan, 2017]. Значимыми для нас исследованиями стали те, которые были посвящены теоретическим аспектам формирования и репрезентации национально-

государственной идентичности в современном мире [Семененко, Лапкин, Пантин, 2010; Попова, 2016; MacCrone, Bechhofer, 2015; Siddy, 2017].

Исследования образа современной России в сознании ее граждан все чаще проводятся в рамках междисциплинарных научных проектов, представляющих для нас особый интерес. В последние годы все более популярным становится и направление изучения образа будущего страны, барьеры его формирования в массовом сознании. Нередко в данных работах поднимается вопрос размывания политических прогнозов, их зависимость от меняющегося контекста восприятия.

А.Л. Брызгалов отмечает, что «общим знаменателем» у образов прошлого и будущего выступает настоящее с его настроениями, потребностями, ассоциациями. По мнению исследователя, процесс формирования образов будущего (и прошлого) на шкале времени проявляется в том, что из имеющихся кирпичиков реального опыта человек создает новый опыт в воображаемом пространстве. Значение имеет настоящий момент времени с его комбинацией эмоций – настроением и потребностями. Происходит возникновение ассоциаций в настоящий момент времени с полученным ранее опытом. Настроение, потребности и ассоциации формируют мотивацию к действию как реальному, так и воображаемому (в том числе создают образы прошлого или будущего) [Брызгалов, 2021].

Значимость опыта воспринимающего для процесса актуализации взаимозависимых образов прошлого и будущего, действительно, видится весьма интересной темой. И.В. Желтикова отмечает, что образ прошлого и образ будущего есть представления, сформированные настоящим, но не всей современной социальной реальностью, а только той, в которую был вовлечен автор-наблюдатель актуальным именно для него настоящим. Индивидуальные представления о прошлом актуализируются конкретной жизненной ситуацией, в которую включен носитель представлений. Ассоциации, аллюзии, аналогии, возникающие в настоящем, накладывают отпечаток на содержание образов, выдвигая для человека на первый план те или иные события, меняя их оценку и интерпретацию [Желтикова, 2022].

Для продолжения рассмотрения вышеуказанных весьма интересных идей в нашем исследовании мы поставили **методологи-**

ческую задачу изучить образы страны в массовом сознании россиян с позиции интерпретаций прошлого (осмысления, переосмысления), прогнозирования будущего – по аналогии или вопреки. В фокусе внимания было не содержательное наполнение образов России (в других работах авторов можно ознакомиться с ними), а поиск массовым сознанием исторических параллелей с текущими событиями в процессе восприятия своей страны.

В рамках разрабатываемой теоретико-методологической модели за основу были взяты несколько утверждений.

1. Будущее – это то, что не подлежит опытному осмыслению, а подвергается лишь моделированию в сознании человека. И поскольку речь идет о массовом сознании, то и механизмы, с помощью которых происходит формирование соответствующих представлений, являются социально-психологическими (категоризация, стереотипизация, атрибуция, идентификация). И если в отношении образов прошлого наблюдается ожидаемая фрагментарность, частичное, избирательное знание истории, то образ будущего – полностью свободный предмет, требующий максимальной работы сознания по заполнению пустоты. Сознание людей заполняет пространство будущего всевозможными авторитетными и экспертными мнениями и прогнозами, но вместе с тем и проецирует на образ будущего свои страхи, тревоги, волнения, ожидания и надежды. Эмоциональный спектр переживаний очень разнообразен и позволяет создавать самые причудливые сюжеты будущего. Одновременно следует иметь в виду, что сложность и динамизм современной жизни могут провоцировать эмоциональную усталость, стимулировать закрепление «пустого» образа будущего в сознании части общества.

2. Связь между прошлым и будущим в системе массового восприятия осуществляется в настоящем, где информационное пространство, наполняемое сообщениями социализирующих институтов – государства, СМИ, системы образования, сферы культуры и т.д. – оперирует символами, придавая им определенный, соответствующий контексту смысл. В такой модели важнейшее значение отводится не конкретному символу (лидеру, объекту, событию), а его значению (смыслу, приписываемому ситуацией или некой системой координат, контекстом).

3. Настоящее – это тот событийный контекст, который является актуальным сейчас (в настоящее время) и выступает двигате-

лем связывания образа прошлого с образами будущего. Актуальный событийный контекст и повестка дня, формируемая вокруг него, придают событиям смысловое значение. Вместе с тем оценка событий происходит с опорой на уже имеющиеся представления. Данные представления являются, по большей части, априорными, слабо связанными с личностным или коллективным опытом, но включают субъективные реакции, чувства, крепко связанные с коллективной памятью, ментальными репрезентациями. Для нашего исследования актуальный событийный контекст был представлен некоторыми маркерами – событиями, связными со специальной военной операцией; санкционной политикой; деятельностью известных личностей – представителей культурной, экономической, политической и иных сфер и др.

Опираясь на вышеуказанные утверждения, сделаем предположение, что высокая изменчивость событийного контекста (контекстуальный фактор) способна усиливать вероятность таких психологических особенностей массового восприятия, как фрагментарность, иррациональность и бессистемность. Указанные предположения об особенностях восприятия заставляют учитывать значимость не только событийного контекста – настоящего – как важнейшего фактора политического восприятия, но и субъектного фактора. Речь здесь идет прежде всего об особенностях и характеристиках воспринимающего субъекта (поколенческих, социально-демографических, психологических, территориальных).

Характеристика эмпирического исследования

Эмпирической базой исследования послужили результаты изучения политических представлений россиян, проведенные в течение 2022 г. в Москве, Красноярском крае, Приморском крае, Челябинской, Ростовской, Костромской, Самарской, Тюменской областях, в республиках Башкортостан и Дагестан. Выборка составила 175 респондентов. Исследование носило глубинный качественный характер и не было задумано как масштабное и репрезентативное для всей страны в целом. Вместе с тем выборка в нём была сбалансирована по полу, возрасту и образованию.

Для сбора эмпирических данных были применены метод полустандартизированного интервью, метод направленных и свободных

ассоциаций, процедуры завершения предложений, рисуночные тесты «Россия сегодня», «Будущее России». Интерпретация данных основана на качественном контент-анализе собранного материала.

Благодаря выбранным методологическим подходам стало возможным получить данные, позволяющие изучить как рациональные, так и иррациональные компоненты восприятия, решить более широкие и сложные познавательные задачи. Динамично меняющаяся реальность, событийный контекст, агрессивный информационный дискурс способствуют усилению у россиян чувства тревоги, провоцируют усиление настороженности, увеличивают число отказов обсуждать политические темы открыто. Табуированность политических тематик у ряда респондентов в последнее время заметно усиливается. В ходе открытых опросов все ярче проявляет себя и эффект социальной желательности. В описываемой ситуации актуальность использования проективных методов только растет. Именно в случае сензитивных, «чувствительных» вопросов проективные методы максимально эффективны, так как позволяют респонденту быть более раскрепощенным, откровенным. Данные методы позволяют рассматривать эмоциональные и зачастую наиболее глубокие, неосознаваемые до конца пласты политического сознания респондентов.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное исследование позволило выявить несколько особенностей политического восприятия россиянами своей страны в темпоральном аспекте.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что видимая линия идейного разлома в сознании россиян выступает в качестве проекции раскола в интерпретации прошлого, роли различных эпох, становления и развития нашей страны, эмоциональных оценок происходящих в настоящее время событий. Эмоциональные оценки характеризуются импульсивностью и слабой рационализацией политического восприятия. Речь здесь идет прежде всего о чувствах тревоги, страха или, наоборот, воодушевления при прогнозировании.

Образ будущего был представлен такой же символически наполненной конструкцией, как и образ прошлого. При обработке

материалов эмпирического исследования было обнаружено значительное количество (до 70%) эмоционально окрашенных символических сюжетов, отражающих переживания респондентов. При этом, описывая настоящее, респонденты гораздо чаще обращались к актуальным, более конкретным сюжетам, например воспроизводили повестку массмедиа.

При сопоставлении содержательных символических сюжетов, описываемых респондентами как «представление о будущем» и «представление о прошлом», была обнаружена устойчивая взаимосвязь между ними и частое использование одних и тех же когнитивных конструкций (слов, словосочетаний, содержательных и оценочных категорий) для категоризации своих представлений. Например, описывая прошлое как «эпоху процветания», респонденты выборочно обращались к набору символов гордости – «первые в космосе», «победители фашизма», «социальное государство», «равенство, богатство» и т.д. При этом будущее они достаточно часто (примерно в 2/3 случаев) описывали как восстановление былого величия и гордости. В то же время те респонденты, которые описывали прошлое негативно (например, как «эпоху застоя», несвободы), в оценках будущего выборочно обращались только к негативным сюжетам и оценкам («лагеря», «закрытая отсталая страна» и т.д.).

При изучении материалов, полученных в ходе эмпирического исследования (высказываний респондентов, рисунков), были выделены наиболее упоминаемые темы, затрагивающие образы страны в темпоральной перспективе (табл. 1).

Таблица 1

Темы, наиболее актуализированные при упоминании респондентами образов прошлого и образа будущего в контексте разговора о настоящем

Образ прошлого	Настоящее – событийный контекст	Образ будущего
• Нацист, фашист • Капитализм (Ротшильды, Рокфеллеры) • Колониализм • Советский ресурс	• Противостояние общему врагу • Поиск «своих» • Определение врага – НАТО • Пересмотр ресурсного потенциала	• Победа над нацистами • Победа над капиталистическим Западом и транснациональным капиталом • Победа над «своими» олигархами

Рассмотрим более детально образ будущего России, сформированный в сознании граждан. Оценки настоящего России и составление возможных прогнозов ее существования в ходе беседы выстраивались респондентами вокруг определенных вариантов развития (обновления / перестройки) страны. Назовем данные варианты **концептами 2.0**. Рассмотрим, как они проявляли себя, раскрывались в политическом восприятии прошлого, настоящего и будущего России сегодня. Происходит ли их глубокое осмысление респондентами? Проведенный анализ позволил говорить об актуализации следующих концептов:

2.0 как ренессанс или реванш. В символическом пространстве образов наиболее актуализирована тема восстановления страной мощи, державности. В рисуночных тестах присутствовали изображения России не просто защищающейся, а дающей отпор, продвигающейся вперед, подпитываемой от незримого источника (культуры, истории, менталитета, духовности, природных богатств).

2.0 как «дважды на одни грабли». К данному концепту были склонны более пессимистично настроенные респонденты. Актуализирована тема повторения страной сценариев (ошибок) прошлого. Обсуждались темы цикличности истории. Субъектность при этом связывалась не только с образом власти, но и с образом народа. В фокусе внимания была активность общности в целом. Респонденты в ходе интервью отмечали, что «история нас ничему не учит», «наша память коротка».

2.0 как повторение серии побед – актуализация паттернов «Победа в Великой Ответственной войне», «Победа над фашизмом / нацизмом». Идея – мы победим, как побеждали всегда. Варианты проигрышей при этом не рассматриваются. Довольно часто прослеживалась идиома единения народа, сплочения перед лицом общего врага, любовь к родной стране (патриотизм). Примечательно, что предположительный концепт **2.0 как повторение серии поражений** не был актуализирован в ответах респондентов.

2.0 как НЕ повторение исторических провалов – актуализация паттернов «Репрессии», «Экономическое отставание / дефицит гражданских товаров», «Ограбление народа», «Лихие девяностые». Субъектность в данном случае смещалась на образ власти, принимающей решение. Ответственность за потенциальные риски возлагалась на власть имущих. В фокусе внимания – мотивационный

профиль элиты. Тема гражданского общества, предупреждающего варианты негативных сценариев, не была актуализирована.

2.0 как НЕ повторение былых побед. В данном случае негативизировался не только образ власти (*плохие руководители, неспособные обеспечить контроль и учет, стать «образцами для подражания»*), но и образ народа (*«богатыри, не мы»*). У респондентов наблюдалась национально-государственная идентичность с преобладанием негативных образов «мы». Представления о субъектности общества в политическом процессе хоть и присутствовали, однако отличались размытостью.

Примечательным на наш взгляд является тот факт, что «ретрооптимисты» (респонденты, позитивно оценивающие прошлое страны) практически не предлагали в будущем ничего несхожего с прошлым, т.е. нового, отличного от ретроспекции уже полученного когда-то социального опыта. И для «ретропессимистов» (респондентов с негативными оценками прошлого) будущее, по аналогии с «оптимистами», выглядело как восстановление старого политического и общественного строя.

И в том и в другом случае наблюдается достаточно устойчивая тенденция к использованию сюжетов прошлого для описания будущего страны. Респондентов не смущают противоречия между тремя темпоральными образами в их сознании, они его не замечают. Однако упомянутые противоречия все же были проявлены в некоторой части материалов и выглядели следующим образом: респонденты соотносили «великое прошлое» с «неудачным настоящим» и тут же с «великим будущим» либо «неудачное прошлое» с «прогрессивным настоящим» и «провальным будущим».

Создается впечатление, что в сознании респондентов происходит некоторый перенос смысловых конструкций, не имеющих отношения к личному опыту (т.е. мифологизированных, стереотипизированных, редуцированных), из прошлого в будущее, из-за чего артикулируются соответствующие аналогии. Но при этом настоящее как бы ускользает из поля внимания. На рисунке это можно изобразить в виде дуги, соединяющей прошлое с будущим; но в середине дуги настоящее все же присутствует.

Описанный процесс переноса символических сюжетов из прошлой истории страны на представления о ее будущем названы нами «ренессансным механизмом конструирования» образа будущего.

Обратим внимание на выделенные в ходе анализа эмпирических материалов наиболее упоминаемые респондентами **символические идиомы**, проявляющиеся в **концептах 2.0**, и упоминаемые в привязке к актуализированным кочующим образам (табл. 2).

Таблица 2

Символические идиомы в образах прошлого, настоящего и будущего страны

Империя	«Соборность, Державность, Народность!», «Православие, самодержавие, народность».
СССР	«Коллективизация. Культурная революция. Социализм. Коммунизм», «Победа», «Восстановление», «Застой».
Развитие	«Индустриализация. Пятилетка» «Перестройка. Гласность. Демократия. Свобода».
Современная Россия	«Приватизация. Частная собственность. Шоковая терапия», «Свободный рынок. Либерализм», «План Путина – победа России!», «Суверенитет и целостность страны. Стабильность. Модернизация. Лидерство», «Инновации. Инвестиции. Инфраструктура. Институты», «Стабилизация. Экономический рост. Социальная политика».
Культурное возрождение	«Русский мир», «Собирание земель», «Духовность. Традиционные ценности».

Рассмотрение символических идиом в контексте обсуждаемых вопросов интервью позволило выявить когнитивную простоту образов. За упоминанием символических идиом не стояли содержательно наполненные утверждения, идей не было. Присутствовал, скорее, каламбур заимствований и ретроспекций.

Во-вторых, можно сказать, что имеющиеся представления – это образы прошлого (ретроориентации). В числе наиболее актуализированных ретроориентаций граждане всех возрастов выделяют то, что является для них общим, наиболее артикулируемым и узнаваемым: Победа в ВОВ над фашизмом, Коллективный враг – фашизм, капитализм, Коллективный труд – строительство БАМа, Достижения – Покорение космоса, Создание ядерного вооружения, герои и др.

Интересно, что при вышеупомянутых тенденциях восприятия прошлое артикулируется как размытое пространство, которое связано в сознании респондентов с «бывшей былинностью», не имеющей ничего общего с постепенным разворачиванием исторического процесса от наиболее отдаленных к наиболее приближен-

ным периодам, а также жесткой привязкой исторических личностей, событий и иных символов к конкретным датам на темпоральной шкале. Прошлое воспринимается, скорее, как «эпоха» – «золотой» или «серебряный» век либо эпоха «смуты», «разрухи», «кризиса». Поэтому всплывающие в сознании россиян символы той или иной эпохи (например, дефицит товаров на прилавках) могут быть заимствованы сознанием и из других темпоральных промежутков, более ранних или более поздних. Движущим механизмом такого «всплывания» является эмоция, ассоциируемая с эпохой. Так, например, у тех респондентов, которые проявляют симпатии к имперской русской идее, символами эпохи выступают разрозненные сюжеты, хаотично выхватываемые из истории и российской империи, Советского Союза и даже современной России. Эти сюжеты всплывают не всегда в хронологическом порядке и скорее несистемно, но всегда в положительном значении. При этом опускаются любые исторические неудачи и провалы. Примечательно, что респонденты, испытывающие противоположные эмоции в отношении указанной эпохи, выбирают сюжеты строго противоположные, акцентируя внимание на негативных событиях. Такая избирательность сознания, фрагментарность связывается нами с той инструментальной ролью, которую играют образы прошлого в понимании текущей истории и формировании их ожиданий.

В-третьих, можно с уверенностью утверждать, что наблюдаемая полярность в оценках прошлого, настоящего и будущего России и сегментация оценок детерминированы субъектными факторами политического восприятия. И речь здесь идет не столько об абстрактном состоянии массового сознания (весьма сложно исследуемом и измеряемом явлении), сколько о приобретенном индивидуальном или групповом социальном опыте. Обращает на себя внимание поколенческая специфика восприятия, различия в представлениях респондентов из разных социально-экономических слоев общества. В ходе интервью поднимаемые идеи, на которых держится картина мира разных групп респондентов, противоречили друг другу, соприкасались с трактовками и прошлого, и будущего страны. Выявленная тенденция весьма интересна, но требует более детального исследования, последующей проверки в количественном исследовании, на больших выборках.

В-четвертых, в продолжение вышеуказанной особенности восприятия следует отметить, что, вероятно, клиповость мышле-

ния молодого поколения становится благодатной почвой для усиления значимости в процессе современного политического восприятия психологического механизма стереотипизации. Именно он способствует конструированию молодыми россиянами образа будущего России с позиции двух вариаций противоречия образов настоящего и будущего. Первая вариация – переворачивание стереотипа: «если сейчас плохо, то станет хорошо». Вторая вариация: «если сейчас хорошо, то станет плохо».

Полученные эмпирические данные позволили предположить, что как в конструировании «позитивного» / «провального» будущего, так и в формировании представлений о «достойном» / «позорном» прошлом для каждой категории респондентов значительную (если не главную) роль играет именно характер социализации граждан и их медиапотребление в настоящее время. Это актуализирует проблемы целенаправленного воздействия и, по возможности, контроля повестки дня государственными властями, сглаживания противоречий в трактовках и предлагаемых оценочных концепциях.

В-пятых, даже при учете значительного влияния СМИ на формирование политических образов в массовом сознании говорить о полном торжестве стереотипизации и категоризации в процессе политического восприятия все-таки преждевременно. Размывание образов прошлого и будущего России и неконгруэнтность образов настоящего страны – весьма заметные тенденции политического восприятия сейчас. В нашем исследовании респонденты воспроизводили противоречивые по своей сути стереотипные сюжеты, оперируя образами прошлого и поясняя будущее страны. Например, говоря о возрождении СССР (идиома довольно часто актуализируется в медиапространстве), они характеризовали Россию будущего с помощью набора общих позитивных и не всегда связанных с СССР (стереотипных ему) категорий, таких, например, как «открытость», «свобода». Да и образ современности мог быть весьма противоречив. Например, в случае, когда в один ассоциативный ряд выставлялись категории «страшная / пугающая» и «красивая».

В-шестых, выявленная в ходе исследования противоречивость образа России характеризуется также четко артикулируемыми позитивными ожиданиями, которые не всегда обоснованы в сознании респондентов какими-либо конкретными причинными или объективными связями с фактами настоящего или прошлого.

В связи с этим респонденты заменяют их на субъективные оценочные суждения (например «неуверенность в завтрашнем дне, но уверенность в успехе»). Будущее характеризуется общими категориями «стабильность», при этом выставленными в один ряд с суждением *это все за счет крови людей*. В некоторых случаях ассоциативный ряд начинается категорией «неизвестность» или «неопределенность», а продолжается категориями «развитие», «рост».

Подводя итоги, отметим, что образ будущего страны в сознании россиян все еще размыт, но становится четче, появляется некоторый консенсус во взглядах и мнениях, так как актуальный контекст стимулирует менее противоречивые оценки исторических событий.

В ходе исследования была выявлена весьма интересная тенденция политического восприятия – проявление «ренессансных» механизмов конструирования образа будущего. Заметна при этом поколенческая специфика проявления данной тенденции. Это требует последующего тщательного изучения. Можно предположить, что *«ренессансные» механизмы конструирования будущего позволяют сознанию респондентов заимствовать мессианские идеи и какие-то всем понятные ориентиры, к которым следует стремиться как лично, так и коллективно.*

Контекстуальный фактор способствует структурированию исторической памяти в системе противоположных оценок (хорошо–плохо), нивелируя неоднозначность этих оценок (и, вместе с тем, и их неактуальность). История воспринимается как «что-то, что вершится сейчас», «то, что повторится в будущем» («повторяя некоторые вехи прошлого в будущем»). Важной видится и наблюдаемая у респондентов сложность в конструировании новых идей, не связанных с имеющимся опытом (иллюзией имеющегося опыта – коллективной памятью).

Сделанные на начальных этапах исследования предположения подтвердились. Оправданной оказалась исследовательская концепция, опирающаяся на модель, в которой *время в сознании людей протекает нелинейно*. На самом деле граждане существуют лишь здесь и сейчас, и наиболее актуальная и когнитивно-обрабатываемая повестка – это повестка дня (плюс пару недель назад и не более). В таком случае прошлое, как и будущее, существуют в сознании граждан здесь и сейчас. Прошлое обретает значение через актуальные интерпретации, а будущее заполняется сублимированными ожида-

ниями, чаяниями или тревогами, взятыми из актуального настоящего или актуализированного сегодня прошлого.

Такой подход позволил нам достаточно взвешенно интерпретировать результаты политико-психологических исследований, полученных в 2020–2022 гг., и, вместе с тем, использовать свежие данные, собранные благодаря качественным методам. Именно учет факта влияния событийного контекста при исследовании политического восприятия страны позволил нам проследить проекции прошлого на образы будущего, возникающие в настоящее время в сознании россиян. Методологические наработки требуют дальнейшей апробации в будущих исследованиях в условиях теоретической и эмпирической триангуляции.

За скобками исследования остался коммуникативный фактор политического восприятия, влияние которого неоспоримо и требует последующего изучения. Не проводя детальных сопоставлений образов в массовом сознании россиян и образов, транслируемых СМК, и опираясь лишь на результаты опроса, отметим, что на наш взгляд на сегодняшний момент важной задачей государственной информационной политики видится сглаживание различий в представлениях о прошлом опыте у разных слоев общества. Ценностная разбалансировка образа будущего, формируемого в информационной повестке государства, «идейные качели» могут выступать в качестве своеобразного коммуникативного барьера политического восприятия прошлого, настоящего и будущего страны, стимулировать раскол в политических представлениях граждан, и, как следствие, радикализировать некоторые политические установки.

Z.R. Usmanova, N.V. Smulkina*
Actualization of images of the past in citizens'
ideas about the future of Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of a political and psychological study of the perception of Russian citizens of their country, conducted in the fall of 2022. The empirical

* **Usmanova Zaire**, Financial University under the Government of the Russian Federation; INION (Moscow, Russia), e-mail: rassol2007@yandex.ru ; **Smulkina Natalia**, Lomonosov Moscow State University; INION (Moscow, Russia), e-mail: smulkina@mail.ru

basis of the study was obtained using qualitative methods: in-depth formalized interviews, incomplete sentences, projective drawing techniques. The article concludes that the image of the future of Russia is becoming clearer in the views of Russians, compared to the results obtained in previous studies, but some respondents also retain a feeling of uncertainty. Two scenarios of the country's development are revealed, positive and negative one, each of which is conditioned in the respondents' views by the events of the past, with which their consciousness draws logical analogies.

The study showed that there is some consensus in the views and opinions of citizens regarding their country since the current event context stimulates less controversial assessments of historical events. The events currently taking place are interpreted by the mass consciousness as a repetition of the events of the past and allow to structure the historical memory of various strata of Russian society in a system of opposite evaluations (good-bad), leveling out the ambiguity (and at the same time irrelevance). History during periods of turbulence is perceived not only as «something of the past», but also as «something that is happening now» and as «something that will be repeated in the future». The study reveals a trend of political perception demonstrating the connection between images of the past and images of the future, which we call the mechanism of the «Renaissance» construction of the image of the future, within which the perception of time by citizens acquires special features. It is suggested that the mechanism of the «Renaissance» construction of the future allows the consciousness of the respondents to get messianic ideas from the past, in the absence of unique messianic ideas in the modern communicative space, and to determine some universal, understandable guidelines for everyone to strive for now and in the future, both personally and collectively.

The revealed polarity in citizens' assessments of the past, present and future of Russia, as well as the segmentation of these assessments, are determined by subjective factors of political perception: the influence of generational features of the perceiver's worldview, the individual and group social experience they have acquired.

Keywords: image of the past; image of the future; political perception; political-psychological approach; image of the country; political ideas; national identity.

For citation: Usmanova Z.R., Smulkina N.V. Actualization of images of the past in citizens' ideas about the future of Russia. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 254–272. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.11>

References

- Alcock N.Z., Newcombe A.G. The perception of national power. *The journal of conflict resolution*. 1970, Vol. 14, N 3, P. 335–343. DOI: <https://doi.org/10.1177/002200277001400304>
- Bryzgalov A.L. Images of the past and images of the future as derivatives of the present. *Image of the future*. Digest of articles. Oryol: Kartush, 2021, P. 21–25. (In Russ.)
- Caplan B. Rational ignorance versus rational irrationality. *Kyklos*, 2001, Vol. 54, N 1, P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6435.00138>
- Denisov Yu.P. The role of images of the past in Russian political discourse. In: Tyumentseva G.I. (ed.). *Man and society in an unstable world*. Materials of the international scientific-practical conference. Omsk: Omsk Law Academy, 2019, P. 37–41. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V. Crimea in the space of Russian Identity: figurative and symbolic dimension. *Values and meanings*. 2017, Vol. 50, N 4, P. 20–33. (In Russ.)

- Granberg D., Kasmer J., Nanneman T. An empirical examination of two theories of political perception. *Western political quarterly*. 1988, Vol. 41, N 1, P. 29–46. DOI: <https://doi.org/10.1177/106591298804100103>
- Herb G., Kaplan D. *Scaling identities nationalism and territoriality*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2017, 226 p.
- MacCrone D., Bechhofer F. *Understanding national identity*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, 226 p.
- Malinova O. Yu. Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V. Spatial image of Europe in the minds of Russian youth. Bulletin of the Perm University. *Political science*. 2018, N 2, P. 31–44. (In Russ.)
- Popova O.V. The basic matrix of the state policy of identity in modern Russia. *Political space and social time*. 2016, P. 160–165. (In Russ.)
- Selezneva A.V. Historical representations in the structure of modern Russian youth's civic consciousness. *Istoriya*. 2021, N 1 (12). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207987840013809-8> (In Russ.)
- Selezneva A.V., Smulkina N.V. Images of the countries of the Slavic world in the minds of Russian citizens (on the example of Ukraine and Belarus). *Rusin*. 2020, Vol. 54, N 4, P. 352–371. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/54/21> (In Russ.)
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Identity in the coordinate system of world development. *Polis. Political Studies*. 2010, N 3, P. 40–59. (In Russ.)
- Shestopal Ye.B., Smulkina N.V. Factors of political perception of post-soviet countries in contemporary Russian society. *Polis. Political studies*. 2018, N 1, P. 26–44. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.03> (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.). *"They" and "We". Images of Russia and the world in the minds of Russian citizens*. Moscow: ROSSPEN, 2021, 420 p. (In Russ.)
- Siddy M. *National Identities and foreign policy in the European Union the Russia policy of Germany, Poland and Finland*. ECPR Press, 2017, 224 p.
- Titov V.V. *The Politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Moscow: Printing house "Your format", 2017, 184 p. (In Russ.)
- Zamyatin N. Yu. The meaning of position: place in mental-geographical spaces. *Cultural geography*. 2011, N 4, P. 60–67. (In Russ.)
- Zheltikova I.V., Bryzgalov A.L. The problem of forming images of the past and images of the future as elements of the temporal picture of the world. *Philosophical Thought*. 2022, N 11, P. 73–94. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.11.39207> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Брызгалов А.Л. Образы прошлого и образы будущего как производные настоящего // Образ будущего: сборник статей, Орел, 19–20 февраля 2021 года. – Орел: Картуш, 2021. – С. 21–25.

- Денисов Ю.П. Роль образов прошлого в российском политическом дискурсе // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы международной научно-практической конференции / ответственный редактор Г.И. Тюменцева. – Омск: Омская юридическая академия, 2019. – С. 37–41.
- Евгеньева Т.В. Крым в пространстве российской идентичности: образно-символическое измерение // Ценности и смыслы. – 2017. – Т. 50, № 4. – С. 20–33.
- Желтикова И.В., Брызгалов А.Л. Проблема формирования образов прошлого и образов будущего как элементов темпоральной картины мира // Философская мысль. – 2022. – № 11. – С. 73–94. – DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.11.39207>
- Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. – М.: РОССПЭН, 2004. – 349 с.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Миросниченко И.В. Пространственный образ Европы в представлениях российской молодежи // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 2. – С. 31–44.
- «Они» и «Мы». Образы России и мира в сознании российских граждан: коллективная монография / Бикбулатов Э.А., Виноградова Н.С., Зверев А.Л. [и др.]; под редакцией Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2021. – 420 с.
- Попова О.В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время. – 2016. – С. 160–165.
- Селезнева А.В. Исторические представления в структуре гражданского самосознания современной российской молодежи // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – № 1 (12). – DOI: <https://doi.org/10.18254/s207987840013809-8>
- Селезнева А.В., Смутькина Н.В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии) // Русин. – 2020. – Т. 54, № 4. – С. 352–371. – DOI: <https://doi.org/2010.17223/18572685/54/21>
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 40–59.
- Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. – М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
- Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 26–44. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.03>

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

М.А. БИСЛЕР*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК
СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА
2012–2022 гг.**

Аннотация. Идеологические трансформации властных элит в постсоветской России поместили традиционные ценности в мейнстрим политической дискуссии. Со временем идеологема традиционных ценностей все больше проникала в официальный дискурс и нормотворчество, что было охарактеризовано исследователями как «консервативный поворот». Существующие работы, в основном сосредоточенные на объяснении идеологического потенциала традиционных ценностей, недостаточно уделяют внимание другому процессу – позиционированию этих же ценностей в качестве составляющей российской безопасности. В этой статье предпринимается попытка объяснить связь традиционных ценностей с безопасностью при помощи дискурса-анализа в теоретических рамках Копенгагенской школы секьюритизации.

Сконцентрировав внимание на начальном этапе секьюритизации, речевом акте, рассмотрен политический дискурс президента России с 2012 по 2022 г. На основе этих материалов выявлены закономерности в отношении содержания идеологемы традиционных ценностей и смысловой классификации угроз этим ценностям. Кроме того, проиллюстрированы аргументы, связывающие традиционные ценности с национальной безопасностью.

Традиционные ценности понимаются как инструмент объединения российского общества, делается особый акцент на модели семьи, высокой нравст-

* Бислер Матвей Александрович, студент бакалаврской программы «Мировая политика», Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва, Россия), e-mail: matvei.bisler@gmail.com

венности и преемственности поколений. При этом угрозой традиционным ценностям преимущественно выступает ценностный диктат коллективного Запада, что, как утверждается, может привести к потере суверенитета, усилению демографического кризиса и стиранию российской идентичности.

В этой работе также предприняты первые шаги к осмыслению набирающих силу риторических и политических тенденций в России после 2022 г. и предложена основа для дальнейшего изучения традиционных ценностей через подход Копенгагенской школы.

Ключевые слова: дискурс-анализ; традиционные ценности; властная риторика; президентский дискурс; секьюритизация; национальная безопасность.

Для цитирования: Бислер М.А. Традиционные ценности как составляющая российской безопасности: исследование президентского дискурса 2012–2022 годов // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 273–294. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.12>

Генезис идеологии традиционных ценностей

С начала 1990-х годов российские нелиберальные политики (например, Г.А. Зюганов в президентской кампании 1996 г.) использовали словосочетание «духовно-нравственные ценности» для обозначения идеалов и устремлений, противопоставленных «моральному разложению и упадку» – воспринимаемым последствием распада СССР [Østbø, 2017, p. 203]. Десятилетие спустя Русская православная церковь активизировала свою деятельность в этом же ключе. Например, патриарх Кирилл, архиепископ Иларион, протоиерей Всеволод Чаплин нередко обсуждали темы российской идентичности, морали, истории и культуры [Stepanova, 2015, p. 120]. Эти рассуждения стали предпосылками для «морального поворота» в России нулевых, в результате которого РПЦ приобрела почти эксклюзивные права на патронаж над общественной моралью и культурой, а в общественно-политическом дискурсе стало популяризироваться словосочетание «традиционные ценности» [Stepanova, 2015; Stepanova, 2019].

Хотя выражение «традиционные ценности» довольно распространено среди консервативных мыслителей, во властной элите эта идея стала набирать серьезную популярность только с началом третьего президентского срока В.В. Путина [Chebankova, 2020, pp. 76–77]. В мае 2012 г. в своей инаугурационной речи президент предрекал успех гражданам России при условии опоры «на прочный фундамент культурных и духовных традиций», на ценности,

составляющие нравственную основу жизни¹. Для сравнения: в инаугурационных речах 2000² и 2004³ гг. не было упоминаний о каких-либо ценностях или культурно-духовных традициях. Однако после выборов в 2018 г.⁴ возрождение гордости «за наши традиционные ценности» выделялось в качестве одного из положительных итогов президентства в 2012–2018 гг.

Высказывания другого лидера страны, Д.А. Медведева, также содержали схожие сюжеты о российских ценностях⁵, но они были в большинстве своем эпизодическими и не успели вылиться в какую-либо оформленную риторику. За высказываниями Путина, напротив, последовал ярко выраженный консервативный сдвиг, признаваемый как независимыми исследователями [Sharafutdinova, 2014; Engström, 2014], так и самим президентом: «Конечно, это консервативная позиция»⁶.

Исследовательская среда не испытывает недостатка работ, посвященных изучению идеологической и международно-политической составляющей новых консервативных тенденций 2010-х [Tsygankov, 2016; Laruelle, 2016; Petro, 2018; Robinson, 2019; Robinson, 2020; Loftus, 2019; Chebankova, 2020; Diesen, 2021]. Общий консенсус состоит в признании за властями желания воспользоваться темой традиционных ценностей, частично мобилизовать ее в консолидирующем ключе, повысить свое междуна-

¹ Владимир Путин вступил в должность Президента России // Президент России. – 2012. – 7 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/15224> (дата посещения: 17.07.2022).

² Выступление на церемонии вступления в должность Президента России // Президент России. – 2000. – 7 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21399> (дата посещения: 23.08.2022).

³ Обращение к гражданам страны при вступлении в должность Президента России // Президент России. – 2004. – 7 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22452> (дата посещения: 23.08.2022).

⁴ Владимир Путин вступил в должность Президента России // Президент России. – 2018. – 7 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57416> (дата посещения: 17.07.2022).

⁵ См., например, Встреча с пенсионерами и ветеранами // Президент России. – 2011. – 17 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/13555> (дата посещения: 27.07.2022).

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – 2013. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата посещения: 27.06.2022).

родное влияние и закрепить имидж традиционной, консервативной державы. Однако сценарий превращения традиционных ценностей в полноценную политическую идеологию по-прежнему представляется маловероятным.

Между тем другой аспект анализируемого процесса остается недостаточно проработанным: за последние годы традиционные ценности стали активнее позиционироваться как составляющая российской безопасности. В частности, уже в 2015 г. Стратегия национальной безопасности содержала упоминания традиционных ценностей¹, а в редакции 2021 г.² им был посвящен отдельный раздел. Некоторые акторы «силового блока» также начали чаще прибегать к этой теме: в частности, секретарь Совета безопасности Н.П. Патрушев³, председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин⁴ или министр внутренних дел В.А. Колокольцев⁵. В своем обращении к россиянам 24 февраля 2022 г. по поводу объявления специальной военной операции (одной из целей которой заявляется обеспечение безопасности России) президент упомянул попытки Запада «разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас»⁶. Более того,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512310038> (дата посещения: 04.02.2023).

² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата посещения: 04.02.2023).

³ Патрушев Н. Нужны ли России «универсальные» ценности? Духовно-нравственные ценности общества как основа суверенитета государства // Российская Газета. – 2020. – 17 июня. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/17/nuzhny-li-rossii-universalnye-cennosti.html> (дата посещения: 27.06.2022).

⁴ Александр Бастрыкин: молодежи России навязывают «псевдоистины» извне // РИА Новости. – 2022. – 13 января. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/17/nuzhny-li-rossii-universalnye-cennosti.html> (дата посещения: 31.07.2022).

⁵ Поздравление Министра внутренних дел Российской Федерации Владимира Колокольцева с Днем Победы // Рамблер. – 2022. – 9 мая. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/politics/48619682-pozdravlenie-ministra-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii-vladimira-kolokoltseva-s-dnem-pobedy/> (дата посещения: 31.07.2022).

⁶ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – 2022. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата посещения: 18.07.2022).

уже в 2014 г. возникали предположения о последствиях секьюритизации традиционных духовно-нравственных ценностей [Малинова, 2014]. Исходя из всего описанного, рассмотрение традиционных ценностей через призму безопасности неотделимо от полноценного понимания этого феномена и требует дальнейшего изучения.

Теория секьюритизации

Данная работа направлена на выявление закономерностей и тенденций, связанных с использованием идеологии традиционных ценностей в качестве составляющей российской безопасности. Для этого обратимся к теории секьюритизации Копенгагенской школы. Ее изначальная позиция состоит в том, что безопасность не объективна, а сконструирована с помощью речевых актов в ходе интересубъективных взаимодействий между спикером и аудиторией. Говоря о безопасности, действующие лица создают социальную реальность, а не только описывают ее [Balzacq, Léonard, Ruzicka, 2016, p. 495]. Поэтому в определенных условиях любая социально значимая проблема может пройти путь от неполитизированной (не являющейся предметом публичного обсуждения и государственного регулирования) к политизированной, а затем и секьюритизированной (представленной как экзистенциальная угроза или находящаяся под угрозой, требующая принятия чрезвычайных мер) [Buzan, Wæver, de Wilde, 1998, p. 23–24]. Несмотря на то, что эта теория изначально была предложена для изучения международной безопасности, ее инструментарий так же успешно работает и в других «секторах»: экономическом, экологическом, политическом или социальном [Peoples, Vaughan-Williams, 2020; Albert, Buzan, 2011]. Как будет показано в работе далее, «традиционные ценности» находятся на пересечении двух секторов. С одной стороны, это ценности российского общества, они касаются основ его идентичности (социальный сектор). С другой – они тесно сопряжены с публичной политической дискуссией и в качестве идеологии имеют государственный локус происхождения (политический сектор).

Секьюритизация – это многоступенчатый процесс, который начинается с произнесения речевого акта, т.е. с введения того или

инного образа безопасности в дискурсе [Stepka, 2022; Floyd, 2016; Côté, 2016]. Секьюритизирующий актор формирует представление о безопасности с помощью публичных высказываний (текстовых, устных и других), распространяя нужные паттерны значений по отношению к угрозе или к защищаемому (референтному) объекту. Это служит основой для дальнейших действий по обеспечению безопасности. В работе более подробно остановимся на исследовании начального этапа – речевого акта.

Для изучения высказываний спикеров используется дискурс-анализ – один из основных аналитических инструментов Копенгагенской школы [Balzacq, 2011, p. 39]. В работе рассматривается дискурс российского президента в период с 2012 по 2022 г., с начала «консервативного поворота» по настоящее время. В России фигура президента имеет колоссальный символический вес, поэтому его речевые акты, вероятно, будут более успешными, чем высказывания других политических акторов. Именно президентский дискурс отражает основные направления развития политики страны и нуждается в изучении.

Чтобы получить представление о президентском дискурсе, обратимся к стенограммам обращений, интервью и речей президента, содержащим высказывания о традиционных ценностях. Дополнительно будет проанализировано два нормативных документа стратегического толка, подписанных президентом и имеющих отношение как к безопасности, так и к традиционным ценностям – это Стратегия национальной безопасности РФ и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В рамках рассматриваемого периода времени было отобрано 93 материала, в которых президент артикулирует тему традиционных ценностей. В 52 из этих материалов они упоминаются, в том числе, и в контексте обеспечения безопасности, или охраны общественного благополучия. Рассмотрев эти источники, попробуем выявить некоторые паттерны того, что подразумевается под референтным объектом (традиционными ценностями), каковы угрозы существованию этого объекта и каковы связанные с этим возможные опасности для национальной безопасности.

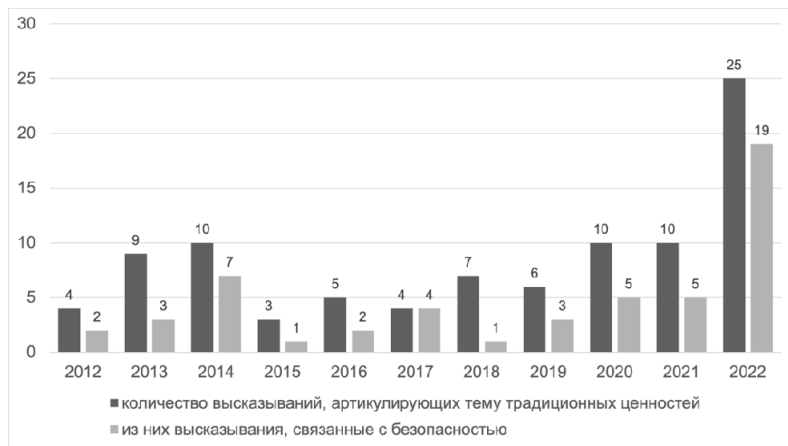

Рис.
Классификация высказываний президента РФ,
2012–2022 гг.

Традиционные ценности – ценности объединения

На протяжении многих лет содержание традиционных ценностей остается в достаточной мере широким. Среди всех официальных документов, как-либо упоминающих «традиционные ценности», конкретное определение дается в Стратегии национальной безопасности и в Основах государственной политики (по сохранению и укреплению традиционных ценностей). Оба нормативных акта относят к традиционным ценностям «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России»¹. В обоих случаях акцентируется основополагающий

¹ Пункт 91. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официаль-

характер традиционных ценностей для российского общества и его благополучия: они были переданы от предков, они укрепляют гражданское единство, российскую идентичность и суверенитет страны, они служат нравственными ориентирами.

Если рассматривать президентский дискурс обособленно от нормативных документов, то под традиционными ценностями понимается набор фундаментальных идеалов, которые объединяют все общество и имеют глубокие корни в тысячелетней истории России [Stepanova, 2015]. Некоторые идеи, представленные в Стратегии и Основах, находят отражение в президентских выступлениях и появляются там достаточно часто. Например, крепкая многодетная семья¹ и представления о высоконравственном и духовном развитии². В 2012 г. президент утверждал, что именно эти ценности «всегда были в основе нашего могущества», они «позволяли нам и строить, и побеждать, и в космос летать»³. В 2020 г.

ный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата посещения: 04.02.2023) ; Пункт 5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата посещения: 04.02.2023).

¹См.: Поздравление российским женщинам с 8 Марта // Президент России. – 2019. – 8 марта. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/60002> (дата посещения: 21.07.2022);

Третий Евразийский женский форум // Президент России. – 2021. – 14 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/66924> (дата посещения: 24.07.2022);

Беседа с семьями, удостоенными орденов «Родительская слава» // Президент России. – 2020. – 1 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/63440> (дата посещения: 24.07.2022).

²См.: Встреча с участниками Архиерейского собора // Президент России. – 2013. – 1 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17409> (дата посещения: 27.07.2022);

Встреча с представителями религиозных объединений // Президент России. – 2013. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/64336> (дата посещения: 27.07.2022).

³Встреча с исполняющим обязанности губернатора Рязанской области Олегом Ковалёвым // Президент России. – 2012. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16545> (дата посещения: 27.07.2022).

было подчеркнуто, что «история, традиции, культура, духовные ценности – это то, что определяет будущее нашего народа. Это основа нашего существования».

Традиционные ценности выполняют в том числе и инструментальную функцию: они поддерживают единство внутри власти, создавая «дискурсивные коалиции» между группами с разными интересами [Edenborg, 2021]. Они также оберегают имидж президента как надежного патрона и являются опорой стабильности в отношениях президента с другими представителями властной элиты [Robinson, 2017]. С 2021 г., после внесения поправок в Конституцию, президент уже обращался и к членам партии «Единая Россия»¹, и к депутатам Госдумы² как к группе народных представителей, объединенных симпатиями к традиционным ценностям.

Абстрактное и широкое наполнение идеологемы «переданных нам предками традиционных ценностей»³ конкретизируется при смене оптики повествования с позитивной (что является частью традиционных ценностей) на негативную (что не является частью традиционных ценностей). Основные риторические приемы в дискурсе такого рода – это выявление недостатков в других ценностях, обличение их искусственности или фальшивости, сравнение их с подлинными, традиционными ценностями. В частности, западная культура отмены, которая «превратилась в отмену культуры», противопоставлена отечественной культуре, отторгающей «лживое и сиюминутное, разрушающее преемственность наших духовных ценностей, нравственных устоев, исторической памяти»⁴. Если постулаты неolibеральных ценностей навязываются обществам, то традиционные ценности уникальны для каждого из них, «их необ-

¹ Встреча с лидерами предвыборного списка партии «Единая Россия» / Президент России. – 2021. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/66775> (дата обращения: 24.07.2022).

² Встреча с депутатами Государственной Думы восьмого созыва / Президент России. – 2021. – 12 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/66905> (дата обращения: 27.07.2022).

³ Послание Президента Федеральному Собранию созыва // Президент России. – 2014. – 4 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/47173> (дата посещения: 17.07.2022).

⁴ Встреча с лауреатами премий Президента для молодых деятелей культуры и за произведения для детей и юношества 2021 года // Президент России. – 2022. – 25 марта. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/68050 (дата посещения: 21.07.2022).

ходимо просто уважать, бережно относиться к тому, что выбирал веками каждый народ»¹.

Как можно заметить, самой распространенной точкой отсчета, т.е. примером антитрадиционных ценностей являются ценности «либерально-глобалистского американского эгоцентризма», они же ценности «коллективного Запада»². Россия фактически позиционируется как страна с отличными от Запада ценностями, в некотором роде как антизападная страна [Loftus, 2019; Laruelle, 2016]. Однако в публичных нарративах этот сюжет претерпел трансформации: Россия считается аутентичной европейской державой, сохранившей старые, проверенные временем ценности, которые «коллективный Запад», наоборот, утратил³.

Источники угроз: прямые и косвенные

Среди проанализированных речевых актов удалось выявить три основных источника угроз традиционным ценностям.

В первом случае угрозы традиционным ценностям косвенные – демонстрация того, что происходит с обществами, которые потеряли традиционные ценности. Такой прием оправдывает в глазах аудитории отказ от определенных ценностей ввиду их губительности и неаутентичности. В 2013 г., в Послании Федеральному собранию, президент рассказывал о происходящем во многих странах пересмотре норм морали и нравственности, что среди прочего выражается в требовании признания равноценности добра и зла. Президент заявил: «Подобное разрушение традиционных ценностей “сверху” не только ведет за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку про-

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2022. – 27 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69695> (дата посещения: 04.02.2023).

² Встреча с руководством Госдумы и главами фракций // Президент России. – 2022. – 7 июля. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/68836 (дата посещения: 23.07.2022).

³ Laruelle M. Beyond Anti-Westernism: The Kremlin's Narrative about Russia's European Identity and Mission / PONARS Policy Memos. – 2014. – 4 September. – Mode of access: <https://www.ponarseurasia.org/beyond-anti-westernism-the-kremlin-s-narrative-about-russia-s-european-identity-and-mission/> (accessed: 27.06.2022).

водится <...> вопреки воле народного большинства»¹. Эта же линия аргументации была продолжена в 2021 г. в выступлении на Валдайском форуме, где президент указывал на последствия «ценностного диктата» в Соединенных Штатах и Западной Европе: вымарывание целых страниц истории, «обратная дискриминация» большинства в интересах меньшинств, требование отказаться от различия полов и слов «мама, папа, семья»².

Во втором случае угрозы прямые – агрессивное насаждение недружественными странами «псевдоценностей». Это влечет за собой системное противостояние внешним «другим» и попытки нейтрализовать исходящие угрозы [Laine, 2021; Yasaveev, 2021]. В 2013 г., отвечая на вопрос журналистки, президент выделил важность не критики западных ценностей как таковой, а защиты населения от «квазиценностей». Было подчеркнуто стремление оградиться от «достаточно агрессивного поведения некоторых социальных групп, которые <...> навязывают свою точку зрения другим людям и в других странах»³. Таким же образом в 2021 г. в ходе пресс-конференции президент сравнил «карету [западных] ценностей», направляющуюся в Россию, с коронавирусной инфекцией, от которой нужно искать «противоядие»⁴. В 2022 г. эта угроза приобрела еще большее значение: напрямую заявлялось о попытках «раскачки государств и народов» при помощи размывания ценностей россиян; в качестве успешного примера приводилась Украина⁵. Тема внешнего недружественного влияния на российские ценности присутствовала в целом ряде ключевых политических событий го-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – 2013. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/19825> (дата посещения: 17.07.2022).

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2013. – 21 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата посещения: 17.07.2022).

³ Пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. – 2013. – 19 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/19859> (дата посещения: 17.07.2022).

⁴ Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. – 2021. – 23 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67438> (дата посещения: 18.07.2022).

⁵ Заседание оргкомитета «Победа» // Президент России. – 2022. – 15 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69836> (дата посещения: 01.02.2023).

да: при признании независимости ДНР и ЛНР¹, в обращении по поводу начала СВО², проведения частичной мобилизации³ и в выступлении на церемонии присоединения новых территорий⁴.

Изредка в дискурсе фигурирует и *третий источник* угроз – внутренние угрозы России, вызванные ее собственными проблемами и непростым историческим наследием. Так, в Послании Федеральному собранию 2012 г. исчезновение «идеологических штампов прежней [советской] эпохи», с точки зрения президента, привело к утрате традиционных нравственных ориентиров, что проявляется в таких формах, как коррупция и экстремизм, и в итоге создает «долгосрочные угрозы обществу, безопасности, да и целостности России»⁵.

Основные типы угроз: депопуляция, стирание идентичности и утрата суверенитета

В дискурсе президента за рассматриваемый период было выявлено три группы сюжетов, которые составляют непосредственные угрозы.

Первая группа – демографические угрозы, попытки «разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ изнутри, те установки, которые они [США и другие западные страны] уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к

¹ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – 2022. – 21 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67828> (дата посещения: 01.02.2023).

² Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – 2022. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата посещения: 01.02.2023).

³ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – 2022. – 21 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69390> (дата посещения: 01.02.2023).

⁴ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России. – 2022. – 30 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69465> (дата посещения: 01.02.2023).

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – 2012. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/17118> (дата посещения: 17.07.2022).

деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека»¹. Под «вырождением» часто подразумевается снижение рождаемости и старение населения². По мнению президента, именно традиционные ценности являются верным ответом на такие вызовы, поскольку «в стародавние времена» один-два ребенка в семье были исключением, а четверо или пятеро – нормой³. Для того, чтобы претворить эти убеждения в жизнь, властями проводится пронаталистская политика, опирающаяся на взаимное наложение семейных норм времен имперской, советской и постсоветской России [Murayeva, 2014; Печерская, 2013]. Можно сделать вывод, что разрушение традиционных ценностей влечет за собой отдаленную, но тем не менее экзистенциальную угрозу: если негативные демографические тренды продолжатся, то численность населения России будет постепенно приближаться к критическим значениям. К тому же эта угроза усугубляется моральным кризисом: «что еще может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству?»⁴.

Похожим образом объясняется и негативное отношение президента к однополым партнерствам – они «детей не производят на свет»⁵. Тема сексуальных меньшинств тесно переплетена с демографическими кризисами и нетрадиционными ценностями [Wilkinson, 2014; Novitskaya, 2017; Nuñez-Mietz, 2019; Edenborg, 2020; Chandler, 2021]. Например, в 2014 г. в ответ на вопрос журналиста

¹ Обращение Президента Российской Федерации Путина // Президент России. – 2022. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата посещения: 18.07.2022).

² Заседание Президиума Госсовета по вопросам социальной поддержки граждан // Президент России. – 2022. – 25 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/68481> (дата посещения: 21.07.2022).

³ Встреча с семьями, награжденными орденом «Родительская слава» // Президент России. – 2022. – 1 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/68548> (дата посещения: 23.07.2022).

⁴ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2013. – 21 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата посещения: 17.07.2022).

⁵ Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-нидерландских переговоров // Президент России. – 2013. – 8 апреля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/17850> (дата посещения: 25.07.2022).

о законе против пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних президент говорил о культурном коде русского народа, который не приемлет некоторые европейские нормы (примером европейской нормы, по словам президента, является обсуждение возможности легализации педофилии в европейских парламентах). По мнению президента, России также необходимы законы, обеспечивающие воспроизводство населения, чтобы «поберечь своих детей хотя бы для того, чтобы иметь возможность размножаться, и не только за счет иммигрантов, а на собственной базе»¹. Коллективный Запад, напротив, анекдотично представлен как «специалист в области нетрадиционных отношений»². Стоит также отметить, что в Стратегии национальной безопасности и в Основах упоминаются угрозы разрушительных действий сообществ, «отрицающих естественное продолжение жизни»³, – к этому описанию могут относиться и ЛГБТ-сообщество, и движение «чайлдфри», что, по сути, подкрепляет негативный образ нетрадиционных форм семьи и брака.

Вторая группа – угрозы сложившимся в российском обществе нормам и российской идентичности в целом. Нетрадиционные ценности Запада навязываются российской общественности, тем самым подрывая устоявшиеся морально-нравственные, духовные и другие устои. Это может привести к кризису российской идентичности, социальным потрясениям и прочим негативным последствиям.

В 2013 г. на Валдайском форуме президент отметил, что происходящие в мире изменения имеют деструктивное воздействие: «отказ от своих корней, в том числе от христианских ценностей», а также «отрицание нравственных начал и любой традиционной идентичности: национальной, культурной, религиозной и

¹ Интервью российским и иностранным СМИ // Президент России. – 2014. – 19 января. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/20080> (дата посещения: 17.07.2022).

² Владимир Путин ответил на вопросы журналистов // Президент России. – 2022. – 19 июля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/69036> (дата посещения: 21.07.2022).

³ Пункт 85: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата посещения: 29.06.2022).

даже половой»¹. В Стратегии и в Основах описываются почти идентичные угрозы традиционным ценностям – разрушительному воздействию подвержены моральные и культурные нормы, религиозные устои, вдобавок участились попытки фальсификации российской и мировой истории². Такие угрозы могут привести к исчезновению традиционной российской идентичности, что также может быть интерпретировано как угроза национальной безопасности. Текущая национальная идентичность формируется на основе уважения к истории и историческим мифам, религиозным нормам, общественной нравственности, традициям предков, на высоком уровне культуры и морали, семейном благополучии [Курилла, 2021; Rousselet, 2020; Agadjanian, 2017]. Для защиты и сохранения этих категорий были приняты поправки в Конституцию 2020 г., что подвело промежуточные итоги российского политического курса и обозначило магистральные линии символической политики правления Путина [Малинова, 2021].

Наконец, *третья группа* представляет собой сквозной сюжет, проходящий красной нитью через большую часть анализируемых материалов. Эта группа угроз представляет нападки на суверенитет России, подрыв ее независимости с помощью навязывания чуждых стандартов.

С одной стороны, традиционные ценности рассматриваются как одна из ключевых черт «самости» России – многонациональной «страны-цивилизации»³. Не раз было подчеркнуто, что российское мировоззрение по-особому духовно и возвышенно, в его основе лежит «божественное начало»⁴ и «стремление к высоким

¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2013. – 21 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата посещения: 17.07.2022).

² Пункты 85, 88: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата посещения: 29.06.2022).

³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2019. – 10 марта. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата посещения: 17.07.2022).

⁴ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2015. – 22 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50548> (дата посещения: 17.07.2022).

моральным ценностям»¹. С другой стороны, в дискурсе присутствуют заявления о том, что традиционные ценности являются общими для многих народов мира, в том числе – для западноевропейских обществ: «особенности России, они кардинальным, глубинным образом не отличаются от европейских ценностей. Мы все – люди одной цивилизации»². Более того, эпизодично используется тезис о поддержке российского политического курса среди граждан «коллективного Запада». Например, в 2016 г. президент высказал предположение, что его популярность среди республиканцев в США обусловлена общими представлениями о традиционных ценностях³. Последние, как можно заключить, являются столпом суверенитета – у каждого народа есть свои традиционные ценности, а их защита и продвижение составляют независимость страны.

Описанную модель суверенного государства, по мнению президента, пытаются подорвать правящие элиты стран Запада: они проповедуют исключительность своих норм, при этом разрушают ценности других стран и тем самым навязывают собственные стандарты⁴. Таким образом разобщаются народы, создаются «безликие протектораты» – сателлиты США⁵, граждане превращаются в вассалов без сознания, ценностей и памяти⁶. Риторика защиты от подобных сценариев является одной из принципиальных позиций президента: «Они [США] не унизить нас хотят. Они

¹ Интервью международному информационному холдингу Bloomberg // Президент России. – 2016. – 5 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/52830> (дата посещения: 18.07.2022).

² Прямая линия с Владимиром Путиным // Президент России. – 2014. – 17 апреля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/20796> (дата посещения: 17.07.2022).

³ Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. – 2016. – 23 декабря. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/53573> (дата посещения: 18.07.2022).

⁴ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2015. – 22 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50548> (дата посещения: 17.07.2022).

⁵ Заседание Всемирного русского народного собора // Президент России. – 2018. – 1 октября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/59013> (дата посещения: 21.07.2022).

⁶ Встреча с историками и представителями традиционных религий России // Президент России. – 2022. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/69781> (дата посещения: 18.01.2023).

хотят нас подчинить, хотят за наш счет решать свои проблемы. Хотят подчинить нас своему влиянию»¹. Такого рода гегемония, согласно дискурсу, «означает стагнацию для всего мира, для всей цивилизации, мракобесие и отмену культуры, неолиберальный тоталитаризм»². Россия, в свою очередь, «отвергает всяческие попытки навязать извне псевдоценности расчеловечивания и нравственной деградации»³.

Деятельность со стороны иностранных негосударственных и некоммерческих организаций также воспринимается с опаской: «Мы, конечно, должны быть открыты всему новому, но все эти фонды совершенно не соотносятся с нашими традициями, с культурой. Это чрезвычайно опасная вещь»⁴. Не исключено, что исходя из таких соображений был принят ряд законов о признании НКО, СМИ и физических лиц иностранными агентами, что существенно усложнило работу не только иностранных, но и отечественных правозащитных организаций [Goncharenko, Khadaroo, 2020].

Таким образом, в дискурсе президента сохранение традиционных ценностей является необходимым условием для суверенного пути развития страны. Действия, направленные на ослабление традиционных или на принятие альтернативных ценностей, представляют непосредственную угрозу государственной независимости, политическому режиму и российскому обществу.

¹ Форум действий Общероссийского народного фронта // Президент России. – 2022. – 16 августа. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/69166> (дата посещения: 16.08.2022).

² Обращение к участникам и гостям X Московской конференции по международной безопасности // Президент России. – 2014. – 18 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/47036> (дата посещения: 17.07.2022).

³ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. – 2022. – 17 июня. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68669> (дата посещения: 23.07.2022).

⁴ Форум Общероссийского народного фронта «Форум действий. Регионы» // Президент России. – 2016. – 25 апреля. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/51786> (дата посещения: 18.07.2022).

Выводы

С 2012 г. по настоящее время немаловажным элементом президентского дискурса остаются традиционные ценности. В различных видах высказываний президента – от Посланий Федеральному собранию до интервью СМИ – присутствуют размышления о значении традиционных ценностей, их роли и месте в современной России. В основном эти ценности понимаются как средство объединения многонационального и многоконфессионального российского общества: от простых граждан до политических элит. Традиционные ценности основываются на нормах из прошлого, включая идеалы семьи, духовно-нравственные установки и взгляды на общественную мораль.

Вопреки заявлениям о процветании традиционных ценностей одновременно формируется представление о том, что они подвергаются угрозам. Причиной, в частности, служат последствия распространения нетрадиционных ценностей в других странах и «ценностный диктат», навязывающий россиянам чуждые стандарты. В исследовании было выявлено три основных вида угроз: демографические, идентичностные и угрозы суверенитету.

Копенгагенская школа предполагает, что секьюритизирующие акторы произносят речевые акты, чтобы получать дополнительные полномочия для реализации сконструированной модели безопасности [Buzan, Wæver, de Wilde, 1998]. В рассматриваемом случае для защиты традиционных ценностей были осуществлены программы финансовой помощи семьям, включая материнский капитал [Печерская, 2013], пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и смены пола была запрещена, а Конституция была дополнена поправками о защите брака как союза мужчины и женщины. Аргументация в пользу внесения всех этих изменений была основана на защите и поддержке традиционных ценностей. Однако каузальная связь дискурса с упомянутыми законодательными новациями неявна: до конца не понятно, действительно ли они являются результатом речевых секьюритизационных актов или же речевые акты лишь легитимизируют уже принятые политические решения. Также для осмысления традиционных ценностей как части российской безопасности необходимо обозначить специфику переноса понятий Копенгагенской школы в контекст

российской политической системы и провести оценку «чрезвычайности» предпринятых мер по нейтрализации угроз.

Исследование начального этапа секьюритизации (дискурса президента, состоящего из речевых актов) показало продуктивность изучения президентских выступлений и выявило набирающие силу тенденции трепетного внимания к безопасности, общественной морали, традиционным ценностям и внешним угрозам. Политика России после 2022 г. вероятно будет сконцентрирована на дополнительных усилиях для дальнейшего развития инфраструктуры безопасности и внедрения более жестких мер противодействия угрозам.

M.A. Bisler*

**Traditional values as a component of Russian security:
a study of presidential discourse in 2012–2022**

Abstract. Ideological transformations of the ruling elites in post-Soviet Russia have placed traditional values in the mainstream of political discourse. Over time, the ideologeme of traditional values increasingly infiltrated into the official discourse and legislation, which was characterized as a «conservative turn» by some researchers. Existing works, primarily focusing on explaining the ideological potential of traditional values, do not pay enough attention to another process – the positioning of the same values as a component of Russian security. This article attempts to explain the connection between traditional values and security using discourse analysis within the theoretical framework of the Copenhagen School of securitization.

Focusing on the speech act as the initial stage of securitization, the political discourse of the President of Russia from 2012 to 2022 is analyzed. Basing on these materials, the author identifies consistent patterns in the meaning of traditional values and the semantic classification of threats to these values. In addition, arguments linking traditional values to national security are illustrated.

Traditional values are perceived as a tool for uniting Russian society, with a special emphasis on family models, special morality, and intergenerational continuity. At the same time, the value dictate of the collective West is mainly perceived as a threat to traditional values, which, as it is argued, can lead to the loss of sovereignty, demographic crisis, and the erosion of the Russian identity.

This work also takes the first steps towards the understanding of the emerging rhetorical and political trends in Russia after 2022 and provides a basis for further research of traditional values with the Copenhagen School approach.

* **Bisler Matvei**, The Moscow school of social and economic sciences (Moscow, Russia), e-mail: matvei.bisler@gmail.com

Keywords: discourse analysis; traditional values; rhetoric of the ruling elites; presidential discourse; securitization; national security.

For citation: Bisler M.A. Traditional values as a component of Russian security: a study of presidential discourse in 2012–2022. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 273–294. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.12>

References

- Agadjanian A. Tradition, morality and community: elaborating Orthodox identity in Putin's Russia. *Religion, state and society*. 2017, Vol. 45, N 1, P. 39–60. DOI: <https://doi.org/10.1080/09637494.2016.1272893>
- Albert M., Buzan B. Securitization, sectors and functional differentiation. *Security dialogue*. 2011, Vol. 42, N 4–5, P. 413–425. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010611418710>
- Buzan B., Wæver, O., de Wilde, J. *Security: a new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, 1998, 239 p.
- Balzacq T. Enquiries into methods: A new framework for securitization analysis. In: Balzacq T. (ed.). *Securitization theory: how security problems emerge and dissolve*. London, New York: Routledge, 2011, P. 31–53.
- Balzacq T., Léonard S., Ruzicka J. 'Securitization' revisited: theory and cases. *International relations*. 2016, Vol. 30, N 4, P. 494–531. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117815596590>
- Chandler A. Russia's laws on 'non-traditional' relationships as response to global norm diffusion. *The international journal of human rights*. 2021, Vol. 25, N 4, P. 616–638. DOI: <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1789106>
- Chebankova E. *Political ideologies in contemporary Russia*. Montreal & Kingston, London, Chicago: McGill-Queen's university press, 2020, 376 p.
- Côté A. Agents without agency: assessing the role of the audience in securitization theory. *Security dialogue*. 2016, Vol. 47, N 6, P. 541–558. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010616672150>
- Diesen G. *Russian conservatism: managing change under permanent revolution*. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield, 2021, 254 p.
- Edenborg E. Anti-Gender politics as discourse coalitions: Russia's domestic and international promotion of "traditional values". *Problems of post-communism*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1987269>
- Edenborg E. Russia's spectacle of "traditional values": rethinking the politics of visibility. *International feminist journal of politics*. 2020, Vol. 22, N 1, P. 106–126. DOI: <https://doi.org/10.1080/14616742.2018.1560227>
- Engström M. Contemporary Russian Messianism and new Russian foreign policy. *Contemporary security policy*. 2014, Vol. 35, N 3, P. 356–379. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2014.965888>
- Floyd R. Extraordinary or ordinary emergency measures: what, and who, defines the 'success' of securitization? *Cambridge review of international affairs*. 2016, Vol. 26, N 2, P. 677–694. DOI: <https://doi.org/10.1080/09557571.2015.1077651>

- Goncharenko G., Khadaroo, I. Disciplining human rights organisations through an accounting regulation: A case of the 'foreign agents' law in Russia. *Critical perspectives on accounting*. 2020, Vol. 72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2019.102129>
- Kurilla I.I. History as a language of politics. *The new past*. 2021, N 1, P. 104–126. DOI: 10.18522/2500–3224–2021–1-104–126 (In Russ.)
- Laine V. Evolution of Russia's 'others' in presidential discourse in 2000–2020. In: Katri Pynnöniemi (ed.). *Nexus of patriotism and militarism in Russia: A quest for internal cohesion*. Helsinki: Helsinki university press, 2021, P. 49–80.
- Laruelle M. Russia as an anti-liberal European civilization. In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds). *The new Russian nationalism: imperialism, ethnicity and authoritarianism 2000–15*. Edinburgh: Edinburgh university press, 2016, P. 275–297.
- Loftus S. *Insecurity & the rise of nationalism in Putin's Russia*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019, 182 p.
- Malinova O. Amending the Russian constitution as symbolic politics: 1993–2020. *Polis. Political studies*. 2021, N 3, P. 17–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03> (In Russ.)
- Malinova O. "Spiritual bonds" as a state ideology. Russia in global affairs. 2014, Vol. 12, N 5, P. 113–122.
- Murayeva M. Traditional values and modern families: legal understanding of tradition and modernity in contemporary Russia. *The journal of social policy studies*. 2014, Vol. 12, N 4, P. 625–638.
- Novitskaya A. Patriotism, sentiment, and male hysteria: Putin's masculinity politics and the persecution of non-heterosexual Russians. *NORMA. International journal for masculinity studies*. 2017, Vol. 12, N 3–4, P. 302–318. DOI: <https://doi.org/10.1080/18902138.2017.1312957>
- Núñez-Mietz F. Resisting human rights through securitization: Russia and Hungary against LGBT rights. *Journal of human rights*. 2019, Vol. 18, N 5, P. 543–563. DOI: <https://doi.org/10.1080/14754835.2019.1647100>
- Østbø J. Securitizing "spiritual-moral values" in Russia. *Post-soviet affairs*. 2017, Vol. 13, N 3, P. 200–216. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1251023>
- Pecherskaia N. Prospects for Russian family policy: enforcing tradition. *The Journal of sociology and social anthropology*. 2013, Vol. 16, N 4, P. 94–105. (In Russ.)
- Peoples C., Vaughan-Williams N. Securitisation theory. In: Peoples C., Vaughan-Williams N. (eds). *Critical security studies: an introduction*. London, New York: Routledge, 2020, 294 p.
- Petro N.N. How the West Lost Russia: explaining the conservative turn in Russian foreign policy. *Russian politics*. 2018, Vol. 3, N 2, P. 305–332. DOI: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303001>
- Robinson N. Russian Neo-patrimonialism and Putin's 'Cultural Turn'. *Europe-Asia studies*. 2017, Vol. 69, N 2, P. 348–366. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1265916>
- Robinson P. *Russian conservatism*. Ithaca, London: Cornell university press, 2019, 300 p.
- Robinson P. Russia's emergence as an international conservative power. *Russia in global affairs*. 2020, Vol. 18, N 1, P. 10–37. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-10-37>

- Rousselet K. Dukhovnost' in Russia's politics. *Religion, state and society*. 2020, Vol. 48, N 1, P. 38–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/09637494.2019.1705086>
- Sharafutdinova G. The Pussy Riot affair and Putin's démarche from sovereign democracy to sovereign morality. *Nationalities papers*. 2014, Vol. 42, N 4, P. 615–621. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2014.917075>
- Stepanova E. Competing moral discourses in Russia: soviet legacy and post-soviet controversies. *Politics, religion & Ideology*. 2019, Vol. 20, N 3, P. 340–360. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2019.1656070>
- Stepanova E. 'The spiritual and moral foundation of civilization in every nation for thousands of years': the traditional values discourse in Russia. *Politics, religion & Ideology*. 2015, Vol. 16, N 2–3, P. 119–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2015.1068167>
- Stępką M. The Copenhagen school and beyond. A closer look at securitisation theory. In: *Identifying security logics in the EU policy discourse: the "migration crisis" and the EU*. Cham: Springer, 2022, P. 17–31.
- Tsygankov A. Crafting the state-civilization Vladimir Putin's turn to distinct values. *Problems of post-communism*. 2016, Vol. 63, N 3, P. 146–158. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1113884>
- Yasaveev I. 'Threat', 'protection', 'traditional values' and 'patriotism': Russian authorities' discourse on youth. In: Omelchenko E. (ed.). *Youth in Putin's Russia*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021, P. 189–207.
- Wilkinson C. Putting "traditional values" into practice: the rise and contestation of anti-homopropaganda laws in Russia. *Journal of human rights*. 2014, Vol. 13, N 3, P. 363–379. DOI: <https://doi.org/10.1080/14754835.2014.919218>

Литература на русском языке

- Курилла И.И. История как язык политики // Новое Прошлое. – 2021. – № 1. – С. 104–126.
- Малинова О.Ю. «Духовные скрепы» как государственная идеология // Россия в глобальной политике. – 2014. – № 5. – С. 113–122.
- Малинова О.Ю. Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993–2020 // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 3. – С. 17–37. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03>
- Печерская Н.В. Перспективы Российской семейной политики: принуждение к традиции // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 4. – С. 94–105.

У.Н. ХАЗЫР*

СОВРЕМЕННОЕ АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО В РОССИИ И ТУРЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЕВРАЗИЙСТВА ДУГИНА И НЕООСМАНИЗМА ДАВУТОГЛУ¹

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей антизападнических идеологий в условиях современного кризиса либерального порядка. В ней предлагается сравнительный анализ идей ведущих идеологов неоевразийства и неосоманизма – Александра Дугина и Ахмета Давутоглу. Неоевразийство и неосоманизм появились в качестве ответов на поиски новых идентичностей и места России и Турции в новом мировом порядке, возникавшем после распада СССР и завершения холодной войны. И Дугин, и Давутоглу разрабатывали собственные концепции геополитики, идентичности, внешней политики в качестве альтернативы западным. Используя метод дискурс-анализа, на примере работ Дугина и Давутоглу автор пытается выявить современные паттерны антизападничества. Как показано в статье, Давутоглу и Дугин решительно выступают против западной гегемонии и поддерживают идею многополярного миропорядка, в котором будут представлены незападные страны и цивилизации. Развиваемые ими антизападнические идеологии не только противостоят гегемонии Запада, но также отвергают его ценности, принципы и саму западную парадигму развития. Вместе с тем, тогда как Дугин критикует ценности либерализма и глобализации и считает США антитезисом Евразии, Давутоглу выступает против таких европейских ценностей, как модерн, секуляризм, Просвещение, а также подвергает критике западную эпистемологию и философию.

*Хазыр Умит Назми, аспирант школы политических наук, Национальный исследовательский университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: umitnh@gmail.com

¹ Автор выражает благодарность О.Ю. Малиновой за помощь в редактировании перевода статьи с английского языка на русский.

© Хазыр У.Н., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.02.13

Ключевые слова: антизападничество; неоевразийство; неоосманизм; Александр Дугин; Ахмет Давутоглу; Турция; Россия.

Для цитирования: Хазыр У.Н. Современное антизападничество в России и Турции: сравнительный анализ неоевразийства Дугина и неоосманизма Давутоглу // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 295–314. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.13>

Введение

В качестве оппозиции западной цивилизации и системе мысли антизападничество существует уже давно. Но изменения, случившиеся в мировой политике в XXI в. – реакция исламистов на антитеррористическую войну, начатую Западом после терактов 11 сентября, вторжение США в Ирак, появление БРИКС, подъем Китая и новые вызовы либеральному порядку – придали ему новое качество. Не случайно споры об упадке Запада и американской гегемонии, многополярности мира и кризисе западного либерального международного порядка стали играть столь заметную роль в международных отношениях. Выделяют три волны кризиса либерального порядка в начале XXI в. Первая волна связана с «трансатлантическим разрывом», вызванным войной в Ираке. Вторая – с финансовым кризисом 2008 г., подорвавшим претензии Запада на лидерство в мире. Нынешняя, третья волна связана с ростом нелиберальных тенденций и популизма на Западе [Lehti, Pennanen, Joukhi, 2019]. Как кризис либерального порядка отразился в идеологии антизападничества?

Феномен антизападничества изучался под разными углами. Есть значительный массив литературы об исламском антизападничестве [Guida ... , 2011; Göksel, 2019; Lewis, 1994; Lewis, 2002], в частности, в связи с событиями 11 сентября 2001 г. [Aydın, 2007]. Некоторые исследователи, как например Бернард Льюис, высказывали мысль о несовместимости ислама с современностью. По мнению Льюиса, в основе современного мусульманского антизападничества лежит наследие многовекового мусульманско-христианского конфликта [Lewis, 2002]. Споря с этим, другие ученые утверждали, что антизападническую позицию мусульман следует рассматривать как естественную реакцию на «двойные стандарты» и империализм Запада [Aydın, 2007; Guida ... , 2011; Göksel, 2019]. Однако исламизм и фундаментализм – не единст-

венные формы современного антизападничества, ибо последнее играет заметную роль и в христианских, в том числе западных странах, равно как и в Китае. По мнению Бурумы и Маргалита, оксидентализм (*occidentalism*), как враждебное, дегуманизирующее отношение к Западу родился в Европе и лишь затем был перенесен в другие части мира. Антизападнические установки разделяли не только исламистские радикалы Аль-Каиды (запрещена в РФ), азиатские националисты в Японии, Китае и коммунисты Восточного блока, но также представители немецкого романтизма, нацисты и различные европейские интеллектуалы, которые выступали против Просвещения и модерна [Buruma, Margalit, 2004]. Следовательно, антизападничество не может быть сведено к исламу и религиозному фундаментализму.

Существует обширная литература, посвященная антизападничеству на Ближнем Востоке, в Африке и Азии в XIX и XX вв. [Aydın, 2007; Buruma, Margalit, 2004; Boroujerdi, 1996; Mishra, 2012; Vaillant, 1974; Göksel, 2019]. Панкадж Мишра утверждает, что многие идеологии, принятые современными азиатскими народами – светский национализм, революционный коммунизм, государственный социализм, арабский национализм, панисламизм – развились как ответ на тот же самый непреклонный вызов западного колониализма, Модерна и либерализма [Mishra, 2012, p. 319]. По словам Джемиля Айдына, сравнивавшего антизападные идеологии османского панисламизма и японского паназиатизма с 1880 по 1945 г., и в мусульманском мире, и в Азии в XIX и начале XX в. антизападничество не было политической и религиозной реакцией на либеральные, демократические ценности Запада и идею западного универсализма. Оно скорее было протестом против научного расизма Запада, рассматривающего незападные общества как изначально неполноценные, нецивилизованные и неспособные к успешной модернизации [Aydın, 2007]. Таким образом, возникает вопрос: каким западным принципам и ценностям преимущественно оппонирует современное антизападничество? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, в данной статье мы предпринимаем сравнительный анализ идей лидеров современных неоевразийства и неоосманизма – Александра Дугина и Ахмета Давутоглу.

Релевантность такого подхода опирается на следующие аргументы. Во-первых, неоевразийство и неоосманизм возникли

примерно в одно и то же время и выражали стремление России и Турции к обретению новой идентичности и своего места в мире в период после окончания холодной войны. Во-вторых, Дугин и Давутоглу сыграли заметную роль в популяризации и концептуализации неоевразийства и неоосманизма после 2000 г. И тот и другой придерживаются консервативных взглядов и критикуют западный тип модерна. Оба мыслителя предлагают собственные концепции геополитики, идентичности, внешней политики в качестве альтернативы мировому порядку, в котором доминирует Запад. Они представляли османскую и евразийскую цивилизационные и наднациональные идентичности, основанные на символической географии, охватывающей бывшие российские / советские и османские территории. По их мнению, эти территории обладают органическим, географическим, историческим, культурным и имперским единством. В-третьих, Запад как «значимый Другой» и идеи вестернизации на протяжении более двух столетий оказывают влияние на дискуссии об идентичности, идеологии и модернизации как в Турции, так и в России. В свою очередь, Турция и Россия также выступали в роли «значимых Других» для Европы / Запада. Вместе с тем конструирование Запада как Другого опирается в этих странах на разные религиозные традиции. Все это делает турецкий неоосманизм и российское неоевразийство хорошими примерами для сравнительного анализа, позволяя выделить разные стороны современного антизападничества.

Это исследование – не первая попытка сравнения неоосманизма и неоевразийства. Игорь Торбаков сравнивал их в качестве имперско-националистических идеологий, стремящихся к интеграции обломков бывших империй [Torbakov, 2017]. Турецкие ученые Түйсюзоглу и Эршен, рассуждая о турецкой внешнеполитической практике, представляли неоосманизм Давутоглу как турецкое евразийство [Tüysüzoglu, 2014; Tüfekçi, 2012; Erşen, 2013]. Задачей же настоящей статьи является сравнение неоосманизма и неоевразийства в качестве примеров современных антизападнических идеологий.

Для сравнения неоосманизма и неоевразийства как антизападнических течений была разработана аналитическая рамка, позволяющая отбирать релевантную информацию. Фокусируясь на поставленном исследовательском вопросе и опираясь на анализ литературы, мы определили темы, которые оказались значимыми

для рассматриваемых идейных течений и их лидеров, в том числе: критика европоцентризма, западного варианта модерна и секуляризма, принцип несовместимости цивилизационных парадигм, антилиберализм, антиглобализм, антиамериканизм и критика мирового порядка, основанного на доминировании Запада.

Источниками для анализа послужили работы Ахмета Давутоглу и Александра Дугина, опубликованные с 1997 по 2018 г.

Статья состоит из трех частей. После краткого обзора истории возникновения неоосманизма и неоевразийства в 1990-х годах мы перейдем к анализу ключевых концептов неоосманизма Давутоглу и неоевразийства Дугина. В заключительной части статьи, фокусируясь на основных характеристиках антизападничества, выделенных на основе литературы, мы выявим различия и сходства в антизападничестве обеих доктрин.

Становление неоосманизма и неоевразийства в турецкой и российской политике

С окончанием холодной войны и распадом СССР как в Турции, так и в России проблемы идентичности оказались в центре общественных дискуссий. В начале 1990-х годов идеологии тюркизма, исламизма и османизма – с их новыми интерпретациями – обсуждались турецкими политиками и интеллектуалами в связи с такими событиями, как появление новых независимых тюркских государств на месте СССР и мусульманских стран после распада Югославии, а также в связи с этническими конфликтами в Карабахе, Боснии и Чечне. Изменение конфигурации геополитического пространства бывших османских территорий Евразии заставило турецких интеллектуалов и политиков пересмотреть международное положение и идентичность Турции.

Идея Евразии возникла в Турции в 1990-х годах. Геополитическое понятие Евразии обсуждалось и развивалось кемалистами, социалистами, националистами (тюркистами / туранистами) и неоосманистами. Их интерпретации Евразии существенно различаются [İmanov, 2008, р. 291–293]. *Тюркисты / туранисты* определяют Евразию как часть турецкого мира. Они рассматривают Евразию как регион тюркских народов, а Турцию – как страну, занимающую центральную позицию в Евразии [İsmayilov, 2011,

р. 300–313]. Как замечает Шлыков, «правые националисты выступали с апологией пантюркистского евразийства, антироссийского по своей сути и видящего своей целью восстановление исторического влияния Турции на регион Кавказа и Центральной Азии» [Шлыков, 2017, р. 67]. Девлет Бахчели, тюркистский / туранистский политик и лидер Партии национального движения (Milliyetçi Hareket Partisi / МНП), определил евразийство Дугина как «евросийство» выступающего в качестве нового вида русского империализма [Erşen, 2013, р. 35]. В понимании же *неоосманистов* турецкое евразийство совпадает с широкими границами Османской империи [İmanov, 2008, р. 338–339]. Некоторые турецкие ученые даже интерпретировали неоосманизм Давутоглу как турецкое евразийство [Tüysüzoğlu, 2014; Tüfekçi, 2012]. Однако Евразия и тюркские страны Центральной Азии не занимали ключевой позиции в понятии «Афро-Евразии», которым оперировал Давутоглу: оно включает Ближний Восток, Северную Африку, Балканы, Кавказ, Черное море и Центральную Азию [Davutoğlu, 2009]. Турция, по мысли Давутоглу, играет в «Афро-Евразии» центральную роль [Davutoğlu, 2013].

Собственно евразийцами в Турции считаются *перинчекисты* (Perinçekçiler) – члены политического движения, тесно связанного с А. Дугиным. Они имеют свою политическую партию (партия «Ватан», лидер – Догу Перинчек) и собственные СМИ (Ulusal TV, газета «Aydınlık», журнал «Teori») [Kınıklıoğlu, 2022; Erşen, 2013]. Перинчекисты выступают против интеграции Турции в Европейский союз и ее членства в НАТО; они поддерживают альянс Турции и России и вступление Турции в Евразийский экономический союз [Perinçek, 2016]. Однако данное идеологическое течение маргинально. Кроме того, оно не так систематизировано и развито, как русское евразийство [İsmayilov, 2011, р. 361; İmanov, 2008, р. 375–378].

Таким образом неоосманизм, в силу его обстоятельности и политического влияния, представляется наиболее подходящим для сравнения с турецким антизападническим идеологическим течением.

В 1990-х годах российские элиты также были в поиске новой идентичности и нового международного статуса для постсоветской России. Шли споры между «западниками», «государственниками», «национал-коммунистами» и «евразийцами» [Tsygankov, 2010, р. 62]. Неоевразийство как новая интерпретация евразийства, возникшего в 1920-х годах, развивалось в 1990-х годах такими

мыслителями, как Александр Панарин, Борис Ерасов, Эдуард Баграмов, Михаил Титаренко, Рустем Вахитов, Александр Дугин [Laguette, 2008]. Они стремились ответить на стремление России к самобытности и обретению международного положения.

Неоосманизм и неоевразийство приобрели политическую известность не в последнюю очередь благодаря Дугину и Давутоглу. Если в 1990-х годах и российская, и турецкая политика находились под влиянием метанарративов вестернизации и европеизации, то в 2000-х годах обе страны стали больше ориентироваться на свои бывшие территории, относящиеся к османской и советской сферам. Некоторые аналитики связывали изменения во внешней политике России при Путине с евразийством, апеллируя к росту антизападного дискурса и планам реализации возглавляемых Россией интеграционных проектов в Евразии, таких как Евразийский экономический союз и СНГ [Silvius, 2015]. Некоторые эксперты всерьез обсуждали влияние Дугина на политику Кремля. Утверждалось даже, что Дугин является «мозгом Путина» и его «советником». Однако вряд ли это соответствовало действительности [Kalinin, 2019, p. 461–470]. По словам Дмитрия Шляпентоха, Кремль легко «соблазнил» Дугина и время от времени использовал его и его идеи в течение коротких периодов, как это было во время грузинского (2008 г.) и украинского (2014 г.) кризисов. Однако после 2017 г. Кремль потерял к нему интерес. Следует отметить, что и Дугин в этот период стал более критически относиться к Путину [Shlapentokh, 2021, p. 10]. Таким образом, вряд ли можно утверждать, что Дугин имеет непосредственное влияние на нынешнюю внешнюю политику России.

Дугин и Давутоглу – ведущие идеологи неоевразийства и неоосманизма. При этом Давутоглу – еще и эффективный политик, определявший внешнюю политику Турции в 2002–2016 гг., когда он последовательно занимал посты официального советника премьер-министра Турции (2002–2009), министра иностранных дел (2009–2014) и премьер-министра (2014–2016). По словам Торбакова, высшее российское руководство в меньшей степени идеологически руководствуется евразийством, чем турецкие правители – османизмом. «Кремль стремится использовать евразийские тропы и геополитическое воображение, когда считает это целесообразным, поскольку президент Путин, похоже, твердо верит, что и Российская империя, и Советский Союз были историческими во-

площениями Великой России» [Torbakov, 2017, p. 145]. С другой стороны, с приходом к власти Эрдогана, лидера с исламскими корнями, и Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г., во внешней политике Турции произошел идеологический сдвиг от кемализма к неоосманизму. Это привело к переопределению турецкой идентичности как османско-исламской, переосмыслению прошлого и славных дней Османской империи и переориентацию на османское пространство. При правлении ПСР Турция перестала ориентироваться на Запад и поддерживать кемалистскую (этнонационально-светскую) идентичность. Эрдоган, Давутоглу и элиты ПСР решительно выступили против кемалистской идеологии и рассматривали кемалистов-секуляристов как «внутреннего Другого» в установлении османско-исламской идентичности. Они обвинили кемалистов в попытке поместить Турцию в западную цивилизацию, игнорируя исламскую цивилизацию, идентичность и османское прошлое Турции, что нанесло ущерб «душе Турции» и традиционным ценностям [Kalin, 2013; Davutoğlu, 2009, p. 54–74]. Следовательно, неоосманизм стал более эффективным во внешней политике Турции после 2002 г. по сравнению с влиянием неоевразийства на российскую внешнюю политику.

Ключевые концепты неоосманизма Давутоглу и неоевразийства Дугина

Как уже отмечалось, профессор Ахмет Давутоглу был одним из главных архитекторов неоосманской внешней политики Турции с 2002 по 2016 г. Согласно сформулированному им принципу «стратегической глубины», Турция обладает географической и исторической глубиной, а также ответственностью и лидерством в османском пространстве [Davutoğlu, 2009, p. 45–93]. Давутоглу стремился использовать культурно-религиозные связи и общую историю Османской империи с Балканами, Кавказом и Ближним Востоком, чтобы усилить влияние Турции [Yavuz, 2016]. Принципами внешней политики Давутоглу были «активная политика», «ноль проблем с соседями», «многомерная внешняя политика», «ритмичная дипломатия» и «мягкая сила» [Davutoğlu, 2013, p. 134–137, p. 205–207]. Этот подход предполагал построение наднациональной (османской) и цивилизационной (исламской) идентично-

сти, основанной на геополитическом воображении. Обвиняя проект светского национального государства и реалистскую внешнюю политику кемализма в проведении одномерной и пассивной политики на Ближнем Востоке, Давутоглу утверждал, что географическое положение и историческая ответственность заставляют Турцию проводить «активную политику» в отношении «Афро-Евразии» и внутренних районов Турции [Davutoğlu, 2009, p. 247–250].

Давутоглу рассматривал Турцию в качестве лидера отдельной (исламской) цивилизации и мусульманского мира [Davutoğlu, 2013]. Он рассматривал ислам и османское прошлое как основные элементы идентичности Турции и важные источники мотивации ее внешней политики. По его словам, между исламизацией и османизацией существует определяющая связь [Yavuz, 2020, p. 181]. Кроме того, он настойчиво изображал Турцию как «глобального актора» и «центральную страну» в Афро-Евразии, основываясь на геополитическом положении Турции и исторических связях [Davutoğlu, 2013, p. 82]. Многие турецкие ученые критиковали взгляды Давутоглу за их идеалистичность и оторванность от реальности [Oran, 2013].

Подобно Давутоглу, Дугин также конструировал цивилизационную и наднациональную идентичность, основанную на евразийской геополитической сущности. И Давутоглу, и Дугин считали Турцию и Россию естественными лидерами своих самобытных цивилизаций. Согласно геополитическому воображению Дугина, понятие Евразии, включающее бывшие территории Российской империи и Советского Союза, указывает на органическое географическое, культурное и цивилизационное единство. Дугин считал, что Россия как имперское государство должна быть пионером в создании евразийской империи и цивилизации [Дугин, 2014 p. 31–49]. Он также поддержал возглавляемые Россией интеграционные проекты на евразийском пространстве, такие как Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности. Согласно его геополитической доктрине, Россия должна установить три основополагающие оси в Евразии, основанные на принципе «общего врага», под которым он подразумевал США: ось «Москва – Берлин» на Западе, ось «Москва – Токио» на Дальнем Востоке и ось «Москва – Тегеран» на Юге [Дугин, 2014 p. 51–83].

И Давутоглу, и Дугин в определении своих цивилизационных географий обращались к истории. По словам Давутоглу, люди, жи-

вающие на бывших османских и исламских территориях, являются «тарихдашами» (людьми, разделяющими одну и ту же историю) из-за общей культуры, цивилизации и истории. Аналогичным образом Дугин связывал органическое единство евразийских земель с исторической Россией, простиравшейся от Киевской Руси до Российской империи и Советского Союза. Кроме того, он указывал на историческую преемственность России.

Российская Федерация является геополитической наследницей предшествующих исторических, политических и социальных форм, сформировавшихся на территории Русской равнины: Киевской Руси, Золотой Орды, Московского царства, Российской империи и Советского Союза. Эта преемственность носит не только территориальный, но и исторический, социальный, духовный, политический и этнический характер [Dugin, 2015, p. 7].

Кроме того, Дугин подчеркивал вклад татаро-монгольского периода и туранского влияния в историю и культуру России. По его словам, татаро-монгольское правление и опыт туранской государственности позволили России обрести видение Евразийской империи [Dugin, 2015, p. 138–146; Dugin, 2014 b]. Дугин утверждал, что «после окончания татаро-монгольского правления Московская Русь начала медленный путь к интеграции всего Турана, который был воплощен в новой и русской версии интегрированной Евразии, вокруг ее ядра и континентального центра. С этого момента российская геополитическая история изменила евразийский вектор, теллуократию и направилась к созданию цивилизации суши мирового масштаба» [Dugin, 2015, p. 138–146].

И неосманизм Давутоглу, и неоевразийство Дугина опирались на консервативное мировоззрение. Они рассматривали религию – ислам и православие – как важный элемент османской и евразийской идентичностей. Дугин заявлял: «Традиционные религии являются не только нашим союзом, но и нашим центром и ядром. Евразийцы в любом регионе и в любом месте должны поощрять религиозные объединения и [религиозное] возрождение. Православие очень ценно для России» [Dugin, 2017, p. 84–85]. Кроме того, и у Давутоглу, и у Дугина было экспансионистское и имперское видение. Они предположили, что система национальных государств ограничивает исторические и геополитические притязания Турции и России и их влияние на османское и евразийское пространства [Davutoğlu, 2009; Дугин, 1997].

Все это свидетельствует, что ключевые концепции Давутоглу и Дугина имеют сходство. И неоосманизм, и неоевразийство – идеологии, опирающиеся на имперское прошлое Турции и России, разделяющие представление об имперской природе этих государств и предлагающие наступательные, экспансионистские концепции внешней политики. Они конструировали турецкую и российскую идентичности как наднациональные и цивилизационные, основанные на особой и символической географии. По их словам, люди, живущие в этой специфической географии, разделяют схожую культуру и цивилизацию. Они считали свои страны естественными лидерами таких «географий» и цивилизаций. Кроме того, оба они подчеркнули важность религии и привлекательности отсылок к турецкой и российской истории (см. табл. 1).

Таблица 1

Ключевые концепции неоосманизма Давутоглу и неоевразийства Дугина

Концепция	Неоосманизм	Неоевразийство
Идентичность	– Османская наднациональная и исламская идентичность – «Другой» Запада	– Евразийская наднациональная и цивилизационная идентичность – «Другой» Запада
Идеология	– Консервативная – Антизападная – Неоимперская	– Консервативная – Антизападная – Неоимперская
Геополитика	– Османская сфера – Афро-Евразия	– Евразийская / советская сфера – Империя / цивилизация суши
Внешняя политика	– Стратегическая глубина – Проактивная политика	– Евразийский союз – Ось «Берлин – Москва – Токио»

Антизападничество в неоевразийстве Дугина и неоосманизме Давутоглу

Давутоглу и Дугин развивали неоевразийство и неоосманизм как критику Запада. Обе идеологии основаны на дихотомиях – соответственно, Запад / Ислам и Запад / Евразия. Дугин, основываясь на теории хартленда, предложенной Маккиндером, разработал концепцию дуализма сухопутной и морской цивилизаций. По его мысли, в то время, как морские империи и цивилизации представляют Запад и олицетворяют атлантизм, либерализм, капитализм, децентрализованную власть, плутократию, талассократию, сухо-

путные империи представляют Восток а значит – Евразию, идеократию, центральную власть, консерватизм, теллуократию. Он утверждал, что конфликты между морскими и сухопутными державами имели место на протяжении всей истории, в том числе и в период холодной войны. По его словам, США были пионером западной и морской цивилизации с конца Второй мировой войны. России же он приписывал миссию великого представителя цивилизации суши и «Хартленда». Дугин считал «США непримиримым врагом России», а Атлантику – противоположным полюсом Евразии [Дугин, 1997; Dugin, 2015; 2017]. Его антизападничество основывалось на дихотомиях Суша / Море, Евразия / Атлантика и Россия / США.

С XV по XXI век Россия является планетарным полюсом «цивилизации Суши», континентальным Римом. [...] Россия обречена на конфликт с цивилизацией Моря, с талассократией, воплощенной сегодня в США, и однополярным американо-ориентированным мировым порядком [Dugin, 2015, p. 25–29].

Кроме того, Дугин призвал все страны противостоять атлантическим державам и гегемонии США [Дугин, 1997; Dugin, 2017]. В отличие от Дугина, Давутоглу не выступал с антиамериканскими, антиатлантическими и антинатовскими лозунгами. Это одно из самых больших различий между антизападничеством Давутоглу и Дугина. Давутоглу поддержал идею о том, что Турция должна оставаться в рамках НАТО, извлекая наибольшую выгоду для своих интересов [Davutoğlu, 2009, p. 221–240]. Необходимо также подчеркнуть разницу между Турцией и Россией: пока Турция является членом НАТО с 1952 г., НАТО в основном враждебно относилось к России со времен холодной войны.

И Давутоглу, и Дугин критиковали мировой порядок, в котором доминирует Запад. Дугин резко выступал против доминирующего западного мирового порядка и американской однополярности. Он поддерживал многополярную международную систему. По его словам, в международной системе должно быть не менее четырех полюсов [Dugin, 2017, p. 48–55]. С другой стороны, в идеологии Дугина антиевропеизм не играл центральной роли. По его словам, Запад состоит из двух частей – американского Запада и европейского Запада. Европа в настоящее время находится под влиянием США. Миссия Москвы состоит в том, чтобы освободить Европу от влияния США и установить ось «Париж – Берлин –

Москва» [Dugin, 2010, p. 56–64]. Давутоглу также заявил, что международный порядок сейчас находится в кризисе. Он связывал этот кризис с цивилизацией. Кризис международного порядка он рассматривал как кризис западной цивилизации и парадигмы. По его словам, этот кризис вызван подходом *homo occidentalis oeconomicus axiomaticus* (западный экономический и аксиоматический человек) к природе, культуре, человечеству, политике и глобальной системе. «Кризис международного порядка может быть разрешен при активном участии незападных стран и цивилизаций в глобальном порядке» [Davutoğlu, 2018 с, p. 115–122]. Кроме того, он утверждал, что ислам может предложить альтернативный подход к Модерну и кризису глобального порядка [Davutoğlu, 2018 с]. Согласно утверждению Давутоглу, существует четыре этапа формирования нового мирового порядка в период после холодной войны: 1. Период односторонней гегемонии США. 2. Возникновение сильных государств в международных отношениях. 3. Переход баланса сил в мировой системе. 4. Цивилизационная трансформация [Davutoğlu, 2018 с, p. 19]. В этом отношении, похоже, идеи Давутоглу и Дугина прокладывают путь новому миропорядку, который не подчиняется гегемонии Запада.

Дугин резко критиковал глобализацию. По его словам, глобализация свойственна американской и англосаксонской цивилизации, которая стремится навязать атлантистскую парадигму и либеральный порядок всему миру. Глобализация, в которой доминируют Атлантика и Запад, должна быть заменена многополярной глобализацией [Dugin, 2017, p. 48–52]. Понимание глобализации Давутоглу отличается от понимания Дугина. Вместо этого Давутоглу поддержал многомерную и плюралистическую глобализацию, включая вовлечение незападных цивилизаций и стран в глобальную систему [Davutoğlu, 2018 b, p. 159–191]. Вряд ли правильно будет определить Давутоглу как антиглобалиста.

Критика либерализма является одной из центральных идей антизападничества Дугина. Он рассматривал либерализм как доминирующую идеологию Запада и главного врага всего человечества [Дугин, 1997; Dugin, 2015; 2017]. По его словам, либерализм еще хуже коммунизма и фашизма, которые являются химерами, остатками и пережитками политической истории. Либерализм же еще актуален и очень опасен. Он считал, что все человечество должно бороться с такими чертами либерализма, как индивидуа-

лизм и капитализм, ибо они являются «фундаментальным выражением глобальной лжи о человеке, реальности, интеллекте, обществе» [Dugin, 2012, p. 171]. Давутоглу подобный антилиберальный пафос не свойственен.

Наиболее существенной характеристикой антизападничества Давутоглу является резкая критика западной парадигмы. Этой теме посвящена его книга «Альтернативные парадигмы: влияние исламских и западных мировоззрений на политическую теорию», в которой он утверждал, что фундаментальные противоречия между исламской и западной цивилизациями вызваны различиями в их парадигмах и эпистемологии [Davutoğlu, 2018 a]. Он исходил из дихотомии Запад / Ислам и считал это различие парадигм главной причиной конфликта между западным и исламским миром [Davutoğlu, 2018 a].

Конфликты и контрасты между исламской и западной политической мыслью проистекают главным образом из их философских, методологических и теоретических предпосылок, а не только из институциональных и исторических различий. На самом деле исторические и институциональные различия являются аналогами этих философско-политических основ и образов [Davutoğlu, 2018 a, p. 44].

Еще одной важной характеристикой антизападничества Давутоглу является критика западного Модерна. В основном он обвинял его за то, что тот материалистичен, нетолерантен и разделяет ум, тело и душу [Davutoğlu, 2018 a, p. 80–83]. Согласно автору, многие проблемы современного человечества связаны с ним.

Подобно Давутоглу, Дугин также бросал вызов западной парадигме модернизма. Дугин разработал «четвертую политическую теорию». По его словам, тремя основными идеологиями XX в. были либерализм, коммунизм и фашизм. Четвертая политическая теория находится за пределами этих идеологий. Он придумал Четвертую политическую теорию как противостоящую западному Модерну, западной парадигме и западному политическому модерну. Четвертая политическая теория указывает на отказ от универсализации западного политического Модерна и поддерживает повторное открытие незападных политических философий и идей, таких как китайская, исламская, христианская православная политическая мысль. Он призвал все человечество «покончить с капитализмом, западным Модерном, материализмом, современной

наукой – всеми видами политических, культурных, философских плодов современности» [Dugin, 2012]. Подобно Давутоглу, Дугин критиковал западную цивилизационную парадигму, возражая против ее претензий на универсальность. Он полагал, что все цивилизации должны формировать собственные системы политической мысли, отличные от западной парадигмы¹. Этот вывод Дугина совпадал с центральной идеей доктрины Давутоглу.

При этом и Давутоглу, и Дугин позитивно относились к постмодернизму. Не рассматривая его в качестве фундаментальной альтернативы модерну, оба идеолога поддерживали постмодернистскую критику Модерна. По мысли Давутоглу, постмодернистский подход демонстрирует монизм и абсолютизм Модерна, а также свойственные ему дилеммы, ускоряя тем самым распад модернистской парадигмы [Davutoğlu, 2018 c, p. 130; Davutoğlu, 2018 b, p. 58, 171]. Аналогичные идеи высказывал и Дугин².

И Давутоглу, и Дугин критиковали европоцентризм. Давутоглу оспаривал представление о западной цивилизации как единственной и обвинял Запад в том, что он ставит себя в центр истории [Davutoğlu, 2018 b, p. 55–56]. По мнению Дугина, европоцентризм является одним из принципов критикуемого им либерализма, который рассматривает евроамериканские общества как эталон для остального человечества. Его «четвертая политическая теория» направлена «против всех видов универсализма и отвергает европоцентризм, а также любые виды либерализма, национализма, шовинизма, расизма и ксенофобии» [Dugin, 2012; Dugin, 2014 b].

Важным элементом неоосманизма Давутоглу была критика секуляризма. Он выступал против секуляризации как жизни, так и знаний [Davutoğlu, 2018 a, p. 92–111]. В идеологии же Дугина этот аспект особой роли не играет.

Подводя итоги, можно выделить как общее, так и особенное в концепциях Давутоглу и Дугина (см. табл. 2).

¹Dugin A. Theoretical Principles of Great Awakening (Based on Fourth Political Theory) // Katehon. – Mood of access: <https://katehon.com/en/article/theoretical-principles-great-awakening-based-fourth-political-theory> (accessed: 12.12.2021).

²Ibid.

Таблица 2

Черты антизападничества в неоосманизме и неоевразийстве

Черты	Неоосманизм	Неоевразийство
Критика мирового порядка, основанного на доминировании Запада	++	++
Антиамериканизм		++
Антиглобализация		++
Антилиберализм		++
Несовместимость цивилизационных парадигм	++	+
Критика западного модерна	++	+
Критика европоцентризма	++	+
Критика секуляризма	++	
	Антизападничество	Антизападничество

Хотя и Давутоглу, и Дугин воспроизводят антизападнический дискурс, их оценки антилиберализма, антиглобализма и антиамериканизма различаются. В критике Запада Давутоглу центральную роль играют идеи несовместимости цивилизационных парадигм Запада и незападных стран, антизападного модернизма, он критикует секуляризм, европоцентризм и мировой порядок, в котором доминирует Запад. Антизападничество же Дугина акцентирует внимание на антилиберализме, антиамериканизме, антиглобализме и критике мирового порядка, в котором доминирует Запад. Однако в некоторых положениях их критика Запада совпадает. Оба автора критикуют доминирование Запада в мировом порядке, европоцентризм, западный модернизм и обращают внимание на несовместимость цивилизационных парадигм.

Заключение

После 1990 г. в мировой политике произошли коренные изменения, которые отразились в победе Запада, либерализма и становлении однополярной американской гегемонии. Неоосманизм и неоевразийство возникли и развивались в качестве ответа на вызовы вестернизации и попыток найти новые идентичности Турции и России после окончания холодной войны. Эти две антизападные идеологии обрели известность и распространение после 2000 г., когда более широко стал обсуждаться кризис западного либераль-

ного порядка и глобализации, которые одновременно сопровождались ростом незападных сил и вызовов для США.

Сравнительный анализ показывает, что критика доминирования Запада в мировом порядке является важной чертой современного антизападничества: и Давутоглу, и Дугин настаивают на кризисе западоцентричного мирового порядка и поддерживают идею многополярного мира. Оба автора утверждают, что кризис миропорядка спровоцирован недостаточным представительством незападных стран и цивилизаций на международной арене, а также несовместимостью цивилизационных парадигм. Что касается геополитических рекомендаций, антизападничество может быть довольно избирательным: в то время как Дугин выступает против НАТО, США, Атлантизма, Давутоглу не выражает антиамериканских идей и не поддерживает выход Турции из НАТО.

Следующий важный результат сравнительного анализа состоит в том, что современные антизападные идеологии не только противостоят доминированию Запада в современном миропорядке, но также выступают против ценностей, принципов и самой парадигмы Запада. В то время, как Дугин скорее выступает против ценностей либерализма и глобализации, таких, как индивидуализм и космополитизм, Давутоглу противостоит европейским ценностям, таким как Модерн, секуляризм и Просвещение. Кроме того, Давутоглу резко критикует западную парадигму, эпистемологию, философию и европоцентризм.

Следовательно, на сегодняшний день Запад не только столкнулся с геополитическими вызовами, идущими от восходящих незападных держав; он также должен противостоять интеллектуальным вызовам антизападных идеологий. Современные антизападные идеологии бросают вызов ценностям, принципам, эпистемологии Запада и выражают мнение, что кризис мирового порядка, в котором доминирует Запад, является кризисом западной цивилизации и ее парадигмы. Таким образом, для того чтобы уловить идеи современного антизападничества и кризис мирового порядка, в котором лидирует Запад, следует обратить внимание на подходы, которые исследуют идеи антизападничества.

Ü.N. Hazır*

Contemporary anti-westernism in Russia and Turkey: the comparative analysis of Dugin's neo-urasianism and Davutoğlu's Neo-Ottomanism

Abstract. The article is devoted to the study of features of anti-Western ideologies in the context of the crisis of the liberal order. It provides a comparative analysis of the ideas of the leading ideologists of Neo-Eurasianism and Neo-Ottomanism – Alexander Dugin and Ahmet Davutoğlu. As a response to the quest for new identities and status of Russia and Turkey in the new world order, Neo-Eurasianism and Neo-Ottomanism appeared after the collapse of the USSR and the end of the Cold War. Both Dugin and Davutoğlu developed their own concepts of geopolitics, identity and foreign policy as an alternative to the Western ones. Using the method of discourse analysis and examining the works of Dugin and Davutoğlu, the author sets to reveal the patterns of contemporary Anti-Westernism. As demonstrated in the article, Davutoğlu and Dugin strongly oppose Western hegemony and support a multipolar world order in which non-Western states and civilizations will be represented. The Anti-Western ideologies developed by them not only oppose the hegemony of the West, but also reject the values, principles and paradigm of the West. At the same time, while Dugin criticizes the values of liberalism and globalization and considers the US the antithesis of Eurasia, Davutoğlu, in contrast, opposes such European values as modernity, secularism, the Enlightenment, and also criticizes Western epistemology and philosophy.

Keywords: anti-westernism; neo-urasianism; neo-ottomanism; Aleksandr Dugin; Ahmet Davutoğlu; Turkey; Russia.

For citation: Hazır Ü.N. Contemporary anti-westernism in Russia and Turkey: the comparative analysis of Dugin's Neo-Eurasianism and Davutoğlu's Neo-Ottomanism. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 295–314. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.13>

References

- Aydın C. *The politics of anti-Westernism in Asia: visions of world order in pan-Islamic and pan-Asian thought*. New York: Columbia university press, 2017, 315 p.
- Boroujerdi M. *Iranian intellectuals and the West: The tormented triumph of nativism*. New York: Syracuse university press, 1996, 292 p.
- Buruma I., Margalit A. *Occidentalism: the West in the Eyes of its enemies*. New York: The Penguin press, 2004, 165 p.
- Davutoğlu A. *Strategic Depth: Turkey's international position*. İstanbul: Küre Yayınları, 2009, 584 p. (In Turkish)
- Davutoğlu A. *Talks on Turkish foreign policy from theory to practice*. İstanbul: Küre Yayınları, 2013, 440 p. (In Turkish)

* Hazır Ümit Nazmi, HSE (Moscow, Russia), e-mail: umitnh@gmail.com

- Davutoğlu A. *Alternative paradigms: the impact of Western and Islamic Weltanschauung on political theories*. İstanbul: Küre Yayınları, 2018 a, 376 p. (In Turkish)
- Davutoğlu A. *Self-perceptions of civilizations: introduction to civilization theories*. İstanbul: Küre Yayınları, 2018 b, 219 p. (In Turkish)
- Davutoğlu A. *Civilization transformation: international order crisis and Islamic world*. İstanbul: Küre Yayınları, 2018 c, 208 p. (In Turkish)
- Dugin A. *The fourth political theory*. Moscow: Eurasian movement, 2012, 245 p.
- Dugin A. *Putin vs Putin: Vladimir Putin viewed from the right*. UK: Arktos, 2014 b, 320 p.
- Dugin A. *Noomachia: Wars of the Mind. Frontier civilizations: Russia, American civilization, the Semites and their civilization*. Moscow: Academic project, 2014 a, 694 p. (In Russ.)
- Dugin A. *Last War of the world island. The geopolitics of contemporary Russia*. London: Arktos, 2015, 168 p.
- Dugin A. *The frontage of humanity: Eurasia*. Trans. E Ergen. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2017, 237 p. (In Turkish)
- Dugin A. *Russian geopolitics: Eurasianist approach*. Trans. V. Imanov. İstanbul: Küre Yayınları, 2010, 390 p. (In Turkish)
- Dugin A. *Fundamentals of geopolitics: the geopolitical future of Russia*. Moscow: Arktogeja, 1997, 451 p. (In Russ.)
- Erşen E. The evolution of 'Eurasia' as a geopolitical concept in Post-Cold War Turkey. *Geopolitics*. 2013, Vol. 18, N 1, P. 24–44. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2012.665106>
- Göksel O. Defying the system: the origins of anti-westernism in the non-western world and the case of Iran. *Turkish journal of middle Eastern studies*. 2019, Vol. 6, N 2, P. 13–42.
- Guida M. Al-Afghānī and Namık Kemal's replies to Ernest Renan: two anti-westernist works in the formative stage of Islamist thought. *Turkish journal of politics*. 2011, N 2 (2), P. 57–70.
- İmanov V. *Eurasianism. The identity quest of Russia*. İstanbul: Küre Yayınları, 2008, 417 p. (In Turkish)
- İsmayilov M. *Eurasianism. Comparative reading: Turkey and Russia cases*. Ankara: Doğu Batı Yayınları, 2011, 405 p. (In Turkish)
- Kalın İ. *Mind and virtue: Turkey's social imagination*. İstanbul: Küre Yayınları, 2013, 416 p. (In Turkish)
- Kalinin K. Neo-Eurasianism and the Russian elite: the irrelevance of Aleksandr Dugin's geopolitics. *Post-Soviet affairs*. 2019, Vol. 35, N 5–6, P. 461–470. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1663050>
- Kınıklıoğlu S. *Eurasianism in Turkey. SWP research paper*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und – Politik German institute for international and security affairs, 2022, 32 p.
- Laruelle M. *Russian Eurasianism: an ideology of empire*. Trans. Mischa Gabowitsch. Washington D.C: The Johns Hopkins university press, 2008, 276 p.
- Lehti M., Pennanen H-R, Jauhki J. (eds). *Contestations of liberal order. the west in crisis?* Turku: Palgrave Macmillan, 2019, 384 p.

- Lewis B. *Islam and the West*. New York: Oxford university press, 1994, 217 p.
- Lewis B. *What went wrong: Western impact and Middle Eastern response*. New York: Oxford university press, 2002, 180 p.
- Mishra P. *From the ruins of Empire: The revolt against the West and the remaking of Asia*. London: Allen Lane, 2012, 405 p.
- Oran B. (ed). *Turkish foreign policy, Volume III: 2001–2012*. İstanbul: İletişim. 2013, 888 p. (In Turkish)
- Perinçek M. *Eurasianism: its theory and practice in Turkey*. İstanbul: Kaynak, 2016, 304 p. (In Turkish)
- Shlapentokh D. *Ideological seduction and intellectuals in Putin's Russia*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021, 292 p.
- Shlykov P.V. Eurasianism and eurasian integration in the political ideologies and practice of Turkey. *Comparative politics in Russia*. 2017, Vol. 8, N 1, P. 58–76. (In Russ.)
- Silvius R. Eurasianism and Putin's Embedded Civilizationalism. In: Lane D., Samokhvalov V. (eds). *The Eurasian project and europe: regional discontinuities and geopolitics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015, P. 75–89.
- Torbakov I. Neo-Ottomanism versus neo-Eurasianism? Nationalism and symbolic geography in post-imperial Turkey and Russia. *Mediterranean quarterly*. 2017, Vol. 28, N 2, P. 125–145. DOI: <https://doi.org/10.1215/10474552-4164303>
- Tsygankov A. *Russian foreign policy: change and continuity in national identity*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 2010, 265 p.
- Tüfekçi Ö. Another last Eurasianist: Davutoğlu's Eurasianist rhetoric. *Caucasus international*. 2012, Vol. 2, N 3, P. 101–109.
- Tüysüzöğlu G. Strategic Depth: A Neo-Ottomanist interpretation of Turkish Eurasianism. *Mediterranean quarterly*. 2014, Vol. 25, N 2, P. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.1215/10474552-2685776>
- Vaillant J. Dilemmas for anti-Western patriotism: Slavophilism and Negritude.
- Yavuz H. Social and intellectual origins of Neo-Ottomanism: searching for a post-national vision. *Die Welt des Islams*. 2016, N 56, P 438–465.
- Yavuz H. *Nostalgia for the empire: the politics of Neo-Ottomanism*. New York: Oxford university press, 2020, 317 p.

Литература на русском языке

- Дугин А. *Основы геополитики: геополитическое будущее России*. – М.: Arktogetja, 1997. – 451 с.
- Дугин А. *Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация*. – М.: Академический проект, 2014 а. – 694 с.
- Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика и геополитика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 58–76. – DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76>

Д.О. РАСТЕГАЕВ*

**МЕСТО АНТИПАМЯТИ:
НАРРАТИВ О СРЕБРЕНИЦЕ В СТРУКТУРЕ
ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКОЙ¹**

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка проследить «археологию» дискурса о «геноциде в Сребренице», а также дана оценка степени значимости памяти о Сребренице в «биографии» Республики Сербской (и Сербии). «Западный» вариант рассмотрения событий в Сребренице содержит определение «геноцид», окончательно оформившееся в приговорах и вердиктах Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), а также оценку количества жертв военного преступления – 8 тыс. человек. Дискурс о «геноциде в Сребренице» стал также политическим рычагом Европейского Союза на пути к принятию в свои ряды стран Западных Балкан. Несмотря на это, «западный» взгляд на трагедию в Сребренице в настоящее время активно и целенаправленно отрицается в Республике Сербской (и Сербии). Нами сделан вывод о том, что Бая-Лука (и Белград) проводят политику представления Сребреницы в качестве «места антипамяти»: контрнарратив (оспаривающий «западную» точку зрения) стал полноценным объектом секьюритизации, а идея об «отрицании геноцида» – объектом онтологической безопасности Республики Сербской и Сербии. В статье приведены причины, объясняющие переход к подобному типу «политики памяти», а также сделан вывод о масштабах конфликтности, скрывающейся в возможной «дилемме мнемонической безопасности» вокруг дискурса о Сребренице. Усилиями

* **Растегаев Даниил Олегович**, студент магистратуры факультета мировой политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; лаборант Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: rastegaev.2000@mail.ru

¹ Статья отражает результаты исследования по проекту № 22-28-00726, проводимому в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Российского научного фонда.

элит Республики Сербской (в особенности М. Додика) и Сербии события 1995 г. в Сребренице оказались вписанными в нарратив о «виктимности» сербов: память о военных преступлениях, совершенных сербами, замещается артикуляцией эпизодов, связанных с военными преступлениями, совершенными против сербов. При этом сюжет о Сребренице также выступает в качестве политического рычага Бая-Луки на пути к достижению большей степени независимости от Сараева.

Ключевые слова: онтологическая безопасность; секьюритизация; Сребреница; геноцид; Республика Сербская; Сербия; ЕС.

Для цитирования: Растегаев Д.О. Место антипамяти: нарратив о Сребренице в структуре онтологической безопасности Республики Сербской // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 315–337. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.14>

V l a d i m i r : Suppose we repented.

E s t r a g o n : Repented what?

S. Beckett. *Waiting for Godot*

Э л е к т р а : Изволь, молись. И вообще довольна

Ты будешь мной: отныне я молчу.

Софокл. *Электра*

Распад социалистической Югославии сопровождался чередой этнических конфликтов и кровавых инцидентов, в ряду которых трагедия в Сребренице – массовое убийство около 8 тыс. боснийских мусульман, преимущественно мужчин и мальчиков, – выделяется особо как событие, высветившее поистине примордиальную жестокость противоборствующих сторон. На протяжении 25 лет, прошедших с 11–13 июля 1995 г., не утихают споры о допустимой интерпретации случившегося: количестве жертв, виновности непосредственных исполнителей и молчаливых свидетелей.

На современном этапе обсуждение Сребреницы вышло за границы «территории историка» и разворачивается в политической плоскости. Главным показателем «политизации Сребреницы» можно считать артикуляцию этого эпизода боснийской войны на государственном и надгосударственном уровнях – в виде принятия (или не принятия) законодательными органами специальных резолюций (или иных документов) о признании событий 11–13 июля 1995 г. геноцидом. Республика Сербская (РС) и частично Сербия прилагают усилия, чтобы оспорить данный нарратив: начиная с отказа Скупщины Сербии признать случившееся геноцидом и за-

канчивая демаршами руководства РС после включения в уголовный кодекс Боснии и Герцеговины статьи, предусматривающей наказание за отрицание геноцида.

В рамках данной статьи мы рассчитываем проследить «археологию» дискурса о «геноциде в Сребренице», а также описать место Сребреницы в «биографии» Республики Сербской (РС) и пути артикуляции этого «места антипамяти» элитами РС и Сербии.

В своих теоретических построениях мы будем опираться на концепции онтологической безопасности, «биографии государства», «мест памяти» и секьюритизации. Эмпирическую основу исследования составляют новостные и иные материалы СМИ, документы ООН, нормативно-правовые акты республики Боснии и Герцеговины (БиГ), Республики Сербской и других государств и интеграционных объединений.

Подробнее о методологии

Концепт «онтологической безопасности» восходит к работам Р. Лэйнга [Laing, 1960], психоаналитика и психотерапевта, одного из создателей «антипсихиатрии»; он ввел этот термин в научный оборот. В дальнейшем этот концепт был адаптирован социологом Э. Гидденсом [Giddens, 1991] для социальных акторов, а Дж. Хейсманс [Huysmans, 1998] впервые применил рассматриваемый термин в плоскости международных отношений. Таким образом, если для Р. Лэйнга «онтологическая безопасность» (применительно к личности) заключалась в способности ощущать свое присутствие в (социальном) мире как «реальное, живое, цельное и темпорально непрерывное» [Laing, 1960, p. 41] (что примерно сходится с определением Э. Гидденса), то Дж. Хейсманс подразумевал под онтологической безопасностью «упорядочивание хаоса» для макросоциальных акторов или «стратегию управления пределами рефлексивности путем закрепления социальных отношений в символическом и институциональном порядке» [Huysmans, 1998, p. 242].

В современных исследованиях (преимущественно конструктивистских) термин используется достаточно активно и обладает вариативностью определений: это и «рутинизация отношений со значимым другим» во имя «снижения степени неопределенности»

[Mitzen, 2006], и «совершение государствами некоторых действий, чтобы подтвердить свои представления о том, “кто они есть”» [Zarakol, 2010], и «процесс, имеющий дело с самоидентификацией, конструированием смыслов для “биографического нарратива”, с тем, как акторы решаются на определенные действия для обеспечения здорового видения себя другими... а также с тем, как это все влияет на место национального Я в международном контексте» [Steele, 2008, p. 6]. Резюмируем: концепт «онтологической безопасности» в международных отношениях помогает расширить фокус рассмотрения безопасности *per se* с традиционного физического измерения до чего-то большего: саморепрезентации государств, их «биографий» и, собственно, ощущения ими своего места в мире.

В данном контексте для целей нашего исследования представляется необходимым раскрыть содержание концептов «биография государства» и «место памяти». По Ф. Беренскоеттеру, «биография государства» есть некий нарратив, «обозначающий переживаемое пространство (придающее смысл прошлому), переплетенное с воображаемым пространством (предающим смысл будущему) и очерченное через горизонты опыта и возможности соответственно» [Berenskoetter, 2014]. «Биография государства» позволяет сформировать «базовый дискурс» [Hansen, 2006], тем самым она «погружает» индивида в национальное самосознание [Deutsch, 1966, p. 170; Berenskoetter, 2014]. Эти положения отчасти пересекаются с идеями этносоциолога Б. Андерсона, рассматривавшего нацию как социально сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть. В стремлении «вписать» себя в некую большую (чем он сам), длительную по времени структуру, индивид с легкостью становится симпатизантом «биографии государства» [Anderson, 2006; Berenskoetter, 2014]. Таким образом, последняя оказывается одним из весьма действенных инструментов конструирования идентичности (а значит и поддержания онтологической безопасности).

Концепт «мест памяти» заимствуется нами из трудов французского историка П. Нора [Nora, 1989]. Относя к ним как материальные, так и нематериальные объекты, автор утверждал, что они позволяют сохранять память социальных групп о том или ином важном для социальной идентичности событии.

Сребреница (не только мемориал в Поточари, но и сам «эйдетический образ-локус»), несомненно, является полноценным

«местом памяти» (как минимум для боснийских мусульман). Соответственно, борьба против употребления слова «геноцид» в ассоциации со всем известным событием может быть представлена в нашем случае как «место антипамяти» – контрнарратив, важный для противостоящей социальной группы (в данном случае – для сербов). О сербском дискурсе (как в Республике Сербской, так и в Сербии) вокруг Сребреницы также написано немало работ, многие из них подтверждают наши догадки [Miller, 2006; Moll, 2013; Mujaj, 2017; Obradovic-Wochnik, 2009].

Обращение к наработкам Копенгагенской школы и концепции «секьюритизации» помогает объяснить механизм превращения того или иного нарратива в объект онтологической безопасности. Процесс секьюритизации разворачивается при наличии трех элементов: актора, референтного объекта и аудитории. Механика этого процесса выглядит так: актер пытается убедить аудиторию в том, «что угроза референтному объекту существует и заслуживает реагирования» [Buzan et al., 1998; Севастьянова, Ефременко, 2020] (в нашем кейсе референтный объект – Сребреница; точнее – «отрицание геноцида в Сребренице»). При этом секьюритизация может работать как на «принятие» новых объектов в обиход господствующего нарратива, так и на их «выбраковку» [Mäklsoo, 2015; Севастьянова, Ефременко, 2020] (что, собственно, и происходит в Республике Сербской с сюжетом про геноцид в Сребренице). Более того, доведенная до своего логического предела секьюритизация способна обернуться различными конфликтами – от «войн памяти» до реальных боевых столкновений (бесконечные кровавые конфликты на Балканах 1990-х годов можно считать яркой иллюстрацией тезиса).

Резюмируем: за счет подключения механизма секьюритизации то или иное событие (или шире – «место памяти») может оказаться объектом онтологической безопасности (т.е. стать равным по важности или даже важнее объектов безопасности физической). При этом процесс секьюритизации таит в себе (большой) конфликтный потенциал.

События в Сребренице и вокруг нее

11 июля 1995 г. Вооруженные силы Республики Сербской заняли Сребреницу – мусульманский анклав на территории Рес-

публики Сербской, объявленный за два года до этого «зоной безопасности» Советом Безопасности ООН. Это то небольшое, что представляется абсолютно бесспорным всем сторонам конфликта. В интересах же нашего исследования требуется произвести своего рода археологические изыскания в поле выстраивания нарратива о «геноциде в Сребренице».

Новость, с которой в западной прессе стала активно обсуждаться тема Сребреницы (New York Times, NYT), касалась высылки женщин, стариков и детей из анклава в сторону Тузлы¹. Одними из первых о преступлениях, совершенных сербами после взятия Сребреницы, тоже сообщили журналисты NYT: в статье от 14 июля 1995 г.² приводились интервью мусульманских беженцев, рассказывавших о трупах, лежащих на улицах, ночной стрельбе и убитых соседях. Новые свидетельства появились в NYT 17 июля³ и далее размещались там регулярно; BBC впервые сообщили о возможных преступлениях в Сребренице 15 июля⁴; Newsweek⁵ и Spiegel⁶ (как еженедельные СМИ) опубликовали свои статьи с описаниями преступлений сербов 23 июля. Даже эта небольшая выборка наглядно иллюстрирует ту высокую скорость, с которой

¹ Hedges C. Serbs Start Moving Muslims Out of Captured Territory // The New York Times. – 1995. – July 13. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1995/07/13/world/conflict-balkans-overview-serbs-start-moving-muslims-captured-territory.html> (accessed: 03.11.2022).

² Kinzer S. Muslims Tell of Atrocities in Bosnian Town // The New York Times. – 1995. – July 14. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1995/07/14/us/conflict-in-the-balkans-the-refugees-muslims-tell-of-atrocities-in-bosnian-town.html> (accessed: 03.11.2022).

³ Kinzer S. Bosnian Refugees' Accounts Appear to Verify Atrocities // The New York Times. – 1995. – July 17. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1995/07/17/world/conflict-balkans-refugees-bosnian-refugees-accounts-appear-verify-atrocities.html> (accessed: 03.11.2022).

⁴ Serbs force Muslims out of Srebrenica // BBC. – 1995. – July 15. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/july/15/newsid_3736000/3736438.stm (accessed: 03.11.2022).

⁵ So Much For The Vaunted 'Safe' Areas // Newsweek. – 1995. – July 23. – Mode of access: <https://www.newsweek.com/so-much-vaunted-safe-areas-184678> (accessed: 03.11.2022).

⁶ Flottau R. Ich küßte die Füße des Mörders // Der Spiegel. – 1995. – July 23. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/politik/ich-kuesste-die-fuesse-des-moerders-da435927-0002-0001-0000-000009204734> (accessed: 03.11.2022).

новость о преступлениях сербов в Сребренице облетела весь (западный) мир.

Словосочетание «этническая чистка» в отношении событий в Сребренице прозвучало из уст представителя Боснии и Герцеговины З. Мисича в ходе заседания Совета Безопасности (СБ) ООН 12 июля 1995 г. Впервые о вероятных беженцах из Сребреницы на этом же заседании упомянул представитель Хорватии М. Нобило¹. О «насильственных перемещениях» гражданских лиц из Сребреницы в Тузлу заявил председатель Совета Безопасности, представитель Гондураса Г. Мартинес Бланко 14 июля².

Впервые официальные заявления о многочисленных преступлениях против мирных жителей от чиновника ООН – спецпредставителя ООН по ситуации с правами человека в бывшей Югославии Т. Мазовецкого – прозвучали на пресс-конференции в третьей декаде июля, 25 июля в NYT вышла статья с этим материалом³. Мазовецкий оценивал число пропавших без вести очень приблизительно: прозвучала цифра «от 2 до 10 тыс. человек»⁴. На заседании СБ ООН по ситуации в БиГ 10 августа говорилось уже о 10 тыс. пропавших без вести человек, представительница США М. Олбрайт обвинила сербов в совершении «систематических убийств» мирных жителей⁵. 18 августа на заседании Подкомиссии по преду-

¹ 3553-е заседание СБ ООН, Ситуация в Боснии и Герцеговине // Система официальной документации ООН. – 1995. – 12 июля. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N95/856/83/pdf/N9585683.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

² Заявление Председателя Совета Безопасности // Система официальной документации ООН. – 1995. – 14 июля. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/209/98/pdf/N9520998.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

³ Bonner R.U.N. Official Accuses Serbs of 'Barbarous' Acts // The New York Times. – 1995. – July 25. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1995/07/25/world/conflict-balkans-atrocities-un-official-accuses-serbs-barbarous-acts.html?searchResultPosition=70> (accessed: 03.11.2022).

⁴ Впоследствии Т. Мазовецкий уйдет в отставку в знак протеста против недостаточно жесткой реакции мирового сообщества на преступления сербов в Сребренице.

⁵ 3564-е заседание СБ ООН, Ситуация в Республике Боснии и Герцеговине // Система официальной документации ООН. – 1995. – 12 августа. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N95/858/28/pdf/N9585828.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

преждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека ООН в Женеве уже прозвучала цифра в 7 тыс. заложников в Сребренице и Жепе, которые, как сообщалось со ссылками на свидетелей, были в большинстве своем мальчиками от 14 до 17 лет, многие из которых были казнены¹. 15 сентября на заседании СБ ООН представитель БиГ З. Мисич уточнил число пропавших без вести из Сребреницы до 8 тыс. человек². В настоящее время официальная версия о количестве погибших мирных граждан в Сребренице – именно 7–8 тыс. человек; заметим, что «каноническое» (для «западного» дискурса) число жертв установилось довольно быстро.

Впервые слово «геноцид» применительно к событиям в Сребренице прозвучало в письме на имя Генерального секретаря и Председателя СБ от представителя Марокко – в его письме было передано Сообщение для печати Совещания на уровне министров Контактной группы Организации Исламская конференция по Боснии и Герцеговине от 21 июля 1995 г. Министры иностранных дел решительно осудили «вторжение сербов в безопасный район Сребреницы, а также их нападения на другие безопасные районы и совершение актов геноцида...»³. Затем, только через месяц, 18 августа, Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств КПЧ ООН отметила в преамбуле своей резолюции, что была «потрясена актами геноцида, совершенными мятежными сербами в Боснии и Герцеговине, и свидетельствами, указывающими на массовые расправы над мусульманским насе-

¹ Summary record of the 16th meeting, Sub-commission on prevention of discrimination and protection of minorities, Commission on human rights // UN Official Document System. – 1995. – August 18. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G95/134/16/pdf/G9513416.pdf?OpenElement> (accessed: 03.11.2022). – p. 27.

² 3578-е заседание СБ ООН, Ситуация в Республике Боснии и Герцеговине // Система официальной документации ООН. – 1995. – 15 сентября. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N95/859/89/pdf/N9585989.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

³ Идентичные письма временного поверенного в делах Постоянного представительства Марокко при Организации объединенных наций от 25 июля 1995 года на имя Генерального секретаря и Председателя Совета безопасности // Система официальной документации ООН. – 1995. – 25 июля. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/221/43/pdf/N9522143.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

нием...» Жепы и Сребреницы¹. 16 ноября 1995 г. (за пять дней до парафирования Дейтонских соглашений) Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) впервые выдвинул лидерам боснийских сербов – Р. Караджичу и Р. Младичу – обвинения в геноциде «в связи с их непосредственной и личной ответственностью за жестокие преступления, совершенные против боснийского мусульманского населения Сребреницы в июле 1995 г.»². Первый приговор МТБЮ по геноциду в Сребренице был вынесен сербскому генералу Р. Крстичу (который непосредственно командовал Дринским корпусом, участвовавшим в тех преступлениях) через шесть лет – 2 августа 2001 г.³ После этого можно считать (уже даже не принимая во внимание специальный вердикт Международного суда ООН от 2007 г.), что события в Сребренице официально были признаны геноцидом.

Необходимо отметить еще одну важную деталь. Для западного дискурса характерна генерализация всех сербов [Mehler, 2012]: несмотря на то, что военные преступления июля 1995 г. совершались боснийскими сербами под управлением официальных лиц Республики Сербской и не имели практически никакого отношения к режиму С. Милошевича (по крайней мере, Белград тогда отказывался брать на себя какую-либо вину; впоследствии было установлено лишь, что Сербия оказывала РС финансовую помощь, но не управляла ими, а также установлено участие в массовом убийстве отряда «Скорпионы», подведомственного Министерству внутренних дел Сербии [Dragović-Soso, 2012]), все действия сер-

¹ Резолюция Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите населения Комиссии по правам человека ООН «Положение на территории бывшей Югославии» // Система официальной документации ООН. – 1995. – 18 августа. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G95/137/86/pdf/G9513786.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022). – с. 6–9.

² Доклад Генерального Секретаря, представленный во исполнение резолюции 1019 (1995) Совета безопасности, о нарушениях норм международного гуманитарного права в районах Сребреницы, Жепы, Баня-Луки, Сански-Моста // Система официальной документации ООН. – 1995. – 27 ноября. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/372/29/pdf/N9537229.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022). – с. 15.

³ Prosecutor v. Radislav Krstic // International tribunal for the prosecution of persons responsible for serious violations of international humanitarian law committed in the territory of Former Yugoslavia since 1991. – August 2. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf> (accessed: 03.11.2022).

бов (в силу того, что совершались «от имени сербского народа») в «западном» восприятии носят коллективный характер и относятся ко всем сербским политиям – и к РС, и к Сербии. В литературе [Mehler, 2012; Moll, 2013; Mulaj, 2017] отмечается, что носителем мифа о «виктимности» сербов, собственно, является весь сербский народ, населяющий как Сербию, так и РС и некоторые другие страны; другими словами, ни Сербия, ни РС не формируют какой-то свой отдельный нарратив, касавшийся бы сербов как единой этнической группы. Тем не менее сербские политии представляют собой сепарированные политические системы и, собственно, общества, которые в настоящее время самостоятельно (на процедурном уровне) пытаются отразить это прошлое.

Итак, «западный» дискурс по Сребренице, который включил в себя представление о событиях июля 1995 г. как о геноциде боснийских мусульман с 8 тыс. жертв, сложился в течение шести лет с момента трагедии и прошел путь от очерков в СМИ до приговоров МТБЮ. В формировании этой оценки произошедшего приняли участие как СМИ (распространявшие свидетельства очевидцев-потерпевших), так и официальные представители государств при различных организациях (в основном при ООН). Правовое закрепление этой оценки завершил приговор МТБЮ сербскому генералу Р. Крстичу. Западный дискурс характеризует генерализация сербов, перенесение вины за военные преступления отдельных военных формирований на весь сербский народ.

«Резолюционное движение»: «западная» секьюритизация нарратива о Сребренице

Выстраивание нарратива о геноциде на государственном уровне осуществлялось следующим образом. В 2005 г. Палата представителей США приняла резолюцию, признававшую события в Сребренице геноцидом¹, в 2009 г. подобную резолюцию

¹ Expressing the sense of the House of Representatives regarding the massacre at Srebrenica in July 1995 // GovTrack.us. – 2005. – June 27. – Mode of access: <https://www.govtrack.us/congress/bills/109/hres199/text> (accessed: 03.11.2022).

принял Европарламент¹. Счесть подобный шаг простым «морализаторством» было бы неуместным упрощением – это был финал большой общественной работы, включавшей в себя не только возложение вины непосредственно на сербов, но и признание отдельной ответственности «западного» и всего мирового сообщества (в том числе и ООН²), оказавшегося не способным сделать институт «зон безопасности» действенным для защиты мирных жителей. Особую роль в этом процессе сыграло гражданское общество в Нидерландах – там на официальном уровне признали (частичную) вину миротворцев, которые не смогли предотвратить трагедию июля 1995 г.³ И в этом смысле ожидания «западного сообщества» признания от сербов именно «геноцида» выглядят вполне оправданными.

Остановимся подробнее на сюжете с резолюцией Европарламента 2009 г. Новизна этой резолюции заключается в установлении 11 июля в качестве памятной даты «геноцида в Сребренице» для всего Евросоюза. При этом все «директивы» этого документа реплицируют положения резолюции 2005 г., принятой в честь десятилетней годовщины трагедии в Сребренице (несмотря на то, что в той резолюции события в Сребренице пока еще квалифицировались как «резня» (*massacre*), а определение «геноцид» давалось только в преамбуле (пункты С и G) и только со ссылками на мнение и приговоры МТБЮ).

Подобное пристальное внимание к памяти о событиях в Сребренице говорит о том, что оно превращено и в «императив памяти» [Mehler, 2017]: память о Сребренице деконтекстуализируется от конкретных интерпретаций прошлого и переконтекстуализируется в пользу универсальных рамок интерпретации. Здесь

¹ European Parliament resolution of 15 January 2009 on Srebrenica // European Parliament. – 2009. – January 15. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0028_EN.html?redirect#def_1_1 (accessed: 03.11.2022).

² Report of the Secretary-General pursuant to General Assembly resolution 53/55. The fall of Srebrenica // UN Official Document System. – 1999. – November 18. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/348/76/img/N9934876.pdf?OpenElement> (accessed: 03.11.2022). – P. 101–108.

³ Хороший обзор по теме: van de Bildt J. Srebrenica: A Dutch national trauma // Journal of Peace, Conflict & Development. – 2015. – March. – N 21. – Mode of access: <https://dayan.org/content/srebrenica-dutch-national-trauma-journal-peace-conflict-development-21> (accessed: 03.11.2022).

скрыт большой конфликтный потенциал, который в какой-то степени определяет оборонительные дискурсивные действия как РС, так и Сербии.

Рассмотрим более детально «директивы» ЕС. Увязка проблемы «правосудия» в сфере военных преступлений проистекает, как минимум, с саммита ЕС – Западные Балканы 2003 г. в Салониках. В итоговой декларации саммита отмечено, что «обеспечение правосудия по военным преступлениям является правовым, политическим и моральным императивом для всех нас», а также что «фрагментация и разломы по этническим линиям не соответствуют европейскому видению»¹. В резолюции Европарламента о состоянии региональной интеграции на Западных Балканах (2005) в отношении Боснии и Герцеговины и Республики Сербской отмечалась важность «полного сотрудничества с МТБЮ в деле преследования лиц, осужденных за военные преступления»; в отношении Сербии и Черногории (которые были единым государством до 2006 г.) Европарламент «ожидал от сербских властей ускорения сотрудничества с МТБЮ»².

В резолюции Европарламента по Сребренице 2005 г. «директивная» линия была значительно расширена. В ней говорится о том, что «Европейская интеграция должна... способствовать развитию общего понимания их [стран Западных Балкан] трагического прошлого и созданию основы для лучшего будущего». При этом в резолюции содержатся и оценочные пассажи, которые проливают свет на то, каким именно ЕС видит общее понимание прошлого у западнобалканских стран: «Европейский парламент глубоко сожалеет, что Сербский парламент не смог принять резолюцию, признававшую и формально осуждавшую резню в Сребренице» (эта мера оценивается среди прочего как шаг в сторону «примирения и мирного разрешения проблем региона»), а также: «Европейский парламент решительно призывает прави-

¹ EU-Western Balkans summit declaration (Thessaloniki, 21 June 2003) // European Council. – 2003. – June 21. – Mode of access: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/76291.pdf (accessed: 03.11.2022).

² European Parliament resolution on the state of regional integration in the western Balkans // European Parliament. – 2005. – April 14. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0131_EN.html (accessed: 03.11.2022).

тельство Сербии принять меры для того, чтобы поставить народ перед лицом своего прошлого и ограничить поклонение героям, осужденным как военные преступники». В этом свете допустимо считать, что дальнейшая интеграция в ЕС (даже с учетом того, что резолюции Европарламента не имеют обязательной юридической силы) увязывается с проблемой оценки исторического прошлого (т.е. с проблемами онтологической безопасности). Мы рассматриваем здесь довольно четкий и недвусмысленный посыл: ЕС требует принять «европейскую» точку зрения на прошлое в обмен на возможность дальнейшей интеграции стран Западных Балкан.

В резолюции Европарламента по Сребренице 2009 г. этот месседж звучал отчетливее: «полное и неограниченное сотрудничество с МТБЮ остается основным требованием для дальнейшего продолжения процесса интеграции в ЕС для стран Западных Балкан». Также было отмечено, что «институционализация дня памяти является лучшим способом отдать дань памяти жертвам массовых убийств и послать четкий сигнал будущим поколениям». Многие страны Западных Балкан последовали примеру Европарламента и приняли свои специальные парламентские резолюции по коммеморации «геноцида в Сребренице»: Хорватия и Черногория – в 2009 г., Македония – в 2010 г., Косово – в 2021 г., Албания – в 2022 г. Тем не менее, в ЕС из этих стран приняли пока только Хорватию.

Официальные извинения, которые принесли Республика Сербская в 2004 г.¹ и Сербия в 2010 г.², определения событий в Сребренице как «геноцида» не содержали. Для Сербии в этом плане характерен некий компромисс между стремлением Белграда к евроинтеграции и разделяемым частью общества мифом о сербской виктимности [Dragović-Soso, 2012; Mehler, 2012]. И несмотря на то что основное бремя вины за Сребреницу легло на РС, и Сербия, неся частичную ответственность за эти преступления (необходимо принимать во внимание хотя бы эпизод с участием сербского отряда

¹ Bosnian Serbs issue apology for massacre // Bosnia Report. – 2004. – November 11. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20110607144917/http://www.bosnia.org.uk/bosrep/report_format.cfm?articleid=1147&reportid=166 (accessed: 03.11.2022).

² Deklaracija Narodne skupštine Republike Srbije o osudi zločina u Srebrenici // Radio Slobodna Evropa. – 2010. – March 31. – Mode of access: https://www.slobodnaevropa.org/a/Skupstina_Srbije_Deklaracij_Srebrenica/1998622.html (accessed: 03.11.2022).

«Скорпионы»), тоже считает превращение Сребреницы в «императив памяти» угрозой своей онтологической безопасности.

В рамках ООН распространение западной точки зрения на события в Сребренице также остановилось. Так, резолюция СБ ООН от 2015 г., содержащая тезисы об осуждении «геноцида в Сребренице», была ветоирована представителем России (в том числе, как передают СМИ, и по просьбе сербской стороны¹).

Итак, принятие западными странами резолюций по Сребренице означает закрепление этих событий в качестве «императива памяти». ЕС увязал этот императив с вопросом дальнейшей интеграции стран Западных Балкан. Резолюция сербского парламента 2010 г. стала вынужденным компромиссом между стремлением в ЕС и сохранением нарратива о виктимности сербов.

«Дело» Республики Сербской против геноцида

Республика Сербская приняла курс «против геноцида» не сразу. В 2003 г. в память жертв «резни» был открыт мемориал в Поточари (недалеко от Сребреницы – правда, при деятельном участии бывшего президента США Б. Клинтона) – его можно признать «местом памяти». В 2004 г., как уже отмечалось ранее, власти Республики Сербской принесли официальные извинения.

В 2010 г. тогдашний премьер-министр РС М. Додик официально заявил, что события в Сребренице не были геноцидом². По его словам, «если и был геноцид, то против живущих здесь сербов» (и в этой цитате заложен тот же посыл, что и сегодня актуализирован в «биографическом нарративе» Республики Сербской). Последним заметным событием, связанным с коммеморацией трагедии в Сребренице, стал демарш руководства Республики Сербской после вступления в силу поправок в Уголовный кодекс Боснии и Герцеговины, предусматривавших наказание за отрицание геноцида. Автор поправки – Высокий представитель ООН по Бос-

¹ Россия наложила вето в Совбезе ООН на резолюцию о геноциде в Сребренице // РБК. – 2015. – 8 июля. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2015/559d42039a7947eb38823e2c> (дата посещения: 03.11.2022).

² Srebrenica massacre 'not genocide' // The Sydney morning herald. – 2010. – July 13. – Mode of access: <https://www.smh.com.au/world/srebrenica-massacre-not-genocide-20100713-1083q.html> (accessed: 03.11.2022).

нии и Герцеговине Валентин Инцко; он внес эти изменения за несколько дней до официального окончания срока своих полномочий. Власти Республики Сербской отреагировали особо остро: бывший президент РС, член Президиума БиГ от сербов Милорад Додик даже назвал это «концом Боснии и Герцеговины»¹. Солидарность с борьбой РС против новой статьи в Уголовном кодексе БиГ выразили Баня-Луке и в Белграде², и даже в Москве³.

Сребреница постепенно начала превращаться в место «анти-памяти» для сербов – пространство, которое напоминает о вине сербского народа перед боснийскими мусульманами, а потому трансформируется в дискурсе «виновной стороны» в замалчиваемое и «негативно-институционализированное» (в силу сознательной и последовательной политики Баня-Луки по «отмене» геноцида в Сребренице [Mulaj, 2017; Obradovic-Wochnik, 2009]).

С нашей точки зрения, нежелание РС признавать геноцид следует рассматривать как результат процесса секьюритизации этой темы, а представление о необходимости отрицания геноцида в Сребренице – в качестве элемента онтологической безопасности РС.

Попробуем описать место памяти о Сребренице в «биографии» Республики Сербской.

1. Представление о «геноциде», совершенном сербами, сильно контрастирует с официальным нарративом о «виктимности» сербов [Stojanović, 2011; Mehler, 2012]. В «биографию» сербского народа включен активно культивируемый миф о «жертвенности» сербов (по крайней мере, в РС – рассмотрим, например, список памятных дат, утвержденных Правительством РС⁴: большинство из них – годовщины преступлений против сербов); сле-

¹ Додик заявил, что у Боснии и Герцеговины нет шансов как у государства // ТАСС. – 2021. – 10 августа. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12097531> (дата посещения: 03.11.2022).

² Цвијановић: На састанку са Вучићем манифестовано јединство (ВИДЕО) // РТРС. – 2021. – Август 8. – Mode of access: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=440813> (accessed: 03.11.2022).

³ Милорад Додик заявил, что готов скорее сесть в тюрьму, чем признать геноцид в Сребренице // ТАСС. – 2021. – 12 августа. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12113623> (дата посещения: 03.11.2022).

⁴ Важнији датуми у РС // Борачка организација Републике Српске. – Б. г. – Режим доступа: <http://borackars.org/vazniji-datumi-u-rs/?lang=lat> (дата посещения: 03.11.2022).

довательно, любое положение о том, что сербы не являются жертвами, потенциально может быть «отбраковано» (это рифмуется с представлениями о секьюритизации исследователя М. Мальксоо [Mälksoo, 2015]). Здесь также может быть скрыт еще один аналитический пласт: секьюритизация исторических нарративов может быть одним из элементов гибридной войны [Севастьянова, Ефременко, 2020]. И страны «Запада» (США + ЕС), запустившие секьюритизацию нарратива о геноциде в Сребренице, по сути, запустили и маховик «дилеммы мнемонической безопасности», который на современном этапе раскручивают, в свою очередь, элиты в Республике Сербской.

Выделим каналы деконструкции положения о «геноциде в Сребренице»:

1) преуменьшение количества жертв (вспомним, как минимум, скандальные отчеты Республики Сербской¹ по расследованиям преступлений в Сребренице, где отмечалось, что многие из мусульман были убиты «в боях» как военнослужащие);

2) аргумент о «недостаточности фактов» для проведения расследования (этот тезис, *à propos*, полностью перекрывает предыдущий, поскольку дискредитирует всю работу Республики Сербской по расследованию этих преступлений; однако он оказался настолько универсальным, что его используют как всемирно известные эксперты – от Н. Хомского² до Е.Ю. Гуськовой³, – так и правительства: напомним, Россия ветировала резолюцию о геноциде в Сребренице именно с мотивировкой о необходимости «расследования всех преступлений»⁴); а также

¹ Вот один из них: Report about case Srebrenica (First part) // Slobodan Milosevic website. – 2002. – Mode of access: www.slobodan-milosevic.org/documents/srebrenica.pdf (accessed: 03.11.2022).

² Čomski N. U Srebrenici se nije dogodio genocid // Nova srpska politicka misao. – 2010. – February 27. – Mode of access: <http://www.nspm.rs/istina-i-pomirenje-na-ex-yu-prostorima/u-srebrenici-se-nije-dogodio-genocid.html> (accessed: 03.11.2022).

³ «Сребреница давно стала совершенно политическим понятием» // Коммерсантъ. – 2015. – 9 июля. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2764212> (дата посещения: 03.11.2022).

⁴ Россия наложила вето на резолюцию СБ ООН по Сребренице // ТАСС. – 2015. – 8 июля. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2103772> (дата посещения: 03.11.2022).

3) отрицание подлинности событий в Сребренице посредством разговоров об инсценировках и проч.¹

С точки зрения подчеркивания «виктимности» сербов показательна риторика самих сербских официальных лиц. Цитата министра внутренних дел Сербии А. Вулина: «Запад требует от Сербии признать... события в Сребренице геноцидом» в обмен на возможность «немного быстрее ползти в ЕС»² (что в целом вполне соответствует действительности в свете рассмотренных нами ранее европейских подходов к оценке исторического прошлого). Репродукция мифа о виктимности идет и другими путями: через инсинуации в СМИ, например (в качестве иллюстрации приведем новость официального государственного СМИ Республики Сербской – РТРС – о том, что якобы всех, кто посещает мемориал в Поточари, обязуют подписать петицию о согласии называть события в Сребренице «геноцидом»³). Заметим также, что сообщения о санкциях против высших официальных лиц Республики Сербской таким же образом можно интерпретировать в духе «виктимности». И заметим еще одну важную деталь: представление о Сребренице как о «месте памяти» геноцида мусульман 1995 г. стараются заместить контрнарративом, проводя панихиды по сербским жертвам усташской резни в Сребренице 1943 г.⁴, включая в памятные даты Республики Сербской годовщину «страданий сер-

¹ Самое яркое – монография о «виртуальном геноциде в Сребренице»: Сребреница: деконструкция једног виртуелног геноцида: Srebrenica: the deconstruction of a virtual genocide / Стефан Каргановић, Љубиша Симић; Фонд «Ист. пројекат Сребреница», Холандија. – Београд: Ист. пројекат Сребреница, 2011. – 272 р.

² В Сербии прокомментировали срыв визита в Белград главы МИД РФ Сергея Лаврова // ТАСС. – 2022. – 12 июня. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14891017> (дата посещения: 03.11.2022).

³ (ISPRAVKA) Posetioci Potočara ne moraju da stave potpis na “genocide” // Večernje novosti. – 2022. – June 6. – Mode of access: <https://www.novosti.rs/vesti/politika/1126119/novosti-saznaju-potpis-genocid-ulazak-potocare> (accessed: 03.11.2022).

⁴ Сребреница: Служен парастос српским жртвама усташких злочина // РСТС. – 2022. – 13 июня. – Режим доступа: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=476745> (дата посещения: 03.11.2022).

бов Подриња»¹ (12 июля) в память о 69 погибших сербах в населенных пунктах около Сребреницы и Братунаца в результате захвата Сребреницы боснийскими силами в 1992 г.

Элиты РС на законодательном уровне также пытаются добиться секьюритизации своего контрнарратива: имеем в виду законопроект о «запрещении злоупотребления термином “геноцид”»².

2. Непосредственные участники тех событий со стороны сербов, а в особенности их лидеры – Ратко Младич и Радован Караджич – остаются в дискурсе «героями сербского сопротивления», «борцами за правду». Этой точки зрения придерживаются элиты Республики Сербской – в частности, М. Додик говорил о том, что Младич «воин, а не преступник»³. При этом поддержка Младичу и Караджичу оказывается и «снизу», как в самой РС (например инициативными группами вывешиваются транспаранты с их именами и надписями «герои»⁴), и даже в России (ведется переписка инициативных групп россиян с Младичем⁵; известен эпизод, когда футбольные фанаты «Зенита» вывесили транспарант с надписью «Ратко Младич – герой Сербии!»⁶). Впрочем, нельзя оценить точно, насколько в действительности широка поддержка бывших лидеров РС среди «сербского народа» – активное тиражирование сообщений про них в местных проправительственных

¹ U Bratuncu obeležena 29. godišnjica stradanja Srba iz srednjeg Podrinja // Danas. – 2021. – July 10. – Mode of access: <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/u-bratuncu-obelezena-29-godisnjica-stradanja-srba-iz-srednjeg-podrinja/> (accessed: 03.11.2022).

² Завршена расправа о Приједлогу закона о забрани злоупотребе појма геноцид // РСТС. – 2022. – 9 марта. – Режим доступа: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=466223> (дата посещения: 03.11.2022).

³ Ratko Mladić je vojnik, a ne zločinac // Atv Televizija. – 2021. – June 6. – Mode of access: <https://www.atvbl.rs/vijesti/drustvo/ratko-mladic-je-vojniki-ne-zlocinac-6-6-2021> (accessed: 03.11.2022).

⁴ RATKO MLADIĆ JE HEROJ: Podrška za generala u Trebinju, razvijena zastava sa njegovim likom // Večernje novosti. – 2021. – June 8. – Mode of access: <https://www.novosti.rs/republika-srpska/vesti/1005061/ratko-mladic-heroj-podrska-general-a-trebinju-razvijena-zastava-njegovim-likom> (accessed: 03.11.2022).

⁵ Сазонова О. Герой и мученик: почему в России так любят генерала Ратко Младича? // Балканист. – 2019. – 9 ноября. – Режим доступа: <https://balkanist.ru/geroj-i-muchenik-pochemu-v-rossii-tak-lyubiat-general-a-ratko-mladicha/> (дата посещения: 03.11.2022).

⁶ УЕФА казнила Зенит због транспарента подршке генералу Младичу // РСТС. – 2017. – 8 декабря. – Режим доступа: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=281236> (дата посещения: 03.11.2022).

СМИ (а также опусы «разоблачения западной пропаганды»¹) могут создавать *bandwagon*-иллюзию для наблюдателей извне. При этом такую активную работу СМИ можно расценить и как индикатор принадлежности тезиса о героизации бывших лидеров РС к секьюритизируемой «биографии». Заметим: признание их «мучениками» и отрицание их преступлений лежат в единой дискурсивной плоскости «виктимности» сербов. Вышеописанные факты даже добавляют новые краски к рассматриваемой ситуации: отрицание геноцида могло быть вызвано не только экзогенными (давлением со стороны ЕС, США и проч.), но и эндогенными факторами (существованием широкой поддержки «героев войны» в обществе, которым пользуются «политические антрепренеры», такие как М. Додик). Впрочем, поддержка Младича и Караджича могла быть вызвана и другими экзогенными факторами – их арестом и процессом против них в МТБЮ.

3. Легитимность существования Республики Сербской основана на Дейтонских соглашениях 1995 г. (об этом говорит, например, и официальный статус праздника в РС у даты парафирования этих соглашений – 21 ноября²). Закрепление нарратива о «геноциде» может размыть легитимность РС: признание вины подтвердит, что сами сербы считают преступными те основания, на которых в 1995 г. закрепила свое существование автономная Республика Сербская. При этом мы можем наблюдать странный парадокс: демарши Баня-Луки, направленные на ревизию Дейтона, его же и цементируют – разница в подходах к оценке событий в Сребренице позволяет рассчитывать на долгое существование двух сепарированных друг от друга энтитетов внутри Боснии и Герцеговины.

Подобную «игру в непризнание» допустимо рассматривать как особую форму политического торга: под знаменем борьбы с «несправедливостью против сербского народа» могут «выторговываться» некоторые уступки в сторону большей автономии Баня-Луки от Сараева. Данную гипотезу подтверждают сообщения о

¹ Например, этот: AFP: Radovan Karadžić – čovjek sa hiljadu lica // RSTS. – 2019. – March 20. – Mode of access: <https://lat.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=330420> (accessed: 03.11.2022).

² Закон о празницима Републике Српске // Службени гласник Републике Српске. – 2017. – 30 мая. – Режим доступа: https://rgurs.org/uploads/laws/24_1.%20Закон%20о%20празницима%20Републике%20Српске.pdf (дата посещения: 03.11.2022).

намерении РС создать свою армию или сепаратную судебную систему, а также призывы высокопоставленных лиц к выходу РС из состава БиГ. При этом, как ни парадоксально, РС продвигает своими действиями и большую самостоятельность всей Боснии и Герцеговины. Несогласие Бая-Луки с назначением нового Высокого представителя ООН по делам БиГ К. Шмидта допустимо интерпретировать как шаг в сторону расширения суверенитета БиГ.

Таким образом, «фактор Сребреницы» все еще оказывает значительное влияние на ситуацию на Балканах, тем более с учетом неопределенности будущего единой Боснии и Герцеговины в условиях сегодняшних масштабных геополитических реконфигураций. Это может загнать РС в ловушку: обеспечение онтологической безопасности обострит проблему безопасности физической – особенно в случае превращения «войн памяти» в реальные боевые столкновения.

Выводы

Итак, проведенный краткий анализ позволяет представить следующие ответы на сформулированные во введении к статье исследовательские вопросы.

1. Нами была прослежена «археология» «геноцидального нарратива» о Сребренице в материалах СМИ, документах ООН, нормативно-правовых актах и официальных докладах различных государств. «Западный» дискурс не только подчеркивает общую вину сербов в совершении «геноцида», но и признает собственную вину за допущение этих страшных событий. При этом «западная» оценка событий в Сребренице стала политическим рычагом для ЕС, пытающегося увязать дальнейшую интеграцию стран Западных Балкан (и в частности Сербии) с их отношением к историческому прошлому.

2. Сребреница стала местом «анти-памяти» в силу последовательной и целенаправленной политики руководства РС по «отмене» геноцида. Эта борьба, впрочем, похожа на противостояние «республиканских элит» в позднем СФРЮ; «цементирование нарратива» через публичные высказывания, официальные заключения расследований, а также нормативно-правовые акты во имя обеспечения онтологической безопасности может привести как к некото-

рым тактическим победам (= «уступкам» центра), так и к крупным поражениям (= обострению конфликтности, началу реальных военных столкновений).

3. Сребреница как место «страданий сербов» занимает важное место в «биографии» Республики Сербской и сербского народа в целом; впрочем, страшные события июля 1995 г., на восприятии которых мы фокусировали свое исследование, превращены в «биографии» из эпизода «вины» в новый эпизод «виктимности». В рамках исторического нарратива РС акцентируется, что сербы тоже страдали в Сребренице: во время войны в 1990-х от рук боснийцев, во время Второй мировой войны – от рук хорватов-усташей. Признание «геноцида» и включение его в «биографию» серьезно пошатнет образ «сербов-страдальцев» (и размоет саму «биографию», сильно ударив по «онтологической безопасности» сербов), что пока совсем не отвечает интересам элит РС (и, в общем-то, элит Сербии).

D.O. Rastegaev*

**«Anti-memory space»: Srebrenica narrative
in the structure of ontological security of the Republika Srpska**

Abstract. This article attempts to trace the «archaeology» of the discourse on «genocide in Srebrenica» and to assess the significance of the memory of Srebrenica in the «biography» of Republika Srpska (and Serbia). The «Western» vision of the Srebrenica events deals with the definition of «genocide», which was finalized in the verdicts of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), as well as an estimate of the number of victims of the war crime – 8,000 people. The discourse on the «genocide in Srebrenica» also became a political lever for the European Union to embrace the countries of the Western Balkans. Despite this, the «Western» view of the Srebrenica tragedy is now actively and purposefully denied in Republika Srpska (and Serbia). We conclude that Banja Luka (and Belgrade) have pursued a policy of presenting Srebrenica as an «anti-memory space»: the counternarrative (challenging the «Western» perspective) has become a full-fledged object of securitization, and the idea of «genocide denial» has become an object of ontological security for Republika Srpska and Serbia. The article provides reasons explaining the transition to this type of «memory politics» and concludes about the scale of conflict lurking in a possible «mnemonic

* **Rastegaev Daniil**, Lomonosov Moscow State University; INION (Moscow, Russia), e-mail: rastegaev.2000@mail.ru

security dilemma» around the discourse on Srebrenica. Through the efforts of the elites of Republika Srpska and Serbia (and personally M. Dodik), the events of 1995 in Srebrenica were incorporated into the narrative of Serb «victimhood»: the memory of war crimes committed by Serbs is replaced by the articulation of episodes related to war crimes committed against Serbs. At the same time, the narrative of Srebrenica is also articulated as a political lever for Banja Luka to achieve a greater degree of independence from Sarajevo.

Keywords: ontological security; securitization; Srebrenica; genocide; Republika Srpska; Serbia; EU.

For citation: Rastegaev D.O. «Anti-memory space»: Srebrenica narrative in the structure of ontological security of the Republika Srpska. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 315–337. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.14>

References

- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 2006, 240 p.
- Berenskoetter F. Parameters of a national biography. *European journal of international relations*. 2014, Vol. 20, N 1, P. 262–288. DOI: <https://doi.org/10.1177/2F1354066112445290>
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A new framework for analysis*. London: Lynne Rienner, 1998, 239 p.
- Deutsch K.W. *Nationalism and social communication: an inquiry into the foundations of nationality*. Cambridge: MIT Press, 1966, 292 p.
- Dragović-Soso J. Apologising for Srebrenica: the declaration of the Serbian parliament, the European Union and the politics of compromise. *East European Politics*. 2012, Vol. 28, N 2, P. 163–179. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/21599165.2012.669731>
- Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford university press, 1991, 256 p.
- Hansen L. *Security as practice: discourse analysis and the Bosnian War*. London: Routledge, 2006, 288 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203236338>
- Huysmans J. Security! What do you mean? From concept to thick signifier. *European journal of international relations*. 1998, Vol. 4, N 2, P. 226–255. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066198004002004>
- Laing R.D. *The divided Self: an existential study in sanity and madness*. Harmondsworth: Penguin, 1960, 224 p.
- Mäklsoo M. «Memory must be defended»: beyond the politics of mnemonical security. *Security dialogue*. 2015, Vol. 46, N 3, P. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Mehler D. Understanding normative gaps in transitional justice: the Serbian discourse on the Srebrenica Declaration 2010. *Journal on ethnopolitics and minority issues in Europe*. 2012, Vol. 11, N 4, P. 127–156.

- Mehler D. The last 'never again'? Srebrenica and the making of a memory imperative. *European review of history: Revue européenne d'histoire*. 2017, Vol. 24, N 4, P. 606–630. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13507486.2017.1307812>
- Miller P.B. Contested memories: the Bosnian genocide in Serb and Muslim minds. *Journal of Genocide research*. 2006, Vol. 8, N 3, P. 311–324. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14623520600950054>
- Mitzen J. Ontological security in world politics: state identity and the security dilemma. *European journal of international relations*. 2006, Vol. 12, N 3, P. 341–370. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>
- Moll N. Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today's Bosnia and Herzegovina. *Nationalities Papers. The journal of nationalism and ethnicity*. 2013, Vol. 41, N 6, P. 910–935. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.768220>
- Mulaj K. Genocide and the ending of war: Meaning, remembrance and denial in Srebrenica, Bosnia. *Crime, law and social change*. 2017, Vol. 68, N 1–2, P. 123–143. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-017-9690-6>
- Nora P. Between memory and history: Les lieux de mémoire. *Representations*. 1989, N 26, P. 7–24.
- Obradovic-Wochnik J. Knowledge, acknowledgement and denial in Serbia's responses to the Srebrenica massacre. *Journal of contemporary European studies*. 2009, Vol. 17, N 1, P. 61–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14782800902844719>
- Sevastyanova Ya.V., Efremenko D.V. Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. *Political science (RU)*. 2020, N 2, P. 66–86. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03> (In Russ.)
- Steele B. *Ontological security in international relations: Self-identity and the IR state*. New York: Routledge, 2008, 244 p.
- Stojanović D. Value changes in the interpretations of history in Serbia. In: Listhaug O., Ramet S., Dulić D. (eds). *Civic and uncivic values Serbia in the post- Milošević era*. Budapest: Central European university press, 2011, P. 221–240.
- Zarakol A. Ontological (in)security and state denial of historical crimes: Turkey and Japan. *International relations*. 2010, Vol. 24, N 1, P. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117809359040>

Литература на русском языке

- Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 66–86. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Г.Ф. ГОСНЕЛЛ*

СИМВОЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Перевод статьи: Gosnell H.F. Symbols of national solidarity. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1942, Vol. 223, N 1, P. 157–161

Аннотация. Выдающийся американский политолог, один из лидеров первого поколения чикагской школы политических исследований Гарольд Ф. Госнелл (1896–1997) в своей статье рассматривает ключевые проблемы сплочения американского общества в условиях военного кризиса. Статья стала реакцией ученого на нападение Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. и вступление США во Вторую мировую войну. Принимая во внимание базовые идеи символического интеракционизма, Госнелл относит к символам национальной солидарности вербальные и невербальные репрезентации, формирующие у граждан чувство лояльности их государству. Госнелл выстраивает свой анализ вокруг провозглашенных президентом США Ф.Д. Рузвельтом «четырех свобод» – свободы выражения мнений, свободы вероисповедования, свободы от нужды и свободы от страха. Автор фокусирует внимание на «проблемных», с точки зрения национального сплочения, расовых и этнических группах – афроамериканцах, эмигрантах – выходцах из стран, с которыми США находились в состоянии войны. Госнелл показывает, что значимой составляющей военного и политического успеха является способность правительства объяснить различным группам, что будут означать для них победа или поражение в войне.

Ключевые слова: национальная солидарность; политическая лояльность; символы; США; Вторая мировая война; «четыре свободы»; межэтнические и межрасовые отношения.

* Перевод В.Г. Николаева, под ред. Д.В. Ефременко.

© Госнелл Г.Ф., 1942

DOI: 10.31249/poln/2023.02.15

Для цитирования: Госнелл Г.Ф. Символы национальной солидарности. (Перевод) // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 338–348. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.15>

Символы национальной солидарности, будь то вербальные или невербальные, – это те репрезентации, состоящие из звуков, знаков, объектов или выражений, которые создают чувства лояльности национальному государству. Во имя священных символов индивидуального гражданина могут призывать жертвовать своим временем, своими благами, своими удобствами, своей жизнью. Символы, ключевые слова, фразы, мелодии или объекты, выбираемые для того чтобы убедить людей покупать облигации военного займа, отказываться от удовольствий мирного времени, сражаться или отправлять на войну своих сыновей, должны иметь могущественную эмоциональную привлекательность, чтобы достигать поставленных целей.

Разные реакции

Урожденные американцы, которых с молодых ногтей, как только они начинали пользоваться английским языком, учили уважать национальные символы и чей опыт не побуждал к тому, чтобы ставить под сомнение или оспаривать эти ранние уроки патриотизма, с готовностью реагируют на такие призывы, когда страна в опасности.

Жители Соединенных Штатов, родившиеся не здесь, чей родной язык не английский, которых в юности учили лояльности другой стране, чей опыт жизни в Соединенных Штатах был не вполне удачным или чьи ожидания в отношении Америки оказались несбывшимися, могут не реагировать на патриотические символы так, как урожденные американцы, находившиеся в предпочтительных обстоятельствах. Опыт Первой мировой войны показал, что успешнее всего к группам иностранного происхождения можно подойти через прессу на иностранных языках, разные этнические объединения и признанных и пользующихся доверием лидеров разных этнических групп. Комитет общественной информации¹ пользовался

¹ Комитет общественной информации, или Комитет Крила, – независимое агентство, созданное администрацией президента В. Вильсона после вступления

этими средствами искуснее, чем некоторые другие органы, занимавшиеся американизацией [Mock, Larson, 1939]. Джордж Крил и его сотрудники старались показать тем или иным группам иностранного происхождения, что будут значить для них победа или поражение Союзников.

По множеству причин, отличных от тех, которые относятся к людям иностранного происхождения, реакция негров на патриотические призывы тоже отличается от реакции коренных белых. Сегрегация, дискриминация и несправедливое обращение привели к тому, что часть негров относится к белым враждебно и не идентифицирует себя с символами белого общества. К Америке как своей родной стране и к идеалу американского общества, толерантного и лишённого расовых предрассудков, негры предельно лояльны; но они без колебаний указывают, даже во время войны, на то, что многие из тех, кто у власти, недотягивают до американских идеалов. Негров заботят главным образом ведение войны, внутреннее управление военными усилиями, а не вопросы внешней политики. Чего они хотят, так это равных шансов на работу в военных отраслях и равных шансов умереть за свою страну в любом роде войск [Weaver, 1942]. Обращаясь к символу «V» как символу победы, лидеры этой расы говорят о «двойной победе» – победе за рубежом и победе у себя дома на фронте борьбы с дискриминацией, расовой ненавистью и социальными и экономическими барьерами.

Еще слишком рано в разгар войны пытаться оценить попытки создать национальную солидарность. Как и в случае других демократий, осознание Соединёнными Штатами угрозы войны происходило очень медленно. Нужно было японское нападение на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., чтобы донести до американского народа серьёзность его положения. До этой катастрофы во многих частях страны были сильны изоляционистские настроения. Изоляционисты были самые разные, от пятой колонны, которая сознательно стремилась помочь державам оси, до пораженцев, считавших сопротивление бесполезным, эскапистов, искавших иные

США в Первую мировую войну в апреле 1917 г. Основной задачей Комитета было ведение информационно-пропагандистской работы в США и в союзных странах. Руководителем Комитета был Джордж Крил (1876–1953) – известный журналист, писатель и политический деятель. Комитет Крила был упразднен в августе 1919 г. – *Прим. ред.*

выходы для своей озабоченности военной ситуацией, чем вступление в бой, и жертв самоуспокоенности. Комитет «Америка прежде всего»¹ собрал в себе большинство официально действующих фашистских организаций США. Члены Германского Бунда и других фашистских групп массово влились в это движение, ибо оно давало им респектабельность, аргументы, новообращенных и покровительство. За ширмой антикоммунизма и утопического социального идеализма отъявленные враги Соединенных Штатов пытались расколоть и запутать американский народ [Hartshorne, 1941].

Паттерн призыва

Уже задолго до нападения на Перл-Харбор президент Рузвельт и его советники хорошо понимали необходимость объединения нации перед лицом международного кризиса. Выступление президента Рузвельта перед Конгрессом 6 января 1941 г. заложило базовый паттерн американской внешней и внутренней заявки на поддержку. Поводом для этого послания послужил запрос на принятие закона, разрешающего продавать, сдавать в лизинг или в аренду военное оснащение любой стране, защиту которой президент сочтет жизненно важной для защиты Соединенных Штатов. В этой речи президент обрисовал основы сильной и здоровой демократии, а также провозгласил «четыре свободы», которые должны стать основой любого послевоенного урегулирования. Это следующие свободы: свобода слова и выражения мнений, свобода каждого человека исповедовать свою веру, свобода от нужды и свобода от страха. В Атлантической хартии, принятой президентом Рузвельтом и премьер-министром Уинстоном Черчиллем на их конференции в августе 1941 г., и в последующих речах, произносимых после объявления войны, делались отсылки к этим свободам.

¹ Комитет «Америка прежде всего» (America First Committee) – влиятельная изоляционистская группа давления, созданная в сентябре 1940 г. с целью воспрепятствовать вступлению США во Вторую мировую войну. На пике своей активности Комитет насчитывал более 800 тыс. членов; активными участниками Комитета были предприниматель Г. Форд и авиатор Ч. Линдберг. Комитет прекратил свое существование 11 декабря 1941 г., спустя четыре дня после нападения Японии на Перл-Харбор. – *Прим. ред.*

Символы, используемые президентом Рузвельтом и его сотрудниками для поднятия американского патриотизма, не обладали во всех группах одинаковой эффективностью. Слова были общими, иногда двусмысленными, и каждая группа вчитывала в призывы собственные значения. Когда слова не соответствовали фактам их опыта, члены группы могли реагировать на патриотические лозунги негативно, а не позитивно.

Равенство возможностей

В своей речи о «четырех свободах» президент Рузвельт говорил о «равенстве возможностей для молодых и всех прочих» как об одной из основополагающих вещей, ожидаемых американским народом от своей политической и экономической системы. В Соединенных Штатах есть ряд иноязычных групп, которым оказывалось трудно понять эти слова. Среди этих групп наиболее погрязшими в нищете являются, наверное, мексиканцы. Живя в культурной изоляции от своих соседей, оставаясь по большей части группой испаноязычной, мало или вообще ничего не зная об американских институтах и идеалах, страдая от серьезных ущемлений и проживая в трущобах или на землях, находящихся в плачевном состоянии, мексиканцы с трудом понимают смысл этих слов. Дискриминируемые в школах, лишённые доступа в общественные досуговые учреждения, страдающие от унижений, они имеют фаталистическое видение своей судьбы.

Еще одно непопулярное меньшинство в Соединенных Штатах, негритянская группа, тоже придавало словам о «равенстве возможностей» собственный смысл. Для него эти слова устанавливают задачу, цель, которой нужно достичь, а не сложившийся образ жизни, который нужно защищать. Члены этой группы смотрят на военные усилия как на средство преодоления некоторых накладываемых на них ограничений. Для них военные лозунги – это инструменты, используемые в их борьбе за упразднение сегрегации и дискриминации в армии, военно-морском флоте, военно-воздушных силах, учебных заведениях, библиотеках, общественных парках, государственных больницах и в других сторонах американской жизни. Как говорит Уолтер Уайт, исполнительный секретарь Американской ассоциации содействия прогрессу цветного населения:

Хотя 13 миллионам американских негров зачастую отказывали в демократии, они являются американскими гражданами и, как и во всякой войне, окажут безоговорочную поддержку защите своей страны. В то же время мы не ослабим ни на йоту нашу борьбу за полные гражданские права здесь, в Соединенных Штатах. Мы будем сражаться, но мы требуем права сражаться на равных во всех родах войск.

Негры считают себя жертвами дискриминации со стороны правительства и частной промышленности. В негритянской прессе муссируются лишения негров, недопущение негров к оборонным должностям, грубое обращение с негритянскими солдатами, ограничения, накладываемые на них на флоте и в военно-воздушных силах, а также продолжающееся наложение на них ограничений в гражданской жизни. Негритянские лидеры восприняли военную ситуацию как возможность интенсифицировать свою борьбу против дискриминации и расовых предрассудков.

Свобода выражения мнений

Первая из четырех свобод, свобода слова и выражения мнений, затрагивает самое сердце демократической системы, но прозябающему в нищете и неграмотности меньшинству трудно понять ее важность. Человек иностранного происхождения, который живет в иммигрантской колонии, отгороженной от остального сообщества языковым и культурным барьерами, будет скорее всего равнодушен к любому упоминанию свободы слова. Завися в получении новостей и в помощи в представлении своих нужд от своего локального лидера, он слабо представляет, что могло бы принести ему правильное пользование публичностью. Редактор его иноязычной газеты может скорее эксплуатировать его, чем направлять. У самых обездоленных вообще может не быть своих газет. Если взять крайний пример, неграмотный мексиканский козопас в захолустном горном сообществе вряд ли придаст свободе слова высокую ценность. Битва за свободу слова для таких жителей становится борьбой с оковами неграмотности, невежества и ограниченного опыта.

С другой стороны, более образованные и красноречивые иноязычные группы ценят важность этой свободы. Они видели, что ее отсутствие связано с тиранией и деспотизмом.

Свобода вероисповедания

Вторая свобода, свобода вероисповедания, находит сильный отклик у либерального немецко-американского меньшинства, ставшего свидетелем преследования религиозных лидеров в Германии, у католиков, понимающих, что им в Америке нужна защита от таких фанатичных движений, как Клан¹, и у евреев, встревоженных всемирным антисемитским движением, имеющим в Америке свои аналоги [Strong, 1941]. Также, возможно, в этой свободе есть некоторые антикоммунистические подтексты. Американское правительство в связи с программой ленд-лиза было очень обеспокоено обращением с религиозными меньшинствами в Советском Союзе. Для евреев эта свобода означает, что американское правительство официально противостоит антисемитизму дома и за рубежом, что правительство с симпатией относится к чаяниям евреев в Палестине и что оно будет стремиться к возмездию за то зло, которое было причинено еврейскому народу нацистами. Для некоторых она означает, что американское правительство поддержит план Еврейской армии в Палестине. Недавний рост множества антисемитских движений в Соединенных Штатах очень беспокоил евреев, и они с удовлетворением смотрят на упадок этих движений после объявления войны.

Свобода от нужды

Третья свобода, свобода от нужды, как ее истолковывал для внешнего и внутреннего применения вице-президент Уоллес², прямо взывает ко всем меньшинствам в Соединенных Штатах. Все – приезжие из Европы, негры, мексиканцы, евреи и выходцы с Востока – чувствовали дискриминацию в получении и сохранении рабочих мест. Ключевые позиции в американской экономической системе, по

¹ Речь идет о втором Ку-клукс-клане – ультраправом движении, возродившемся в 1915 г. как легальная (в отличие от первоначального Ку-клукс-клана) организация. Наряду с расизмом, ксенофобией и антикоммунизмом, представителям второго Ку-клукс-клана отличало резко негативное отношение к католикам. – *Прим. ред.*

² Генри Эгард Уоллес (1888–1965) – вице-президент США в правительстве Ф.Д. Рузвельта в 1941–1945 гг. – *Прим. ред.*

их мнению, были заняты старыми американскими семьями, окопавшимися в цитаделях капитала и большого бизнеса. Свобода от нужды, как и равенство экономических возможностей, – это скорее цель, которой нужно достичь, нежели достояние, которое нужно отстаивать.

Интересно отметить, что в сегодняшнем противостоянии надежда на лучше устроенную экономическую систему играет в американских военных целях куда более заметную роль, чем в Первой мировой войне. Президент Рузвельт издал указ, запрещающий дискриминацию при приеме на военную службу по признаку расы, вероисповедания, цвета кожи или национального происхождения. Для исполнения этого указа и осуществления этой свободы был создан Комитет по обеспечению справедливого найма. Хотя Комитет критиковался меньшинствами в связи с тем, что у него не было адекватных полномочий для осуществления своих рекомендаций, в некоторых ситуациях он был эффективен. Он фокусировал общественное внимание на проблемах дискриминации меньшинств при найме на работу [Lewis, 1942].

Свобода от страха

Последняя из «четырех свобод», свобода от страха, имеет далеко идущие следствия, как внешние, так и внутренние. В плане наших внешних сношений она означает свободу от страха перед постоянной угрозой войны. Во внутреннем плане она означает свободу от страха перед дискриминацией, социальным унижением, нетерпимостью, физическим насилием со стороны безрассудной толпы или жесткими действиями, которые могло бы совершить само правительство в отношении непопулярного меньшинства. Те, кто сталкивается с возможностью социальных ударов со стороны неожиданных кругов, линчеваний, расовых бунтов или перспективой полного искоренения самим правительством, смотрят на эту свободу как на драгоценную цель, которой необходимо достичь.

Расовый бунт по поводу жилищных условий в Детройте¹, чувства небезопасности, созданные регистрацией иностранцев, и

¹ Имеются ввиду беспорядки на расовой почве в Детройте зимой-весной 1942 г., вызванные тем, что прибывших на работу в этот город афроамериканцев в рамках федеральной программы размещали в районах, где жили преимущественно белые. – *Прим. ред.*

правительственная программа переселений означали для некоторых меньшинств, что до этой цели еще очень далеко. Обращение с японцами на тихоокеанском побережье¹ вызвало тревогу и беспокойство среди лиц иностранного происхождения. Военное управление по переселению может выполнять свои функции самым гуманным образом, но факт остается фактом: американские граждане были выселены из своих домов и помещены в места содержания заключенных. Из 120 тыс. лиц японского происхождения, которых это затронуло, две трети были рождены в Соединенных Штатах.

Лица японского происхождения – всего лишь небольшая часть тех, чьи родители родились в странах, с которыми мы теперь воюем. Будут ли лица итальянского и немецкого происхождения эвакуированы из оборонительных районов? До сих пор из миллиона вражеских иностранцев итальянского или немецкого происхождения в места содержания заключенных были помещены лишь считанные тысячи. Политика, которую проводит правительство, будет определять установку тех иностранцев вражеской национальности, которые еще остаются на свободе. Большинство из них – люди преклонного возраста, и, следовательно, маловероятно, что они будут деятельно участвовать в каком-либо движении пятой колонны. Многие из них – ярые антинацисты. Высокопоставленные должностные лица призывали к принятию либеральной политики в отношении этой группы [Lasker, 1942]².

Применение и интерпретация символов

Объединяющая сила символов, призванных создать национальную солидарность, зависит от того, какая политика будет принята в поддержку этих символов, и от понимания этой политики меньшинствами, лояльностью которых требуется заручиться. Недостаточно просто провозгласить широкие общие принципы национальной солидарности. Нужно еще, чтобы значение «четырех

¹ В соответствии с Чрезвычайным указом президента Ф.Д. Рузвельта от 19 февраля 1942 г. около 120 тыс. жителей США японского происхождения были насильственно выселены с западного побережья в концентрационные лагеря для интернированных («военные центры перемещения»). В январе 1945 г. решения о переселении японцев были отменены. – *Прим. ред.*

² Примеры сильных патриотических призывов среди итало-американцев можно найти в любом выпуске «Nazioni Unite». – *Прим. автора.*

свобод» было конкретно донесено до конкретных групп. Это могут сделать выдающиеся лидеры, чьи имена обладают большим весом для всех групп. Призыв вице-президента Уоллеса, произнесенный по-испански, был необычайно эффективен.

Работа по объединению страны требует совместных усилий со стороны правительственных служб на всех уровнях. Национальная программа гражданского образования призвана обеспечить такое сотрудничество в связи с ассимиляцией лиц иностранного происхождения. В комбинации с разными федеральными органами, органами штатов и местными службами она подчеркивает справедливое обращение с людьми, которые родились за границей, искоренение нетерпимости и предрассудков по отношению к этим людям из-за цвета кожи, расы, вероисповедания или национальности, а также использование английского языка как общего [Burdette, 1942; Defense on Main street ... , 1941]. Помощь частных ассоциаций и индивидуальных граждан также необходимы для убеждения непопулярных меньшинств в том, что «четыре свободы» относятся и к ним тоже.

H.F. Gosnell **Symbols of national solidarity***

Abstract. Harold F. Gosnell (1896–1997), a prominent American political scientist and one of the leaders of the first generation of the Chicago school of political studies, examines the key issues of American social cohesion during a wartime crisis in his article. The article was the scholar's reaction to the Japanese attack on Pearl Harbor on December 7, 1941, and the US entry into World War II. Taking into account the basic ideas of symbolic interactionism, Gosnell classifies as symbols of national solidarity the verbal and nonverbal representations that form citizens' sense of loyalty to their state. Gosnell frames his analysis around US President F.D. Roosevelt's «four freedoms» – freedom of expression, freedom of religion, freedom from want and freedom from fear. The author focuses on «problematic» from the point of view of loyalty to the nation state racial and ethnic groups – African Americans, immigrants from countries with which the United States was at war. Gosnell shows that a significant component of military and political success is the government's ability to explain to particular groups what a victory or defeat would mean to them.

* Translation of the article: Gosnell H.F. Symbols of national solidarity. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1942, Vol. 223, N 1, P. 157–161. Translated by V.G. Nikolaev (HSE).

Keywords: national solidarity; political loyalty; symbols; USA; Second World War; «four freedoms»; interethnic and interracial relations.

For citation: Gosnell H.F. Symbols of national solidarity (Translation). *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 338–348. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.15>

References

- Burdette F.L. Education for citizenship. *Public opinion quarterly*. 1942, Vol. 6, N 2, P. 268–279.
- Defense on Main Street: A guide-book for local activities for defense and democracy*. New York: Council for Democracy: National Federation of Business and Professional Women's Club, 1941, 88 p.
- Hartshorne E.Y. Reaction to the Nazi threat: A study of propaganda and culture conflict. *Public opinion quarterly*. 1941, Vol. 5, N 4, P. 625–639.
- Lasker L.D. Friends or enemies? *Survey graphic*. 1942, Vol. 31, N 6, P. 277–279.
- Lewis E.S. An evaluation of the fair employment practice committee. *Opportunity: Journal of Negro life*. 1942, Vol. 20, N 5, P. 135–147.
- Mock J.R., Larson C. *Words that won the war*. Princeton: Princeton university press, 1939, 356 p.
- Strong D.S. *Organized anti-semitism in America: The rise of group prejudice during the decade 1930–40*. Washington, D.C.: American Council on Public Affairs, 1941, 192 p.
- Weaver R.C. With the Negro's help. *Atlantic monthly*. 1942, June, P. 696–707.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.М. ПОНАМАРЕВА*

**РОБЕРТ ДЖЕРВИС. ВОСПРИЯТИЕ И НЕВЕРНОЕ
ВОСПРИЯТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ¹
(РЕЦЕНЗИЯ)**

Рецензия на книгу:

***Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие
в международной политике / пер. с англ. Т. Ованнисяна. –
М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. – 256 с.***

Для цитирования: Понамарева А.М. Роберт Джервис. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. Размышления о прочитанном (Рецензия) // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 349–357. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.XX>

Классика – то, что каждый считает нужным прочесть и никто не читает.

Марк Твен

* Понамарева Анастасия Михайловна, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: amp1982@mail.ru

¹ Материал отражает результаты исследования по проекту № 22-28-00726, проводимому в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Российского научного фонда.

DOI: 10.31249/poln/2023.02.16

По мере того как все ярче проявляются конфронтационные тенденции в мировой политике, а вокруг России, вступившей в экзистенциальное противостояние с так называемым коллективным Западом, смыкается «пояс нестабильности», становится очевидным, что некоторые академические труды стоит не только читать, но и перечитывать. В данном контексте крайне своевременным следует признать появление первого русского издания работы американского политолога Роберта Джервиса «Восприятие и неверное восприятие в международной политике», увидевшей свет в 1976 г. и вошедшей в «золотой фонд» трудов по истории и теории международных отношений. Благодаря усилиям Центра анализа стратегий и технологий (ЦАСТ)¹ эта книга, написанная в разгар «холодной войны», появилась в русском переводе в тот период, когда разговоры о «холодной войне 2.0» стали общим местом экспертных дискуссий [Джервис, 2022].

В настоящее время мы наблюдаем не просто противостояние антагонистических общественно-политических систем, разделяющих при этом некие общие правила игры, но гибридную войну за право сказать последнее слово в установлении нового мирового порядка. И на этом фоне один из ключевых выводов работы Джервиса о том, что неадекватное восприятие является правилом, а не исключением в мировой политике, приобретает особую актуальность.

Практическая значимость работы американского политолога подчеркивается в предисловии к русскому изданию, написанном заместителем министра иностранных дел РФ С.А. Рябковым, в котором отмечается, что: «созданная автором карта-схема восприятия политической реальности лицами, принимающими решения, используется как ключ к пониманию многих тенденций в развитии современного мира» (с. 14).

Следует отметить, что в книге «Восприятие и неверное восприятие в международной политике» развивались идеи, высказанные автором в более раннем произведении – «Логика образов в международных отношениях» (1970) [Jervis, 1970], которые легли

¹ Центр анализа стратегий и технологий – ведущая российская научно-исследовательская организация, занимающаяся изучением широкого спектра вопросов в сфере обороны и безопасности: структуры и состояния вооруженных сил стран мира, оборонной промышленности, военно-технического сотрудничества. Основан Русланом Пуховым и Константином Макиенко в 1997 г.

в основу следующей работы на стыке политологии и психологии – «Системные эффекты: сложные системы в политической и общественной жизни» (1997) [Jervis, 1997].

В объяснении специфики выбора государствами тех или иных инструментов отстаивания своих интересов, а также мотивов перехода к конфронтационному взаимодействию, Джервис исходил из индуктивно выведенного им предположения, что восприятие власти может быть столь же важным и, возможно, даже более важным, чем материальные факторы. Опираясь на результаты социологических изысканий Ирвинга Гоффмана, он утверждал, что механизмы оценки других акторов, самопрезентации и поддержания созданного образа представляют собой важнейший локус государственного управления, изучением которого напрасно пренебрегают международники. Например, как указывалось на первых страницах «Логике образов», резкий пересмотр советскими лидерами в октябре 1962 г. своей оценки готовности США не допустить размещения Москвой ракет класса «земля – земля» на Кубе невозможно объяснить одной лишь ссылкой на объективный военный баланс между сверхдержавами. В «Логике образов» Джервис не просто обозначил то, что большинство политиков и так с готовностью подтвердили бы: восприятие возможностей или намерений государства может создавать свои собственные реалии. Он показал, почему государства преследуют, казалось бы, эфемерные цели, такие как демонстрация доброй воли, получение престижа или сохранение лица, даже когда эти стремления могут противоречить «объективным» интересам. Обратив внимание на роль образов и представлений в международных отношениях, Джервис по мнению ряда исследователей открыл новую страницу в политической теории.

От утверждения, что восприятие имеет значение, он плавно перешел к изучению того, *что* именно восприятие является наиболее важным. Как отмечает сам автор в предисловии к новому изданию, «Хотя “Восприятие...” исходит из политической психологии и вносит в нее определенный вклад, оно не вписывается в ее мейнстрим, сосредоточенный на подходах и политическом поведении масс, и в значительной степени опирающийся на опросы общественного мнения и эксперименты» (с. 24). В фокусе внимания Джервиса оказались процессы восприятия, суждения и выбора лиц, принимающих решения – значимые в силу зависимости меж-

дународной политики от действий отдельных государств, даже результирующая этих действий не тождественна простой сумме поведения стран.

Рассуждения первой главы строятся вокруг вопроса – «являются ли основными определителями государственной политики сфера принятия решений, бюрократические процедуры, внутренняя политика, или это структура международной системы и поведение других стран в ее рамках» (с. 28). В ходе последовательного рассмотрения уровней анализа проблемы Джервис приходит к выводу, что изучение восприятия не находится целиком на уровне принятия решений, оно должно включать в себя описание национального менталитета и стратегической культуры. И более плодотворным представляется не вопрос «кто прав?», а понимание «почему люди отличались друг от друга и как они пришли к именно такому видению мира» (с. 158). Иначе говоря, выстраивая свои тезисы в логике постмодернистской школы, Джервис полагает существенным не фиксацию факта отхода от Истины (а достижима ли она, в принципе?), но понимание того, в силу каких причин и в каких именно плоскостях расходятся представления субъектов. Исследование представлений акторов предлагается осуществлять в рамках двухэтапной модели: рассмотрев восприятие актора как одну из непосредственных причин его поведения и соотнеся выявленные образы «если не с реальностью, то по крайней мере с информацией доступной актору» (с. 161).

Во второй главе рассматривается противостояние внешних и внутренних источников поведения. Отмечается, что «точное объяснение поведения другого может принести взаимную выгоду при условии ограниченной несовместимости целей обеих сторон» (с. 181). Также обозначаются факторы, обуславливающие ошибки в прогнозировании актором собственного поведения. К ним отнесены: неспособность лиц, принимающих решения, предсказать как они поведут себя в случае выхода мировой политики за рамки их воображения; пересмотр политическими лидерами своих ценностей и целей под воздействием трансформации международной среды; смена стратегии в силу несоответствия контекста предполагавшемуся; изменение внутренней конъюнктуры (с. 191–194). И «поскольку принимающие решения лица не всегда знают, как именно будут действовать, другие будут игнорировать заявления о намерениях, если посчитают, что их предсказания о возможных

действия принимающего решения лица более точны, чем его собственные» (с. 195).

В третьей главе выделяются принципиальные расхождения между сторонниками теории спирали (фактически «дилеммы безопасности») и сторонниками теории устрашения, в одинаковой степени обеспокоенными рисками когнитивных искажений и ориентированными на максимально четкое прояснение намерений своих контрагентов. «Сторонники устрашения опасаются, что агрессоры недооценивают решимость защитников, в то время как теоретики спирали полагают, что каждая сторона переоценивает враждебность другой. Производная из теории устрашения стратегия (например развитие мощных и гибких вооруженных сил; готовность бороться за вопросы низкой внутренней ценности; избегание любых проявлений слабости), согласно спиральной модели, наиболее склонна усиливать напряженность и создавать иллюзорную несовместимость. И поведение, которое пропагандируют теоретики спирали (попытки убедить другую сторону в своей неагрессивности, уклонение от провокаций, принятие односторонних инициатив), согласно теории устрашения скорее всего заставит агрессора усомниться в решимости государства оказать сопротивление» (с. 230–231). Если спиральная модель развивает аргумент Герберта Баттерфилда о «дилемме безопасности» как первопричине всех войн, то модель «сдерживания» строится на выводе Джона Герца о том, что «дилемма безопасности» не объясняет все конфликты. Приводя в пример нацистскую Германию, Герц утверждал, что амбиции, а не страх могут быть движущей силой агрессивного поведения; если это так, то сдерживание является требуемым ответом со стороны угрожаемой стороны или сторон. В то время как большую часть теории устрашения можно рассматривать в терминах «игры в цыпленка», теоретиков спирали больше вдохновляет метафора дилеммы заключенного. Таким образом, автор приходит к выводу о полном противоречии спиральной теории и теории устрашения, однако, оценивая эвристический потенциал каждой, утверждает, что ни одна из них не подтверждается постоянно, а следовательно, не может претендовать на универсальность объяснительной модели. В данном контексте основная задача для лиц, принимающих решения, – точно определить, находятся ли они в спиральной или сдерживающей ситуации с потенциальными противниками, а затем принять соответствующий ответ.

Во втором разделе исследования рассмотрены способы, которыми принимающие решения лица обрабатывают информацию и формируют, поддерживают и изменяют свои представления о других акторах.

В четвертой главе «Восприятия...» рассматривается феномен когнитивной согласованности, рациональной и иррациональной непротиворечивости. Отмечается, что «даже если определенная иррациональная непротиворечивость следует за решением, а не предшествует ему, она способствует склонности людей поддерживать стратегию, когда та больше не подходит» (с. 302). Детально разбирается процесс ассимилирования новой информации с существующими убеждениями; когнитивные искажения, когнитивные замыкания и их последствия для принятия решений.

В пятой главе обсуждается воздействие закрепившихся в сознании установок на восприятие индивида. Указано, что «сильная озабоченность проблемой может создать своего рода туннельное видение» (с. 389), а «неправильное восприятие связано со склонностью акторов видеть себя в центре поведения других» (с. 389). В выводах автор резюмирует, что «каждая переоценивает степень, в которой обе стороны разделяют общую повестку, и редко видит степень, в которой ее – и других – восприятие формируется закрепившимися в сознании установками, которые формируются конкретной комбинацией проблем и информации» (с. 394).

С учетом того, насколько трудно вытеснить из сознания единожды устоявшиеся образы других, важно понимать механику их закрепления. Нюансы этой механики Джервис раскрывает в шестой главе на примере того, как принимающие решения лица извлекают уроки из истории, или как люди используют прошлое, чтобы поддерживать собственные предрассудки.

Стремясь не допустить складывания у читателя ощущения, что убеждения и образы никогда не меняются, в седьмой главе автор анализирует механизмы сохранения и изменения отношения, показывая влияние противоречивой информации на устоявшиеся взгляды.

Третий раздел книги посвящен анализу распространенных заблуждений. В восьмой главе анализируется «представление о поведении других людей как о более централизованном, спланированном и скоординированном, чем оно есть на самом деле» (с. 520). При этом в последних абзацах главы автор выступает

своеобразным «адвокатом дьявола», отмечая положения, не позволяющие нам сделать однозначный вывод о том, что принимающим решения лицам следует избегать объяснений, основанных на образах единства и планирования. Во-первых, выстроенное на зыбкой фактической основе убеждение может стать полезным предположением и привести к построению относительно точного прогноза. Во-вторых, даже если прогнозы окажутся не столь точны, они могут быть лучшими из возможных в складывающихся обстоятельствах.

Девятая глава посвящена проблеме переоценки собственной значимости в представлении контрагента, а также рассмотрению условий, при которых актер оказывается склонен интерпретировать действия других как независимые, проистекающие из их внутренней сути, а не спровоцированные его же собственным поведением.

Влияние желаний и страхов на восприятие рассматривается в десятой главе. В одиннадцатой главе проанализированы возможности применения теории когнитивного диссонанса в плоскости международных отношений. Отмечено стремление человека сохранить согласованность между своим прошлым и будущим поведением. «По иронии судьбы, стремление видеть себя лучшим, более рациональным принимающим решения лицом снижает рациональность человека, ослабляя его способность использовать информацию и исследовать собственные ценности» (с. 626).

В то время как обыватели сравнивали мировую политику с шахматами или покером, Джервис полагал эти сравнения в корне ошибочными; поскольку обе игры имеют стандартный набор заранее установленных правил, они предполагают открытые ходы и наличие у участников общего понимания, как следует играть. В своих аналогиях Джервис опирался на фильм Акиры Куросавы «Расемон», показавший, что объективное знание – понятие отнюдь не абсолютное. В этой картине нам рассказывают четыре разных варианта одной и той же истории, каждый персонаж предлагает свою версию ситуации, но не понимает, что другие не разделяют его понимание. Для Джервиса «эффект Расемона» был не сбоем, но особенностью мировой политики, не случайным отклонением от рациональности, которое можно было объяснить, а фактором, определяющим динамику мировой политики.

Подводя итог вышесказанному, еще раз подчеркнем колоссальную информационную и теоретическую насыщенность текста «Восприятия...», изобилующего историческими примерами и реминисценциями на работы огромного числа западных исследователей, еще не переведенных на русский язык. Широта авторского кругозора поражает, и в данном случае Роберт Джервис следует «дао» лисицы из хрестоматийного и упоминавшегося в предисловии к «Восприятию...» эссе Исаяи Берлина. Последний поделил людей на «ежей» и «лис», по аналогии с известной древнегреческой притчей: лиса знает много разного, еж знает что-то одно, но очень важное. В то время как «ежи» упрощают мир, откидывая как лишнее смысла все то, что не вписывается в их собственную концепцию, лисы никогда не останавливаются в поиске, осваивают все новые и новые предметные области, будучи открыты изменениям. И представляется, что в нашей турбулентной, неоднозначной действительности именно такой способ научной экзистенции оказывается наиболее соответствующим вызовам современным вызовам трансформирующегося миропорядка.

A. Ponamareva*

**Robert Jervis. Perception and misperception
in international politics. Reading reflections¹**

For citation: Ponamareva A.M. Robert Jervis. Perception and misperception in international politics. Reading reflections (Review). *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 349–357. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.16>

Reference

Jervis R. *The logic of images in international relations*. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1970, 281 p.

* **Anastasia Ponamareva**, INION, (Moscow, Russia), e-mail: amp1982@mail.ru

¹ The article features the results of Research Project 22-28-00726 conducted at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) with financial support from the Russian Science Foundation.

Jervis R. *System effects: complexity in political and social life*. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1997, 328 p.

Jervis R. *Perception and misperception in international politics*. Moscow: Centre for analysis of strategies and technologies, 2022, 256 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике / пер. с англ. Т. Ованнисяна – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. – 256 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (от 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in.xls or.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in ppt, pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

2023 № 2

В журнале представлены результаты научных исследований, в том числе дискуссионного характера, поэтому их содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

**Адрес редколлегии:
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka1997@gmail.com**

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректоры Д.Г. Валикова, М.П. Крыжановская

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ НФС77–36084
Дата регистрации 28.04.2009**

Подписано к печати 23 / V – 2023 г.
Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,0 Уч.-изд. л. 19,8
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 147

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418**

**Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У